

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

В. И. ВЕРНАДСКИЙ
•
ПИСЬМА
Н. Е. ВЕРНАДСКОЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
АРХИВ РАН

В. И. ВЕРНАДСКИЙ
ПИСЬМА
Н. Е. ВЕРНАДСКОЙ
1909—1940

Составители:
Н.В. ФИЛИПОВА,
В.С. ЧЕСНОВ
Ответственный редактор
доктор исторических наук Б.В. ЛЕВШИН

МОСКВА
НАУКА
2007

УДК 50(093.3)
ББК 20 г.
В35

Рецензенты:

доктор философских наук *И.И. Мочалов*
кандидат исторических наук *И.Е. Розанова*

Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской / В.И. Вернадский; отв. ред. Б.В. Левшин; Архив РАН. – М.: Наука, 1988 –.

1909–1940 / сост. Н.Ф. Филиппова, В.С. Чесноков. – 2007. – 299 с. – ISBN 5-02-034255-6 (в пер.).

Пятый том писем В.И. Вернадского к жене – Н.Е. Вернадской – это часть неопубликованного эпистолярного наследия великого русского ученого. Он включает 228 писем В.И. Вернадского к близкому человеку и ближайшей соратнице по научной работе за период с 1909 по 1940 г. Тексты писем содержат сведения биографического характера, материал по истории научных идей ряда отраслей науки, о общественной и общественно-политической жизни России.

Для историков науки, науковедов, геологов, химиков.

Темплан 2006-II-114

ISBN 5-02-034255-6

© Архив РАН, 2007

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пятым томом¹ заканчивается издание писем В.И. Вернадского (1863–1945) к жене Н.Е. Вернадской (1860–1943). В последний том вошло 228 писем за период с 21 марта 1909 г. по 12 октября 1940 г. Эта книга охватывает самый большой период – 32 года, но количество писем невелико. Происшедшие за это время исторические события: две мировые войны, две революции, гражданская война, новый государственный строй нарушили устоявшийся образ жизни ученого и его семьи, что сказалось на переписке. Отсутствуют письма за 1915 г., с 1918 по 1920 г., с 1922 по 1925 г., за 1927 г., с 1929 по 1932 г., с 1936 по 1938 г., с 1941 по 1943 г. Это годы, когда супруги не разлучались. 164 письма относятся к досоветскому периоду, 65 – к советскому.

С 1909 по 1911 г. В.И. Вернадскому приходилось делить свое время между Петербургом и Москвой. В Петербурге, будучи членом Императорской академии наук, он возглавлял минералогическое отделение Геологического музея им. Петра Великого Академии наук. Кроме того, в январе 1908 г. он вторично был избран в Государственный совет, заседания которого также проходили в Петербурге.

В Москве, где он продолжал жить, значительную часть времени занимала педагогическая деятельность. Вернадский был профессором не только Московского университета, но и Московских высших женских курсов, и открывшегося, не без его участия, первого октября 1908 г. Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского.

В Московском университете помимо чтения двух курсов лекций – минералогии и кристаллографии, исследовательской работы в Минералогическом кабинете, летних минералогических

¹ *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской, 1886–1889. М.: Наука, 1988. Т. 1. 304 с.; *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской, 1889–1892. М.: Наука, 1991. Т. 2. 320 с.; *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской, 1893–1900. М.: Техносфера, 1994. Т. 3. 368 с.; *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской, 1901–1908. М.: Наука, 2003. Т. 4. 295 с.

экспедиций с учениками Вернадский много времени и сил отдавал работе в совете Московского университета. После утверждения 27 августа 1905 г. “Временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного образования”, которые вводили основы университетской автономии, между министерством и университетами шла непрерывная борьба. Министерство незаконными распоряжениями, различными разъяснениями стремилось свести на нет “Временные правила”, а университеты боролись за новый устав, который бы утвердил автономию высших учебных заведений. Противоборство продолжалось шесть лет. За этот период В.И. Вернадским было опубликовано несколько ярких публицистических статей и заметок в защиту высшей школы и ее автономии: «Университет и “правые”» “Академическая жизнь”, “Перед грозой”, “Наука и проект университетского устава А.Н. Шварца”, “Разгром”, “1911 год в истории русской умственной культуры”² и др.

Вместе с депутатом А.А. Мануйловым В.И. Вернадский отстаивал интересы высшей школы в Государственном совете³.

Выбранный в 1905 г. президиум совета Московского университета (ректор А.А. Мануйлов, помощник ректора М.А. Мензбир и проректор П.А. Минаков) вел успешно управление университетом, согласуя свои действия с Советом и Советской комиссией. Вернадский, анализируя работу университета в условиях автономии, отмечал его небывалый расцвет за последние шесть лет. Этому способствовала, как писал Вернадский, “огромная солидарность профессорской коллегии Московского университета несмотря на различие ее политических взглядов, позволила Московскому университету удержать принципы автономного управления дольше, чем многим другим университетам, фактически потерявшим автономию и перешедшим во власть попечителей и министерских канцелярий”⁴. Самый передовой и самый организованный в борьбе за автономию Московский университет понес и самые большие потери. К 1911 г., когда произошел разгром Московского университета, юридически университетская автономия уже перестала существовать. А незаконные действия министра народного просвещения Л.А. Кассо против президиума Совета привели к отставке трети, более ста человек, преподавательского состава Московского университета. В их числе был и

² Вернадский В.И. Публицистические статьи. М.: Наука, 1995. С. 151–153, 163–175, 179–181, 186–199.

³ Вернадский В.И. Новая угроза высшей школе // Вернадский В.И. Публицистические статьи. С. 149–151.

⁴ Там же. С. 193.

Вернадский. В результате борьбы за автономию по заключению Вернадского “старый Московский университет перестал существовать”.

Неожиданная отставка прервала более чем 20-летний период преподавательской деятельности ученого, остановила начатые эксперименты, поставила в затруднительное положение сотрудников Минералогического кабинета. В.И. Вернадский долго и болезненно переживал случившееся.

В Петербурге он сосредоточился на исследовательской и научно-организационной работе в Академии наук. От предложения Петербургских высших женских курсов читать минералогию вместо переехавшего в Москву С. Глинки отказался в пользу своего ученика А.Е. Ферсмана.

После отставки из Московского университета в марте 1911 г. Вернадский, приехав в Петербург, делится с Наталией Егоровной впечатлениями о приеме его академиками в свою среду: “Из разговоров Фаминцина, Карпинского и других я чувствую с их стороны очень доброжелательное отношение к предположенным мною работам, которые они считают важными и указывают, что Академия обязана во что бы то ни стало их обставить как следует. Мне даже как-то совестно, что так оценивается работа, недостатки которой я чувствую резко и сильно” (№ 824, с. 57).

Вернадский, еще оставаясь профессором Московского университета, летние экспедиции проводил по поручению Академии наук по представлению Отделения физико-математических наук. Лето 1909 г. он начал с посещения вместе со своей ученицей Е.Д. Ревуцкой Ровенского уезда Волынской губернии, где они изучали выходы породы, содержащей самородное железо. В письме к Наталии Егоровне Вернадский писал: “Видел массу и собрал огромный материал” (№ 794, с. 25). Одной из задач этой экспедиции и летних экскурсий следующих лет был сбор материала для “Опыта описательной минералогии” – впоследствии ставшей классической работой В.И. Вернадского, непревзойденной ни в нашей стране, ни за рубежом. Эта книга выходила отдельными выпусками в 1909 (2 вып.), 1910, 1912, 1914, 1918 и 1922 гг.⁵

Кроме того, в это время ученый занимался вопросами, связанными с распределением химических элементов в земной коре, в частности цезия, рубидия, таллия, индия и германия. Одновременно он подбирал материал по истории газов в земной коре. С июня по конец августа 1909 г. Вернадский совершал длительное путешествие по Западной Европе. Месяц он отдыхал с женой и дочерью в Мюнстере, затем они поехали в Гейдельберг, Беатен-

⁵ Вернадский В.И. Избр. соч.: В 5 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 3. 508 с.

берг, на Фирвальшtedское озеро, в Люцерн. Один он посетил Дрезден, Бушбад, Готтерштейн, Корбитц, Мейссен, Урах, горную гряду на юге Германии – швабский Альб, Штутгарт, Кирхгейм, Гешенен, Рим, Неаполь, Поццуоли, М. Нуово, Камальдоли, вулканы Кампании близ Ночеры, Сорренто, Афины, Патры, Олимпию, Константинополь, Софию, Яссы.

В таких длительных путешествиях, заполненных минералогическими экспедициями, сбором коллекций, покупкой минералов, посещением геологических и минералогических институтов, музеев, университетских лабораторий, общением с учеными, Вернадский всегда находил время для знакомства с художественными музеями, архитектурой, театрами, искусство во всех его проявлениях и формах всегда привлекало внимание Вернадского. Размышляя о законах человеческого творчества, он считал, что эти законы едины для религии, науки и искусства. И в этой поездке он посетил Дрезденскую галерею, Форум, Парфенон, Акрополь и т.д. Своими размышлениями во время посещения Форума в Риме он делится с Н.Е. Вернадской: “Масса роится мыслей и в этом движении мысли для меня весь смысл переживания и таких антикварно-художественных прогулок... Но какая-то внутренняя радость (творческая? – прочитав биографию Гёте – я думаю, это испытали художники) идет внутри, и я ее чувствую, но не понимаю. Мне кажется бессознательно идет у меня какая-то переработка вопросов научной космогонии” (№ 800, с. 29, 30).

Посещение Греции навело Вернадского на мысли о начале и законах развития творческого процесса: “Станным образом, я вынес много из Греции в той области, в какой не ждал – Афины и Олимпия – дали мне много для понимания зарождения творческого процесса. Самые древние периоды искусства, первые искания человеческого гения – в скульптуре и архитектуре стали здесь передо мной в своих остатках, достаточных для силы впечатлений. Нужно было пройти 50–60 годам и от этих первых грубых, но глубоко сильных исканий, и греки поднялись до того совершенства, какого только достигло человеческое творчество... Быстрое достижение предела, а затем такая же возможность быстрого упадка. Неужели это неизбежно? Нежели единственным спасением от такого положения является постоянная смена, возбуждение все нового интереса, бросание старых путей, искание новых? Есть ли упадок результат причин психологического характера или он тесно связан с ограниченностью человеческого существования вообще?” (№ 805, с. 36, 37).

В.И. Вернадский всегда находился в курсе научных мировых открытий и как никто умел предвидеть будущее развитие науки. Ознакомившись с исследованиями французских физиков Анри

Беккереля и супругов Пьера и Мари Кюри в области радиоактивности, он один из первых в мире оценил возможности, которые несет людям радиоактивное излучение как новый источник энергии. С начала XX в. он увлечен явлениями радиоактивности. Тема радия стала основной в его выступлениях в Отделении физико-математических наук Академии наук. В докладе на заседании отделения 27 апреля 1910 г. Вернадский отметил: “Уже несколько лет тому назад Академией наук было поставлено в первую очередь исследование месторождений радиоактивных минералов России. Условно стоимость этого исследования в проекте новых штатов Академии была определена в 10000 рублей”⁶. В 1910 г. министр народного просвещения Л.А. Кассо в деньгах отказал. В сентябре 1910 г. по инициативе Вернадского была создана Радиевая комиссия, в которую, кроме него, вошли А.П. Карпинский, Н.Н. Бекетов, Б.Б. Голицин, Ф.Н. Чернышев. В ноябре 1910 г. Вернадский представил в эту комиссию записку “О необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи”⁷, на основании которой комиссия снова ходатайствовала об отпуске средств в размере 7000 руб. перед министрами народного просвещения, торговли и промышленности. В 1910 г. Вернадскому было предложено сделать доклад на годичном торжественном собрании Академии наук. Он впервые выступал перед столь представительным собранием ученых и темой доклада избрал “Задачи дня в области радия” В докладе он отметил общечеловеческое и государственное значение изучения свойств и запасов радиоактивных минералов Российской империи. В частности, он сказал: “В вопросе о радии ни одно государство и общество не может относиться безразлично, как, каким путем, кем и когда будут использованы и изучены находящиеся в его владениях источники лучистой энергии. Ибо владение большими запасами радия даст владельцам его силу и власть, перед которыми может побледнеть то могущество, какое получают владельцы золота, земли, капитала.

Несомненно, в этом мировом стремлении рано ли, поздно ли будут изучены и радиевые руды Российской империи. Они есть на Урале, в Фергане, Сибири, может быть, на Кавказе. Ни количества их, на запасов мы не знаем.

Для нас совсем не безразлично, кем они будут изучены. Они должны быть исследованы нами, русскими учеными. Во главе работы должны стать наши ученые учреждения государственного или общественного характера.

⁶ Известия АН, VI сер. 1910. № 10. С. 725–726.

⁷ Вернадский В.И. Избр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1. С. 571–574.

Теперь, когда человечество вступает в новый век лучистой – атомной – энергии, мы, а не другие, должны выяснить, что хранит в себе в этом отношении почва нашей родной страны.

Академия наук второй год добивается средств, нужных для начала этой работы. Надо надеяться, что ее старания увенчаются, наконец, успехом”⁸.

Деньги в конце концов были выделены. К бюджету Академии наук прибавлялось по 10000 рублей в течение трех лет специально на радиевые исследования (№ 824, с. 54). Первая экспедиция заняла два месяца начиная с середины апреля 1911 г. и охватила три района России: Закавказье, Среднюю Азию и Урал. В поисковые партии, кроме Вернадского, вошли Я.В. Самойлов, К.А. Ненадкевич, Г.И. Касперович, Е.Д. Ревуцкая, В.И. Крыжановский, В.В. Критский, Н.М. Федоровский. В Закавказье радия не нашли и перед Вернадским встала серьезная научно-организационная проблема: “Искать ли только Ra-минералы и бросать сейчас же раз их не нашли – или указывать, что мы нашли вместо указанного в литературе. Первый способ дешевле, но зато бесплоден, второй дороже, но научно полезен. Я остановился на втором” (№ 831). Все дальнейшие радиевые экспедиции были многоплановыми.

Изучение района Средней Азии увенчалось открытием первого в России Тюя-Муюнского месторождения урановых руд. Об уральской части экспедиции В.И. Вернадский сообщал Я.В. Самойлову: “Здесь, в Ильменских горах, сейчас производим съемку (и картографическую – намечает нам министерство) и уже сейчас находится много нового. Есть минералы (редкие земельные), которых я не знаю. Надеюсь, добудем 1 пуд самарскита и пуд эшинита. А если дадут денег, то в будущем году поставлю разведки на самарскит. Ведь этим путем на Ra не шли: самарскит богат Y, Се группой, так что, если правильны предположения, надо искать актиния – самого любопытного члена радиоактивных минералов”⁹.

В 1912 г. Вернадский организовал и возглавил постоянно действующую Радиевую экспедицию Академии наук. В июне 1912 г. он вместе с А.Е. Ферсманом, В.И. Крыжановским, Е.Д. Ревуцкой, Д.С. Белянкиным, Л.А. Куликом, М.Е. Лезедовой продолжил исследование Урала. Маршрут проходил в районе городов: Миасс – Кушва – г. Благодать – Верхотурье – Топорково – Салда – Кыштым. Во время экспедиции неожиданно были найдены непредвиденные минералы редких земель.

⁸ Там же. С. 627–628.

⁹ Страницы автобиографии В.И. Вернадского. М.: Наука, 1981. С. 247–248.

Вместе с академиком Ф.Н. Чернышевым и старшим ученым хранителем Геологического и минералогического музея им. Петра Великого И.П. Толмачевым Вернадский был направлен Физико-математическим отделением Академии наук в Торонто для участия в XII Международном геологическом конгрессе, который проходил 7–14 августа 1913 г. Поэтому от Радиевой экспедиции 1913 г. Вернадскому пришлось отказаться. Она должна была проходить в Сибири, в районе Байкала, куда ему давно хотелось попасть.

По мнению Вернадского конгресс оказался серым, на нем не было общих интересных докладов, не организованы были выставки, которые обращали внимание на других конгрессах, но были удачно выбраны и хорошо организованы экскурсии. В отчете Физико-математическому отделению Академии наук Вернадский написал: “В Канаде я совершил экскурсию в провинцию Онтарио, на месторождения апатитов, флогопитов и т.п. и на месторождения металлических руд – серебра, кобальта, никеля, железа, золота в окрестностях Седбери, Кобальта и в северной части провинции Онтарио. Сверх того, мною совершена поездка на месторождения боксита в Теннесси в Соединенных Штатах... Одновременно с этим я внимательно изучил минералогические коллекции в Монреале, Торонто, Чикаго, Вашингтоне и Нью-Йорке”¹⁰. В Америке Вернадский познакомился с университетами, музеями, научными учреждениями, побывал даже в Капитолии, где попал на заседание сената и конгресса “без всякой полиции – свободно всюду” В письмах к Наталии Егоровне он пишет обо всем, что его поразило в Америке: рост и сила свободной высшей школы, роскошь университетов, организация и широта возможностей для научной работы; неожиданная для него волна русской эмиграции, расовый вопрос, небоскребы в Чикаго, банковские кварталы – с огромными дворцами-банками и т.д. В Америке Вернадский собрал великолепную коллекцию “и привез обильный материал из Kingston’a и рудников Sudbury, рудного района KobaIt и бокситных месторождений Tennessee” Помимо минералов, привезенных В.И. Вернадским, коллекция Геологического и минералогического музея Академии наук в 1913 г. пополнилась пожертвованиями ученых, с которыми он познакомился на Международном геологическом конгрессе: “Parsons Ch.L подарил карнотит из Ута, Hess F.V. – росколит, отенит, монацит из Колорадо и Северной Каролины; Gratacap L.P. – плоские кристаллы берилла из Северной Америки. Посредством обмена минералами с геологическими учреждениями, с которыми В.И. Вернадский нала-

¹⁰ АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 118. Л. 1.

дил контакты, музей Академии наук получил от American Museum of Natural History в Нью-Йорке марказит, палыгорскит, родонит, сильванит, микроклин, самородный висмут, смитсонит, анатаз, домейкит”¹¹.

В письме к сыну Георгию Вернадский как бы подводил итог сделанной экскурсии: “Странно, сколько я вынес для себя нового – в научном смысле – из этой поездки... Возвращаюсь с новыми планами, мыслями, касающимися и научной работы и научной организации. Хочется только, чтобы было для этого достаточно воли... Не менее вынес я и с точки зрения общественной или практически-жизненной...”¹².

Вернадский обладал необыкновенными организаторскими способностями, работал всегда с размахом. Несмотря на трудности в получении средств (после 4 отказов) в 1914 г. ему удалось собрать рекордное число людей (более 30), участвовавших в Радиевой экспедиции. От Геологического и минералогического музея им. Петра Великого, директором которого он стал в 1914 г., в летних работах приняли участие А.Е. Ферсман, В.И. Крыжановский, Е.Д. Ревуцкая, Л.А. Кулик, М.Е. Владимирова, Д.В. Соколов, К.А. Ненадкевич, Б.Л. Линденер, Л.С. Коловрат-Червинский. Кроме того, по инициативе Вернадского Академия наук пригласила ученых из Геологического комитета, Московского, Петербургского и Киевского университетов, Петербургского горного института, Новочеркасского политехнического института, Главного управления Нерчинского округа, Новотроицкого прииска в Забайкалье¹³. Все участники были разделены на группы в 2–3 человека, работали по общему плану и смогли исследовать обширные территории Сибири, Средней Азии, Урала и Кавказа¹⁴. Маршрут Вернадского в этом году проходил через Оренбург – Пермь – Уфимск – Иркутск и закончился в Забайкальской губернии. Здесь, в 35 верстах от китайской границы, Вернадского застала Первая мировая война. Несмотря на тяжелейшие условия, в которые попала Радиева экспедиция в связи с мобилизацией армии, весь план работ был выполнен. Найденный всеми группами экспедиции богатейший материал был собран в Геологическом и минералогическом музее им. Петра Великого Академии наук.

¹¹ Отчет Минералогического отделения Геологического и минералогического музея им. Петра Великого за 1913 г. // Отчет о деятельности АН за 1913 г. СПб.: Изд-во АН, 1913.

¹² Страницы автобиографии В.И. Вернадского. С. 265.

¹³ Мочалов И.И. В.И. Вернадский (1863–1945). М.: Наука, 1982. С. 201.

¹⁴ Письма В.И. Вернадского А.Е. Ферсману. М.: Наука, 1985. С. 68–75.

В 1915–1916 гг. Радиева экспедиция продолжала свою работу, но в значительно сокращенном виде.

Вскоре после начала Первой мировой войны выяснилось, что Россия не имеет запасов сырья, особенно стратегического, для промышленности. В связи с этим по инициативе Вернадского, Голицына, Карпинского, Курнакова и Андрусова в Академии наук была создана Постоянная комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). На первом заседании комиссии 11 октября 1915 г. Вернадский был избран ее председателем и оставался им до 1930 г. Комиссия срочно приступила к экспедиционным исследованиям, в результате которых началась добыча русского бора, алюминия, висмута. В июле 1916 г. Вернадский с Ферсманом ездили на Алтай для изучения бокситов и других руд алюминия. В письме к Я.В. Самойлову В.И. писал о результатах этой экспедиции: “Относительно бокситов выяснит лаборатория. То, что описывал Петц, – не боксит (должно быть, но точно сказать, какой минерал, мы не решаемся: может быть каолин, а может быть цеолитонд или слюда). Но мы нашли и другой продукт, очень похожий на боксит. Сейчас Алтай возрождается, особенно Риддерск (Au и Zn). Первый цинк уже поступил в дело, а цинковое дело здесь наибольшее в России”¹⁵. Постепенно комиссия превратилась в крупнейшее комплексное научно-исследовательское учреждение. Из ее отделов вырос целый ряд академических институтов: Керамический, Оптический, Радиевый, Институт платины, Институт физико-химического анализа и др.

До 1917 г. общественно-политическая деятельность занимала у Вернадского много времени и сил. С 1892 по 1912 г. Вернадский был земским гласным Моршанского уезда Тамбовской губернии и периодически переизбирался в гласные Тамбовского губернского земского собрания. Несмотря на постоянное противодействие царских властей земства росли и развивались. Два десятка лет работы дали великолепные результаты: выросло число школ, больниц, библиотек, была организована и успешно проводилась агрономическая помощь населению. С заседания земского собрания в 1910 г. Вернадский писал: “Любопытно, как несмотря ни на что, жизнь идет своим чередом. Я помню, как еще недавно 80–90 школ в Моршанском уезде казались чем-то большим, сейчас их 120 и будет скоро больше 300!” (№ 813, с. 46). Грамотность крестьян не замедлила сказаться на активизации их участия в местном самоуправлении. В 1912 г. из Моршанска Вернадский сообщает еще одну новость: “На земском собрании живое участие в прениях принимают крестьяне, чего раньше совсем

¹⁵ Страницы автобиографии В.И. Вернадского. С. 280.

не было” (№ 877, с. 115). С 1913 г. его место в земстве занял сын Георгий Владимирович Вернадский.

В связи с уходом В.И. Вернадского из Московского университета в 1911 г., он был исключен из членов Государственного совета, чему был очень рад, так как не видел, каким образом малочисленная группа профессоров могла принести пользу в столь реакционном органе. Но в 1915 г. по настоянию членов кадетской партии Вернадский вновь выставил свою кандидатуру в Государственный совет. Председатель кадетской партии Иван Ильич Петрункевич писал: “Личные Ваши вкусы, конечно, предпочитают Вашу лабораторию Мариинскому дворцу (где заседал Государственный совет. – *Ред.*), но в эту минуту и Мариинский дворец представляет лабораторию, в которой преобразуется старая Россия в новую”¹⁶. В сентябре 1915 г. Вернадский в третий раз был избран в Государственный совет и оставался в нем до последнего собрания 26 февраля 1917 г. На сессиях Государственного совета и в его комиссиях Вернадский принимал участие в обсуждении самых разнообразных вопросов: “О расширении средств и личного состава Геологического комитета, завершении работы над геологической картой Европейской части России; принятии мер к организации точной топографической съемки страны...”¹⁷ Была принята поправка Вернадского к законопроекту, внесенному Комиссией по военным сухопутным и морским делам, о сокращении количества лиц, имеющих право на призрение. Вернадский предложил включить в число лиц, имеющих право на пособие, матерей тех внебрачных детей, которым комиссия предлагает давать паек или пособие, так как если выдается паек только внебрачным детям и не выдается их матерям, то семья ушедшего на войну голодает¹⁸.

Вернадский был одним из создателей кадетской партии. На первом съезде партии он избран членом ЦК, работал в различных ее комиссиях – редакционной, аграрной и др. Вся сознательную жизнь он боролся против самодержавия за свободу и демократию. После февральской революции Вернадский сосредоточился на улучшении в России просвещения и научной работы.

Вместе с другими преподавателями, ушедшими из Московского университета в 1911 г., в марте 1917 г. Вернадский был восстановлен в звании ординарного профессора. Много времени он отдал работе в комиссии по реформе высших учебных заведений, которая была создана при Министерстве народного просвещения

¹⁶ Аксенов Г. Вернадский. М.: Соратник, 1994. С. 203.

¹⁷ Мочалов И.И. Указ. соч. С. 210.

¹⁸ Страницы автобиографии В.И. Вернадского. С. 310.

21 марта 1917 г. На ее заседаниях обсуждались вопросы создания новых высших учебных заведений. 12 июня состоялось первое заседание совещания по реформе высших учебных заведений, на котором Вернадский выступил с докладом, посвященном вопросу улучшения материального положения младших преподавателей высшей школы. Всероссийский съезд по реформе высшей школы намечался комиссией на осень 1917 г.¹⁹

10 июля 1917 г. Вернадский был избран председателем Сельскохозяйственного ученого комитета Министерства земледелия. Своими сомнениями по поводу этого избрания ученый поделился со своим другом: Я.В. Самойловым: “Много я колебался, но может быть правильно было принять это место, т.к. сейчас здесь можно будет сделать как раз в той области жизни, которую я считаю сейчас важнейшей: научной работе, ее организации и укреплению”²⁰.

С.Ф. Ольденбург – друг В.И. Вернадского, член кадетской партии став министром народного просвещения (24 июля – 4 сентября), предложил ему занять должность товарища министра. В тяжелейших условиях, в которых оказалось Временное правительство, Вернадский не смог отказаться и 11 августа 1917 г. указом Временного правительства был назначен товарищем министра. 4 сентября 1917 г. С.Ф. Ольденбург вышел из состава Временного правительства, а Вернадскому отставки не дали. 25 октября министр народного просвещения С.С. Салазкин, вместе с другими министрами был арестован в Зимнем дворце, и Вернадский вынужден был принять на себя ответственность за все министерство. Оставшиеся на свободе члены Временного правительства продолжали работать в подполье. 17 ноября Вернадский записал в дневнике: “Был в очень важном заседании Временного правительства. Подписал два акта – обращение к русским гражданам... и вопрос о созыве Учредительного собрания на 28. XI.”²¹.

Стремление Временного правительства передать власть Учредительному собранию не осуществилось. Вернадскому удалось избежать ареста и незамеченному выехать из Петрограда на Украину.

Осенью 1918 г. он вышел из кадетской партии, а в 1923 г. изложил И.И. Петрункевичу хорошо продуманное за прошедшие годы отношение к политической борьбе интеллигенции: «Но ведь поколениями русская интеллигенция подготавливала (и с какой энергией и страстностью) этот строй. Как химическая реак-

¹⁹ Там же. С. 311.

²⁰ См.: Там же. С. 285.

²¹ *Вернадский В.И. Дневники. 1917–1921.* Киев: Наукова думка, 1994. С. 47.

ция: полученный результат освещает весь процесс. Должна в нашем самосознании произойти коренная перестройка ценностей! Радищев, Пестель, Желябов, Перовская и *tutti quanti* ближе к Магницкому, Бенкендорфу, Победоносцеву, чем к нам. Деятельность “Отечественных записок” или “Русского богатства”, по существу, деятельность глубоко реакционная»²². И далее, в другом письме объясняет причину своего отказа от политической борьбы: “И мое неучастие в политической борьбе основано на моей критике прошлого и на сознании, что всякая культурная и бытовая работа в данный исторический момент гораздо важнее. Форм для политической борьбы сейчас нет, и быт сейчас гораздо сильнее в борьбе с коммунизмом, чем все интервенции, заговоры (которых к тому же почти нет!) и болтовня à la Милюков, Кускова и т.д. Споры о республике и монархии мне представляются гниением. Интервенция – несчастьем...”²³.

Первое письмо за советский период помечено 11 августа 1921 г. Отсутствуют письма за четыре года. Всё это время Вернадские жили на Украине. Помимо интенсивных научных исследований, главным образом по живому веществу, Вернадский там был занят привычной для себя работой по организации высшей школы и научных учреждений. В июне 1918 г. он был избран председателем Комиссии по созданию Украинской академии наук, а 27 октября стал ее президентом. Он избирается также председателем Комиссии по изучению естественных производительных сил Украины, руководит и участвует в работе других научных учреждений.

Весной 1920 г. Вернадский с женой и дочерью переехал в Симферополь, где в Таврическом университете заведовал минералогическим кабинетом и читал курс лекций по минералогии. В октябре 1920 г. он был избран ректором университета и возглавлял его до отъезда в Петроград весной 1921.

В Петрограде он пробыл недолго, немного более года, но успел сделать немало. Помимо исполнения обязанностей директора Геологического и минералогического музея и председателя совета КЕПС, он организовал и возглавил Комиссию по истории науки, философии и техники, Радиевый институт, Метеоритный отдел Геологического и минералогического музея.

В июне 1922 г. Вернадский выехал в заграничную командировку. (См. коммент. 5 к письму 952).

В командировке, помимо чтения лекций по геохимии в Сорбонне, печатания научных трудов²⁴, исследовательской работы

²² Я верю в силу свободной мысли // Новый мир. 1989. № 12. С. 208–209.

²³ Там же. С. 207.

²⁴ Vernadsky V.I. La géochimie. Paris, 1924.

по изучению радиоактивного минерала кюрита из Бельгийского Конго, Вернадский решал для себя сложнейшую задачу: оставаться в эмиграции или возвращаться в Россию. Он добивался устройства Биогеохимической лаборатории и на Западе, и в США. Но новую тему иностранцу пробить не удалось. Перед самым возвращением в Россию Вернадский закончил работу над “Биосферой”²⁵, а в 1927 г. вышло русское издание “Очерков геохимии”²⁶.

Отсутствие в России нормальных условий для исследовательской работы Вернадский компенсировал почти ежегодными научными командировками: 1927 г. – Германия, где Вернадский принял участие в работе “Недели русской науки”, Норвегия; 1928 – Прага (16 лекций по геохимии), Нюрнберг – Мюнхен – Страсбург – Париж – Гронинген – Берлин, 1929 – Германия, Чехословакия; 1932 – Германия – Франция – Чехословакия; 1933–1934 – Чехословакия, Польша, Франция, Англия (чтение лекций по радиологии и для научной работы), 1935–1936 гг. – Чехословакия – Франция – Германия – Англия.

Не только научные интересы, но и встреча с детьми влекла Вернадского в Европу. Георгий Владимирович – профессор русской истории, уехав из Симферополя в 1920 г., жил сначала в Константинополе, затем в Афинах и с 1922 по 1927 г. преподавал в Праге в университете, с 1928 г. в США. В 1922 г. дочь Вернадского осталась в Праге, где поступила на медицинский факультет университета. Вернадский, возвращаясь в 1926 г. из длительной командировки, в Праге попал на свадьбу дочери. Нина Владимировна жила в Праге и работала врачом-психиатром до 1939 г., а затем также уехала в США.

Биогеохимические исследования Вернадский начал проводить в Отделе живого вещества при КЕПС. В 1928 г. отдел был преобразован в Биогеохимическую лабораторию Академии наук, директором которой Вернадский оставался до конца жизни. В 1934 г. лаборатория вместе с другими академическими учреждениями была переведена в Москву. Вслед за своей лабораторией в 1935 г. Вернадский также переехал в столицу. Летом 1937 г. Владимир Иванович с большим успехом последний раз выступил на XVII Международном геологическом конгрессе в Москве. Он сделал доклад “О значении радиогеологии для современной геологии”

Лето 1940 г. было для Вернадских неблагоприятным. Наталия Егоровна сломала ногу, упав в комнате. Ее поместили в Кремлевскую больницу, а Вернадский в это время отдыхал в Узком,

²⁵ См.: *Вернадский В.И.* Биосфера. Л.: НХТИ, 1926.

²⁶ Очерки геохимии. М.; Л., 1927.

но вскоре перенес инфаркт и лежал дома. Именно к этому периоду относится большая часть писем (30 из 65) – пример чуткости и теплоты.

В начале 1941 г. Вернадский приступил к большой работе над книгой “Химическое строение биосферы Земли и ее окружения”, которая вышла уже после смерти автора в 1965 г.

Во время войны Вернадские жили в Казахстане, в Боровом. Здесь Н.Е. Вернадская скончалась 3 февраля 1943 г.

* * *

Письма В.И. Вернадского публикуются впервые по подлинникам, хранящимся в Архиве Российской академии наук в фонде В.И. Вернадского (ф. 518, оп. 7, д. 53–60). Три письма № 796, 797, 841 (по нумерации настоящего издания) обнаружены в Государственном архиве Российской Федерации в фонде Г.В. Вернадского – (ГАРФ, ок. 1137, д. 442).

Письма целиком ранее не печатались, но отдельные их фрагменты использовались в книге “Страницы автобиографии В.И. Вернадского” (№ 790, 791, 794, 798, 800–803, 805–807, 809, 810, 813, 814, 816, 818, 820, 824, 825, 827, 830, 832, 833, 835, 836, 837, 848, 850, 856, 859, 865–867, 872, 894–900, 903, 904, 906, 909, 913, 914, 918, 921, 925, 928, 929, 936, 937, 939, 948, 949)²⁷ и в публикациях, подготовленных к 125-летнему юбилею В.И. Вернадского в “Прометее” (№ 805, 809, 813, 835, 891, 898, 899, 904, 914)²⁸ и в “Природе” (№ 805)²⁹.

Письма печатаются без купюр, расположены в хронологическом порядке, им дана сквозная нумерация. Обычно В.И. Вернадский указывает дату и место написания письма, но делает это не всегда. Для унификации перед каждым письмом мы поместили число, месяц, год и место его написания. Элементы, отсутствующие у Вернадского и установленные составителями, даются в квадратных скобках и оговариваются в комментарии. Все даты приводятся по старому стилю (до 1917 г.), даты писем, написанных за границей, приводятся также и по новому стилю. Сокращенные слова приведены в тексте полностью, специально не оговариваются. Слова, которые не поддаются точному прочтению, заключены в квадратные скобки; слова, вставленные в текст составителями, – в угловые скобки. Многоточия В.И. Вернадского не оговариваются. Приписки, сделанные на полях, случаи дефектов подлинника, и неразборчивых написаний оговариваются в

²⁷ См.: Страницы автобиографии В.И. Вернадского. С. 227–289.

²⁸ См.: Прометей. 1988. № 15. С. 108–111.

²⁹ Природа. 1988. № 2. С. 49.

комментариях. Комментарии к письмам отмечены в тексте арабскими цифрами и помещены после каждого письма. Слова, подчеркнутые в тексте В.И. Вернадским, выделяются полужирным шрифтом.

Сведения о лицах даются в комментариях лишь при необходимости дополнить информацию о них, включенную в Указатель имен, а также для понимания событий, упомянутых в тексте.

Тексты подготовлены в соответствии с современной орфографией и пунктуацией, однако в некоторых случаях сохраняются особенности авторского написания.

К книге прилагается именной аннотированный указатель.

№ 788

21 марта 1909 г., Москва

Москва, 21.III.909

Дорогая моя, очень был обрадован вчера твоей телеграммой¹. Я очень жалел, что не попросил тебя прислать, а ты сама догадалась! У нас все благополучно. Усиленно хочу закончить установку прибора и хочется уехать отдохнуть. Вчера Гуля² с женой³ были у Любоцинских, а у меня обедал Крымский. У него всё по-прежнему. Чудак он невероятный! Сережу⁴ не видел – в день отъезда твоего он опоздал и обедал один, а вчера не был вовсе.

Нежно целую и Дусю дорогую⁵. Поцелуй всех наших.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**

АРАН: Ф. 518. Оп. 7. Д. 53. Л. 5.

¹ Телеграмма Н.Е. Вернадской не сохранилась.

² Георгий Владимирович Вернадский.

³ Г.В. Вернадский в ноябре 1908 г. женился на троюродной сестре Нине Владимировне Ильинской.

⁴ Очевидно, Сергей Сергеевич Ольденбург, который учился в Московском университете. В письме к В.И. Вернадскому от 18.II.1909 г. С.Ф. Ольденбург писал: "Как Сережа? Судя по его письмам, он порядочно занят и по римскому праву работает" (Ф. 518. Оп. 3. Д. 1195. Л. 69).

⁵ Нина Владимировна Вернадская (дочь).

№ 789

9 мая 1909 г., Москва

Москва, 9.V.909

Дорогая Наталочка, пишу тебе от Любоцинских, где завтракал. У нас очень холодно. Чувствую себя так себе. Хорошо, что не поехал, не хватило 30 человек! Вот их все расчеты на "центр" Это прямо собрание людей sans foi ni loi!¹

Рядом сидит Ася² и заглядывает в письмо, она тебя целует. Очень жду известий, где в конце-концов устроимся.

В газетах плохие известия об университете³ – должно быть год будущий будет очень бурный. Я еду отсюда в Петербург во вторник или среду. Масса работы и как-то никак ничего не могу сделать: всё не кончено и всё запущено. Был сегодня Глинка – послезавтра его диспут⁴ – неприятно очень. Говорил с ним откровенно. Мар.Вас.⁵ видел и ей передал. Сегодня⁶ выдержал на “весьма”

Всего лучшего. Нежно и горячо целую тебя и Нинусю. Жду известий. У нас все благополучно. Как-то вы, мои дорогие.

Твой *Владимир*

На обороте: Madame N. Vernadsky, poste restante, Naupostamt **Берлин**, Германия⁷

Оп. 7. Д. 53. Л. 6.

¹ Бесчестных (франц.).

² Анна Марковна Любошинская, которую в семье называли Ася.

³ Имеется в виду Московский университет.

⁴ Речь идет о диспуте, в результате которого магистр Сергей Федорович Глинка был утвержден университетским советом в степени доктора минералогии и геогнозии. (См. Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1909. г. М., 1910. С. 98). В.И. Вернадский был оппонентом на этой защите диссертации.

⁵ Возможно, Мария Васильевна Павлова.

⁶ С.С. Ольденбург.

⁷ Почтовыми работниками адрес зачеркнут и неразборчиво написан другой.

№ 790

13 мая 1909 г., Москва

Москва, 13.V.909

Дорогая моя Наталочка, я еще в Москве и уезжаю только в пятницу. Здесь масса всякого дела, с которым никак не могу справиться.

Планы мои изменились¹, и я надеюсь приехать раньше за границу. На Жигули не еду, так как выяснилось, что надо пробыть там около 7 дней и что серы, которая меня интересовала, я там могу не увидеть. Затем 30 мая надо быть в Москве – заседание Совета². Таким образом я думаю, что 26 выеду до 30 мая на экскурсию ближе к Москве в Ярославскую губернию, затем уеду из Москвы 31-го или 1-го, остановлюсь в Ровно, затем около Дрездена и затем раньше 10 июня могу быть на океане. Из твоих писем я вижу, что, как я и думал, с Ниной³ ничего не выйдет и напрасно ты не поставила себя независимо. Неужели ты устроишь-ся с Надей Хмелевской!!!

Хочется уже отдохнуть где-нибудь тихо и спокойно. Очень жду от тебя известий о твоих планах.

В университете неопределенное положение. Совет в понедельник прошел хорошо⁴. В общем все решения прошли единогласно, правые в лице Самоквасова и даже Тарасова поддерживали все предложения, делая лишь поправки, неизбежные, по их мнению, для их приемлемости. Некоторая нота неприязненности – и то мелкой – была в речах Тарасова. Но и то не отражавшаяся на решениях. В конце концов единогласно постановлено: 1) указать Министерству народного просвещения, что год прошел в университете спокойно и очень хорошо (Самоквасов настаивал подчеркнуть, что этим мы обязаны Мануйлову⁵ и администрации университета, но по желанию Мануйлова это только занесено в протокол), 2) ходатайствовать об отмене § 1 правил Высочайше утвержденных Мнение Совета министров (на основании которого Шварц⁶ и требует ответа у Мануйлова⁷), 3) об утверждении Мануйлова⁸, 4) об отсылке депутации для личных переговоров. В депутацию выбраны Комаровский, Снегирев и Гулевич. Не знаю, будут ли они приняты – депутация к Столыпину и Шварцу. Для меня совсем неясен результат – но, выясняется, что ревизия Жданова⁹ должна, в общем заявить о том, что все найдено в порядке и это, мне кажется, несколько затруднит интригу Шварца. Во всяком случае, в виду всех этих дел, я не хочу уезжать раньше официальных каникул, т.е. 1-го июня.

Недавно, в мое отсутствие, Сомов принес сверток с двумя непринятыми статьями Безобразовой и с письмом Бобринской от марта! Очевидно, он забыл, но удивительна страсть русских барынь отправлять все “с оказией”! Что делать с рукописями?¹⁰

У нас все хорошо. Молодежь держит экзамены – успешно.

Нежно и горячо целую тебя и Нинулю¹¹. Скорее бы вы где-нибудь поселились на месте. Нежно целую.

Твой *Владимир*

P.S. Диспут прошел благополучно. Говорят, я был суров, а я хотел быть корректным, но строгим¹².

Оп. 7. Д. 53. Л. 7–7а.

¹ Планы зафиксированы в протоколе заседания Физико-математического отделения Императорской Академии наук от 29 апреля 1909 г. В.И. Вернадский обратился в Отделение с просьбой просить Симбирского, Самарского, Тамбовского и Волынского губернаторов о содействии в минералогических экскурсиях или присылке в академию открытых листов: “Я хочу посетить месторождение массивных пород около Ровно Волынской губ. в связи с нахождением в них железа. В Тамбовской губ. хочу посетить старинные купоросные месторождения, настоящим образом неизвестные после старинных академических экспедиций XVIII столетия, в Симбирской – месторождения ас-

фальта, серы, сульфитов и фосфоритов”. (Прот. Физико-мат. отделения № VII от 29 апреля 1909 г. § 258 – печатано как рукопись).

² Совет Московского университета.

³ Нина Егоровна Жедринская.

⁴ 30 мая 1909 г. на Совете Московского университета рассматривались 3 вопроса: 1) об избрании Физико-математическим факультетом профессоров Н.А. Умова, Н.Е. Жуковского, А.Г. Павлова и И.А. Каблукова в члены Совета Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений; 2) о присвоении Обществу содействия успехам опытных наук имени Х.С. Леденцова; 3) Совет заслушал доклад о деятельности Профессорского дисциплинарного суда в 1908/09 акад. г. (Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1909 г. Дополнительный выпуск. М.: Тип. ИМУ, 1910. С. 33–40).

⁵ Александр Аполлонович Мануйлов – в это время ректор Московского университета (1905–1911).

⁶ Александр Николаевич Шварц – в это время министр народного просвещения (1909–1910).

⁷ Очевидно, на Совете Московского университета обсуждались изменения, вносившиеся Министерством народного просвещения в указ от 27 августа 1905 г., утверждавший “Временные правила об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения” Об этом В.И. Вернадский писал: “1911 год начался, когда, университетская автономия юридически перестала существовать. Указ 27 августа 1905 г. сперва кодификационным путем был включен, как примечание к уставу 1884 г.! Затем в споре Совета Московского университета с Министерством народного просвещения он был разъяснен Сенатом в 1909 г. и этим разъяснением сведен на нет” (*Вернадский В.И.* 1911 г. в *Истории, русской умственной культуры* // В.И. Вернадский. Публицистические статьи. М.: Наука. 1995. С. 191).

⁸ Речь идет об утверждении А.А. Мануйлова в должности ректора царем. “Временные правила об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения” предоставляли право советам университетов и факультетам избирать ректора, его помощников, деканов факультетов, но избранные должны были утверждаться министром народного просвещения, а ректор – царем (Полное собрание законов. Собр. III. Т. 25. № 26692).

⁹ Министерство народного просвещения, стремясь скомпрометировать избранное правление Московского университета, назначило ревизию, произведенную попечителем Московского учебного округа А.М. Ждановым, но ничего противозаконного не было найдено.

¹⁰ См. коммент. 5 к письму № 792.

¹¹ Н.В. Вернадская.

¹² См. коммент. 4 к письму 789.

№ 791

20 мая 1909 г., С.-Петербург

СПб., 20. V. 909

Дорогая моя, пишу тебе в перерыве в заседании Государственного Совета, где, думаю, заседаю з последний раз¹. От тебя давно нет известий – должно быть ты пишешь в Москву. Сегодня уезжаю в Москву, завтра в 11 часов утра ревизия Минералогического кабинета² и завтра экзамены на женских курсах³.

Как-то ты в Крейцнахе. Немножко боюсь, хорошо ли для Нинуси⁴ – надо ли ей лечиться? Очень жду известий. Должно быть выеду из Москвы за границу 1-го июня – теперь уже скоро. Остановлюсь на день в Ровно, день около Дрездена и затем прямо еду во Францию, а если ты еще будешь в Крейцнахе, то остановлюсь в Штутгарте и сделаю экскурсию, которую хотел на обратном пути.

У меня теперь новые планы заезда в Сицилию – на серу вместо Поволжья.

Здесь два дня ночевал у Паши⁵ – он молодцом, но какой-то всё-таки немного усталый. Может быть он проедет летом в Полтаву. Был у Кауфмана – он сильно изменился, едва ходит, страшно быстро устает. Это какое-то temento⁶ – быстрой перемены. От всей семьи веет чем-то тяжелым, безнадежным, грустным. Знаешь, еще также тяжела Н. Федор.⁷ и мне как-то ужасно думать о возможности такого ужасного доживания – в семье – без семьи. Рядом безумное ухаживание Сергея⁸ за Сережей⁹ и холодное доживание человека, правда самого по себе холодного и тяжелого. Сегодня относится к ней с холодностью юношеского эгоизма... Это молодая Надежда Федоровна.

Здесь работал над корректурой¹⁰, сводил к порядку всякие дела в музее. В общем, чувствуешь, что только что начинаешь организацию научной работы. Странно говорить о начале после 25 лет работы!

Митя¹¹ здесь очень милый, но выглядит нехорошо. Ан. Серг.¹² хотела тебе написать – через день. Ив.Ил.¹³ выходит! У Ади¹⁴ прелестная девочка¹⁵. Адя с будущего года читает в Политехническом и на каких-то курсах курс русской истории XIX столетия¹⁶.

Сейчас надо кончать.

Нежно и горячо целую тебя и детку. Как-то она. Нину и ее птенцов¹⁷ целую.

Твой *Владимир*

P.S. Сейчас комично – по вопросу об Урале наша группа¹⁸ соглашается с крайней правой против центра!

Оп. 7. Д. 53. Л. 8–9.

¹ Членом Государственного совета впервые В.И. Вернадский был избран от академической курии (Академия наук и университеты) в марте 1906 г., в июле 1906 г. вместе с коллегами по академической курии подал в отставку в знак протеста против роспуска Думы указом царя от 8 июля 1906 г., вторично членом Государственного совета В.И. Вернадский был избран в январе 1908 г., Совет избрал его в состав аграрной комиссии, исключен в 1911 г. в связи с уходом из Московского университета.

- ² Минералогический кабинет Московского университета.
- ³ Точнее, Коллективные уроки Общества учительниц, где В.И. Вернадский был избран в 1897 г. профессором минералогии. С сентября 1900 г. – Высшие женские курсы. В 1906 г. к имеющимся двум отделениям: историко-филологическому и физико-математическому прибавилось медицинское отделение. В 1910–1913 гг. для курсов было выстроено специальное учебное здание (М. Пироговская, 1). В 1918 г. Курсы были преобразованы во 2-й Московский государственный университет, в 1930 г. реорганизованный в три вуза: Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина (ныне Московский педагогический университет), Московский 2-й медицинский институт им. Н.И. Пирогова и Московский институт тонкой химической технологии (ныне им. М.В. Ломоносова).
- ⁴ Н.В. Вернадская.
- ⁵ П.Е. Старицкий.
- ⁶ Напоминание (лат.).
- ⁷ Надежда Федоровна Ольденбург.
- ⁸ Сергей Федорович Ольденбург.
- ⁹ Сергей Сергеевич Ольденбург.
- ¹⁰ *Вернадский В.И.* Опыт описательной минералогии. Т. I: Самородные элементы, вып. 2. СПб., 1909.
- ¹¹ Дмитрий Иванович Шаховской.
- ¹² Анастасия Сергеевна Петрункевич.
- ¹³ Иван Ильич Петрункевич.
- ¹⁴ Александр Александрович Корнилов.
- ¹⁵ Наталья Александровна Корнилова.
- ¹⁶ А.А. Корнилов вспоминал: “В это время я читал курс истории XIX в. в Политехникуме, в Педагогической академии и на Высших коммерческих курсах Побединского” (*Корнилов А.А.* Воспоминания // *Вопр. истории.* 1994. № 4. С. 132).
- ¹⁷ Нина Егоровна Жедринская и ее дети: Мария и Володя.
- ¹⁸ Речь идет об академической курии (Академия наук и университеты) и ее деятельности в Государственном совете.

№ 792

22 мая 1909 г., Москва

Москва, 22.V. 909

Дорогая моя Наталочка, получил твои карточки и листочки из Мюнстера. Я писал тебе из Петербурга, но неверно написал Крейцнах по твоему указанию. Я написал Kreiznach¹. Не знаю, дойдет ли письмо.

Вчера начались экзамены. Сейчас в 10 часов утра будет экзамен государственный в университете – завтра тоже. Среди экзаменационной сутолоки с трудом успеваю заканчивать всякие свои работы и подготавливать свой отъезд. Может быть один день придется этому посвятить весь по окончании экзаменов. Твой план долгого пребывания в Крейцнахе, насколько я понял из твоего письма, меня совершенно не прельщает – мне хочется отдохнуть где-нибудь на просторе, около моря – теплого – а не в

немецком местечке. Если ты думаешь всё-таки долго пробыть в Крейцнахе – может быть мне проехать в Париж и там поработать в библиотеке, как я хотел было раньше? Хотя благоразумнее было бы отдохнуть, но я не думаю, чтобы для меня Мюнстер или Крейцнах были бы каким бы то ни было отдыхом. Очень жду выяснения твоих планов – как долго ты думаешь пробыть в Крейцнахе? Когда думаешь ехать к морю? Очень мне этот твой план не нравится.

Пиши пока в Москву. Окончательно отсюда уеду должно быть 1-го июня. Тогда пиши в Дрезден, *poste restante*². Из Дрездена предприму одну небольшую экскурсию, а дальше все связано с твоими планами. 26-го вечером еду из Москвы в Ростов и Ярославль, 30 или 31 буду в Марфино у Петрунковича, а затем 1-го вечером выеду из Москвы, около 4 или 5 июня буду в Дрездене с заездом в Ровно.

Здесь все Шаховские и Илюша³. О Клавдии⁴ не имею никаких известий. Жаль, что не сказали ей известить нас. Любошинских не видел: вчера не мог к ним вовремя дозвониться, а когда дозвонился, то было мне уже поздно к ним идти.

Ты ничего не отвечаешь, что делать с рукописью Безобразовой⁵.

Нежно и горячо целую тебя и Нинусю⁶. Нину и ее птенцов целую⁷.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 53. Л. 10.

¹ Правильно – Kreuznach.

² До востребования (франц.).

³ Илья Дмитриевич Шаховской.

⁴ Клавдия, домработница.

⁵ В письме от 25 мая/7 июня 1909 г. Н.Е. Вернадская писала В.И. Вернадскому: “О рукописи Безобразовой я тебе писала. Думаю, что лучше всего ее сдать Ю.Ф. Семенову, а он отправит ее к ней, когда узнает ее адрес!” (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 274. Л. 25 об.).

⁶ Н.В. Вернадская.

⁷ Н.Е. Жедринская и ее дети.

№ 793

27 мая 1909 г., Москва

Москва, 27.V. 909

Дорогая Наталочка, вчера кончились экзамены. Завтра вечером еду с Самойловым и К^о в Рыбинск, дальше как предполагал. На Совете¹ 30-го нечего быть, так как в общем положение уладилось. Высылаю тебе “Речь”, но с 1-го июня (нашего) подпи-

шись в Германии: дешевле – можно **на почте** в Крейцнахе (а может быть и в Мюнстере?).

Гуля² вчера приехал с женой³ и сегодня сдал хорошо последний экзамен. У нас все время масса молодежи – приходят к ним.

Сегодня начал уборку в университете и заканчиваю разные дела: масса мелочей. А еще Генр. Иосиф.⁴ заболел и несколько дней не был: у него нервное расстройство, кажется в связи с тяжелыми условиями личной жизни. Его невеста больна туберкулезом и в то же время у них не очень складно. Семенову (поступил к Михайлову) рукопись Безобр[азовой] передали⁵.

Нежно и горячо целую тебя и дорогую деточку.

Твой *Владимир*

На обороте: Madame N. Vernadsky, Bad Miinster am Stein bei Kreuznach, villa Felseneck. **Крейцнах, Германия.**

Оп. 7. Д. 52. Л. 11.

¹ См. коммент. 4 к письму 790.

² Г.В. Вернадский.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Генрих Иосифович Касперович.

⁵ См. коммен. 5 к письму 792.

№ 794

7 июня 1909 г. , Ровно

Ровно, 7.VI. 909

Завтра рано утром, дорогая моя Наталочка, уезжаю прямо в Дрезден. Думаю ехать без передвижки. Экскурсией в Ровно¹ чрезвычайно доволен – видел массу и собрал огромный материал. На всяком шагу жалел об отсутствии фотографии. Здесь со мной была Елиз. Дм.², у нее тоже не было фотографии. А между тем удивительные разрезы! Оригинальная природа. Это погребенные под древними морскими (меловыми слоями базальтовые породы – вроде как помнишь на Эльбе. Но скалы наружу почти не выходят...

Знаешь, у меня сейчас являются большие сомнения, ехать ли на океан сейчас же. Не благоразумнее ли мне приехать и взять курс ванн в Крейцнахе? Хотя слабые, но ревматические боли в плечах и руках у меня все время есть и не проходят. Что будет, если они увеличатся? Напиши, что ты думаешь, в Дрезден (или телеграфируй туда). Может быть прямо оттуда проехать к тебе и миновать Штутгарт? Будущее лето, едва ли придется лечиться. Ты не беспокойся: я так совсем здоров и боли слабые, но есть.

Целую нежно и горячо тебя, Нинушу³ (ей я писал отсюда), Нику⁴ и детей ее.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 53. Л. 12.

¹ Командировку в Ровенский уезд Волынской губернии В.И. Вернадский вместе с Е.Д. Ревуцкой получил от Академии наук.

² Елизавета Дмитриевна Ревуцкая.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Н.Е. Жедринская.

№ 795

22 июня 1909 г., Дрезден

Дрезден, 22.VI. 909

Только что приехал сюда, моя дорогая. Получил здесь твои письма и остановился в том же Hotel – “Pension Minerva”, где и мы были. Хозяева меня узнали – и все это очень удобно, так как порядочные люди. Ехал сюда курьерским, но долго! Вчера выехал из Ровно через Австрию в 6 часов утра и в 1 час ночи приехал в Одерберг – на Прусскую границу. В Одерберге ночевал (ночевка стоила 2 марки 50 с чаями – совсем недорого) и приехал в Дрезден в 4 дня. Еду на экскурсию завтра, но хочу посетить и галерею. Я писал тебе из Ровно, что у меня ревматизм в обеих руках, и теперь, как будто хуже. Не благоразумнее ли мне взять курс ванн в Крейцнахе? Телеграфируй. Тогда соответственно устроюсь: завтра в Мейсен, а затем послезавтра посетив галерею могу выехать.

Нежно и горячо обнимаю тебя и Нинулю¹ мою. Поцелуй Нину и детишек².

Твой *Владимир*

На обороте: Gnädigen Frauen N. Vernadsky Villa Felseneck, Bad Münster am Stein bei Kreuznach.

Оп. 7. Д. 53. Л. 13.

¹ Н.В. Вернадская.

² Н.Е. Жедринская и ее дети.

№ 796¹

24 июля/6 августа 1909 г.

Бельведер у Ронского глетчера
6.VIII. 909, 15 час.

№ 2²

Дорогая моя, спустились до Ронского глетчера, входили в грот, сейчас пьем чай и идем дальше. Ниночка³ весела и чувствует себя хорошо. Надеюсь, что всё обойдется. Здесь превосходные, красивые места. К сожалению, тучи и я боюсь, чтобы не пошел дождь – не хочу напрягать силы Нины. Она хотела пить кофе. Нежно целую.

Твой *Владимир*

Адрес: Madame N. Vernadsky, Hôtel Schöneegg, St Beatenberg.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1137. Оп. 1. Д. 442. Л. 8.

¹ Открытка с видом Бельведера у Ронского глетчера.

² Номер проставлен В.И. Вернадским.

³ Н.В. Вернадская.

№ 797¹

25 июля/7 августа 1909 г.

Gletsch, 7.VIII. 909, утро

№ 3²

Дорогая моя, пишу на всякий случай, так как мы, вероятно, будем раньше письма. Ниночка спала отлично, чувствует себя хорошо, и мы идем сейчас на Гримзель.

Нежно целую.

Твой *Владимир*

Адрес: Madame N. Vernadsky, Hôtel Schöneegg, Beatenberg.

ГАРФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 442. Л. 9.

¹ Открытка с видом: "Gletsch mit Rhonegletscher".

² Номер проставлен В.И. Вернадским.

№ 798

2/15 августа 1909 г., Рим

15/2.VIII. 909. Рим

Дорогая моя, сейчас ходил на почту узнать нет ли от тебя известий и в вечерней газете "Tribuna"¹ прочел телеграмму, сильно меня взволновавшую. Я сперва собрался послать телеграмму в

Петербург, но потом раздумал. Известие это следующее: Петербург, 14: “Uno esplosione e avvennto alle 2 pomeridiane; a bordo del sotto marino Drakon, che si trova nell’arsenale del Newa. Durante l’inspezione dei motori e scoppiato il motore a benzina. Un ingegnere e dodici operai del cantiere sono rimas to feriti, un operaio é morto”².

Я сперва думал, не на Невском ли **заводе**, но в известии сказано в **арсенале** (а арсенал тоже на Неве). Затем говорится о проверке (inspezione), а не постройке. Но Невский завод и Паша³ строили подводные лодки. Очень это все тяжело. Паше я пишу карточку. Извести, если что узнаешь в Неаполь.

Сегодня в Риме воскресенье и мне мало что удалось видеть. Даже форум закрыт после 1 часа. В воскресенье здесь не очень удобно. Завтра решил еще остаться, чтобы повидать музеи и в том числе минералогический. Послезавтра утром уезжаю в Неаполь, где буду таким образом во вторник, вместо понедельника.

Здесь очень жарко – но в общем хорошо. Рим как всегда, как это ни странно, не производит на меня того впечатления, как Флоренция своей целостностью эпохи Возрождения и Неаполь природой. Особенно дольше оставаться не хочется. Развалины в обстановке современного города тяжелы, а эпоха Возрождения в Папских дворцах тоже совсем не то, что в городской общине Флоренции. Но много, конечно, интересного.

Звонят к обеду – а хочу, чтобы ты получила скорее письмо. Нежно и горячо тебя целую. Поцелуй бесценную деточку⁴.

Твой *Владимир*

Целую Нину⁵ большую крепко и Мур. – Володю⁶.
Если что с Пашей – не поехать ли тебе в Петербург?

Оп. 7. Д. 53. Л. 20–21.

¹ “Tribuna” – газета, выходившая в Риме.

² «Взрыв произошел в 2 пополудни на борту подводной лодки “Дракон”, строящейся на арсенале на Неве. Во время испытания моторов взорвался двигатель внутреннего сгорания. Один инженер и двенадцать рабочих верфи получили ранения, один рабочий умер».

³ П.Е. Старицкий.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Н.Е. Жедринская.

⁶ Мария (Мурочка) и Володя Жедринские.

4/17 августа 1909 г., [Неаполь]¹

Вторник
4/17.VIII. 909

Дорогая моя. Сейчас еду в Неаполь. Здесь очень жарко (днем больше² 30°), но я чувствую себя хорошо.

От тебя не получил в Риме ни одного письма, хотя писал с дороги, чтобы ты написала сюда. Впрочем, мне не внушают доверия чиновники *poste restante*³.

Пишу несколько слов, чтобы успокоить тебя о Паше⁴. Сегодня в “N. Freie Presse”⁵ указано, что взрыв произошел в Казенной верфи и что строил подводную лодку завод Крейтона. О нем мне говорил раньше Паша, как подозрительном. Ему дают заказы, так как акционер кто-то из великих князей.

Целую всех

Твой *Владимир*

На обороте: Madame N. Vernadsky Beatenberg, Suisse⁶.

Оп. 7. Д. 53. Л. 3.

¹ Место написания открытки установлено по почтовому штемпелю.

² В подлиннике “больше” обозначено знаком >.

³ До востребования (франц.).

⁴ П.Е. Старицкий.

⁵ Очевидно, “Neue Freie Presse”, газета, выходившая в Вене.

⁶ Адрес зачеркнут и вписан другими почтовыми работниками: “Neapel, poste restante”

5/18 августа 1909 г., Неаполь

Неаполь, 5/18.VIII. 909

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером приехал сюда и получил твои два письма и Гулины¹. Очень благодарю. В Риме, не имел от тебя известий, немного беспокоился, боясь, что Гуля пошел на доломиты.

Здесь поселился в хорошем отеле – “Continental” – на S. Lucia. Из комнаты вид на крепость S. Ovo² и на море. В отелях пусто, и я получил большую комнату для двух с чудным видом, в 3-м этаже (есть lift) за 4 fr. 50. За 3,50 можно иметь маленькую на двор. Хотя там тише, но мне кажется душнее, и я решаюсь платить 1 fr. в день лишний, если не будет очень уже шумно.

В Риме (где жара больше, чем в Неаполе) я прекрасно выдержал испытания жары. Вчера в газетах было перечисление горо-

дов, где было больше 30° – в том числе Рим – 32 (а Неаполь не был), а я и не чувствовал.

Все утро вчера до поезда бродил с книгой Гейссена³ в руках по Форуму. Масса роится мыслей и в этом движении мысли для меня весь смысл переживания и таких антикварно-художественных прогулок. Мысли бегут и их не поймаешь, а хотелось бы набросать то, что внезапно является и что так тесно связано со всем ранее продуманным и узнанным.

В Неаполе сегодня буду в городе, может быть поеду в Помпеи. Но многое хочется для этого прочесть. Выясняется для меня кроме Везувия и моих *vulcani fluoriferi* – по крайней мере 3 поездки в окрестности Неаполя. Завтра с утра еду в Поццуоли, М. Нуово – Флегрейские поля. Надеюсь, закончить в один день. А затем у меня остается еще Камальдоли, где очень для меня интересны мало понятные *reregino*. Может быть сделаю поездку на о. Вулкано (в Липарских о-вах) или в Сицилии или на Искью. Еще не решил – но хочется, раз я опять попал сюда, попутно захватить все главные черты вулканической жизни.

Чувствую себя физически очень хорошо – загорел, совершенно не чувствую усталости (как-то “чувствую”, что не устаю – странное чувство здоровья?), но рука все-таки дает себя знать. Не больно, а неудобно. Хочу все-таки выкупаться. Купальня против нашего отеля и уже с 5 часов утра там купаются...

Но какая-то внутренняя радость (творческая? – прочитав биографию Гёте – я думаю, это испытывали художники) идет внутри, и я ее чувствую, но не понимаю. Мне кажется бессознательно идет у меня какая-то переработка вопросов научной космогонии. Опять душа рвется к бесконечному. Все это очень тяжело, так как выражается насмешливым и в то же самое время нежным сознанием человеческой суетности и в такие моменты великие эпохи истории и вся судьба человечества кажется неосмысленной и муравьиной. Но выразить не могу, что хочу.

Нежно целую бесценную деточку⁴. Поцелуй всех.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 53. Л. 14–15.

¹ Г.В. Вернадский.

² Точнее, Castel dell'Ovo (Кастель-дель-Ово) – средневековый замок (XII в., перестроен в XVII в.).

³ О какой книге идет речь установить не удалось.

⁴ Н.В. Вернадская.

10/23 августа 1909 г., Неаполь

Неаполь, 10/23.VIII. 909, понедельник

Дорогая моя Наталочка, сегодня ты должна уже быть в Полтаве. А я могу выехать отсюда послезавтра, но совершенно не знаю, удастся ли этим путем попасть на хороший пароход и может быть придется 1–2 дня обождать в Италии, и тогда я поеду куда-нибудь в более тихое место – в Сорренто, Кастелламаре¹ или Амальфи. В субботу идет в Грецию, кажется прекрасный пароход “Messagerien Maritimes” – прямо в Пирей (Афины) и тогда мне нет надобности ехать в Бриндизи. Сегодня пойду сейчас узнавать.

Сделал чрезвычайно интересную поездку в Ночеру с Гальдиери. Я нашел здесь больше того, что ожидал и поэтому очень рад, что сюда заехал. В общем явление, которое наблюдал Скакки еще менее понятно: здешние ученые отбрасывают то объяснение, какое давал старик Скакки, но сами никакого дать не могут. Для истории фтора в земной коре эта поездка дала мне много нового: удивительно, как многое получаешь из поездки на место по сравнению с тем, что дают книги! Объяснить явление я не могу сейчас, но для меня вполне ясно **значение** этого явления в истории земной коры – но этой перспективы как раз у здешних ученых нет. Гальдиери – очень милый итальянский доктор, занявшийся геологией, женатый на австриячке. Я у них обедал в русско-простой обстановке. Скажи Дусе², что я в первый раз сделал экскурсию на осле, в примитивной двуколке. Осел не всегда хотел идти, куда мы хотели, но в конце концов с приключениями мы сладили с ним. Картинка жизни: по возвращении в небольшое имение Гальдиери (в Ночере же) перед обедом его жена обращается ко мне и говорит, что я ничего не буду иметь [против], если с нами будет обедать и кучер осла, так как надо принаравливать к обычаям страны. Демократизм итальянцев необыкновенно привлекателен.

Меня поражает чувствуемый всюду **рост** Италии, ее благосостояния и культуры. Это то, что я лет 20 назад так сильно чувствовал в Германии и чего теперь не чувствуешь в ней. Когда же наконец это будет в России!

Вчера сделал километров 25 в Везувии. Поднимался до самого кратера. По рекомендации Гальдиери меня встретил здешний лучший гид – Аложенео Соннино – очень симпатичный, огромный знаток местных минералов, хотя без всякого образования. Он как раз сопровождал всех исследователей Везувия за последние годы и потому прекрасно понимает, что меня интересует как

минералога. Я видел с ним очень много. Везувий спокоен, но картина после большого извержения 1906 года изменилась до неузнаваемости. Со мной на Везувии был Блеклов, бежавший из России по делу крестьянского союза. Мы с ним встретились в Помпеях и много любопытного он мне рассказывал о здешнем житье-бытье русских. Между прочим, по-видимому, в связи с правительственной реакцией – идет опять усиление С.-Р.³, оправившихся, к удивлению, от азевфовщины. Опять создается партийная пресса. Неужели опять новый период пароксизма смуты, а озлобление кругом всё более и более питается.

Чувствую себя хорошо, но с желудком опять неладно, так что я сегодня не решился купаться! Знаешь, здесь недалеко от Неаполя – в Casamicciolana [о.] Искья самые знаменитые воды против ревматизма. Руке не лучше – болей нет, но она ослабела.

Нежно и горячо целую. На всякий случай напиши в Афины, так как в Патры может быть проеду из Афин.

Твой *Владимир*

P.S. Посылаю письмо, на твое имя, которое я распечатал, но, конечно, не читал – кажется К. Кавос. Завтра с Соннино иду вновь на Везувий, на Сомму.

Оп. 7. Д. 53. Л. 16–17.

¹ Точнее Кастелламаре-ди-Стабия, бальнеоклиматический курорт в Италии, недалеко от Неаполя.

² Н.В. Вернадская.

³ С.-Р. – социал-революционеры.

№ 802

12/25 августа 1909 г., Неаполь

Неаполь, 12/25.VIII. 909

Дорогая моя Наталочка, сегодня уезжаю из Неаполя в Сорренто или Кастелламаре – еще не решил. Вчера вечером вернулся из поездки на Монте Сомму, порядочно устал и набрал столько материала, что не успею уложиться. Для того чтобы попасть на пароход в Грецию в Бриндизи надо было бы выехать сегодня утром. Да я не только не успел уложить свои камни, но и денег от Попова пока еще не получил. Вчера, впрочем, был на почте только утром; сегодня еще не был. Сообщение с Грецией здесь не особенно удачное: из Бриндизи “европейские” пароходы идут только в воскресенье, вторник и среду, как раз на Патры, куда мне хочется быть до Афин. Затем, кажется в субботу есть из Бриндизи греческий пароход. По словам “Бедекера”¹ большие греческие пароходы мало чем уступают “европейским” Если я им поеду, буду в Патрах в

понедельник утром, а до Бриндизи – 12 часов жд.! Есть пароходы из Неаполя. В субботу идет превосходный французский, но буду в понедельник днем тогда в Пирее (Афины). При этом этот пароход очень дорог в 1-м классе – но, кажется, лучший. Я еще не решил поеду ли через Бриндизи в субботу или воскресенье или прямо из Неаполя. Отчасти зависит от моря. На днях здесь было бурное море и так это внезапно!

Мне хочется, кроме того, немного привести в порядок свои мысли и впечатления и потому я ничего не имею против прожить дня два в тиши. Боюсь не попасть бы на знакомых! В Капри, куда я хотел ехать, говорят, сотни русских. Русская эмигрантская колония на Капри до 300 человек! Там и знакомые Шрейдеры, Глеклов. Шрейдеру я писал, думая, что он в Неаполе, и получил телеграмму, приглашающую в Капри. В Сорренто, правда, Сперанский – но может быть и не встречу. А Кастелламаре – слишком город.

Вчера всходил на Монте Сомму и сбоку видел Везувий. Он вчера курился. Скажи дорогой детусе², что я все время вспоминаю о ней и так жалел, что она со мной не слезила на Везувий и Монте Сомму – это было бы ей так интересно! Вынес из Везувия и Ночеры очень много и хочется кое-что зафиксировать. Но поездка моя очень дорога: стал старше и более избалован. Никак не сведу ее дешевле 10 рублей в день с железными дорогами, гидами, экипажами! А прежде 7 рублей – хорошо ездил!

Немного устал – думаю, что не совсем оправился с желудком, и очень утомительная вчера была Монте Сомма. Больше 25 километров пешком по солнцу и среди бездороги.

Здесь совсем не так жарко, и я решил не менять костюма. Лишь его подновить. Теперь заканчиваю совсем свои минералогические поездки. Греция и Балканский полуостров уже ничего в этом смысле не дадут, если только не проеду в Лаврион, куда имею рекомендации.

Как-то ты, моя дорогая Туська! Что твоя фотография? Знаешь особенно вчера я страшно жалел, что не было фотографии – удивительно красив и интересен был Везувий.

Нежно целую тебя, Дусю. Поцелуй всех.

Твой Владимир

P.S. Посылаю пересланные письма – одно мое. Раньше послал тебе письмо К. Кавос.

Оп. 7. Д. 53. Л. 18–19.

¹ Имеется в виду путеводитель, издаваемый немецкой фирмой, основанной К. Бедекером в 1827 г.

² Н.В. Вернадская.

19/31 августа 1909 г., Афины

Афины 19.VIII. 909

Дорогая моя Наталочка, от тебя до сих пор нет известий и из Патры мне ничего не пересылают. Последнее письмо я получил от 10-го в Неаполе и с тех пор нет никаких известий! Или почта идет плохо или здешняя *pronunciamento*¹ влияет!

Ты знаешь, я долго не мог разобраться, что здесь произошло, так как *coup d'état*² случился в пятницу, а я приехал в понедельник. В греческих газетах, которые я читаю с большим трудом всюду говорилось о мнении европейской прессы о “действии” [...] – но в чем заключалось это действие, кроме смены министерства, решительно было не видно. И я с большим трудом ориентировался. В жизни города ни в чем не выражается насильственная смена министерства – всё идет своим, обычным чередом, без всяких видимых столкновений – театры, музыка, в гостиницах нигде не слышно ни волнений, ни речи о происшедшем – но среди греков, конечно. Но ведь это все продолжение дальнейшее младотурок: армия выступила и здесь, как сила, аналогично тому, что делалось в XVIII веке в “граде Петра”! Право, круг смыкается. Но здесь армия выступила с требованием реформ, увеличивающих ее силу. Любопытно движение против великих князей. В общем, однако, все кончилось внешне корректно – до созыва палаты.

Я уезжаю сейчас в Олимпию, вернусь в пятницу и в понедельник утром буду в Константинополе. Я взял уже и билет на австрийский большой пароход. В следующий понедельник или воскресенье буду в Одессе. Знаешь, я сделал глупость, поручил Попову послать деньги **сюда**, а между тем, по-видимому, письма идут ужасно медленно. Я их ждать не буду, и если в субботу я их не получу, то уеду в Константинополь. Надеюсь, что мне денег хватит. Если не хватит, буду тебе телеграфировать, чтобы выслала 50 рублей в Одессу.

В общем, Афины мало интересны. К сожалению, в университете не застал Митцопулоса – он в Европе – и кабинет заперт, так что видеть его не пришлось. Вследствие этого не имею понятия о том, что в нем заключается. Внешне университет весь из белого мрамора одно из лучших зданий города.

Нежно целую. Поцелуй деточку⁴. Утешаю себя тем, что если бы что было неладно, ты бы телеграфировала, и я имел бы на *poste restante*⁵ телеграмму.

Нежно целую.

Твой Владимир

- 1 В Испании, в странах Латинской Америки – государственный, военный переворот (исп.).
2 Государственный переворот (франц.).
3 Слово написано по гречески, неразборчиво.
4 Н.В. Вернадская.
5 До востребования (франц.).

№ 804

22 августа/3 сентября 1909 г., Афины

Афины, 22.VIII. 909

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером вернулся из Олимпии и нашел твою карточку, пересланную из Патры, от 13.VIII. Сегодня здесь застал наконец твои три письма – последнее от 14.VIII. Очень рад был иметь известия о вас, а то я уже начал порядком беспокоиться. Сегодня уезжаю в Константинополь, и моя экскурсия по Греции сильно сокращается. Но дело в том, что если я не поеду сегодня, то из Афин выбраться очень трудно: следующие пароходы идут так, что я попадаю в Константинополь за день до отхода парохода в Россию! Хочу выехать из Константинополя в субботу утром 29-го, 30 днем приеду в Одессу, 31-го выеду из Одессы и 2-го утром в Москве! Уже хочется быть при деле и вместе. Напиши открытку в Одессу. От Попова деньги запоздали¹, но мне хватит. Оказывается не так-то легко совместить с пароходами быструю поездку по Греции. Только по субботам есть прямой пароход в Константинополь – остальные заезжают в Смирну и пр. Пароход до сих пор не пришел и боюсь еще, получу ли место, хотя <за> билет заплатил.

Нежно и горячо целую и драгоценную деточку². Поцелуй всех. Следующее письмо пишу в Москву. Очень уже хочу быть в Москве с вами.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой**. С просьбой передать Н.Е. **Вернадской**, Келлиновский пр. (Институтская ул.), д. Янович, **Полтава**, Poltava, Russia.

Оп.7. Д. 53. Л. 1.

¹ Александр Иванович Попов – управляющий в имении В.И. Вернадского “Вернадовка” Моршанского уезда Тамбовской губернии.

² Н.В. Вернадская.

23 августа/4 сентября 1909 г., пароход "Baron Beca"

Пароход "Baron Beca", 23. VIII. 909

Дорогая моя Наталочка, снова на пароходе – из Афин в Константинополь. Превосходный, роскошный, огромный пароход австрийского "Ллойда", перед которым кажется грязным и маленьким тот "Niger" французского "Messagerien Maritimes", на котором я ехал из Неаполя. И относительно дешевле. Пароход итальянский, а не немецкий, но публика большей частью немцы.

Из Афин и Греции, где пробыл недолго, выношу довольно много. В общем, немного жаль, что не видел Милета и Крита, но этого совместить было нельзя: и так очень трудно, оказывается, распределить быстро время в стране, лишенной удобного железнодорожного сообщения. Пароходы идут медленнее, заходят в порты, идут не ежедневно. С другой стороны, Греция теперь находится в волнении, и хотя все, с кем я ни заговаривал, отрицают революцию, но несомненно военное пронунциаменто взбудоражило страну. Странное военное пронунциаменто армии: она выставила требование реформ в смысле приведения ее в боевое состояние (чтобы не переживать вновь те унижения, какие пережила Греция в недавнем столкновении): создание генерального штаба, военной школы, реорганизация армии – признание иностранных офицеров, удаление от командирования великих князей, постройка флота и продажа негодных кораблей и лишних королевских яхт! Какая странная – но понятная – программа. И проведя несколько в стране, чувствуешь всю силу былого, лежащего и давящего на греков и всё бессилие и отсутствие будущего в настоящем! Небольшой народ – остаток великого прошлого! Ни Византии, ни Малой Азии им не видать – уже потому, что их мало – а между тем без этого едва ли у них есть государственное будущее...

Станным образом, я вынес много из Греции в той области, в какой не ждал – Афины и Олимпия – дали мне много для понимания зарождения творческого процесса. Самые древние периоды искусства, первые искания человеческого гения – в скульптуре и архитектуре стали здесь передо мной в своих остатках, достаточных для силы впечатлений. Нужно было пройти 50–60 годам и от этих первых грубых, но глубоко сильных исканий, и греки поднялись до того совершенства, какого только достигало человеческое творчество. Станным образом при осмотре музея в Акрополе и остатков древнейшей скульптуры в Афинах передо мной стали, как живые, далекие впечатления виденного в том же направлении раньше, и я от скульптуры переходил к общим мыс-

лям о законах человеческого творчества. В общем они всюду одни же – в религии, науке, искусстве.

Быстрое достижение **предела**, а затем такая же возможность быстрого **упадка**. Неужели это неизбежно? Неужели единственным спасением от такого положения является постоянная смена, возбуждение всё нового интереса, бросание старых путей, искание новых? Есть ли упадок результат причин психологического характера или он тесно связан с ограниченностью человеческого существа вообще?

Посещение развалин – для меня тяжело и видеть меланхолическую красоту разрушения – в конце концов давит и тяготит. Я исключаю Парфенон, всё еще сохранивший много красивого – но было бы лучше его восстановить, по крайней мере в его внешней форме. Между тем посещение Греции в значительной степени сводится к посещению развалин ...

Меня уже тянет в Москву, как всегда бывает в конце поездки. Не знаю окончательно, как выберусь из Константинополя. Отчасти зависит от того, как справлюсь с деньгами. Или Константинополь – Одесса, что, вероятно, дешевле, или Константинополь – София – Бухарест – Констанца – Одесса. Из Константинополя удобнее всего выехать в субботу, но тогда придется ночевать в Одессе, так как удобный поезд идет вечером, а я хочу видеть город и посетить университет. Во всяком случае надеюсь 1–3 сентября быть в Москве.

Пароходом ехать очень удобно, но ты ничего не видишь страны. А между тем поездка по железной дороге дает много. И я совсем не жалею поездку (12 часов) по железной дороге в Олимпию, она мне показала совсем другую Грецию, чем пустыни с красивыми красками и контурами около Афин и южных берегов Пелопоннеса, которые я видел с парохода. Здесь по северному побережью Пелопоннеса и несколько глубже в прибрежные области я очутился в саду – виноградников, лесов маслины, дубов, оригинальной светло-зеленой южной сосны. Всюду собирали и сушили изюм – и сейчас же заколачивали его в ящики и накладывали на суда в Патрах и мелких портах, которые проезжал. Ничего подобного не дает пароход – кроме красоты моря. Поэтому мне очень бы хотелось проехать часть Болгарии и Румынии. Может быть сделаю только Софию–Варну и из Варны проеду в Одессу.

Только что прочел очень интересную книжку Гурлитта о Константинополе¹ и читаю это время много. Обратный путь из Олимпии в Афины, где я ехал целый день по знакомой дороге, дал мне очень много. И странную смесь составляли идеи и мысли, возбуждаемые чтением и впечатлениями оригинального нового. Удивительны здесь краски заката и захода солнца –

странная растительность, контуры ландшафтов. В первый раз видел удивительно красивое фиолетовое море и ярко-синие светлые дали.

Но странным образом и чтение все более и более отвлекает к тем же вопросам упадка и роста человеческого сознания. Ведь если **упадок** есть неизбежное следствие достижения наибольшего совершенства, то всё человеческое мирозерцание должно строиться на сознании имения или возможности имения абсолютного. Таково мирозерцание верующих людей, какой бы религии они ни принадлежали. А между тем **всё** в душе моей противоречит такому сознанию.

Меня интересует чувствовать будущие шаги человеческой мысли и человеческого сознания в предположении их неуклонного роста. И я стараюсь фантазией и мыслью почувствовать это будущее в проблесках нового, что теперь является в науке. И в этот день по дороге из Олимпии прочел бездарную книгу Фурманна об энзимах бактерий² – этих созданий не то живого, не то мертвого вещества, химических процессов, в которых материальная причина не соизмерима с эффектом и речь Батесана³ о новых задачах генетики. Здесь начинают придавать математический облик женскому началу – *femelity* – тому вечно женственному, которое проникает всю поэзию всех времен и народов!

В науке я всюду вижу зарождение этих новых ростков. И мы, уже немолодые ее деятели, должны идти им навстречу, стараться ввести их в наше мировоззрение – только в этом и есть возможность обеспечить возможно долгий неуклонный прогресс человеческого знания.

Наконец, достигли Северного Полюса!⁴ Сказала ты Нинусе? И американец – Немо, почти предсказал Жюль Верн. Знаю из бестолковых отрывков греческих газет и с нетерпением жду газет более человеческих в Константинополе.

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую. Поцелуй детей. До скорого свидания.

Твой Владимир

P.S. Скажи по телефону кому-нибудь в кабинет, что надо объявить, что в четверг, 3.IX., я начну чтение лекций по минералогии и в субботу, 5.IX., по кристаллографии. Кажется это мои дни. Напомни им при этом, что согласно постановлению факультета, все такие объявления должны идти через Лейста⁵. Пускай пошлют написанные объявления Лейсту и одновременно можно вывесить у нас в кабинете.

Накладной на вещи не получал.

- ¹ Очевидно, В.И. Вернадский имел в виду книгу: *Gurlitt Cornelius. Antike Denkmalsäulen in Konstantinopel. München: Georg D.W. Callway, [1910].*
- ² О какой книге или статье идет речь установить не удалось.
- ³ Правильнее, Бейтсон (Bateson); возможно, В.И. Вернадский имел в виду статью W. Bateson – “The progress of genetics since the rediscovery of Mendel’s papers” (Jena, 1906).
- ⁴ Американский полярный путешественник Роберт Эдвин Пири 6 апреля 1909 г. на собачьих упряжках достиг Северного полюса.
- ⁵ Эрнест Егорович Лейст в это время секретарь физико-математического факультета Московского университета.

№ 806

26 августа/7 сентября 1909 г., Константинополь

Константинополь, 26.VIII. 909

Дорогая моя Наталочка, сегодня уезжаю в Софию. Нескольким сбился с поездами, так что в Бухаресте не придется остановиться: надо было выехать отсюда вчера – тем более, что сегодня весь день почти потерял – был дождь и т.д. В Москву приеду 2-го сентября, так что больше писать не буду, разве можно написать из Софии. Удивительное сообщение с Румынией – только на Кишинев и Одессу. Чтобы попасть в Москву мне выгодно доехать до Одессы и ждать 12 часов! Беру там курьерский поезд на Киев.

Уже очень хочется в Москву, хотя Болгария меня страшно интересует. Вчера узнал здесь от академика Успенского, что Златарский, профессор в Софии, мой старый знакомый, неделю назад умер. Как всё быстро делается.

Нежно и горячо тебя целую и обоих детей¹ тоже. Сегодня пытался купить всяких “подарков” – страшно это трудно и весьма кажется неудачно. Или плохо, или, что нравится, недоступно по цене.

Нежно целую.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Университет, **Москва**, Moscow, Russia.

Оп. 7. Д. 53. Л. 29.

¹ Н.В. и Г.В. Вернадские.

17 октября 1909 г., [С.-Петербург]¹

17.X. 909

Дорогая моя Наталочка, пишу несколько слов. Обдумав всё, я решил остаться до вторника: выборы в аграрную комиссию в Государственном совете: один голос там не безразличен. Чувствую себя недурно – хотя еще не вполне хорошо.

Был у сестер²: очень тяжело. У Оли должно быть тиф, но врачи до сих пор не пришли к соглашению; температура уже несколько дней – при аспирине – больше 40°. Ньюту³ доктора высылают из С.-Петербурга – я думаю, она недели на две может приехать в Москву. Оля очень плоха и сильно изменилась.

Я просил Мануйлова тебе протелефонировать, чтобы ты известила в кабинете: 1) что в понедельник я не буду читать лекции, 2) сказать Твалчрелидзе, что я не буду вечером в понедельник заниматься. О том же надо предупредить Ревуцкую, 3) известить Карандеева или Ферсмана, что во вторник не может состояться наше заседание. О том же надо известить Вульфа и Самойлова. В Академии еще не видел никого кроме Крыжановского и Ненадкевича. Гревсов не видел.

Нежно и горячо целую тебя и Ниночку⁴ драгоценную.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Университет, **Москва**.

Оп. 7. Д. 53. Л. 30.

¹ Место написания установлено по содержанию открытки: заседания Государственного совета проходили в Петербурге.

² Ольга Ивановна Алексеева и Екатерина Ивановна Короленко.

³ Анна Сергеевна Короленко.

⁴ Н.В. Вернадская.

3 ноября 1909 г., Москва

Москва, 3.XI. 909

Дорогая моя Наталочка, пишу несколько слов, у меня нет открытки и пишу письмо. У нас всё благополучно – сейчас пообедал и иду в лабораторию – теперь 5½ часов. Был Гуля¹ и пошел на английский урок, вечером зайдет Нина² и ее мать³. Я вернусь к 9 часам. Ниночка⁴ весела и здорова, она была у брата в гостях. Ее вызывали по арифметике – она знала. Сейчас готовит уроки и ест тянучки.

Был у Шерер-Набгольца и передал негативы: он сказал о негативе Самойлова, что он прекрасен; твой с конкрециями меди – недурен. С Гаврилой⁵ – ему не очень понравился.

Вульф звонил и сказал, что он был у Н.Н. Локова и на него и его жену копии его произвели сильное впечатление недюженного.

От Цейсса выписываем фотографический стол.

Нежно и горячо целую тебя. Поцелуй сестер⁶.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 53. Л. 2.

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.В. Вернадская (Ильинская).

³ София Александровна Ильинская.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Гаврила Павлович Щедров.

⁶ О.И. Алексеева и Е.И. Короленко; Н.Е. Вернадская ездила в С.-Петербург навестить сестру Владимира Ивановича О.И. Алексееву, заболевшую паратифом (см.: Ф. 518. Оп. 2. Д. 38. Л. 92).

№ 809

3/16 января 1910 г., Париж

Париж, 3/16.I. 910

Дорогая моя Наталочка, вчера приехал в Париж, где получил твое письмо из Полтавы.

Вечером вчера был у Гольштейнов – они всё такие же. Александра Васильевна даже не постарела, Владимир Августович поглощен работой для своих внуков. У них обоих есть конкретная цель в жизни, и они может быть во внуках найдут, чего не нашли в детях. Внуки милые – французы. Лоло уже совсем не bébé!

Остановился в гостинице “Quai Voltaire” рекомендованной Пав. Ив.² Как у них?³

Сегодня утром был в институте Кюри. Ее я не застал. По словам Лакруа, сейчас решается ее дело в Академии, и она, сколько мог понять, должна теперь делать визиты к академикам и т.д.

Но в институте застал ее помощника профессора Дебьерна, который мне всё показал. Это живое учреждение, ютящееся в небольших ничтожных комнатках; работает 19 человек, большей частью иностранцев. Я познакомился с некоторыми из них. В общем то, что мне нужно, видел.

Как-то всегда странно, из чтения не получаешь чего надо и в то же время схватываешь быстро, что нужно и как-то странно из-за этого приезжать. А между тем, эти неуловимые и неизъяснимые впечатления делают всё. Между прочим, помимо всяких мо-

их указаний, и Дебьерн высказывается, что добыча сейчас значительных количеств радия la chose la plus importante⁴ для дальнейшей работы.

Завтра буду утром у Лакруа – у него и завтракать. С ним переговорю об исследовании радиоактивных минералов. К сожалению, другой француз, с которым я хотел об этом побеседовать, Де Лонэ лежит больной.

Париж всегда так тесно связан с столь многим в моей молодости. Я так много здесь передумал и потому я всегда возвращаюсь к нему с удовольствием. И странно, как-то жаль, что время движется – а между тем ведь вся красота Парижа в этих сохранившихся наложениях огромной былой культурной и сознательной жизни. Странно, отчего жаль прошлого – когда в сущности всё миг один!

Сейчас иду на почту – затем хочу заехать к Агафонову и обедать к Гольштейнам.

Нежно и горячо целую тебя. Поцелуй деточку⁵ нашу бесценную. Что Гуля?⁶

Твой *Владимир*

P.S. Надо будет еще заплатить подати. Странно, что из банка ничего нет. В Берлине писал Нинуле.

Оп. 7. Д. 54. Л. 1–2.

¹ Младенец (фр.).

² Павел Иванович Новгородцев.

³ В письме от 2 января 1910 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: “Получила прилагаемое письмо от Павла Ивановича. Слава Богу, уже все благополучно кончилось. Лидия Антоновна хотела страстно сына, но уверена, что и девочке она также рада!” (Ф. 518. Оп. 3. Д. 274. Л. 89об.).

⁴ Самый важный факт (фр.).

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ Г.В. Вернадский.

№ 810

5/18 января 1910 г., Париж

Париж, 5/18.I. 910

Дорогая моя Наталочка, не понимаю, отчего ты не получаешь моих писем, я писал из Москвы, два письма из С-Петербурга и теперь пишу второе из Парижа. Нинусе¹ писал из Берлина.

От Нинули получаю письма каждый день: она меня трогает своей глубокой нежностью. Иногда кажется, что будущее ее может быть тяжелое, вследствие ее полного любви и нежности сердца, но затем мысль быстро ставит эти чувства в рамки. Не счастье может быть целью жизни, а **полная жизнь** и ей благода-

ря глубине ее сердца откроется жизнь может быть полнее, глубже и сильнее, чем другим.

Но Нинуля требует писем, а не открыток, и потому я не могу ей всякий раз отвечать. Пишу ей сегодня.

Уезжаю завтра. Сегодня утром пойду брать билеты, затем в библиотеку Jardin de Plantes для корректуры, затем еще раз заеду в институт м-ме Кюри и к Урбену. Хочу переговорить с Кюри о работе Касперовича или Ненадкевича, которых хочу прислать к ней на 1–2 месяца. Может быть следовало бы кого-нибудь из них прислать в Англию, но надо раньше самому туда съездить. Молодой французский химик Urbain работает как раз над **индием** и мне кажется мы столкнулись! Я вчера у него был, его не застал. После обеда иду с Александрой Васильевной² в Лувр, а вечером у меня будет Агафонов. Знаешь с минералого-кристаллографической точки зрения мы несравненно впереди. И по характеру работы и по методам и по количеству работающих – никакого сравнения. В своеобразной научной работе французской мне кажется они берут лишь большей вековой талантливостью, своеобразной традицией, создавшей им положение в мировом научном мире. Вчера завтракал у Лакруа. Он ярко и глубоко чувствует положение минералогии во Франции, но сделать ему трудно. Недостаток средств и **людей** теперь чувствуется здесь очень сильно. Лакруа очень сочувственно отнесся к моей идее о международной радиоактивной съемке земной коры. Станным образом, минералогии здесь стоят совсем в стороне от этой работы.

Успеваю очень мало сделать и всё еще мало видел...

В Мюнхене проведу целый день и 8-го утром буду в Вене.

Нежно и горячо целую тебя и Нинулю. Гулечке³ на днях напишу. Его письмо получил.

Твой *Владимир*

Оп.7. Д. 54. Л. 3–4.

¹ Н.В. Вернадская.

² А.В. Гольштейн.

³ Г.В. Вернадский.

№ 811

2 октября 1910 г., Москва

Москва, 2.X. 910 вечер

Дорогая Наталочка моя, пишу несколько слов, чтобы письмо пошло сегодня.

У нас всё благополучно. Нинуся¹ была в гимназии, весела – был Сережа² – он же привел ее из гимназии. Легла она в 8½ часов и сейчас спит.

Погода хорошая, и я ее послал.

Из деревни от Грибакова письмо, которое посылаю. Пришли деревья (накладная сюда, из Вернадовки) – выслал. Нина в восторге – Варичка³ хочет рисовать.

Был у Миссуны – ей лучше. Мне не везет с занятиями, начал сегодня с Линденером и в самый интересный момент бомба с кислородом заупрямилась, ключа не нашел, а французским открыть побоялся. Работать не пришлось.

Вернулся рано и сидел у Нинуси – зачитался гершензоновым Печериным⁴. Действительно по человечески страшно интересно.

Нюта⁵ была у Перовской, вернулась – собирались пить чай, а я хотел написать письмо это и отправить его как вдруг звонок – Соня Бакунина. И я теперь с двумя прелестными племянницами. Всё иде тай минае – старость в разных формах и образах.

Нежно целую Марию Ивановну⁶, Нину⁷, Маку⁸, Георгия⁹ и Геленину. Целую тебя.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 54. Л. 9–10.

¹ Н.В. Вернадская.

² Возможно, С.С. Ольденбург.

³ Очевидно, Варвара Дмитриевна Бекарюкова (см.: Д. 518. Оп. 7. Д. 83).

⁴ Гершензон М.О. Жизнь В.С. Печерина. М.: Скл.-изд. в конторе журн. "Крит. обозрение", 1910.

⁵ Анна Сергеевна Короленко, дочь сестры В.И. Вернадского, после смерти матери Екатерины Ивановны Короленко жила в семье Вернадских.

⁶ Старицкая.

⁷ Нина Егоровна Жедринская.

⁸ Мария Егоровна Старицкая.

⁹ Георгий Егорович Старицкий.

№ 812

4 октября 1910 г., Москва

Москва, 4.X. 910

Дорогая Наталочка моя, у нас все благополучно. Нинуся¹ только что пошла в гимназию. Вчера были у нас Варя², Соня³, Гензель, Сережа⁴. Они отчаянно и весело играли и были оживлены. Нина была с Варей на уроке рисования и довольна. Хочет идти и завтра – праздник.

В четверг у меня будет заседание об университетском вопросе – профессора. У Мануйлова больны дети – инфлюенца.

Гуля⁵ вчера был, он работает и вообще всё хорошо. Занимается гимнастикой.

Нюта⁶ вчера ходила за Ниночкой к Мартынову. Ей там очень понравилось.

Ферсману лучше. Эти дни у меня будут занятия, сегодня банкет 10-летие Высших женских курсов⁷ – но я думаю, не пойду. Работа моя идет недурно.

От Грибакова новое письмо. Очень там все не ладится. Надо подумать, как быть.

Нежно и горячо тебя целую. Поцелуй Марию Ивановну⁸, Ни-ну⁹, Маку¹⁰ и детенышей¹¹. Сейчас иду на лекцию – хочу скорее бросить письмо.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 54. Л. 11.

¹ Н.В. Вернадская.

² В.Д. Бекарюкова.

³ Возможно, Соня Кожевникова.

⁴ С.С. Ольденбург.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ А.С. Короленко.

⁷ См. коммент. 3 к письму 791.

⁸ Старицкая.

⁹ Н.Е. Жедринская.

¹⁰ М.Е.Старицкая.

¹¹ Очевидно, имеются в виду дети Н.Е. Жедринской.

№ 813

11 октября 1910 г., Моршанск

Моршанск, П.Х. 910

Дорогая моя Наталочка, вчера приехал – попал почти к началу собрания¹, доехал благополучно. Собрание интересное. Вечером в докладной комиссии являюсь докладчиком по народному образованию и сегодня борьба будет, так как комиссия предлагает отказать епархиальному ведомству в расширении значения его школ в сети. Вырабатывается новая организация школьного дела. Перед нашим приездом (я ехал с Грузиновым – он сейчас **либерал**) в собрании был инцидент: один из гласных (Хрущов) предложил почтить вставанием память Муромцева. Один из гласных (Мансуров!) протестовал, но большинство собрания встало².

Во вторник или среду утром думаю ехать в Вернадовку. Собрание может быть затянется, так как выборы управы – они отложены на конец. Мне хотелось бы раза два проехать в деревню. Поэтому может быть я и не приеду в пятницу.

Надеюсь от тебя скоро получить какие-нибудь известия.

Любопытно, как несмотря ни на что, жизнь идет своим чередом. Я помню, как еще недавно 80–90 школ в Моршанском уезде казались чем-то большим, сейчас их 120 и будет скоро больше 300!

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю³, Нюту⁴. Что Гуличка?⁵ Пиши. Нежно целую.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Университет, **Москва**.

Оп. 7. Д. 54. Л. 12.

¹ Моршанское уездное земское собрание, на котором В.И. Вернадский вновь был избран уездным гласным (Ф. 518. Оп. 2. Д. 64, л. 40).

² Сергей Андреевич Муромцев (1850–1910) – кадет, председатель I Государственной думы, видный общественный и политический деятель, политические взгляды которого разделялись не всеми, отсюда инцидент.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ А.С. Короленко.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 814

12 октября 1910 г., Моршанск

Моршанск, 12.X.910, 7 вечера

Дорогая моя Наталочка, только что вернулся из Вернадовки, пообедаю и иду в комиссию. Я обещал быть и сегодня любопытный доклад – об организации на новых началах агрономической помощи населению. В губернские гласные я не пошел, но должно быть прошел бы очень хорошо – настроение собрания очень хорошее. На мое место выбрали Долгорукого (из Земятчено). Уверяет его двоюродный брат, что Долгорукий прогрессист, близок к мирному обновлению. Его папаша близок к черной сотне или что-то вроде, любопытна эволюция молодых. Вчера в комиссии была очень любопытная попытка организации кустарей-сапожников – были и сапожники. Как всегда в уездном собрании чувствую конкретную пользу своего присутствия.

Буду в субботу, так как пятницу пробуду в деревне. Там лучше, чем я ожидал. Два лагеря Максим¹–Анна²–С³... а с другой стороны В.З.⁴ С сегодняшнего дня выдает Анна. Обе стороны инспектируют друг на друга. Картофель приходится продать по 8 коп. (он плох! и его не сохранили). Постройка не кончена и тут вина М.⁵ На зиму кажется нужен человек. Встретил на станции Зиновия⁶. Он хотел бы. Я думаю, полезно было бы? Масла топ-

ленного много. Скажи Нинусе⁷ – Араса⁸ не видел – они в поле. Но лошадки великолепны. Много ягнят и поросят. Скажи в университете, что в субботу читать не буду.

Нежно и горячо целую Нинулю, Ньюту⁹, тебя. Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Университет, **Москва**.

Оп. 7. Д. 54. Л. 13.

¹ Максим, крестьянин из Вернадовки.

² Анна, крестьянка из Вернадовки.

³ Имя написано неразборчиво.

⁴ Василий Захарович (в письме к отцу Н.В. Вернадская писала: “Как поживают: Анна, Митрофан, Вас. Зах. и т.д.” (Ф. 518. Оп. 3. Д. 283, л. 62об.).

⁵ Очевидно, Максим.

⁶ Зиновий, крестьянин из Вернадовки.

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ У В.И. Вернадского клички лошадей написаны сокращенно. В письме к отцу Н.В. Вернадская писала: “Поцелуй Криксу и Алкидика” (Ф. 518. Оп. 3. Д. 283. Л. 63об.)

⁹ А.С. Короленко.

№ 815

25 декабря 1910 г., Москва

Москва, 25.XII.910

Дорогая моя Наталочка, вчера были на слан¹ у Любощинских. Всё было хорошо. Вечером был у Новгородцева. Видел Бобика и Ирочку². Ирочке ты привези подарки.

Потерял твою запись праздниковых – не понимаю где! Мне кажется П.К.³ и У.И.⁴ ожидали по 5 руб. – я им дал по 3.

Сегодня у меня обед – Пилип.⁵, Попов, Самойлов! Ученики – профессора – чувствую себя уже совсем перевалившим на другую сторону.

Заканчиваю всякие дела и очень надеюсь завтра выехать.

Посылаю 2 брошюры об исследовании радиоактивных минералов – одна, для Паши⁶. Варичке⁷ много лучше (говорили по телефону из больницы); сегодня она спала 10 часов. Вчера бегал по 8 магазинам, чтобы найти Вудстак⁸. Ю.Г.⁹ не нашла и действительно нигде не было; едва нашел в какой-то лавочке. Сегодня Ньюта отнесет эту книгу и подарки с елки, которые прислала Аня¹⁰. Она отнесет их на квартиру.

Посылаю два письма, тобою полученные, из Мюнхена и Финляндии. Бросаю их одновременно с этим. Эти два дня как-то со-

вершенно затуркан окончанием переписки и всяких записей. Но чувствую, что сколько бы ни остался, все равно появлялось бы новое и новое. А потому решил ехать, хотя бы не успел все пересмотреть. Остановлюсь в Петербурге у Петрункевичей. От Ив.Ил.¹¹ получил очень милую карточку. Нюта¹² предупредила Олю¹³ о нашем приезде.

Не забыла ли ты просьбу Лидии Карловны¹⁴? Письмо лежит здесь, и я тебе его на всякий случай посылаю.

Нюта чувствует себя хорошо.

Нежно и горячо целую тебя и дорогую, к сожалению, большую, деточку¹⁵. Целую всех наших.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 54. Л. 15–16.

¹ Клан (фр.).

² Дети П.И. Новгородцева.

³ Прасковья Кирилловна Казакова.

⁴ Ульяна Ивановна, прислуга в доме Вернадских.

⁵ Очевидно, Павел Прокофьевич Пилипенко.

⁶ П.Е. Старицкий.

⁷ В.Д. Бекарюкова, у которой была саркома.

⁸ Вудсток, видимо, фамилия.

⁹ Возможно, Юлия Григорьевна Топоркова.

¹⁰ А.Е. Любошинская.

¹¹ Иван Ильич Петрункевич.

¹² А.С. Короленко.

¹³ О.И. Алексеева.

¹⁴ Возможно, Вульферт.

¹⁵ Н.В. Вернадская.

№ 816

28 декабря 1910 г., С.-Петербург

№ 2¹

СПб., 28.XII.910

Дорогая моя Наталочка, от тебя здесь нет известий. Приехал вчера и видел только Лелю², Сергея³ и Федора⁴, Петрункевичей. Остановился у них.

Леля очень плохо выглядит. Ее бесконечно мне жаль. Говорят, Борис⁵ здесь и у нее не был, и она уже много недель не имеет о нем известий... Кир⁶ считает Бориса негодяем и по-видимому, этот совершенно дикий поступок Бориса связан с перепиской Кира и Бориса. И Леля и Кир боятся всего самого ужасного – скамьи подсудимых для Бориса – они боятся, что он даст этой даме вексель – не от себя. В одном из писем Бориса к Оле есть указания, что он “должник” этой даме. Я не знаю, не решу ли я попытаться что-нибудь узнать, так как сведения, что Бо-

рис здесь: 1) Кир его видел, 2) швейцар дома заявил об этом одному из Олиных знакомых, который по просьбе Оли справлялся об адресе Бориса. Оля, не получая долго писем, волновалась, а из телефона этой дамы отвечали, что не знают адреса Бориса. Затем, за шубой Бориса, будто бы для отсылки в Париж, присылали в середине декабря. Трудно представить себе состояние Оли. Она говорит, что больше всего боится встречи Кира с Борисом. Кир настаивает, чтобы Оля не звонила Борису, так как он думает, что в ответ будет ультиматум: Борис приедет, но не один, а с дамой. Но я не понимаю смысла такого поступка, без всякого письменного извещения и предварительных переговоров. Всё это ужасно...

Гревсов не видел. Катя с Иваном⁷ в Финляндии. Говорят, у Кати был уже сахар раньше (в Париже) и прошел. Но она не хочет лечиться. С Машей⁸ теперь Лиза Гревс и Ольденбурги. Сергей болен, но сейчас ничего. Видел у него Костю Старын⁹. – необычайно худого – но Федор говорит, что молодежь Старын-кевичей¹⁰ и их компания производят самое хорошее впечатление.

Вчера весь вечер провел у Петрункевичей. У Оли сидела miss Anna¹¹, мешала нашему разговору, и я не смог ее пересидеть! Иван Ильич¹² был несколько нездоров, но сейчас лучше. Весь вечер спорил с Ан. Серг.¹³, как с ней часто [бывает], спор был неясный. Читал им свою речь, она им понравилась¹⁴.

15 января она уже выйдет из печати¹⁵. По-видимому, в заседание Академии придет много народу. Но я теперь вожусь с дальнейшим шагом и сговорился что поднимаю тот же вопрос на ассоциации Академий и через Петербургскую академию переносу составление минералогической радиоактивной карты земной коры на международную почву. Переговорю в Париже с Кюри, Де Лоне и Лакруа – в Вене с Зюссом и Бервертом и Дельтером и, если почва окажется хорошей, из Вены же пришлю записку. Здесь ее переведут по-французски.

Хочу остановиться в Берлине, так как надо узнать об условиях приобретения там коллекции Янсона.

Я полон мыслей и планов. Для меня совершенно выясняется организация систематической спектроскопии минералов комбинацией 4-х спектроскопов, и эту работу организую через Леденцовское общество.

Вчера весь день сидел в музее и сегодня тоже. Сколько интересного кругом! Забыл написать тебе, что Аршинов прислал тебе 20 руб. на settlement¹⁶. Через Нюту¹⁷ передал Гр.Гр.¹⁸ Леля очень расспрашивала о Гр. Гр., который между прочим долго сидел у нас в день отъезда. Подозревают роман?

Нежно и горячо целую тебя и дорогую Нинулю¹⁹. Поцелуй всех.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 54. Л. 17–18.

- ¹ Номер проставлен В.И. Вернадским.
- ² О.И. Алексеева.
- ³ С.Ф. Ольденбург.
- ⁴ Ф.Ф. Ольденбург.
- ⁵ Борис Кирович Алексеев.
- ⁶ Кир Алексеевич Алексеев.
- ⁷ Екатерина Ивановна и Иван Михайлович Гревсы.
- ⁸ Мария Сергеевна Гревс.
- ⁹ Константин Дмитриевич Старынкевич.
- ¹⁰ Имеются в виду дети старинного друга В.И. Вернадского и С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбургов Дмитрия Сократовича Старынкевича и его жены Елены Константиновны: кроме упомянутого Кости, были Ада, Дебора, Иоанна, Ирина, Сократ.
- ¹¹ Фамилию установить не удалось.
- ¹² Петрункевич.
- ¹³ Анастасия Сергеевна Петрункевич.
- ¹⁴ Имеется в виду доклад В.И. Вернадского “Задачи дня в области радия” на годичном заседании Академии наук в Петербурге 29 декабря 1910 г.
- ¹⁵ Задачи дня в области радия – Известия императорской АН (ИИАН). 6-я сер. 1911. Т. 5, № 1.
- ¹⁶ Расчет (англ.).
- ¹⁷ А.С. Короленко.
- ¹⁸ Фамилию установить не удалось. В письмах иначе как Гр.Гр. его не называли. Это жених А.С. Короленко. В мае 1911 г. она дала согласие на венчание, о чем в письме сообщила В.И. Вернадскому, но свадьба не состоялась. См. письмо 841 и коммент. 3 к нему. В письме от 24 октября 1911 г. А.С. Короленко писала В.И. Вернадскому: От Гр.Гр. получила письмо, он собирался в Петербург на учительские курсы и съезд о малолетних преступниках” (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 821. Л. 11).
- ¹⁹ Н.В. Вернадская.

№ 817

20 января 1911 г., Москва

Москва, 20.I.1911

Дорогая моя Наталочка, Нинуля¹ уехала с Галей² в Петровское. Она весела и мила. Все хорошо у нас. Сейчас иду бросать бюллетень за Тесленко³. Всё утро просидел интервьюер о ради! Известие о моей поездке проникло в печать и ко мне поступает ряд просьб взять с собой на экскурсию и т.д. Любопытно, всё-таки, публику интересуется. Вчера мы выработали план – Касперович едет вместо Ферсмана. А с Ферсманом едем на Урал, если только не очень устану после Ферганы – Закавказья. Получил письмо из Вены от Диллера: я ему указал попробовать синтез ор-

токлаза с цезием – рубидием – ему удалось – он спрашивает, где я печатал, а наша работа с Касперовичем прервана... И в Академии поставить будет ее трудно.

Нежно целую.

Твой *Владимир*

P.S. Только что получил письмо Кунца из Нью-Йорка: он назвал новый минерал в честь миллиардера Моргана – морганитом, а теперь оказывается моим воробьевитом!

На обороте: Ее Высокопревосходительству Анастасии Сергеевне **Петрункевич** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Басков, 4, **Петербург**.

Оп. 7. Д. 55. Л. 1.

¹ Н.В. Вернадская.

² А.С. Короленко.

³ О каких выборах идет речь, установить не удалось. Очевидно, В.И. Вернадский имел в виду Николая Васильевича Тесленко – депутата 2-го созыва Государственной думы (20.2-2.6.1907).

№ 818

8/21 января 1911 г., Вена

Вена, 8/21.I.911

Дорогая моя Наталочка, пишу немного – хочу, чтобы сегодня же получили письмо. Сегодня приехал в Вену рано утром и с Ферсманом осматривал коллекцию Кочубей¹. Мне кажется (и Ферсман тоже думает) она не стоит 200 000 – 300 000 (руб.), которые хочет получить Кочубей. Стоит она значительно меньше – едва ли больше 100 000 руб. Днем были с Ферсманом у минералогического торговца Бёма – выбирали минералы для Университета и Академии².

В Мюнхене видел Грота и Фрау Грот. Она очень тебе кланяется, также как и Грот. В Москву она не едет, так как мать стала стара и она [теперь] дома нужна. С Гротом говорил о своей идее исследования радиоактивных минералов. Он обещал поддержку, но мне кажется, и он и другие минералоги не сознают происходящего процесса. Здесь перетолкуем еще с венцами. В Австрии сейчас минералогия поставлена лучше чем в Германии, и здесь есть ряд ученых – интересных. В Мюнхене Грот чувствует отсутствие молодежи. Жалуеться и говорит, что я счастлив, что могу находить людей для работы. У них огромный их недостаток. Шире открываются поприща жизни? Или глубже сейчас интерес к научной работе в русском обществе? Если бы нам недолго спокойствие в общественной политической жизни! Как сильно могли бы забиться русская мысль и русская жизнь!

Здесь ворчат всюду на рост русской научной литературы, выражают неудовольствие, но ясно чувствуется, что они будут считаться с фактом. Я хочу поместить об Индии небольшую заметку в Comptes Rendus Парижской академии³, так как Urbain и я идем по одному пути.

Здесь получил письма твои, Гули⁴ и Нинули⁵. Такая дорогая деточка – но не хочет получать открыток! Анастасия Сергеевна⁶ говорит, что она умна и разобрала хорошо дело. Гуле сегодня одновременно с тобой написал. Павлу Ивановичу и Лидии Антоновне⁷ передай мой самый горячий привет и пишу завтра.

Нежно и горячо тебя целую. Поцелуй деточку. Надеюсь Нюта⁸ скоро будет: она хотела быть до моего приезда. Целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55.

¹ В.П. Кочубей обратился в Академию наук с предложением продать свою минералогическую коллекцию, предварительно осмотрев ее с представителями Академии в Вене. 26 мая 1910 г. была создана специальная комиссия в составе: А.П. Карпинского, Ф.Н. Чернышева, С.Ф. Ольденбурга и В.И. Вернадского. Отделение физико-математических наук (в заседании 24 ноября 1910 г.) просило В.И. Вернадского съездить в Вену для определения ценности коллекции. В Вену В.И. Вернадский был командирован вместе с А.Е. Ферсманом с 4 по 25 января 1911 г.

² Имеется в виду Московский университет и Петербургская академия наук.

³ Статья В.И. Вернадского в указанном издании не появилась.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ Петрункевич.

⁷ Новгородцевы.

⁸ А.С. Короленко.

№ 819

10/23 января 1911 г., Вена

Вена, 10/23.I.911

Дорогая моя Наталочка, очень благодарю за письма, которые аккуратно получаю. Получил и все пересланные. Мне кажется в деревню придется кому-нибудь из нас поехать – может быть Гуле?¹ Там ведь теперь много продажного хлеба. Вернувшись, начну переговоры об аренде, а если не удастся сдать, придется взять управляющего.

Ужасны трагедии жизни кругом – и Варя² и Кожевникова³ – а в Петербурге Оля⁴, Гревсы⁵, Кауфман. Жизнь жестокая штука... Надеюсь уехать отсюда в пятницу вечером; день пробуду между поездами в Кракове и скоро буду в Москве – раньше, чем думал, должно быть около 18 января – еще не рассчитал. Еду с

Ферсманами. Сегодня вечером иду с ними в оперу, к сожалению, на “Севильского цирюльника”, на Вагнера билета не достали. Завтра вечером будем у профессора Бекке и пойдем с ним осматривать Volksheim⁶ и новый народный университет Вены. Наученный парижским опытом послал телеграмму-письмо Экскеру, директору радиевого института здесь.

Австрия сейчас для минералогии гораздо интереснее Германии. Достаточно сказать, что в Венском университете две кафедры минералогии, кроме петрографии!

Кочубея коллекция интересная. Она **стоит** теперь, даже пострадавшая около 150 000 рублей, но теперь надо искать денег... В четверг закончим ее рассмотрение...

Нежно и горячо целую тебя и нашу бесценную детку.

Нежно целую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 55. Л. 65–66.

¹ Г.В. Вернадский.

² Варя Бекарюкова. В открытке Н.Е. Вернадской от 30 марта 1911 г. из Москвы: “Днем вчера... были на кладбище с Бекарюковыми, был 40-й день по Варе” (Ф. 518. Оп. 2. Д. 39. Л. 60).

³ В письме от 1 сентября 1911 г. Н.В. Вернадская писала В.И. Вернадскому: “Слыхал ли ты, что Маня Кожевникова умерла? Ужасно, так жалко ее мать и Соню и всех” (Ф. 518. Оп. 3. Д. 275. Л. 116об.).

⁴ Очевидно, В.И. Вернадский имеет в виду свою сестру О.И. Алексееву, которая в 1910 г. потеряла очень близкого человека, сестру Е.И. Короленко, и у которой не сложились отношения с единственным сыном.

⁵ В 1910 г. умерла 16-летняя дочь И.М. и М.С. Гревс Шура.

⁶ Народное общежитие (нем.).

№ 820

12/25 января 1911 г., Вена

Вена, 12.I.1911

Дорогая моя Наталочка, сегодня получил твое письмо и Ни-нулино¹ вместо вчера, так как на нем не было достаточно марок. Так я благодарен тебе, что ты часто пишешь. Хотя ты и говоришь иногда, что мне не нужно вас, но в глубине души наверное этому не веришь. Нютино² письма, о котором пишешь, внутри не оказалось.

Пишу перед сном, немного усталый, так как хочу чтобы письмо пошло скорее. Сегодня сидел над коллекцией Кочубея, затем был в университете у Дельтера, который показывал нам куншт-штюки – любопытные вещи, которых я никогда не видел: микроскоп, в который можно рассматривать явления при температуре

до 1200°, и печь для минеральных синтезов для 3000° – т.е. для максимальной температуры, которая достигнута! Эта печь стоит больше 6000 рублей. Затем вечером был у Зюсса – президента здешней Академии и имел с ним разговор о радиии. Завтра иду в радиоактивный институт, где меня уже будут ждать. Много любопытного. Я как-то всегда чувствую ярко и глубоко, как много интересного и как мало успеваешь сделать.

Коллекцию Кочубея закончу завтра. По нашей приблизительной оценке ей хорошая цена 150 000 руб., я думаю он будет требовать больше и, конечно, есть у него уника, цену которым определить нельзя. Есть вещи великолепные, и в общем коллекция очень хороша.

Хочу уехать в пятницу вечером. Между поездами в субботу пробуду в Кракове, а затем во вторник в Москве! Я очень был бы рад, если бы ты, если тебе не трудно, меня встретила, моя дорогая Туся. Ферсманы не едут через Краков и выедут из Вены в субботу.

Нигде не могу найти ни “Klio”, ни “Eos”! “Эос” никто здесь не знает, а Clío, говорят, такая древность, которая заменена другими более совершенными! Еще буду искать. Свое перо исправил: здесь отделение Ватерманнов; они взяли 5½ крон и дали попросту мне новое. Очевидно, исправлять их не так легко.

Нежно и горячо целую вас обеих, мои дорогие. Нинула должна была получить и второе мое письмо. Получила?

Нежно целую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 55. Л. 63–64.

¹ Н.В. Вернадская.

² А.С. Короленко.

№ 821

12 марта 1911 г., Петербург

Петербург, 12.III.911

Дорогая моя Наталочка, получил твои два письма, Нютино¹ и Нинино². Думаю приехать во вторник или среду. Здесь много всякого дела в связи с экскурсией. Выработали план – кажется, придется ехать позже, в конце апреля, может быть, впрочем, мы изменим план – раньше проедем на Кавказ. Начал всякие хлопоты по организации кабинета и лаборатории³: не знаю, как в конце концов всё устроится. Видел народу еще мало – сегодня еду к Шахматову и Салазкину. Здесь весь Петербург был поглощен ис-

торией со Столыпиным⁴ – но **трагикомическая** буффонада, которой она закончилась, была для всех неожиданна.

Нежно и горячо целую тебя, Нинусю и Нюточку.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталии Егоровне **Вернадской**, Университет, **Москва**.

Оп. 7. Д. 55. Л. 37.

¹ А.С. Короленко.

² Н.В. Вернадская.

³ В.И. Вернадский начал хлопоты по организации научной работы в Петербурге в Академии наук в связи с уходом из Московского университета; имеются в виду минералогический кабинет и радиохимическая лаборатория.

⁴ Председатель Совета министров П.А. Столыпин после того, как Государственный совет не принял его проект закона о введении земского положения в северо-западных и юго-западных губерниях, подал в отставку, которую не принял Николай II.

№ 822

14 марта 1911 г., /Петербург/¹

14.III.11

Дорогая моя Наталочка, выезжаю завтра и буду в Москве в среду. Через неделю опять надо будет быть в Петербурге. Вчера был у Паши² – у него очень хорошо, но слишком далеко от всего. Здесь взбудоражил Петербург инцидент Столыпина³ – раньше как-то чувствовалось иное. Вчера был с Машей⁴ на могиле Шурочки⁵ – как всё это тяжело. Кое-как налаживаю здесь работу, сижу над корректурами.

Нежно и горячо целую тебя, Нюточку⁶; Нинулика⁷. Сегодня днем на заседании у И.И.⁸ Нежно целую.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Университет, **Москва**.

Оп. 7. Д. 55. Л. 2.

¹ Открытка написана в Петербурге, что следует из ее содержания: “Здесь взбудоражил Петербург инцидент Столыпина...” и т.д.

² П.Е. Старицкий.

³ См. коммент. 4 к письму 821.

⁴ М.С. Гревс.

⁵ А.И. Гревс.

⁶ А.С. Короленко.

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ Иван Ильич Петрункевич.

24 марта 1911 г., Петербург

Петербург, 24.III.911

Дорогая моя Наталочка, хорошо, что взял теплое пальто: здесь холод до 9 градусов – санный путь, полная зима!

Видел вчера Олю¹, Петрункевичей. Сегодня вечером у Фаминцына, днем у Е.П. Ковалевского (члена Думы), который интересуется радиом и хочет поднять этот вопрос в обществе². Хочу повидать сегодня же Пашу³, чтобы передать ему деньги. Вчера мне выдали талон на 2200 рублей, скопленных для нас Шварцем. Я думаю уплатить их все Паше – т.е. мы покроем большую часть дома, а может быть можно будет заплатить и остальное теперь же или осенью. Получил здесь еще 93 руб. с копейками за постановку щитов и 288 руб. жалования с квартирными и т.д. Таким образом мы материально справимся.

Академики очень хвалят гимназию Шаффе⁴. Чернышев говорит, что это лучшая на Васильевском острове. Он говорит, что Ячевский (мой знакомый геолог) поместил туда свою дочь и в восторге от гимназии. Они рассказывают – про старшие классы, – что там вовсе не узкое, заскорузлое преподавание... Я думаю, что тебе надо бы написать Шаффе о нашем согласии.

Какая шикарная бумага у Сергея!⁵ Совсем не отвечает моему конверту.

Нежно целую Нинулю⁶, Нюточку⁷, тебя. Жду писем.

Твой *Владимир*

Очень возможно, что приеду утром в пятницу. Масса дел.

Оп. 7. Д. 55. Л. 67–67а.

¹ О.И. Алексеева.

² Евграф Петрович Ковалевский – октябрист, депутат III (1907–1912) и IV (1912–1917) Государственных дум. В III Гос. думе был товарищем председателя Комитета народного образования и Комитета о гимназиях. См. письмо 824.

³ П.Е. Старицкий.

⁴ Речь идет о выборе гимназии для дочери Вернадских Ниночки. Гимназия Шаффе ей не понравилась, и она по совету М.С. Гревс перешла в Василеостровскую гимназию Могилянкой. (АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 64. Л. 44об.).

⁵ С.Ф. Ольденбург.

⁶ Н.В. Вернадская.

⁷ А.С. Короленко.

24 марта 1911 г., С.-Петербург

С.-Петербург, 24.III.911

Дорогая моя Наталочка, вчера уплатил Паше¹ 2200 рублей. У нас осталось таким образом меньше половины (около 1400 ?). Он не хотел брать, но я его убедил. Получил я, оказывается, еще больше – 2295!

Сегодня иду обедать к Сереже Митроф.², которого встретил на улице. Хочу вечером на часок зайти к Кауфману. Вчера вечером был у Фаминцына, который очень мил, всё вспоминал старое Сорренто, и он и его жена очень просили тебя быть у них, когда приедешь. Скажи Нинуле³, что у них около 20 прелестных ручных птичек. Они ее приглашают.

Был вчера у Ковалевского. Оказывается от имени фракции октябристов, Ковалевский при обсуждении бюджета⁴, цитируя очень подробно мою речь в Академий⁵, внес пожелание о необходимости ассигнования достаточных средств на радиоактивные исследования. Я думаю, что я здесь устроюсь. Сговорился с Ковалевским, что к бюджету Академии будет прибавлено на три года по 10 000 рублей на радиоактивные исследования. Знаешь, я чувствую, что если буду работать, добьюсь чего хочу. Из разговоров Фаминцына, Карпинского и других я чувствую с их стороны очень доброжелательное отношение к предположенным мною работам, которые они считают важными и указывают, что Академия обязана во что бы то ни стало их обставить как следует. Мне даже как-то совестно, что так оценивается работа, недостатки которой я чувствую резко и сильно. Но интерес вопроса меня охватывает всё больше и глубже.

Вчера был в Горном институте у Рейнвальда, который геологически изучал Тюя Муюн. Удивительно слабое явление...

Передо мной открываются все новые перспективы – были бы силы...

Нежно и горячо целую тебя, Нюточку⁶, Нинулю. Лелю⁷ я нашел лучше, чем раньше.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 3–4.

¹ П.Е. Старицкий.² Сергей Митрофанович Зарудный.³ Н.В. Вернадская.⁴ См. комментарий № 2 к письму № 823.⁵ См. коммент. 14 к письму 816.⁶ А.С. Короленко.⁷ О.И. Алексеева.

28 марта 1911 г., Петербург

Петербург, 28.III.911

Дорогая моя Наталочка, корректуру¹ получил, благодарю. Сейчас много работаю с корректурой и отчасти готовлюсь к радию. Работы масса и не успеваю толком сделать. Придется ехать должно быть сперва на Кавказ, так как ферганские инженеры выезжают должно быть через месяц. А если попасть в Закавказье позже, будет очень жарко. Хотелось бы выехать около 15 апреля.

Вчера был у Оли², она упала на спину со стула и сильно ударилась. Никого не было, и она лежала, пока не пришла Степанида. Сейчас говорил с ней по телефону, ей лучше, и она даже выезжала на кладбище. Сегодня годовщина смерти отца – я и не знал: не помню всех этих дат.

Вчера был на радиевом заводе с Ненадкевичем. Обещали прислать и остатки радия и т.д. Я остался доволен, что видел, но напрасно не унесли то, что отобрали. Ненадкевич за меня, кажется, остался недоволен и за меня и за себя высказал другому инженеру, что мы остались недовольны холодным приемом! Вечером был на заседании Общества испытателей – отделении минералогии и геологии, где не был с 1888! Попал очень неудачно, так как по предложению Карпинского чествовали женевского профессора Дюпарка, бывшего на заседании, и меня. Карпинский произнес нам речи и очень как-то неловко чувствовать публичные похвалы... Но заседание интересное, хотя очень долго.

Сегодня ко мне заходил сюда Ячевский. Он в восторге от гимназии Шаффе³, где кончила его дочь. Он говорит, что это лучшая гимназия в С.-Петербурге, что *serie technique* совсем не страшны, а, наоборот, усваиваются легко, но зато девочки научаются не болтать по-французски, а настоящему языку. Очень хвалит теперешнюю начальницу и говорит, что отношение к ученицам хорошее.

Сегодня иду обедать к Гревсам, которых еще не видел, а вечером буду опять в музее писать записку о Ломоносовском институте⁴.

Нежно и горячо целую тебя, Нюточку⁵, Нинулю⁶. Что это опять кровь?⁷

Нежно целую.

Твой Владимир

Должно быть приеду в пятницу.

¹ Очевидно, речь идет о работе: *Вернадский В.И.* О необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: АН, 1911.

² О.И. Алексеева.

³ См. коммент. 4 к письму 823.

⁴ *Вернадский В.И.* О ломоносовском институте при имп. Академии наук. СПб.: АН, 1911.

⁵ А.С. Короленко.

⁶ Н.В. Вернадская.

⁷ Очевидно, речь идет о здоровье А.С. Короленко, которая была больна туберкулезом.

№ 826

21 апреля 1911 г., Евстратовка

21. IV. 911, Евстратовка

Едем очень хорошо, моя дорогая. Чудное теплое весеннее утро – тихо, тепло. Спали хорошо. Едем в новом вагоне.

Очень хотелось бы иметь о вас всех известия, а теперь еще долго не буду их иметь.

Я думаю, что для укладки книг тебе лучше взять не одного Гаврилу¹, но и Ваню². Не забудь оставить Александру Евгеньевичу³ чек именной на 1000 рублей.

Я все-таки забыл кое-какие визиты – придется кое-что написать (например, В.Д. Соколову).

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю⁴, Нюточку⁵. Пускай Нюта будет осторожна. Скажи деточке, что я очень жду ее писем.

Нежно целую.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Университет, **Москва**.

Оп.7. Д. 55. Л. 5.

¹ Имеется в виду Гаврила Павлович Щедров, служитель при Минералогическом кабинете Московского университета.

² Ваня, фамилию установить не удалось.

³ Ферсман.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ А.С. Короленко.

22 апреля 1911 г., Новороссийск

Новороссийск, 22.IV.911

№ 2¹

Дорогая моя Наталочка, сегодня утром приехали в Новороссийск и отсюда едем на пароходе. Ехали все время отлично. Погода чудная – летняя. Море сейчас тихое и спокойное и Г.И.², который боится моря, успокоился, кажется. Агент нам сказал, что пароход, который идет – один из лучших (“Великий князь Александр”) – нам оставлена 4-местная каюта I-го класса.

В Батуме, мы должно быть пробудем больше, чем ожидали, так как хотим проехать в Артвин, где пробудем дня 2. Артвин – 90 верст от Батуми, на лошадях, в горы. Около Артина мы думаем обойти пешком область гранитных пород, где есть надежда найти пегматитовые жилы.

В Батуми приезжаем вечером 24-го, 25 пробудем в городе – должно быть буду тебя просить телеграфировать в Артвин. Посмотрим – 26-го не думаю быть в Батуме?

Чувствую себя недурно, но пока жарко в теплом белье – сниму его однако уже после моря.

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю³, Нюточку⁴. Очень хочу о вас известий.

Твой *Владимир*

P.S. Не забудь же ответить на письмо крестьянина о дубах. Ему надо дать знать, что они нужны, на прежних основаниях (3 руб. фунт). Посылать можно или Якову Владимировичу⁵ или мне в Академию, Геологический музей.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Университет, **Москва**.

Оп. 7. Д. 55. Л. 6.

¹ Номер проставлен В.И. Вернадским.

² Генрих Иосифович Касперович.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ А.С. Короленко.

⁵ Самойлов.

25 апреля – 1911 г., Батуми

Батум, 25.IV.911

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером приехали в Батум. Все время была чудная погода, но довольно прохладно. Сейчас пишу рано утром – 5½ часов утра. Тепло, но небо пасмурное. К.А.¹ и Г.И.² ушли на турецкий базар нанимать возницу. Хотим ехать на целый день к устью Чороха – верст 7–10 от города. Вечером вчера Яков Владимирович³ и Генрих Иосифович послали тебе мою телеграмму. Она должна придти рано утром. Ты, должно быть, сообщила по телефону С.Я.⁴

Хотим завтра с утра выехать в Артвин – надо выехать часа в 4 утра и приедем туда к вечеру. Там пробудем дня 2 или 1 день. Там пройдем в гранитной области. Оттуда опять вернемся в Батуми. Таким образом в Батуми придется пробыть дольше, чем думали в Москве. Об этом я тебе уже писал.

Очень жду известий от тебя, моя дорогая. Как-то вы все в Москве? Знаешь из газет вижу, что третьего дня здесь был Краснов! Может быть он не уехал – буду его искать.

Нежно и горячо целую тебя, Нинусю⁵, Ньюточку⁶.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Университет, **Москва**.

Оп. 7. Д. 55. Л. 7.

¹ Константин Автономович Ненадкевич.

² Генрих Иосифович Касперович.

³ Самойлов.

⁴ Софья Яковлевна Самойлова.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ А.С. Короленко.

29 апреля 1911 г., Батуми

Батум, 29.IV.911

Дорогая моя Наталочка, сегодня выезжаем в Тифлис, где надеюсь найти твои письма, нашу всю корреспонденцию.

Если около Батуми есть радиевые минералы, то ничтожные следы, не имеющие никакого практического значения. Вчера вечером вернулись из Артвина – удивительно красивое шоссе по течению быстрой горной реки Чороха – река напоминает Терек. Великолепное шоссе, содержащееся в образцовом порядке. Мы

сделали эти 90 верст с большим удовольствием – ехали четверкой, в хорошем фазтоне. В общем благополучно – вывернулись из экипажа при спуске – но удачно. Константин Автономович¹ и кучер полетели, я выскочил, а Генрих Иосифович² и Яков Владимирович³ остались. Больше других пострадал кучер, но пустяки. В Артвине остановились у самого моста в удивительном красивом месте за городом – в духане. Спали на своих походных кроватях, которыми пользуемся и в гостинице в Батуме – они великолепны. Из Артвина мы экскурсировали целый день. Разделились на две партии (я – Самойлов) другая – Генрих Иосифович и Ненадкевич. Прошли мы пешком по 30 верст в очень интересной живописной местности. С нами были проводники турки, ни слова не знающие по-русски. Край этот более 30 лет находится в русском владении, но население явно сторонится. Всюду пикеты стражи, солдат. Турецкая граница верст 15–20 отсюда. В общем край едва ли очень богат. Всё раскалено, что можно. Леса сильно страдают от скота. В более низких местах мы ехали, впрочем, по чудным местам. Горы были покрыты желтыми душистыми цветами азалий, рядом с ними какие-то мне неизвестные фиолетовые цветы кустами. Внизу виноградники, мирты, фиги... Мороз этого года, который не запомнят старожилы, сильно пагубно подействовал на растительность: пальмы, драцены и тому подобное, растущие в Батуме на вольном грунту, сильно пострадали, пострадали и мандарины.

Сюда еще раз вернется Генрих Иосифович и окончательно отделает эту область, но результат будет **отрицательный** и в научном отношении не очень большой.

Погода все время нам благоприятствует.

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю⁴, Нюточку⁵. Нюте может быть успею еще написать отсюда, и Оле⁶ тоже.

Нежно целую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 55. Л. 8–9.

¹ Ненадкевич.

² Касперович.

³ Самойлов.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ А.С. Короленко.

⁶ О.И. Алексеева.

30 апреля 1911 г., Тифлис

Тифлис, 30.IV.1911

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером приехали в Тифлис. Приехали ночью, едва нашли помещение в гостинице, так как наехала масса туристов – все гостиницы заняты.

Сегодня целый день был занят здесь в связи с устройством дальнейшей экскурсии. Утро до 1 часу дня провел в канцелярии наместника¹ и у него в помещении – надо было доставать открытые листы, получать разрешение на покупку карт, часть которых оказалась секретной(!) и т.д. А между тем из Академии наук бумага обо мне не пришла. Послал сегодня телеграмму Сергею². Правда здесь все мне удалось устроить, но это была личная любезность: думаю помог радиий и газетные известия! Узнал здесь, что на днях меня выбрали почетным членом здешнего Общества естествоиспытателей, только что образовавшегося. Завтра днем иду к наместнику, которого еще не видел! Он “пожелал”, как мне сказали, со мной познакомиться. Все это здесь поставлено на очень важную ногу, должно быть как было при великом князе Михаиле Николаевиче. У его помощника – Ватаци³ – сегодня был и в разговоре пришлось ему рассказывать о “чудесах радия”. Затем был в Горном управлении два раза. Здесь познакомился с молодыми геологами, один из которых Крук, приятель Ненадкевича, едет с нами в Кульп. Там рассматривал всякие минералы и породы и сомнительные пробую на радиоактивность.

Сейчас, вечером, Ненадкевич и Касперович ушли к Алибегову, городскому химику, который приходил с нами познакомиться, осматривать его материал, а я пишу тебе, и в комнате в фонтаскопе лежит один сомнительный минерал из Зангезурского уезда, найденный мною в запущенной коллекции Горного управления. Может быть и окажется радиевым... Но как все это неясно, не изучено – огромная темная область, в которую входишь. На ночь Ненадкевич и Касперович попытаются сделать его радиограмму.

Завтра рано утром иду в музей, который переделывается, но нам достанут нужную коллекцию, и мы убедимся – не ошибка ли указание на урановую слюдку из Баксанского уезда...

Днем идем завтра в Ботанический сад – хочу еще зайти к Харичкову.

В Кульп едем послезавтра, 2-го, рано утром; должно быть вернемся к ночи 4-го в Тифлис и 5-го вечером будем в Баку. Генрих Иосифович⁴ остается и начинает самостоятельную экскурсию.

В общем, для меня выясняется очень многое, но больше всего выясняется малое мое знание. Я как-то подавлен раскрываю-

щейся передо мной картиной. Сейчас читаю книжку Лондона о радиации в биологии и медицине⁵. Кажется, это детский лепет будущей сильной речи...

Нежно и горячо целую тебя, Нюточку⁶, Нинулю⁷.

Твой *Владимир*

Заказного письма, о котором ты пишешь, не получал. Не получил и корректуры (от) Казакова⁸. Написала ли ты Фридлиндеру и Вегу, чтобы они посылали мне всё в Петербург и послали ли статьи?

Нежно целую.

Твой *Владимир*

Немного простудился, насморк и хрипота. Но самочувствие хорошее.

Оп. 7. Д. 55. Л. 10–11.

¹ Наместником Его Императорского Величества на Кавказе в это время был граф Иван Иванович Воронцов-Дашков.

² С.Ф. Ольденбург.

³ Эммануил Александрович Ватацци был помощником по гражданской части наместника Его Императорского Величества на Кавказе.

⁴ Касперович.

⁵ Лондон Е.С. Радий, его значение в биологии и медицине. СПб.: Наука и искусство; О. Ривош. и К^о 1911].

⁶ А.С. Короленко.

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ Казаков, сотрудник типографии Московского университета; см. коммент. к письму 825.

№ 831

4 мая 1911 г., Тифлис

Тифлис, 4.V.911

Дорогая моя Наталочка, сегодня вернулись из Кульпы и едем завтра утром в Баку – вместе с Самойловым и Ненадкевичем. Касперович остался в Кульпе.

Моя кавказская экскурсия заканчивается. В смысле находок радиевых месторождений, я думаю, этот год будет для Кавказа отрицательным. Кульпа также как Чорух ничего не дает для урановых минералов. Поездка туда была любопытна (как все новое), но утомительна. Представь себе, что я сделал 30 верст **верхом**! А затем в Кульпу я приехал под дождем вечером, когда ничего не видно, и я решительно воспротивился переезжать верхом вброд горную речку, так как ровно ничего не видел и с трудом сидел на лошади. Переехал ее в арбе на буйволах. Первую лошадь я сменил (так как мне по моей просьбе дали самую смиренную, но она подо мной очень устала и среди дороги отказалась идти) и пересел на лошадь стражника, ко-

торая все время подо мной джигитовала, и я должно быть представлял довольно печальную картину, “нервничал” как осторожно выражается Яков Владимирович¹ – попросту очень боялся, когда он подъезжал к моей лошади, когда на нас нападали собаки и т.д. Весь путь был любопытен. Куру мы переезжали в лодке (особой – наймак) в грозу*; для переезда через один из ее протоков лодку доставили нам первобытным образом: лошади ее тянули, а лошадей держали за хвосты! Обратно из Кульпа я уже не решился ехать верхом и приехал на другую станцию на буйволах, на арбе.

Передо мной стал теперь план работы: искать ли только Раминералы и бросать сейчас же раз их **не** нашли – или указывать, **что** мы нашли вместо указанного в литературе. Первый способ дешевле, но зато бесплоден, второй дороже, но научно полезен. Я остановился на втором. И теперь кульповские окрестности работает Касперович, между прочим мы нашли там область гранитов, о которых никто не знал.

Моя мысль все время ищет путей для дальнейшей работы, так как я предвижу отрицательный результат пути предпринятого для Кавказа. Надо надеяться, найду. Во всяком случае, у меня теперь ряд предположений.

Касперович проэкскурсировал со мной достаточно, и я думаю, он сделает теперь работу хорошо.

Сегодня получил от тебя телеграмму и поэтому пишу это письмо в Петербург, к Петрункевичам. Я уверен, что ты их увидишь. Ниночке² напишу несколько слов или Гуле³ в Москву, чтобы ты знала обо мне, если случайно Петрункевичей нет в Петербурге. Передай им мой самый горячий, нежный привет.

Сейчас еще не поздно, но всё время тучи, собирается дождь, и я не знаю, выйду ли куда, кроме бани, куда собираюсь. Уже две недели в дороге.

От тебя нет писем с 25-го. Очевидно, ты не рассчитала для Тифлиса. Вероятно, они меня ждут в Баку. Я уже тебе писал, чтобы ты вместо Ташкента писала мне на ст.Федченко, Средне-Азиатской железной дороги, до востребования.

Твоего заказного письма сюда не получил.

Нежно и горячо тебя целую.

Твой *Владимир*

* Река крутила и вертела лодку. Кура поразительно быстра и картина переезда, величественна и красива.

Оп. 7. Д. 55. Л. 12–13.

¹ Самойлов.

² Н.В. Вернадская.

³ Г.В. Вернадский.

6 мая 1911 г., Баку

Баку, 6.V. 911

Дорогая Наталочка, здесь получил твое письмо от I-го. Приехали вчера ночью и уезжаем сегодня около 6 часов дня. Сейчас здесь дождь и очень мало, что можно видеть. Но, с другой стороны, я не хочу очень форсировать поездку, чтобы не устать.

Выезжаем на пароходе, говорят, хорошо и завтра днем должны быть в Красноводске. Оттуда едем до Самарканда, где я предполагаю остановку на два дня. Море тихое, но кругом ветер и не знаю не нагонит ли он качку.

Я писал тебе одно письмо в Петербург. Это пишу в Москву, к Любошинским. Из Самарканда буду писать уже в Полтаву. Здесь получил письмо Гули¹ – скажи ему, что я ему писал на имя Любошинских.

Самойлов очень волнуется из-за сына. Нинуля² была у них как раз при заболевании? Ничего? Ей я писал из Тифлиса.

Московские выборы все-таки лучше, чем могло быть. Правда, Любавский трусит начальства, но человек честный. Подгулял Елистратов³.

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую. Поцелуй Любошинских. Детеночка нежно обнимаю. Гулю и Нюточку⁴ также. Жду известий в Самарканде. Адрес пока: Ст. Федченко, Средне-Азиатской железной дороги, до востребования.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**. квартира **Любошинских**, Зубовский бульвар, дом Любошинской, **Москва**.

Оп. 7. Д. 55. Л. 14.

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.В. Вернадская.

³ Имеются в виду выборы в Московском университете. После увольнения не только от должностей, но и из университета ректора Александра Аполлоновича Мануйлова, помощника ректора Михаила Александровича Мензбира и проректора Петра Андреевича Минакова, были утверждены: ректором университета декан историко-филологического факультета Матвей Кузьмич Любавский, помощником ректора секретарь физико-математического факультета Эрнест Егорович Лейст, проректором – Аркадий Иванович Елистратов.

⁴ А.С. Короленко.

9 мая 1911 г., Самарканд

Самарканд, 9.V.911

Дорогая моя Наталочка, сегодня приехали сюда. Оказывается эта весна неслыханная по количеству дождей. Пустыня превратилась в болото, всюду хотя и скверная, но трава. Один из бухарцев, с которым мы ехали, говорил, что не только он сам (ему 40 лет), но и его отец не запомнит ничего подобного! Яков Владимирович¹, который хотел видеть пустыню, палящий зной, пустынную пыль, был далее огорчен. Но ехать вследствие этого было очень хорошо.

Здесь получил ответную телеграмму от Бунге, что на руднике никого нет и что Антунович собирается выехать на днях! На меня это производит впечатление даже, что они делают это нарочно, чтобы не пустить нас осмотреть рудник в благоприятных для нас условиях... Мы, во всяком случае, едем и будем там 12-го. Завтра или останемся еще в Самарканде, или уедем в Коканд, где я хочу сделать поездку на месторождение серы.

Самарканд мы видели мельком. Развалины бывшего величия в грязном и вонючем Сартском городе производят сильное впечатление. Мы под вечер заехали на гробницу Тамерлана и затем были на площади Регистана. Всюду разрушение – бывшими здесь землетрясениями – но всюду видишь впечатление не роскоши, а великого художественного гения. На меня очень сильное впечатление произвел Регистан, площадь с трех сторон окруженная величественными полуразвалившимися, но еще живыми мечетями. При всем ее своеобразии она напомнила мне знаменитую площадь Венеции с Дворцом Дожей... На этой площади базар, пробираешься среди грязных сартов и других чуждых мусульман. В этих мечетях живут студенты высшей мусульманской школы и толпа бородатых людей и юношей из разных мест Туркестана, нам встретилась – враждебно или уныло смотрела на нас. “Главный профессор”, по словам переводчика, вышедший позже всех из мечети, не ответил на наш поклон. Здесь идет своя жизнь и несет свое через меняющуюся человеческую историю. Я очень задумываюсь над вхождением востока в общее русло цивилизации – не боюсь я желтой опасности, так как ясно вижу, что общечеловеческая научная мысль создаст нам там союзников, сделает часть желтой расы близкой с нами, а не с ее старой, иной культурой.

Здесь как-то тяжело чувствовать свое незнание. Узнаешь обо всем по плохим книжкам – нет времени углубляться. Вместе с тем я думаю и я как-то немного постарел для новых впечатлений. Хотя очень интересно.

Нежно и горячо обнимаю тебя и деточку². Пишу в Полтаву, так как отсюда идут письма медленно, уже следующее письмо.

Нежно целую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 55. Л. 15–16.

¹ Самойлов.

² Н.В. Вернадская.

№ 834

12 мая 1911 г., Федченко

Федченко, 12.V 911

Дорогая Наталочка!

Только что приехали на станцию, сейчас, через час, уедем в русское село. Жарко, пыльно – поднимается мгла.

Не знаю, что мы увидим; на руднике никого нет и когда там будут – неизвестно.

От тебя давно не имею писем – после Баку. Здесь в Туркестане почта идет медленно.

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю¹, Марию Ивановну², Жедринских, Георгия³.

Очень жду известий, как все устроилось у вас и в Петербурге. Ничего не знаю.

Нежно целую.

Пиши в Златоуст, Уфимской губернии.

Твой *Владимир*

На обороте: Полтава, Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Келлиновский пр., д. Янович, кв. М.И. **Старицкой**.

Оп. 7. Д. 55. Л. 17.

¹ Н.В. Вернадская.

² Старицкая.

³ Г.Е. Старицкий.

№ 835

18 мая 1911 г., Коканд

Коканд, 18.V 911

Дорогая моя Наталочка, давно не писал тебе – последнюю открытку прислал из Федченко, но только сегодня попал в более культурные места!

Пять дней мы провели на руднике Тюя Муюн, в предгории Алайских гор, одни. Мы находились вдали от железной дороги – около 50 верст и самое близкое к нам жилье было на расстоянии 2 верст, внутри гор. Я в первый раз был в таком одиночестве. Кроме нас троих не было ни живой души. Жили в палатке, утром

привозил нам воду киргиз Тюракуль, с трудом понимавший по-русски. Перед нами раскрывалась удивительная панорама снежного предалайского хребта. Колесная дорога кончалась внизу горы, на которой расположен рудник – дальше в Бухару и Афганистан шла уже верховая тропа. По утрам по ней тянулись караваны, гнали стада, проходили вереницы верблюдов... В первый день нашего приезда один такой караван расположился внизу нас на ночевку. Вечером мы зажгли ацетиленовый фонарь и раз выстрелили из браунинга: кажется и мы и они одинаково друг друга остерегались. Так можно было понять со слов Тюракуля.

В таком одиночестве – конечно относительном, так как нас было трое, есть много своеобразной прелести. Здесь, например, поразительно много птиц и странное впечатление, особенно для меня видеть вблизи горных куропаток, удонов и разнообразных птичек, которые подлетают на несколько шагов и рассматривают тебя с тем же любопытством, с каким мы смотрим на них! Затем прелесть тишины ночи, звуков живого кругом при полном безмолвии человека и его спутников, домашних животных.

Рудник не работал. Телеграмма, которую я посылал из Баку Бунге, вызвала ответ, что “Антунович собирается выехать на днях”, но мы его не дождались и видели очень многое, благодаря Константину Автономовичу¹. На нем лежала вся самая тяжелая доля работы. И он кажется очень устал. А я страшно тронут той совершенно сыновьей заботливостью, которой он меня окружил. Я же сам как-то ясно почувствовал, что не даром прошли года и многое мне теперь недоступно, что было легко или возможно раньше...

Посещение рудника мне дало **очень** много – но это было совсем не то, что я ожидал. И ничего подобного я раньше не видел: урановые соединения выделились в пустоте пещер, образовавшихся в известняке. Все мои первоначальные предположения разлетелись при взгляде на природное явление, и я понял Константина Автономовича, правильно определившего явление, но не смогшего дать ему место в схеме известного.

Вниз, в глубину, я не спускался и не пустил Ненадкевича, так как кроме нас никого не было и было неизвестно в каком положении рудник, в общем в высшей степени небрежно и неосторожно устроенный...

Мы собрали большой материал и у меня намечаются планы дальнейшего исследования: необходимо исследование пещер, их радиоактивности, их минералов. Надо найти спортсмена, любителя спелеологии (наука о пещерах) и минералов. Где его найти?

Фергана поражает совершенно новыми сторонами жизни и природы. Там где есть вода – это сад – где ее нет или не хватает – пустыня. По дороге из Ферганы в русское село мы попали в лес-

совую бурю, не очень сильную. Тончайшая лессовая пыль в течение нескольких верст, 2-х часов, проникала во все поры, во все вещи и усталые, желтые мы приехали вечером на ночевку. Мы приехали на земскую квартиру, к нам явился пристав и у него мы закусили. Но что должны чувствовать люди, попадающие в такие песчаные бураны днями. Нередко здесь видишь вдали облако – но это облако не воды, а пыли.

Всюду, кругом плантации хлопка, риса, редко зерновых хлебов. Сложная система водных каналов, поразительное трудолюбивое земледельческое население. Женщины закрытые черными покрывалами и уродливыми серыми чехлами, яркие, разноцветные костюмы мужчин – в халатах и чалмах, полуголые и голые ребятишки, особые арбы с огромными колесами, запряженные лошаадьми, ослы, верблюды, густое мужское население на улицах и вдоль дорог, особые деревянные широкие кровати над канавами, где сидит и пьет чуждое нам общество – какая странная сказочная картина. И фон природы – неизвестных нам растительных культур – садов из быстро растущих тополей и ив, заменяющих здесь лес, – грязного населения, наслаждающегося розой или разводящего тонкие сорта плодов. Всюду следы старой культурной **выучки** и забитой творившей ее научной и художественной мысли.

Жару мы почувствовали настоящую только теперь, сейчас с Коканд она тяжела, так как это жара пыльного парника, но в горах было хорошо и только иногда бывало днем тяжело идти или подниматься по гористым холмам.

Очень рад известию, что ты квартиру уже наняла. Но вот сколько на тебя пало хлопот, моя бедненькая. Удивляюсь твоей энергии и с покупкой земли – когда-то, помнишь, в молодости мы хотели с тобой поселиться в Крыму – неужели это устроится в старости? Ю меня все-таки привлекает более севера. Конечно, моя дорогая Натуся, я всецело сочувствую твоему решению. Завтра еду на два дня в окрестности на залежи серы; хочу еще осмотреть месторождения меди на Сырь-Дарье, остановлюсь в Ташкенте и затем еду на Урал.

Хочется уже скорее отдохнуть спокойнее и пожить с вами. Ванны мне нужны, так как ревматизм дает временами знать.

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю³ и всех. Жду писем в Златоусте и в Ташкенте, куда их перешлют из Федченко.

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 19–22.

¹ Ненадкевич.

² Вернадские приобрели землю в Крыму, в местечке Бати-лиман, где построили дачу.

³ Н.В. Вернадская.

21 мая 1911 г., Коканд

Коканд, 21.V. 911

Дорогая моя Наталочка, моя Ферганская экскурсия кончается, и я скоро направляюсь на Урал. Вчера вернулся сюда из поездки на серу в Камыш-Баши. Сегодня днем еду в последнюю экскурсию на месторождения самородной меди на Сыр-Дарье. Оттуда завтра в ночь выезжаю в Ташкент, где пробуду один день и затем направляюсь на Урал.

Вчера и сегодня ожидал твоей телеграммы из Полтавы, но ее не получил и теперь не знаю, не дошла ли она сюда или ты не выехала, как хотела 19-го из Москвы? Ведь мою телеграмму из Федченко ты получила?¹

Эти поездки на серу и медь я делаю вне радиевых изысканий, попутно. Я считаю себя обязанным быть хорошо осведомленным в области минералогии России, не только в ее чисто научном значении, но и прикладном. Поэтому я стараюсь видеть главные типы рудных и полезных ископаемых России и получить в этом отношении определенную картину. С другой стороны, в качестве академика, изменяю и другую сторону своей поездки – стараюсь всюду завязывать связи с целым рядом лиц на местах, интеллигентных и полуинтеллигентных и интересующихся практически или научно минералами для того, чтобы от них получить в Академию материал. В этом отношении и здесь завязываю кое-какие связи.

Сегодня выезжаю вместе с Вебером, который исследует Фергану. Ненадкевич отправляется прямо в Петербург сегодня; он будет отыскивать квартиру для лаборатории, принарабливаясь и к нанятой тобой квартире. Средний проспект очень удобен – так как он выходит к Малой Неве и таким образом относительно недалек от Академии. Ты не написала, в каком этаже квартира.

Когда ты думаешь ехать из Полтавы? Едет ли Ниночка² с тобой? Как понравилась детенышу³ наша с тобой карточка? Масса всяких таких мелочей, которые хотелось бы знать, но письма не дают. И в моих письмах тебе я чувствую, как проходят без выражения унылые огромные области переживаний.

Усталости я не чувствую, но уже хотелось бы кончать, по крайней мере здесь. Я не думаю, чтобы на Урале я пробыл очень долго. Пробуду необходимый минимум и думаю быть в Петербурге ранее 20 июня. Боюсь только, что я приеду днем-двумя раньше Ферсмана. Может быть заеду в Уфу, где отдохну в более культурной обстановке. Златоуст очень скверен, Миасский завод

еще хуже. Может быть, впрочем, вместо Уфы возьму для этой цели Екатеринбург, но это уже в сторону. Когда ты думаешь выехать из Полтавы? Может быть мне заехать за вами из Петербурга в конце июня? Как здоровье Ани?⁴

Коканд – большой город, должно быть самый большой в Фергане, с миллионными оборотами, душный, грязный, азиатский. Крайне непривлекателен. Хочется отсюда убраться скорее, а между тем вот уже второй раз приходится сюда возвращаться. Жизнь берет свое. Эту бывшую столицу ханства сделали уездным городом, а между тем она имеет настоящее значение, а не губернский город Скобелев.

Нежно и горячо тебя целую. Поцелуй деточку, Марию Ивановну⁵, Жедринских. Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 23–24.

¹ Телеграмма от 18 мая 1911 г., посланная по адресу: Москва, Zubовский бульвар, Любошинской, Вернадской, сохранилась: “Все хорошо телеграфируй Полтавы Коканд пиши Златоуст Владимир” (Ф. 518. Оп. 7. Д. 55. Л. 18).

² Н.В. Вернадская.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Е.А. Любошинская.

⁵ Старицкая.

№ 837

23 мая 1911 г., Ташкент

Ташкент, 23.V. 911

Дорогая моя Наталочка, сегодня приехал сюда утром и завтра рано утром уезжаю на Урал. Твоя телеграмма о неприезде Ферсмана на Урал меня очень поразила, и здесь я получил от него подробные известия. Без него для Урала я как без рук и приходится сильно изменять весь план. Я даже телеграфировал Ферсману не отложить ли все экскурсии, конечно, платные – Крыжановского и Линденера – но из его телеграммы увидел, что это невозможно. Приходится только сильно сжать экскурсии и ограничиться предварительной, правда, необходимой работой. Должно быть мы произведем только внешнюю съемку Ильменских гор. Мне кажется и для этой работы можно было бы задержать Линденера, но дело сделано. В виду этого, моя поездка на Урал изменит характер; я пробуду главным образом на Ильменских горах, частью с Крыжановским, частью с Линденером, которых надо будет ввести в работу. Один маршрут сделаем совместно с ними и должно быть (с) Ревуцкой. На Каменку и Санарку, куда отправился Критский, должно быть не поеду. За-

еду в Екатеринбург, должно быть с Крыжановским – сделаю поездку в Липовку, Мурзинку и затем вернусь в Петербург и через Петербург приеду в Полтаву – надеюсь около 20 июня, а может быть раньше.

Мне хочется не только совместно решить все вопросы о нашей заграничной поездке, но и повидать Марию Ивановну¹ и пожить с вами некоторое время в **Полтаве**. Заезд не велик. На Урале нигде нет никаких курортов, и я чувствую потребность серьезно починиться перед зимой. Во время туристической поездки я не раз чувствовал себя не как следует: давал знать ревматизм, кашлял и т.д. И сейчас я сижу в Ташкенте в хорошем номере гостиницы, но никуда не выйду. Вчера весь день потерял в Ниукате, в интереснейшей местности на Сыр-Дарье, пролежал вследствие сильного расстройства желудка. Сегодня я чувствую себя довольно хорошо, поеду в первом классе, держу диету, но все-таки это все не ладно. Конечно, может быть вместе с Гр.² тяжело, но мы можем пробыть лишь курс лечения в Вевеге, а затем уехать. Едут ли Жедринские за границу?

В Петербург мне надо заехать, так как там у меня должен быть собран материал для заграницы: корректуры и т.д. Где мне остановиться – можно на квартире нашей или нет? Теперь, подводя итоги поездки сюда, я вижу, сколько я вынес из нее, но больше и резче всего выступает передо мной огромная область работы, которая из нее вытекает. И как-то не знаю, не поздно ли несколько я начинаю это большое дело?

Нежно и горячо целую тебя, моя дорогая. Поцелуй деточку³, которая упорно молчит, и всех наших.

Твой *Владимир*

Р.С. Пиши сперва – Миасский завод, потом Екатеринбург до востребования.

Нежно целую. Сегодня послал тебе телеграмму⁴. Должно быть остановлюсь на день в Уфе.

Оп. 7. Д. 55. Л. 25–26.

¹ Старицкая.

² Кого имел в виду В.И. Вернадский установить не удалось.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Телеграмма от 23 мая 1911 г., посланная по адресу: Полтава, Келлиновский проспект, Старицкой для Вернадской, сохранилась: “Еду Урал сокращаю Приеду Полтаву обратном пути Петербурга за границу поедом вместе Телеграфируй Златоуст Владимир” (АРАН. Ф. 518. Оп. 7. Д. 55. Л. 27).

28 мая 1911 г., Златоуст

Златоуст, 28.V. 911

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером приехал сюда (в Уфе не останавливался, так как хорошо отдохнул в поезде, ехал в 1 классе из Ташкента и сидел около 7 часов в Кинели, откуда тебе писал) и сейчас, утром уезжаю. Здесь мне надо было быть, так как сюда я перевел деньги. Еду в Екатеринбург, так как Миасский завод **горит!** и Линденер запаздывает. В Екатеринбурге сделаю попутную экскурсию на пегматитовые жилы Урала. Из Екатеринбурга вернусь дня через 3–4 в Миасский завод. Но прямо все стихии против уральской поездки – ревизия Кассо, пожар города!

Здесь резкая разница в погоде с югом. Дожди, ветер и только-только хорошо в драповом пальто. Очень надеюсь неделю здесь пробыть и ехать в Петербург, а затем в Полтаву. Получил твою телеграмму, но зачем ты не рассчитала по путеводителю, когда я буду, а телеграфировала сейчас! Ведь я телеграфировал тебе из Ташкента!¹

Нежно и горячо целую тебя, Нинулечку² и всех. От Нинуси получил два письма: буду ей писать из Екатеринбурга.

Нежно целую.

Твой *Владимир*
Совсем здоров.

На обороте: **Полтава**, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой. С просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Келлиновский пр. (Институтская ул.) д. Янович. **Полтава**.

Оп. 7. Д. 55. Л. 28.

¹ См. коммент. 4 к письму 837.

² Н.В. Вернадская.

29 мая 1911 г., Екатеринбург

Екатеринбург, 29.V. 911, утро

Дорогая моя Наталочка, сейчас 5 часов утра, еще нет – и я собираюсь на экскурсию и пишу тебе несколько строк. Еду на несколько дней на лошадях в Мурзинку, Липовку и т.д. и вернусь в цивилизованные края (сегодня понедельник) думаю к ночи в четверг. Еду с Крыжановским и Ревуцкой.

Вчера весь день пробыл с Крыжановским – осматривал как собрание здешнего музея, так и коллекции, собранные для продажи его братом. Затем пришлось у них завтракать и обедать и я порядочно-таки устал. Очень рано лег спать и не успел ничего сделать: написать тебе и Ферсману, которому пишу также. Ужасно жаль, что его здесь нет!

Здесь для него масса интересного. То, что я видел в собрании Л. Крыжановского, дает для меня много нового, и я с большим удовольствием ожидаю сегодняшней поездки.

Между прочим от Крыжановского узнал, что в Петербург пришли образцы руды из Ферганы, богатой радием типа Тюя Муюна верст за 200–300 от него. Владельцы скрывают места, но обещают нам для научной обработки весь материал, как только сочтут возможным открыть места.

Это вполне возможно и подтверждает правильность моего впечатления, что тип Тюя Муюнского месторождения делает маловероятным, чтобы оно было единственным.

Здесь резкая разница погоды. Я опять надеваю часть теплого белья. Каждый день дожди и порядочные холода. Поразительна разница с югом! Еще цветет сирень, желтая акация, ландыши – весна в полном разгаре! Надо, впрочем, считаться с тем, что в Екатеринбурге уже нет, например, яблонь, не созревают вишни и т.д.

Надо спешить и укладываться. Едем сперва поездом в Невьянск, оттуда на лошадях.

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю¹ и всех. Здесь от тебя писем не имел, должно быть в Златоусте.

Нежно целую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 55. Л. 23–30.

¹ Н.В. Вернадская.

№ 840

2 июня 1911 г., Екатеринбург

Екатеринбург, 2.VI. 911, вечер

Дорогая моя Наталочка, только что вернулся в Екатеринбург, сделав экскурсии в несколько дней на лошадях в Мурзинку, Липовку – на месторождение драгоценных камней. Очень интересно. Завтра выезжаю в Миасс по железной дороге. Оттуда, вероятно, еду в Петербург, так что пиши в Петербург. Из Миасса буду телеграфировать. Почта заперта, и я давно уже не имею от

тебя писем, не знаю, как у вас. Еще точно не знаю, сколько времени пробуду в Миассе, но уменьшу сколько возможно без вреда для дела. Думаю пробуду не менее 8 дней.

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю¹ и всех наших. До скорого свидания.

Твой *Владимир*

Не знаю, где мне остановиться в С.-Петербурге.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой. С просьбой передать **Н.Е. Вернадской. Полтава.**

Оп. 7. Д. 55. Л. 31.

¹ Н.В. Вернадская.

№ 841

4 июня 1911 г., Миасский завод

Миасский завод, 4.VI. 911

Дорогая моя Наталочка, с Уралом мне совсем не везет – здесь получил телеграмму от Линденера, что он приехать не может из-за воинской повинности! Придется значительно изменить вид работы: я начал вести здесь переговоры об обновлении географической карты, служащей базой нашей работы и сделанной в 50-х годах. Здесь сейчас со мной Крыжановский, Ревуцкая и Критский. Только что приехал и пишу на почте: Ревуцкая и Критский остались в Миассе (5 верст отсюда), а мы с Крыжановским устраивали всё. Сейчас он поехал за вещами, а я отсылал отсюда деньги Касперовичу. От Касперовича получил письмо из которого вижу, что он повел работу превосходно. Я ужасно рад, что в нем не ошибся. Здесь получил твою карточку, но в Миассе телеграммы, какую ждал, не имел. Здесь все устрою и налажу и затем еду в Петербург и Полтаву. Уже хочется скорее немного отдохнуть.

Во время поездки в Мурзинке опять было начался ревматизм – сейчас хорошо. Здесь жарко, а в Екатеринбурге было холодно. Нежно и горячо целую тебя, Нинулю¹ и всех. От Нюточки² получил письмо – грустное³. Но так начинать новую жизнь – ужасно. Зачем? Нежно целую.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Келлиновский проспект, д. Янович, **Полтава.**
ГАРФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 442. Л. 11.

¹ Н.В. Вернадская.

² А.С. Короленко.

³ Очевидно, В.И. Вернадский имел в виду письмо А.С. Короленко от 25 мая 1911 г., в котором она писала: "... с Гр.Гр. всё кончилось тем, что, наконец, я дала ему утвердительный и казалось бы решительный ответ. Но его отношение не изменилось, всё такое же нервное, недоверчивое, тяжелое. А что у меня на душе творится не знаю и боюсь даже туда заглянуть. Может быть я сама во всем виновата... Гр.Гр. усиленно торопит, чтобы обвенчаться летом, не уезжать за границу. Может быть так и будет, не знаю..." (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 821. Л. 8 об., 9 об.). См. письмо 816 и коммент. 18 к нему.

№ 842

6 июня 1911 г., Миасский завод

Миасский завод, 6.VI. 911

Дорогая моя Наталочка, сейчас переселяемся из Миасского завода на ст. Миасс в 4-х верстах, где нам дали помещение в железнодорожной школе. Отсюда на копи каждый день приходится ездить на станцию Миасс и терять время.

Вчера у меня опять сделалась довольно сильная желудочная болезнь, и я пролежал весь день. Принял Иноземцева, и потом у Ревуцкой оказался висмут, и я его принял. Это было очень неприятно, так как вчера должна была быть первая экскурсия, где мне надо было дать общие указания. Все они отправились одни и в общем довольно мало сделали. Сегодня я чувствую себя вполне здоровым, свежим, и мы отправимся в первую экскурсию. Утром еще до отъезда в Миасс я пойду к одному здешнему купцу, у которого есть продажный осмистый иридий (8–10 руб. золотник!) и у которого я надеюсь пересмотреть запас и выбрать интересный материал за ту же цену. Здесь я не буду больше 5–6 дней. В субботу или воскресенье надеюсь выехать в Петербург и 19–20 быть в Полтаве. Очень хочется отдохнуть. Здесь работа будет трудная, так как придется материал добывать. Надо кончать.

Нежно и горячо целую тебя, Нинульку¹ и всех наших. До свидания!

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 32–33.

¹ Н.В. Вернадская.

9 июня 1911 г., Миас

Миас, 9.VI. 911

Дорогая моя Наталочка, послезавтра хочу ехать в Петербург. Уже несколько устал и хочу отдохнуть. Хотя здесь очень интересно. Кажется удастся наладить дело как следует, но мало все-таки здесь пока сил.

Чувствую сейчас совсем себя хорошо – и очень я теперь осто-рожен и с едой и с экскурсией. Стараюсь себя не утомлять.

Пишу несколько слов перед экскурсией – идем с Владимиром Ильичем¹ на копи.

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю² и всех. Ты не написа-ла, можно ли мне остановиться на квартире?

Нежно целую.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Келлиновский просп., д. Янович. **Полтава**.
Оп. 7. Д. 55. Л. 34.

¹ Крыжановский.

² Н.В. Вернадская.

11 июня 1911 г., Миасс

Миасс, 11.VI. 911

Дорогая моя Наталочка, сегодня ездил в Миасский завод и получил там несколько твоих писем. Очень за них благодарю. Бедная Нюточка¹, но я очень рад, что она разорвала с Г.Г.² Забудется всё это, а то была бы связана на всю жизнь!

В Полтаву, конечно, могу не заезжать и ехать прямо за гра-ницу, но я очень бы хотел заехать повидать Марию Ивановну³. Георгия⁴. Может быть на обратном пути? С другой стороны, мо-жет быть ты с Ниночкой⁵ утомишься, если мало пробыть за гра-ницей. Я думаю быть у вас около 19 июня. Послал тебе телеграм-му – реши сама, как.

Думал уехать отсюда сегодня. Уже устал и хочется кончить. Но Ферсмана нет и для дела не могу оставить все брошенным. Пришлось отложить поездку на один день – завтра утром уехать в Златоуст (70 верст), повидать там между поездками горного на-чальника и там захватить поезд, который повезет меня в Петер-бург. Буду там в среду вечером. Пробуду дня два и затем уеду (в) Полтаву или за границу, согласно твоей телеграмме.

Здесь страшная жара. Я хочу скорее здесь все закончить: я и поседел и похудел, говорят, и хочется мне других впечатлений. Сегодня утром я с Владимиром Ильичем⁶ ездил было на Кисягач к главному лесничему (12 верст), но по дороге его встретили и решили дело о топографической съемке копей. К нам прикомандируют очень симпатичного живого помощника лесничего Кулика, любителя минералов и природы. Он снимет карту и пойдет следом за работой Елизаветы Дмитриевны⁷ и Владимира Ильича. Но лесничий хочет, чтобы к нам прикомандировали чертежника и для этого надо ехать в Златоуст.

Если мы всего этого добьемся, то у нас для Урала будет сделана большая работа. Владимир Ильич оказывается хорошим работником, и я рад, что не слушался всех наветов. Но, кроме нанесения на карту, мне хочется добыть здесь материал, достаточный для начала работ с уральским радиом. Надо добыть 2 пуда нужных минералов – при этом масса всяких мелочей. Тут мы приспособили одного из московских студентов, очень симпатичного, Федоровского, которого здесь встретили.

Думаю, что дело здесь наладил.

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю. Поцелуй всех наших.

Твой *Владимир*

Целую. От Нинуси здесь получил письмо, за которое очень ей благодарен. Адрес. Гули?⁸

Оп. 7. Д. 55. Л. 35–36.

¹ А.С. Короленко.

² Г.Г. См. коммент. 18 к письму 816.

³ Старицкая.

⁴ Г.Е. Старицкий.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ Крыжановский.

⁷ Ревуцкая.

⁸ Г.В. Вернадский.

№ 845

27 августа/9 сентября 1911 г., Берлин, Königgrätzer Strasse, 5

Берлин, 27.VIII/9.IX. 911

Дорогая моя Наталочка, пишу тебе вечером, вернувшись из библиотеки и прогулявшись. Вы еще с Ниночкой едете в Россию – еще 12 часов вам ехать.

Вчера вернулся один в свою комнату, за минуту-две до 12 часов. Скоро лег спать и крепко проспал до 6 1/2–7 часов утра. Сегодня работал в библиотеке. Сделал больше, чем ожидал и ду-

маю, дело у меня пойдет быстро. Работал 7 часов, но постараюсь увеличить немного рабочее время: больше утомительно – а у меня еще кое-что есть и другое делать. Я начинаю разбираться в библиотеке и несмотря на дефекты – можно приноровиться и повести дело хорошо. Если оно у меня так пойдет, как сегодня, то удастся сладить скорее. Но завтра перерыв – хотя у меня есть работа и дома.

Завтра хочу поехать в Ботанический сад, если позволит погода. Сейчас она как будто немного хуже.

Обедал в Pschorrbräu¹ – немецкая еда, свежая. Главное быстро. Вечером купил сыр и хлеб. А сейчас заказал к 8 часам себе в комнату чай и 2 яйца. Комнату мне переделали, всё по-прежнему тихо. В то же самое время все исключительно чисто – совершенно необычно для гостиницы. Я думаю, я никуда и не передую отсюда.

Прошелся по Тиргартену. Странно, как-то всегда города соединяются с людьми, с друзьями, близкими, знакомыми. И мне в Берлине часто вспоминаются Ал.Мих.², Пав.Ив.³ и главным образом Аргутинский. Здесь я с ним гулял, когда он еще работал у Вальдейера и потом на его духовном облике как-то исключительно сильно отразился современный Берлин и современные немцы той своеобразной идеологией, какую они создали себе в стремлении к мировой жизни. И теперь, какая-то грусть охватывает мою душу в Берлине...

Страшно жду известий о вас. Мне дороги новые шаги нашей деточки.

Марии Ивановне⁴ напишу. Напишу еще несколько слов Нюте⁵. Мне кажется ей теперь одной тяжело. Идя по Тиргартену и ощущая пережитое с Берлином, я как-то особенно понял, что ей, не имеющей в противоположность мне дела в Вилляре или где она⁶, каждое письмо является большим удовольствием. Эти три письма (и также Ниночкины⁷ два) пойду брошу – а затем засяду писать другие, читать, еще работать над книгой.

Горячо и нежно целую тебя и Нинусю нашу. Мне очень тяжело, что я, не желая и не понимая, чем огорчил тебя эти дни, но я весь подавлен внутренней работой, связанной с научной мыслью и переживанием поворота колеса жизни⁸, хотя бы в смерти П.М.⁹

Горячо целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 38–39.

¹ Название рисунка.

² Александра Михайловна Калмыкова.

³ Павел Иванович Новгородцев.

⁴ Старицкая.

⁵ А.С. Короленко.

⁶ А.С. Короленко лечилась в Швейцарии, письмо к В.И. Вернадскому от 26/VIII/8 IX 1911г., 13.13.1911 г. из Ачкеуся, от 20.IX 1911 г. – из Уекеу, от 23.IX, 24.IX, 27/X, 29.IX, 30.IX, 12.X 1911 г. из Basel'я.

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ Имеется в виду уход из Московского университета и переезд в С.-Петербург.

№ 846

29 августа/11 сентября 1911 г., Берлин

Берлин, Königgrätzer Strasse, 5
29.VIII/11.IX. 911

Дорогая моя Наталочка, пишу несколько слов вечером немного усталый. Посылаю письмо Нины,¹ которое пришло сюда вчера.

Вчера был в Ботаническом саду – это далеко за Берлином. Довольно интересно – превосходные оранжереи. Мне очень было жаль, что не было Ниночки². Сад новый, около 48 десятин. Странно сейчас я как-то выношу особое настроение от этих посещений. Я вижу в живом растительном организме какую-то стихийную силу и во всех изменениях его форм – при всей их оригинальности и красоте – как-то чувствуется холодное, тяжелое и беспощадное **усилие**. Мысль ясно чувствую, но не могу выразить. Исчезает интерес к форме, так как ясно видишь, что можно проникнуть за нее.

Был ветер, холодно, и я должно быть немного простудился: отразилось на желудке. Но сегодня я совсем здоров – оделся в теплое. Купил плащ. Сегодня, впрочем, теплее вчерашнего и обещают еще тепло.

Опять смерть – Миклашевский. Узнай адрес Пергамент. Михаил Яковлевич? Узнай от Сергея³, в каком положении вопрос о штатах. Из Москвы и Ферсман и Касперович молчат! Я написал Гуле⁴ и Ревуцкой, прося разузнать.

Работаю в библиотеке усиленно. Из тех книг, которые мне очень нужны и из-за которых не подпишу два листа к печати, не достал трех. Завтра поеду в другую библиотеку – и может быть обращусь в Союз прусских библиотек – любопытное и интересное учреждение. Надо необходимо провести это в России и совершенно возможно через Академию.

Думаю завтра закончу с корректурами и примусь за текст⁵. Получил твою открытку с границы, очень благодарю и жду известий. Нежно и горячо целую тебя и Нинусю мою золотую.

Твой Владимир

От Гали⁶ получил письмо – там хорошо – но пансион закрывается самое позднее через три недели. Она пишет о Heimats Weh или Familien Weh⁷.

Послал ей Л. Браун.

Нежно целую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 55. Л. 40–41.

¹ Возможно, Нина Егоровна Жедринская.

² Н.В. Вернадская.

³ С.Ф. Ольденбург.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ Речь идет о работе В.И. Вернадского над книгой “Опыт описательной минералогии” (СПб.: АН, 1912. Т. 1: Самородные элементы).

⁶ А.С. Короленко.

⁷ А.С. Короленко отдыхала в Arveyes “Hotel de Sapins”, откуда 26.VIII/8.IX 1911 г. писала В.И. Вернадскому: “У меня же что-то вроде Heimats Weh, или Familien Weh, или сама не знаю что такое. Хочется в Россию...” (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 821. Л. 16 об.).

№ 847

31 августа/13 сентября 1911 г., Берлин

Берлин, Königgrätzer Strasse, 5
31.VIII/13.IX. 911

Дорогая моя Наталочка, сегодня получил от тебя письмо из Петербурга и перенесся бы к вам. Думаю, скоро уже и я буду в Петербурге, так как работа моя подвигается скорее, чем я думал. Будь иное устройство немецких библиотек – она пошла бы скорее. В Лондоне я наверное выгадал бы – при той же затрате моего труда – несколько дней!

Во всяком случае, для меня ясно, что я кончу работу раньше трех недель. Можешь судить по тому, что на 1-ую часть, на которую я считал минимум 4–5 дней, я потратил 2 1/2. Теперь начал отделявать текст о газах и, судя по сегодняшней работе, я вижу, что и его кончу вдвое скорее, чем ожидал. И при этом я отделяваю как следует, делая что можно сейчас. Рукопись я тебе буду посылать по частям, а ты отправляй ее в типографию Академии¹. Для этого переговори по телефону в Геологическом музее с Иннокентием Павловичем Толмачевым и попроси его прислать сторожа с разносной книгой. В разносную книгу впиши содержание пакета.

Корректуры уже все отправил. После текста останутся только добавления и исправления, а затем указатели, которые будут идти уже в Петербурге!

Ввиду такой быстроты работы, начинаю подумывать о том, чтобы меня не задержали здесь хлопоты с инструментами. Начну завтра же – спишусь с Эбергардом и посещу некоторые здешние фирмы научных инструментов. Очень бы мне хотелось ознакомиться с работами над мезоторием.

Здесь тепло, а сегодня даже душно. Но завтра предсказывают небольшое охлаждение. Я хожу без пальто.

Знаешь, Нюточка² спрашивала у меня в письме, не у меня ли ее паспорт – я сейчас же все перерыл и не нашел. А одно время, в Лейне, она мне давала! Написал ей тотчас же – еще не имею ответа. На всякий случай, посмотри у себя, хотя я думаю – она найдет у себя.

С нетерпением жду известий о Нинулиных³ впечатлениях в гимназии. Какой адрес Гревсов?

Сейчас мне принесут чай и 2 яйца, и я хочу свести сегодняшнюю работу в библиотеке. Меня уже тянет от книжной работы к опытной.

Нежно обнимаю тебя и деточку. Пашу⁴ целую. Что Милюковы? Видал здесь Каминку – он передавал хорошие известия о Петрункевиче. Нежно целую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 55. Л. 42–44.

¹ См. коммент. 5 к письму 846.

² А.С. Короленко.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ П.Е. Старицкий.

№ 848

2/15 сентября 1911 г., Берлин

Берлин, 2.IX/15. 911

Дорогая моя Наталочка, спасибо за письма! Сегодня посылаю тебе первые страницы рукописи (427–445)¹. Пошли их со сторожем в типографию Академии, с разносной книгой, снесясь по телефону, как тебе писал, с Иннокентием Павловичем Толмачевым. Работа моя подвигается и дальше быстро. Надеюсь во вторник-среду прислать тебе продолжение.

Здесь все время чудная погода, и я много гуляю. Хожу все пешком: за всё время один или два раза ездил по конке! В воскресенье, завтра иду в оперу, на “Валькирию” Вагнера. Хочется музыки.

Посылаю тебе письмо Нюты². Мне кажется, ей нечего сидеть в Ве́ве. В этом смысле я ей пишу. Как это она умудряется заболеть от молока – надеюсь, все сойдет благополучно.

Гуле³ писал, но не имею от него ответа. Писала ли в Зимятчено?

Скажи бесценной деточке⁴, что я ей на днях пишу и благодарю ее за ее царапанье. Пишу тебе сегодня утром, так как вчера вечером что-то устал и не написал (вдруг опять сделалось с желудком – сейчас здоров. Изменил режим – не успел закупить продукты и зашел съесть сыр и пиво в хорошую Bierhalle⁵. Сыр мне показался неважным – должно быть от этого. Получив только известие о Нине в гимназии – жду из гимназии.

Как печально кончает Столыпин. Как ужасно и отвратительно убийство – я с ним примириться не могу. Но смерть Столыпина для России безразлична. Посылаю тебе правильную статью “Berliner Tageblatt” То же говорят и другие либеральные газеты.

Моя дорогая Натуся, завтра 3.IX. – 25 лет нашей дорогой мне, близкой жизни. Я не люблю годовщин и юбилеев и всяких приуроченных к внешним фактам или явлениям воспоминаний, но мне хотелось бы в этот день быть возле тебя, моей дорогой, горячо любимой.

Нежно тебя обнимаю. Поцелуй Нинулю нашу.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 55. Л. 44–45.

¹ См. коммент. 5 к письму 846.

² А.С. Короленко.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Пивная (нем.).

⁶ “Berliner Tageblatt” – ежедневная газета, издавалась в Берлине с 1879 по 1916 г.

№ 849

4/17 сентября 1911 г., Берлин

Берлин, 4/17.IX. 911

Дорогая моя Наталочка, вчера писал тебе и послал заказным вырезку из “Berliner Tageblatt”¹. Сегодня получил твое и Ниночкино² письмо. Очень хорошее письмо деточки, к сожалению, большой, и я ей пишу отдельно.

Получена открытка к тебе Сергея³ (из Gemmi!), где он просит мой адрес, который ему очень нужен. Узнай зачем. Ты не отвечаешь на мои вопросы – я просил тебя: 1) разузнать у Сергея о положении дел в Академии (о штатах) и 2) адрес Аргутинской.

От Гули⁴ получил письмо, которое посылаю. Я думаю ему не стоит покупать этого ценза, так как выборы в Тверской губернии не отвечают его годам.

От Ивана Ильича⁵ получил письмо, которое посылаю. О Ц.К.⁶, конечно, не надо больше говорить. Хорошо было бы, если бы ты написала Ан.Серг.⁷

Меня удивляет молчание Самойлова, который не отвечает на мое письмо: ладно ли у них с Шуриком⁸. Вообще я в недоумении: Касперович не отвечает, а надо решать с Кюри. От Ненадкевича нет вестей (узнай в Геологическом музее – нет ли), а между тем он должен был бы спуститься с Батугова. Взяла ли вещи из музея?

Мне так хочется к вам в Москву. Хотя ты и говоришь, что мне всё равно и очень тяжело огорчаешь, что это думаешь, но я тут себя чувствую очень неудобно. А между тем боюсь уехать, не сдав рукописи, так как в Петербурге хочу иметь развязанными руки и боюсь надолго отложить затянувшееся печатание⁹. Очень надеюсь всё кончить к концу следующей недели – осталось быть здесь почти две!

Нежно и горячо обнимаю тебя, моя дорогая. Деточку целую тоже крепко.

Твой Владимир

Хотя и не люблю всяких дат жизни, а всё же невольно возвращаешься к 25 годам нашей, страшно мне дорогой близости. Нежно тебя целую.

Оп. 7. Д. 55. Л. 46–47.

¹ См. коммент. 6 к письму 848.

² Н.В. Вернадская.

³ С.Ф. Ольдербург.

⁴ Г.В. Вернадский в письме от 1/14 сентября из Москвы писал: “Соня Бакунина говорит, что в Новоторжском уезде продается ценз, но дорого за 4000 рублей, причем можно продать лесу по крайней мере на 1000 рублей, так что ценз обойдется в 3000.

По слухам, этот ценз очень хочет купить Булацель, и поэтому Бакунины, Петрункевичи и другие очень хотят, чтоб я его купил. Говорят, что в Новоторжском уезде мне обеспечено избрание в гласные, что совсем не так в других уездах. Вообще было бы, конечно, очень приятно в Новоторжском уезде, но... “Но” такие:

1. Выборы будут в июле будущего года, когда мне ещё не будет 25 лет, и, следовательно, торопиться мне особенно не стоит;

2. В Весьегонском уезде можно купить ценз за 500–1000 руб., а в Новоторжском уезде – дорогой;

3. Вообще лучше бы еще с тобой обо всем этом лично поговорить.

Деньги 4000 я мог бы достать таким образом: сделать долгосрочный заем у себя самого (дедушкиных денег у меня как раз около 4000. Так как земля – верное приложение и сохранение денег, то по-моему, на такой заем я могу решиться с чистой совестью. Если тебе покажется, что этим предложением следует воспользоваться, телеграфируй мне” (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 305. Л. 61–62).

⁵ Петрункевич.

⁶ Имеется в виду ЦК кадетской (Конституционно-демократической, или “Партии народной свободы”) партии.

⁷ Анастасия Сергеевна Петрункевич.

⁸ Александр Яковлевич Самойлов.

⁹ См. коммент. 5 к письму 846.

6/19 сентября 1911 г., Берлин

Берлин, 6/19.IX. 911, утро

Дорогая моя Наталочка, сегодня утром нет от тебя письма, а почта из С.-Петербурга приходит здесь один раз в день. Я так привык и жду твоих утренних писем. Должно быть что-нибудь задержало! Завтра посылаю тебе вторую часть рукописи¹. Думаю, что всего будет 4 посылки и очень мечтаю закончить всё в начале следующей недели. Сейчас довольно трудная работа: пишу сводку о газах в земной коре, которой нет. Мне кажется я ее делаю впервые, по крайней мере я не знаю ни одной такой работы. Не знаю, будут ли меня читать.

Послезавтра еду в Потсдам – списался с Эбергардом, от которого получил очень милое и любезное письмо. Очень мне интересно видеть его устройство. Ведь тем, чем я занимался в Москве, занимается Юрбен в Париже, которого я не мог застать, Гартлей в Дублине и Эбергард. Лучший аппарат у Эбергарда. Из здешних минералогов никого не видел: пойду завтра и постараюсь застать Либиша или Беловского. Может быть сегодня зайду к Шейбе. Никто из них не особенно интересен.

Погода переменяется – вчера и сегодня пасмурно и прохладнее – вчера, был и дождь. Но я все-таки много хожу. Чувствую себя недурно, только желудок не ведет себя как следует. Вчера был на диете и принял салициловый висмут. Сейчас чувствую себя хорошо.

От Нюты² получил вчера телеграмму, что она едет в Веве. Посылаю карточку Самойлова, из которой видишь, что я был прав – у них были больны дети.

Ответь на мои вопросы: 1) адрес Аргутинской, 2) о штатах Академии, 3) о Ненадкевиче.

Был в воскресенье на “Валькирии”³. Чудный оркестр, порядочные голоса и скверная игра. Может быть сегодня или завтра вечером пойду в филармонический концерт. Мне прямо нужна сейчас музыка. Будет зависеть от того, как пойдет работа: много ли придется отделывать дома.

Посылаю Ниночке⁴ рисунок альпинистки 4 лет на Монблане.

Нежно и горячо обнимаю тебя, моя дорогая Тутя. Нинулю целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 48–49.

¹ См. коммент. 5 к письму 846.

² А.С. Короленко.

³ “Валькирия” – опера Рихарда Вагнера (1853).

⁴ Н.В. Вернадская.

9/22 сентября 1911 г., Берлин

Берлин, 9/22.IX. 911

Дорогая моя Наталочка, вчера опять от тебя не было писем. И я не знаю до сих пор **ничего** из того, что спрашивал. Точно мои письма не доходят! Получила ли и отправила ли в типографию мои рукописи! Что Ненадкевич? Как штаты Академии? Как с деньгами Земятченского? Очень меня огорчает, что ты совершенно не отвечаешь на эти и другие вопросы, которые тебе писал.

Вчера был в Потсдаме у Эбергарда. Очень интересно и сам Эбергард мне понравился. Я решил приобрести нужные инструменты (на Леденцовские средства) того же типа, как там. Сегодня списываюсь с потсдамским механиком. Главные два прибора будут стоить 2500 руб., но зато я получу, наконец, возможность вести работу как следует! Любопытно, что и Эбергарду приходили, очевидно, в голову некоторые из тех мыслей, какие есть у меня. Он тоже думает, что этим путем можно открывать химические элементы. Я иду далее и думаю, что, сделав некоторые методологические поправки, можно, этим путем захватить и открыть **все** элементы! Если сговорюсь с механиком, то должно быть к весне буду налаживать работу в Петербурге. Был и у Либиша – ничего особенно интересного не видел. С Эбергардом, думаю, буду поддерживать научные связи.

Хочу уже в начале будущей недели выехать; может быть удастся выехать в среду! Хочется уже скорее к вам и уже войти в работу. Я думаю к среде кончу. Скажи в типографии (телефон, вызвать надо Владимира Васильевича Нордгейма), чтобы корректуры не присылали в Берлин, а присылали на квартиру.

О приезде буду тебе телеграфировать.

Работаю недурно и чувствую себя так себе – всё время болею желудком и решительно не знаю, как с этим справиться. Досадно всё об этом думать, но мешает. В Потсдаме прямо неприятно было в Астрофизической обсерватории!

Из Москвы ничего не получаю и не знаю, что там делается. Но и мне сейчас масса писем – и отвечать не успеваю.

Нежно и горячо целую тебя и Нинулю² ненаглядную. Ей постараюсь написать сегодня вечером. Горячо обнимаю.

Твой Владимир

P.S. Не забудь подписаться на “Речь”³, “Русские ведомости”⁴, “Энциклопедический словарь”

С Гулей⁵ согласен. На меня убийство Столыпина тяжело подействовало, тем более, что я лично его знал. Признавая все от-

рицательное значение его деятельности, я вижу впереди начало тяжелого: кровь родит кровь и Столыпин это испытал и испытывают его противники. Выход может быть один – настоящее правовое устройство, но будет оно стоить крови...

Только что пришло письмо, где есть часть ответов. Благодаря очень. О штатах мне страшно важно знать для переговоров с Москвой. Ведь Сергея⁶ по телефону всегда можно вызвать от 8 до 1 часу: он у него на столе.

Нежно целую.

Оп. 7. Д. 55. Л. 50–51.

¹ См. коммент. 5 к письму 846.

² Н.В. Вернадская.

³ “Речь” – ежедневная газета, выходившая в Петербурге (1906–1917), центральный орган партии кадетов.

⁴ “Русские ведомости” – одна из крупнейших русских газет, выходившая в Москве (1863–1918), с 1905 г. перешла к кадетам.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ С.Ф. Ольденбург.

№ 852

11/24 сентября 1911 г., Берлин

Берлин, 11/24.IX. 911

Дорогая моя Наталочка, все время хочется к вам, мои дорогие. Завтра посылаю тебе третью присылку рукописи (468–490 стр.)¹, которую ты перешли в типографию, как и первые две. Последнюю начал уже обрабатывать и привезу сам. Надеюсь уехать в середине недели, самое позднее в пятницу.

Нюта писала, что хочет приехать сюда в конце недели, тогда, она меня не застанет. Она сейчас где-то около Базеля², где Пейкер³. Оттуда она мне не писала. Я написал туда ей о своем отъезде, но она дала такой странный адрес, что я не уверен, что мое письмо дойдет.

Корректуру статьи Вейберга получил – пошли ее по прочтении прямо Толмачеву.

Ответ Сергея⁴ какой-то мифический. Не знаю, что понимать, а между тем сейчас надо отвечать, Касперовичу и мне крайне важно было бы знать точно.

Из Москвы наконец получил письма Ферсмана и Касперовича. Пошлю их тебе, когда на них отвечу, так как они дают интересную картину жизни кабинета⁵. Гуля⁶, которого я просил разузнать, ничего не отвечает! У Ферсмана всё еще ожидание, а Касперович пишет, что успокоился и разводится с женой.

Завтра кончаю с Тепфером о приборе – будет стоить не менее 5000 марок, но зато я ясно вижу, что получаю огромное ору-

дие для проникновения в неизвестное. Знаешь, я это **физически** чувствую. Мне кажется, я сейчас в своей работе иду отчасти бессознательно: странное ощущение, точно ведет какая-то неведомая мне сила!

Своей работой мало доволен. То, что я делаю – *tour de force*⁷. И всё же посылаю необработанным. И такое чувство – точно не будут читать. Здесь с немцами опять длинные объяснения, что пишем по-русски. Действительно, может быть следовало бы помещать хотя бы краткое резюме на иностранных языках! Но нам надо завоевать самостоятельность. От Ненадкевича получил письмо; кажется **очень** удачна, его экскурсия!

Ты мне не пишешь об Ане⁸; думаю, что надо понимать хорошо. Пишу ей и Марку⁹ сегодня. Знаешь, я получил как-то письмо от Марии Ивановны¹⁰ и очень тронут.

Нежно и горячо тебя и Нинусю¹¹ целую.

Твой *Владимир*

Вчера начал и увлекся книжкой Грута о религии Китая¹². Как много тут живого – без ростков, но задатки.

Оп. 7. Д. 55. Л. 52–53.

¹ См. коммент. 5 к письму 846.

² А.С. Короленко.

³ Пейкер Александра Ивановна.

⁴ С.Ф. Ольденбург.

⁵ Имеется в виду Минералогический кабинет Московского университета.

⁶ Г.В. Вернадский.

⁷ Дело необычайной трудности (фр.).

⁸ А.Е. Любоцинская.

⁹ М.М. Любоцинский.

¹⁰ Старицкая.

¹¹ Н.В. Вернадская.

¹² *Groot Maria*. The religion of the Chinege: In 6. Vol. New York: The Macmillan Company, 1910.

№ 853

13/26 сентября 1911 г., Берлин

Берлин, 13/26.IX. 911

Дорогая моя Наталочка, вчера послал тебе третью часть рукописи (468–493)¹; теперь сижу над четвертой, которую закончу и увезу с собой. Самое трудное сделано. Уехать в среду, конечно, не удастся, вероятно, выеду в пятницу и в субботу вечером или в воскресенье утром буду в Петербурге. Вчера же заказал Тепферу приборы; будут стоить – без пересылки 5200 или 5400 марок! Оба прибора для меня совсем новые. Ужасно интересно, но как я с ни-

ми справлюсь: нужны хорошие помощники. Надо чтобы скорее Касперович и Ревуцкая переходили в Петербург. Может быть, удастся наладить Лезедову. У меня масса планов дальнейшей научной работы – нужны время, средства и люди. И затем, надо все-таки, чтобы работа окупилась и с точки зрения практических применений. Сейчас по возвращении придется заняться печатанием книги², затем отчетом по радио³ и хочу готовить речь для Леденцовского общества о запасах радия в земной коре⁴.

Не знаю, говорила ли ты, как я просил, с Нордгеймом (Владимир Васильевич, Академическая типография – телефон), заведующим академической типографией о том, чтобы мне не пересылали сюда корректуры, а посылали их к нам на квартиру. Я получил опять корректуру сюда, но может быть она была послана до твоих переговоров?

Среди работы почти не успеваю ничего читать, кроме газет. Как-то всё время уходит и переписку запустил и другие работы стоят. Но оказалось вся рукопись в этой своей части у меня мало подготовлена – я ее совершенно переделываю и частью пишу вновь. Много приходится читать в связи с этой работой – в последнее время по бактериологии! Все это очень интересно, но как-то особенно сильно чувствуешь свое незнание. Чем дальше живешь, думаешь и работаешь, тем все ярче и глубже встает картина непонятного!

Нежно и горячо целую тебя и Нинулю⁵ драгоценную – теперь скоро увидимся. Не знаю, буду ли еще писать – может быть только пришлю телеграмму о выезде.

Нюта⁶ совсем исчезла с горизонта.

Нежно целую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 55. Л. 54–55.

¹ См. коммент. 5 к письму 846.

² То же.

³ См. выступление В.И. Вернадского на Общем собрании АН о состоянии и неотложных нуждах исследований радиоактивных минералов России, которое состоялось 5 мая 1912 г. – Известия АН. 6 серия. 1912. № 13. Т. 6. С. 793–794.

⁴ *Вернадский В.И.* Радиоактивные руды в земной коре: Речь, прочитанная в заседание 2-го съезда деятелей практической геологии и разведочному делу 27 декабря 1911 г. М.: Общество содействия успехам опытных наук, 1912 // *Временник*. 1912. Вып. 1. С. 17.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ А.С. Короленко.

15/28 сентября 1911 г., Берлин

Берлин, 15/28.IX. 911, утро

Дорогая моя Наталочка, вчера, не было от тебя письма – должно быть ты решила, что я в среду уже уеду. Уезжаю завтра вечером (с тем поездом, как и ты) и в воскресенье утром буду в Петербурге! Был бы рад, если бы ты приехала на вокзал, хочется уже скорее к вам. Сегодня надеюсь закончить в библиотеке текст. Добавления и исправления начал писать, но их сделаю в Петербурге¹.

Вчера видел Елиз. Алекс.², которая здесь проездом. Она совсем убита, едет в Казань и думает попытаться остаться в России. Хочет похоронить урну П.М.³ здесь. Ведь смерть пришла совершенно неожиданно: они выехали без вещей на прогулку на Гардское озеро с обратными билетами! Она думает, что врачи не узнали болезни – по-видимому, какая-то форма тифа или гастрической инфлюенцы! Вероятно, то же что было у И.И.⁴ Петр Михайлович умер с сознанием, сам определил время, до которого доживет. Всё это ужасно и жизнь так зыбка. Ну, да ничего не поделаешь.

Нежно и горячо обнимаю вас обеих.

Твой *Владимир*

От Нюты⁵ имел телеграмму: “Будет Берлине понедельник” Пишет о письме, которого еще не получил.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский о., 14 линия, 45, **Петербург**, St. Petersburg, Russie.

Оп. 7. Д. 55. Л. 56.

¹ См. коммент. 5 к письму 846.

² Елизавета Александровна Аргутинская.

³ Петр Михайлович Аргутинский.

⁴ Очевидно, Иван Ильич Петрункевич.

⁵ А.С. Короленко.

22 декабря 1911 г., Петербург

Петербург, 22.XII. 911

Дорогая моя Наталочка, пишу перед заседанием. Сейчас пойду делать доклад¹. Нюта² идет слушать. Утром был у Карпинского. Из разговора с ним вынес, что то, что я буду говорить и для него совсем ново, и он думает, что на эти явления не

было обращено внимания. А значение их бросается в глаза. Мои термины останутся – он правду говорит, что надо бы иностранные взять с греческого или латинского языка. Но придумывать нет времени. Сегодня весь день не выходил из дома, после К.³ и обрабатывал речь. Она у меня все-таки длинная, хотя почти нет лишних слов.

Завтра начну дописывать и обрабатывать другую⁴. Ко мне звонил Ал. Викт.⁵ – хочет придти поговорить о деле. Назначил ему завтра.

Нюта сегодня несколько усталая. Вчера я уже ее не застал, но она говорит, что плохо спала. Оля⁶ звонила и сильно огорчилась, что Ниночка⁷ с ней не простилась. Это действительно Нина напрасно сделала.

Нежно и горячо целую тебя и Нинулю драгоценную.

Как вы доехали? Всех Любоцинских целую. Нежно тебя обнимаю, моя дорогая.

Твой *Владимир*

Гулячку⁸ поцелуй и скажи, что я хотел бы иметь от него известия.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Анне Егоровне **Любоцинской** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Зубовский бульвар, 15, **Москва**.

Оп. 7. Д. 55. Л. 57.

¹ С докладом “О газовом обмене земной коры” В.И. Вернадский выступил 22 декабря на 2-м Менделеевском съезде. См.: Известия АН, 6 серия. 1912. № 2. Т. 6. С. 141–162.

² А.С. Короленко.

³ Александр Петрович Карпинский.

⁴ См. коммент. 4 к письму 853.

⁵ Личность установить не удалось.

⁶ О.И. Алексеева.

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ Г.В. Вернадский.

№ 856

25 декабря 1911 г., Петербург

Петербург, 25.XII. 911

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером получил от тебя первое письмо. Очень был ему рад. Беспокоюсь, что не взяли теплого! Здесь тоже очень холодно – сейчас более 16°. Сегодня у меня будут обедать Зелинский и Эйхенвальд. Вчера обедал у Лели¹, очень она грустна. Речь подготовил, но еще не обработал. У меня есть новые выводы, но боюсь, что [речь] будет суха и скучна².

Здесь видел немного народу, так как больше сижу и пишу, но, кажется, удастся организовать радиовое дело. Много интересного материала. Моя речь о газах³ прошла так себе: слушали внимательно, но я прочел ее, кажется, очень неважно. Непременно по-видай Мензбира (от него имел милое письмо) и Карандеевых. Елизавета Дмитриевна⁴ писала, что Карандеевы остались из-за скарлатины в деревне в Москве. Повидай Миссуну. Сергею⁵ лучше. От деточки⁶ неожиданно получил письмо (раньше твоего) и пишу ей сегодня же.

Нежно и горячо обнимаю вас обеих моих драгоценных. Всех Любощинских целую. Целую тебя крепко.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Зубовский бульвар, д. Любощинских, квартира **Любощинских, Москва**.

Оп. 7. Д. 55. Л. 58.

¹ О.И. Алексеева.

² См. коммент. 4 к письму 853.

³ См. коммент. 1 к письму 855.

⁴ Ревуцкая.

⁵ С.Ф. Ольденбург.

⁶ Н.В. Вернадская.

№ 857

28 декабря 1911 г., Петербург

Петербург, 28.XII. 911

Дорогая моя Наталочка, пишу несколько слов – у нас всё благополучно. Вчера читал и кажется с гораздо большим успехом, чем в первый раз. Иду сейчас на съезд¹, а затем обедаю у Кауфмана. Завтра академический обед и торжество. Был вчера вечером у Петрункевичей. У них всё хорошо – от П.Н.² нет ни слуху ни духу. Скоро жду. Надеюсь, телеграфируешь час, чтобы привезти теплое платье. Нюта³ хорошо себя чувствует.

Нежно целую драгоценную деточку⁴ и тебя, моих дорогих, горячо любимых.

Твой *Владимир*

Целую Любощинских.

Не забудь подписаться на 1/2 года – “Русские ведомости”⁵.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Анне Егоровне **Любощинской** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Зубовский бульвар, собственный дом, **Москва**

Оп. 7. Д. 55. Л. 59.

¹ В.И. Вернадский имел в виду Второй Всероссийский съезд деятелей по практической геологии и разведочному делу, который проходил в Петербурге с 26 декабря 1911 г. по 4 января 1912 г.

² Петр Николаевич Милюков.

³ А.С. Короленко.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ См. коммент. 4 к письму 851.

№ 858

22 мая 1912 г., С.-Петербург

СПб., 22.V. 912

Дорогая моя Наталочка, очень рад был получить от тебя письмо с дороги. Ты знаешь, что я очень был против этой поездки и ей совершенно не сочувствую, но теперь говорить об этом нечего. Надо надеяться, что она не будет для тебя и Нинули¹ вредной.

Нюта² вчера уехала – пришлось ехать ей раньше с другим поездом, так как на тот, с которым она хотела, билетов не выдавали! Хотя раньше на вокзале ей сказали, что выдадут. Удивительные порядки. Она многое напутала – с телеграммами и тому подобное и едва собралась, но, во всяком случае, успела уехать и надо надеяться, что всё будет у нее в Москве в порядке.

Вчера имел длинный разговор с Константином Автономовичем³. Были его именины, и он пригласил меня и всех работающих. Он был в ужасном настроении. Первая неудачная любовь. И объяснился он вчера. Он возьмет себя в руки, и я уверен, что всё будет хорошо. Он говорил, что вывел его из равновесия вопрос Паши⁴ и какое-то твое замечание, что он всё еще не может кончить Горного института и т.д. – очевидно, был совсем не в своем настоящем состоянии.

Он хочет кончить как-нибудь Горный институт, чтобы иметь второй диплом и быть дальше в жизни независимым, но не хочет оставлять Академии и говорит, что пока я там, он меня не оставит. Я понимаю так его заботу о дипломе: на случай моей смерти или ухода из Академии. Из разговора с ним я понял и его огромную привязанность ко мне и то, что я чего-то в дружбе не даю ему – того, чего он хочет. Странно, что он кое-что говорил мне совсем, как Крымский. Объект его любви едва ли его стоит, а его соперник совсем плох! Но конечно это страшно тяжело ему: ему 32 года, он никого не любил и характер его жизненной работы своеобразный – для науки он жить не может – ему надо жить для кого-нибудь и раньше он жил для матери, которая умерла года два назад. Очень я боялся влияния на него современной мании самоубийства, но после разговора с ним в этом я совершенно успокоился.

Пороховщикову написал вчера. Сегодня Прасковья Кирилловна⁵ всё время (отсутствует), куда-то пошла по твоим делам. У меня по делу обедают Владимир Ильич⁶ и Елизавета Дмитриевна⁷. Ферсман вчера уехал на Урал. Вечером пойду проститься к Гревсам, которые завтра уезжают. Получил трогательно милое письмо Ивана Ильича⁸. Посылаю тебе открытки А.С.⁹ и Кати Ильинской. Какой адрес Гули?¹⁰

Нежно и горячо целую тебя и Нинулю. Привет Милюковым.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 56. Л. 1–2.

¹ Н.В. Вернадская.

² А.С. Короленко.

³ Ненадкевич.

⁴ П.Е. Старицкий.

⁵ Казакова.

⁶ Крыжановский.

⁷ Ревуцкая.

⁸ Петрункевич.

⁹ Анастасия Сергеевна Петрункевич.

¹⁰ Г.В. Вернадский.

№ 859

25 мая 1912 г., С.-Петербург

СПб., 25.V. 912

Дорогая моя Наталочка, вчера писал Нинусе¹. Вчера был на панихиде по Петру Федоровичу². Он мало изменился, лишь похудел. Видел его сына³ – удивительно он стал похож на отца. Мы с Пашей⁴ говорили о венке и решили лучше передать некоторую сумму на школу или больницу в Никополе. Я думаю, ты будешь этому сочувствовать.

Вчера же был в Ц.К.⁵ Было немного народа, но в общем чувствуется какое-то более бодрое настроение. Был у И.И.⁶ и А.С.⁷ Иван Ильич молодцом, он загорел и вид у него хороший. А у Анастасии Сергеевны – более усталый. Я думаю с Урала, заехать к ним в Марфино, если они не уедут в Крым. От крымской весны они в восторге. Мил. говорит, что наш участок⁸ можно всегда обменять, и мы можем не торопиться.

Был у Кауфманов. Как-то чего-то не хватает в этих отношениях. И я не могу сказать чего – это всегда было. Они уезжают сегодня.

Вчера прошли наши штаты! И мы получили наши деньги – 4200. Сегодня уезжает Крыжановский, завтра – Белянкин и Лезедова. Я хочу ехать 1-го вечером – до Перми проеду с Ревуц-

кой. В Перми останавлиюсь и затем в Кушве встречу с Ферсманом. Константина Автономовича⁹ почти не видел в сутолоке. Хотел было с ним в субботу куда-нибудь отправиться загород, но к нему должен сегодня приехать отец. Может быть это к лучшему. Он чувствует себя скверно. А я плох в таких делах.

Сегодня у меня вечер – Краснов, Митя¹⁰, может быть Ремезов и Паша¹¹.

М. Гревс говорила мне, что по ее справкам – два года назад – те, которые не хотят подчиняться целиком режиму санатория, могут жить рядом в вилле. Конечно, отсюда советовать трудно, но я бы очень хотел этого для Ниночки, даже если это будет и дороже.

Нежно целую тебя и мою деточку. Привет Милюковым.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 56. Л. 3–4.

¹ Н.В. Вернадская.

² Рерберг.

³ Федор Петрович Рерберг.

⁴ П.Е. Старицкий.

⁵ Имеется в виду Центральный Комитет Конституционно-демократической партии (партии Народной свободы).

⁶ Иван Ильич Петрункевич.

⁷ Анастасия Сергеевна Петрункевич.

⁸ Имеется в виду участок земли, который Вернадские приобрели в Крыму.

⁹ Ненадкевич.

¹⁰ Дмитрий Иванович Шаховской.

¹¹ П.Е. Старицкий.

№ 860

26 мая 1912 г., [С.-Петербург]¹

26.V. 912

Дорогая моя Наталочка, посылаю присланные письма – в том числе Гулино².

Уезжаю I-го. Надеюсь будешь писать аккуратно и правильно, то есть еще до отъезда получу от тебя письмо из Цюриха.

В случае чего для телеграмм до 6 июня Верхотурье. Я спрошу там на всякий случай телеграмму. Мой постоянный адрес: станция Миасс, Самаро-Златоутовской железной дороги. Для заграничных телеграмм и заказной корреспонденции: Миасский завод (Оренбургская губерния). Пожалуй, лучше не телеграфируй в Верхотурье, а только в Миасский завод: мне оттуда перетелеграфируют.

Ничего не успею сделать и сейчас никак не слажусь. Да и то сказать – вместо укладки все отделываю свои очерки по истории естественно-исторических наук в России!³

Вчера вечером были Краснов, Ушинский, Ремезов, Митя⁴. Было ничего. Только в вопросе об евреях поспорили: Ушинский и Ремезов умеренные антисемиты. Ушинский страшно разочаровался в своем Министерстве народного просвещения и хочет уходить. Он считает для тебя санаторий полезным, так как думает, что все дело у тебя – укрепить нервы. Но я как-то не спокоен с этой “Lebendige Kraft”⁵. Не следовало ли бы тебе повидать Эрисманов? У него был удар, но не знаю, как теперь.

Нежно целую тебя и Нинулю⁶ драгоценную. Привет Милюковым.

Твой Владимир

Иду на вынос Петра Федоровича⁷, потом к Петрункевичам.

На обороте страницы рукой Н.Е. Вернадской написано: Stresa Italie Gr. Hôtel et des Îles Boroucéés⁸.

Оп. 7. Д. 56. Л. 5–6.

¹ Письмо написано в Петербурге, что следует из его содержания: “Уезжаю 1-го”.

² Г.В. Вернадский.

³ Речь идет о работе над рукописью “Очерки по истории естествознания в России в XVIII в.”, в основу которой были положены лекции, прочитанные В.И. Вернадским в Петербургском университете в 1912 г. (См.: Русская мысль. 1914. № 1. С. 1–23; Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 63–201).

⁴ Дмитрий Иванович Шаховской.

⁵ Санаторий в Цюрихе, где отдыхала Н.Е. Вернадская.

⁶ Н.В. Вернадская.

⁷ Рерберг.

⁸ Возможно, это адрес О.И. Алексеевой, которая в это время отдыхала в Италии и о которой В.И. Вернадский упоминает в письме 861.

№ 861

27 мая 1912 г., Петербург

Петербург, 27.V. 912

Дорогая моя Наталочка, вчера получил твое и Нинусино¹ письмо из Цюриха. Рад, что вы доехали хорошо. Скажи Нинусе, что очень ее целую за ее “большое” письмо и напишу ей должно быть завтра.

Я хочу выехать 31-го. Еще не брал билета, а говорят все страшно переполнено. Как всегда к концу масса всякой возни и всяких хлопот. Еще ничего не уложено и только что начинаю.

Работается в лаборатории очень плохо и как-то всё время расходуется незаметно.

Мой адрес: ст. Миасс, Самаро-Златоустовской железной дороги, а для заказной – Миасский завод. Начну поездку только 5-го июня! Пробуду день в Перми, а 5-го встречу в Кушве с Ферсманом, который должен там меня ждать. Из Кушвы поедem на лошадях (целый день) в Верхотурье. В Миассе – частью по железной дороге, частью на лошадях – будем не раньше 10 июня.

На обратном пути я хочу заехать не только в Вернадовку, но и к Петрункевичам в Марфино, где пробуду несколько дней, дня два-три – так что поеду через Москву.

Напиши мне имя и отчество Шилина и имя, отчество и фамилию управляющего в Вернадовке². Знаешь, странно, что Попова тебе не написала о 100 рублях? Получила ли она их?³

Штаты наши проходят – я не помню, писал ли тебе, что место мы потеряли против нашей лаборатории: его отдали Министерству торговли!

Вчера вечером был у Чернышева в связи с делами музея: все-таки всё это очень неопределенно; не знаю, как всё сложится. Пишу утром и жду сейчас Коловрат-Чирвинского, молодого физика, работавшего у Кюри. Сегодня пойду в город – в банк, покупать платье и т.д., а затем завтракаю у Сергея⁴ в связи с академическими делами.

Несколько устал и очень хочется уже отсюда уехать. Не могу даже сказать, чтобы мне хотелось природы или других каких-нибудь таких впечатлений – мне тяжела сейчас немного та бивуачность, которая чувствуется в работе и жизни. Думаю, что если бы работа не должна была бы прерываться – то мог бы остаться и здесь. Той тяготы к поездке и природе, какие обычно бывают у меня весной, сейчас нет.

Писал Оле⁵. Не напишешь ли ей и Каменской, чтобы получить какие-нибудь сведения? От Нюты вчера имел записку⁶ – она очень довольна, но устала. Леле⁷ писал по адресу: Stresa Italia (Lago Maggion).

Получила ли мои письма и присланные тебе (между прочим Гулино)⁸. Пересылаю письмо Ивана Ильича⁹ – конечно только для тебя.

Нежно обнимаю тебя и Нинулю. Привет Милюковым.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 56. Л. 7–8.

¹ Н.В. Вернадская.

² В письме от 31 мая/13 июня 1912 г. из Цюриха Н.Е. Вернадская писала: “Шилина зовут Стефан Алексеевич, а управляющего в Вернадовке Сергей Петрович, фамилию забыла, если вспомню, напишу” (Ф. 518. Оп. 3. Д. 276. Л. 19).

3 В письме от 31/13 июня 1912 г. из Цюриха Н.Е. Вернадская писала: "Попова деньги получила, ты теперь наверное получил ее письмо, которое тебе переслала" (Ф. 518. Оп. 3. Д. 276. Л. 19).

4 С.Ф. Ольденбург.

5 О.И. Алексеева.

6 Записка А.С. Короленко сохранилась (См.: Ф. 518. Оп. 3. Д. 821. Л. 20).

7 О.И. Алексеева.

8 Г.В. Вернадский.

9 Петрункевич.

№ 862

30 мая 1912 г., Петербург

Петербург, 30.V. 912

Дорогая моя Наталочка, собрался выехать завтра, но выеду только 1-го, так как хочу видеть Голицына. У меня явился новый план устройства Минералого-геологического музея, к которому, кажется, склоняю Чернышева¹; постройка его и Ломоносовского института рядом в одном месте – рядом с новым зданием Геологического комитета на Среднем (угол 19 линии). Во всех отношениях это было бы удобно! Кстати, говорят, что с осени трамвай пойдет по Среднему к Гавани или от 8 или от 16 линии. Тогда наша квартира окажется лучше и удобнее.

Сегодня завтракал у Сергея². Сережа едет в Швецию и может быть на Азорские острова. Вечером буду у Петрункевичей. Я схватил насморк и вчера не был в Павловске. Паша³ ненадолго заходил ко мне – он не может выехать, так как вопрос о флоте не кончился.

Надеюсь ты получаешь мои письма аккуратно. Сегодня получил телеграмму от Ферсмана, что он будет только 7-го в назначенном пункте (вместо 5-го!). Я думаю, что я проеду прямо в Верхотурье. Нельзя менять при общей экскурсии – наверное Крыжановский сидел лишнее у своих. Немного долго быть без писем, может быть **ты телеграфируешь мне в Верхотурье** (Verchoturie 7/20 июня, poste restante). Если нельзя в Верхотурье, то в Кыштым (Kyschtym), где я буду позже. Верхотурье – Пермской губернии, так что может быть надо указать путь. А то я буду в Миассе не раньше 11–12 июня.

Еще далеко не уложился и много всякого дела, но в общем как-то и не работается сейчас. В четверг в Думе проходят и мои 10 000 на радий. Сегодня утром у меня был Вебер, и я с ним сговорился насчет поездки в сентябре в Фергану. Как-то и хочется поехать и вместе с тем, столько надо будет делать осенью, что не знаю, как и быть!

Сегодня обедает у меня Константин Автономович⁴. Он всё также пришиблен всей этой историей! Вот уже можно сказать, бог Амур-слепой и как бабочка летит на огонь. Ведь его нельзя даже и сравнивать с тем, кого ему предпочли: грубого орангутанга по наружности! И кажется очень малообразованного и далекого от умственных интересов: он работал у меня в Музее – но невидно.

Скажи Нинуле, что Фабр и Талиев⁵ куплены и сданы Прасковье Кирилловне⁶. Высылаю тебе майскую “Русскую мысль”

Нежно целую тебя и Нинулю⁷. Привет Милюковым. Писала ли Оле?⁸ Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 56. Л. 9–10.

¹ Феодосий Николаевич Чернышев – директор Геологического музея АН в Петербурге с 1900 г. и директор Геологического комитета с 1903 г.

² С.Ф. Ольденбург.

³ П.Е. Старицкий.

⁴ Ненадкевич.

⁵ Фабр и Талиев – авторы книг.

⁶ Казакова.

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ О.И. Алексеева.

№ 863

32 мая 1912 г., Петербург

Петербург, 31.V. 912

Дорогая моя Наталочка, пишу несколько слов с вокзала, где заказал плацкарту на завтра. Справлялся сейчас в почтамте – телеграмму в Верхотурье (пишут Verkhotourié) можно послать. Пошли ее 6–7 июня. Должно быть буду в Верхотурье только 7 июня, так как Ферсман запаздывает. Я должно быть проэкскурсирую два дня один около Благодати.

Нежно тебя и Нинулю¹ драгоценную обнимаю. Сейчас иду к Петрункевичам проститься.

Пиши в Миасс. О телеграмме писал тебе вчера: иначе я о вас до 12 июня буду без известий.

Целую.

Твой *Владимир*

На обороте: Madame N. Vernadsky, Keltenstrasse, 48, Sanatorium “Lebendige Kraft”, Zürich (V), Цюрих, **Швейцария**.

Оп. 7. Д. 56. Л. 11.

¹ Н.В. Вернадская.

5 июня 1912 г., поезд “Пермь-Гора Благодатская”

Дорога Пермь-Гора Благодатская
5.VI. 912

Дорогая моя Наталочка, еду на Урал, куда сейчас выезжаю. Должно быть пробуду дня 2 на Благодати и Кушве – затем еду в Верхотурье. Надеюсь, что и дальше будет хорошая погода. Чувствую себя хорошо.

Нежно и горячо обнимаю тебя и Нинулю¹. Привет Милюковым.

Твой *Владимир*

На обороте: Madame N. Vernadsky, Keltenstrasse, 48, Sanatorium “Lebendige Kraft”, Цюрих, Zürich.

Оп. 7. Д. 56. Л. 12.

¹ Н.В. Вернадская.

№ 865

6 июня 1912 г., Кушвинский завод

Кушвинский завод, 6.VI. 912

Дорогая моя Наталочка, вот уже я на Урале и начинаю свою экскурсию. Пишу рано утром, к 9 часам приедут казенные лошади и поедем на гору Благодать. Чудное утро – рядом на улице звенит скот, кудахтают куры и слышен звук большой работы чугуна и сталь приготавливающего завода.

Я кажется тебе писал, что Ферсман с Крыжановским напутали и вместо 5-го Ферсман приедет сюда 7-го. У меня таким образом оказались лишние 1½ дня. Я мог бы сидеть в Петербурге, но мне не хотелось задерживать Прасковью Кирилловну¹ и вообще уже как-то на этом расстроенном биваке, когда всё уложено, нельзя было настоящим образом работать. Я решил поэтому пробыть эти 1½ дня в Кушвинском заводе (где мы должны были съехаться) и посетить внимательно классическое месторождение магнетита на горе Благодать. Я был здесь 16 лет назад, но очень недолго, и у меня после того явился ряд вопросов. Для радиевых работ это совсем не нужно, но попутно хочу осмотреть разработки кварца, которые могут дать указания для Ра-минералов. Убедил проехать сюда и осмотреть Благодать Елизавету Дмитриевну², которая никогда здесь не была и с которой мы ехали до Перми. Завтра приедет Ферсман, если не успею кончить, то мы завтра еще втроем осматривать разработки кварца около станции Азиатской. Вчера приехали

сюда к вечеру. Я был у горного начальника, которому Академия наук телеграфировала о моем приезде, но он уехал в отпуск. Помощник его новый, очень любезный, но мало знает. Он направляет меня сегодня на Благодать к горному инженеру Назарову, который заведует разработками в Гороблагодатском округе, и дал лошадей. Я от него в зависимости, что так поздно выезжаю – назначили они 9 часов. Может быть, думали, что я поздно встаю? Но это мне пришлось в голову позже. Дают казенных лошадей, которых пришлют уже в гостиницу. Здесь оказались чистые и порядочные “меблированные комнаты”. Ввиду опоздания Ферсмана в Верхотурье поедem не на лошадях, а по железной дороге – должно быть завтра вечером. Телеграфировал из Академии etc. с целью добыть для Академии хорошую коллекцию отсюда, а так мне все это представительство тяжело. Но я довожу его до minimum’a. Многое в успехе работы здесь зависит от Назарова – не имею о нем понятия. Хочу провести на двух здешних рудниках (отстоят они кажется в 6–7 верстах) весь день сегодня.

Меня провожал Паша³ и Константин Автономович⁴. От Паши узнал, что Нина⁵ уезжает в Рыбницу, и таким образом мы отсюда едем в Витебск? Очень меня интересует судьба моего дальнейшего лета, и я надеюсь иметь в Миассе в этом смысле от тебя известие.

Чувствую себя хорошо. Вчера несколько устал, так как плохо спал; в Перми было душно, а наш поезд уходил в 4 часа утра, да еще по ошибке пришлось ехать на другой вокзал!

Дорогой прочел с большим интересом книгу Спекторского⁶ о социальной физике в XVII столетии; очень любопытная вещь. И многое из того, что я считаю правильным благодаря изучению истории естественно-исторической мысли развито и здесь. Мне хочется о ней и о работе Алексеева⁷ (помнишь о нем говорил Павел Иванович⁸ его ученик) написать заметку – уже в Витебске (?). Вчера почти кончил книгу Бартольда⁹ по истории ознакомления с Востоком. Мысль работает хорошо и многое хочется выразить, если смогу. Что-то мой бесконечно любимый Нинусь!

Нежно целую тебя и ее, мою драгоценную. Привет Милюковым. Жду телеграмму в Верхотурье. Надеюсь ты довольна санаторием.

Целую нежно.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 56. Л. 13–14.

¹ Казакова.

² Ревуцкая.

³ П.Е. Старицкий.

⁴ Ненадкевич.

⁵ Нина Егоровна Иседринская.

⁶ *Спекторский Е.В.* Проблема социальной физики в XVII столетии, Варшава: Тип. Варшавского учеб. округа, 1910. Т. 1.

⁷ Н.Н. Алексеев.

⁸ Павел Иванович Новгородцев.

⁹ *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и в России. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911.

№ 866

8 июня 1912 г., Верхотурье

Верхотурье, 8.VI. 912

Дорогая моя Наталочка, сегодня приехал в Верхотурье и должно быть завтра выедем отсюда на лошадях в Алапаевский завод (160 верст), где возьмем железнодорожный поезд по новой ветке, который идет три раза в неделю.

Приехали на заре, в 4 часа утра, и сейчас же отправились на экскурсию. Ферсман первый нашел тот минерал, для изучения которого приехали сюда. Его видел на месте только в 1820-х годах Купффер! Правду сказать, когда я ехал сюда, я думал, что мы ничего не найдем.

Вернувшись поспали и теперь обедаем (чай, творог, молоко, яичница, сыр). Едем сейчас на экскурсию дальше. Я пишу тебе, воспользовавшись тем, что Ферсман пошел в фотографию зарядить свой аппарат.

Получил твою телеграмму, хотя ее перепутали ужасно. Очень рад был иметь от тебя весточку. Надеюсь дней через 5–6 в Миассе иметь письма и тогда во всем разобраться.

Стоит жаркая погода и нас мучили оводы, слепни, комары. Комарами Верхотурье славится – говорят самые свирепые.

Сам “город” может быть наиболее интересный. Красивый собор XVI–XVII столетия, старинный большой монастырь придают городу особый вид – от него отдает стариной, и он имеет особую физиономию среди уральских виденных мною городов.

Были в земской управе – поразительно мертвая. Старый председатель управы ничего не знающий – впечатление чего-то затхлого. Думали узнать о каменоломнях и почтовых трактах. Узнали весьма мало.

Надо кончать. Нежно и горячо целую тебя и Нинуську¹ не-оценимую. Привет Милюковым. Нежно целую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 56. Л. 15–16.

¹ Н.В. Вернадская.

9 июня 1912 г., Верхотурье

Верхотурье, 9.VI. 1912, утро

Дорогая моя Наталочка, вчера послал письмо тебе и открытку Нинуле¹. Закончили с Александром Евгеньевичем² работу и сейчас часа через 2 выезжаем на лошадях в Алапаевский завод; приедем туда завтра, ночуем в Топоркове. Погода стоит жаркая, хорошая. Никак не ожидал ни я, ни Александр Евгеньевич, что мы найдем минералы редких земель – теперь вопрос, являются ли они радиоактивными! Едем на лошадях, чтобы не возвращаться прежней дорогой и не сидеть часами на разных станциях, так это и дороже и немного дальше, но зато увижу совсем мне неизвестную часть Урала.

Очень жду в Миассе известий и очень надеюсь, что и ты и деточка чувствуете себя хорошо.

Нежно и горячо вас обоих обнимаю. Привет Милюковым.

Твой *Владимир*

На обороте: Madame N. Vernadsky, Keltenstrasse, 48. Sanatorium "Lebendige Kraft" Цюрих, Zürich (V) **Швейцария.**

Оп. 7. Д. 56. Л. 17.

¹ Н.В. Вернадская.

² Ферсман.

№ 868

11 июня 1912 г., [Нижнетагильский завод]¹

Салдинский завод, Тагильский завод
11.VI. 912

Дорогая моя Наталочка, попали, наконец, опять в более цивилизованные края – на железную дорогу! Пишу из вагона по дороге в Кыштым, куда приезжаем утром. Попали сюда, благодаря любезности начальника станции, приехав на товарном поезде: иначе пришлось бы или ждать сутки в Алапаевске (поезд идет 3 раза в неделю) или ехать 100 верст по ужасной дороге; а вчера лошадей в Алапаевске не было. Чувствую себя хорошо – много кругом интересного.

Нежно обнимаю тебя и драгоценную детку². Привет Милюковым.

Твой *Владимир*

На обороте: Madame N. Vernadsky, Keltenstrasse, 48, Sanatorium "Lebendige Kraft", Zürich. **Цюрих, Швейцария, Suisse.**

Оп. 7. Д. 56. Л. 18.

¹ Место написания установлено по почтовому штемпелю на открытке. На черно-белой открытке изображен Николаевский монастырь г. Верхотурье.

² Н.В. Вернадская.

№ 869

14 июня 1912 г., Миасс

Станция Миасс, 14.VI. 912, утро

Дорогая моя Наталочка, вчера к ночи приехали на лошадях с Александром Евгеньевичем¹ в Миасс, и я нашел здесь все твои, Ниночкины и другие письма, которые Елизавета Дмитриевна² получила для меня. Очень был рад их иметь, но последнее письмо от 5-го, а телеграмма твоя была 6-го! Так что я дальше не подвинулся. Сейчас едем на экскурсию и вечером тебе напишу. Конечно, я налажу свой строй лета, согласно твоему желанию, но только одно: я не хочу всё передвигаться. Следовательно, если ты хочешь, чтобы я приехал за границу, то я бы хотел где-нибудь поселиться, чтобы работать, лучше всего в Австрии или Италии. В Полтаву вполне согласен ехать, лично чувствую [себя] там хорошо: с Ниночкой мы съездим или в Малороссию или в Крым. Но я сомневаюсь, чтобы Nachkur³ в Полтаве в июле–августе был тебе, при твоей нелюбви к жаре, полезен. Здесь очень интересно, но я не застряну, и так как ты меня раньше торопила, чтобы я не был поздно назад, то я всё так и распределил и сейчас менять не могу.

Нежно и горячо целую тебя и бесценную дочку. Что Гуля⁴? Он не пишет, я адрес ему послал. Обнимаю.

Твой *Владимир*

На обороте: Цюрих, Швейцария.

Оп. 7. Д. 56. Л. 19.

¹ Ферсман.

² Ревуцкая.

³ Дополнительный курс лечения (нем.)

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 870

15 июня 1912 г., Миасс

Миасс, 15.VI. 912, утро

Дорогая моя Наталочка, вчера послал тебе открытку и теперь пишу письмо. Александр Евгеньевич¹ уехал в Миасский завод по нашим делам, Елизавета Дмитриевна² и Лезедова отправились на экскурсию, а я остался здесь закончить кое-какие записи и привес-

ти в порядок корреспонденцию. Крыжановского нет и это очень спутало наши все расчеты: у него заболел сын – думали воспаление легких, не то тиф, и очевидно он до сих пор не может выехать. Вообще с Ильменскими горами не везет: сейчас, например, Кулик, которому мы с большими хлопотами выправили отпуск в министерстве, вызван в лагерный сбор и вернется не раньше конца июня!

Должно быть завтра едем на юг – в степь в Санарку (верст 50 отсюда), а затем опять вернемся сюда. Отсюда я уеду назад в Россию. Из твоего письма я вижу, что ты хотела бы теперь дольше пробыть за границей, но, ты помнишь, ты сама настаивала, чтобы я не запоздал к началу 20-х чисел июня, и я всё так распределил. Следовательно, теперь мне затягивать здесь не приходится. Пробуду в крайнем случае лишние 2–3 дня у Петрункевичей.

Ты хочешь, чтобы я ответил тебе на твои вопросы по поводу летнего устройства. Я уже тебе писал, что я согласен со всеми твоими разнообразными планами, но хотел бы знать все-таки всё заранее. Самое неприятное все эти неопределенности. Я очень хотел бы, чтобы ты решила сама, так как в санаторию и ее режим я не верю и думаю, что едва ли она даст больше того, что дало бы тихое и спокойное пребывание в культурно устроенной жизни в русской деревне или на даче. К тонкостям режима у меня никакой веры нет, а здесь вопрос только **веры**, так как никаких научных оснований этому нет: есть лишь скоропроходящая научная мода. Если ты этому веришь, и это тебе помогает – надо, следовательно, это и делать.

От тебя нет давно писем. Вчера писем совсем не было, сегодня пришло письмо без даты от Ниночки³. Из него я как будто вижу, что тебе хочется остаться за границей? Совершенно не понимаю, причем детские планы Нинули при решении всего этого вопроса? Вообще как-то все неясно и не понятно, странно из твоих писем. Поэтому пишу тебе ответ на все твои планы:

1. Я согласен приехать за границу из экскурсии. Не согласен жить в санатории. Для того чтобы приехать, надо получить паспорт – следовательно, мне придется списаться с Сергеем⁴ – я думаю, это займет много времени, так как я предупредил его о возможности такой альтернативы. Если жить за границей, не очень бы хотел в Швейцарии, которую не люблю, но можно и в Швейцарии. Удобно было бы около библиотеки большого города, но для этого придется мне должно быть заехать в Петербург, так как там все мои книги и рукописи и придется всё выбрать и разобрать для работы. Но может быть я тогда изменю характер работы и в С.-Петербург не поеду. Не знаю, хочешь ли ты провести всё лето за границей или только недели 3–4? Это мне надо знать для решения вопроса.

2. Согласен заехать за Ниночкой в Финляндию к Милюковым и поехать с ней в Полтаву, сделав какую-нибудь с ней поездку. Согласен и приехать за Ниночкой и уехать с ней в Россию. Я думаю, режим санатория без Таки⁵ для Ниночки вреден – может быть не столько физически, сколько для ее привычек и характера. Все-таки это жизнь, приноровленная для больных, а не для здоровых, режим **больничный**. Я совершенно не знаю, сколько времени ты будешь жить за границей в санатории и у меня двойственное чувство по отношению к этому. Я боюсь, что тебя все будут задерживать и ты пробудешь там очень долго, если я и Ниночка будем в России. Лично я считаю, что Ниночке в Полтаве полезнее, чем в санатории. Но я не знаю, насколько хорошо нам там жить без тебя? Не утомит ли это только Марию Ивановну⁶? Когда я несколько отдохну от экскурсии (чувствую я себя очень хорошо, но постоянно дает себя знать моя обычная болезнь во время поездок – желудок, я сделаю с ней поездку или по Днепру или в Крым.

Меня смущает, однако, то, что Милюковы после 24.VI, кончив свою санаторию, кажется, хотели отправиться путешествовать. Поэтому **не лучше ли мне приехать за ней в Швейцарию, в Цюрих, и, взяв ее, уехать с ней в Полтаву, где ждать тебя? Ты же приедешь в Полтаву в начале августа?** Если ты думаешь, что пребывание Нины и меня в Полтаве без тебя не будет трудно для Марии Ивановны, то немедленно извести меня об этом по адресу Петрункевичей (Ст. Катуар, Московско-Савеловской железной дороги, Марфино, Петрункевичам для передачи мне. Для заказных и телеграмм – ст. Лобня). Я думаю, отсюда уже скоро уехать и писем сюда уже больше не пиши. Я пишу на всякий случай Петрункевичам и Сергею, которого прошу прислать паспорт по адресу Петрункевичей. Может быть ты о своем решении сообщишь мне телеграммой в Заметчино Шилину для передачи мне. В Вернадовку заграничных телеграмм не принимают. Если телеграфируешь немедленно, то я может быть могу получить телеграмму еще и здесь (Miasskij Zavod): пошли, на всякий случай, обе телеграммы.

Мне кажется, что: 1) если ты хочешь еще остаться долго и 2) Милюковы едут еще путешествовать после отъезда из санатория 24.VI, то лучше всего мне заехать за Ниночкой. Ей надо выправить в таком случае отдельный паспорт, так как у меня паспорт командировочный, а другой мне доставать сейчас очень трудно.

Приезжать тебе в Полтаву в **июле** при твоей нелюбви к жаре и твоем теперешнем настроении едва ли полезно, и я бы был очень против этого.

Не знаю, как сложится мой август: может быть я тогда занимался бы в Полтаве, может быть на вторую половину уехал бы в Фергану.

Будущий год сулит много всякой работы – не знаю, как со всем справлюсь.

От Гули⁷ нет никаких известий и это меня несколько беспокоит.

Нежно и горячо тебя обнимаю. Целую тебя и драгоценную детку. От Лели⁸ получил письмо: я ей писал еще раз о моих беспокойствах в связи с ее денежным делом. Нежно целую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 56. Л. 20–23.

¹ Ферсман.

² Ревуцкая.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ С.Ф. Ольденбург.

⁵ Татьяна Павловна Милюкова.

⁶ Старицкая.

⁷ Г.В. Вернадский

⁸ О.И. Алексеева.

№ 871

17/30 июня 1912 г., Миасс

Миасс, 17/30.VI. 912

Дорогая моя Наталочка, вчера не успел тебе написать. Вчера получил от тебя письмо, в котором ты просишь телеграфировать о моем решении. Но отсюда телеграфировать нельзя за границу – на Миасский завод (6 верст) проехать не удалось. Я писал тебе о нем уже 3-го дня в ответ на письмо Ниночки¹. Сегодня проеду в Миасский завод и постараюсь протелеграфировать, если там примут. Отсюда уезжаю на днях и проеду за Ниной в Цюрих. Там ты решишь, ехать ли нам с ней в Полтаву (за что бы я стоял) или ждать тебя за границей. На июль ехать тебе в Полтаву при твоём отношении к жаре и настроению я считал бы не полезным. Здесь очень неудобно для экскурсии, что нет Кулика и Крыжановского, и опоздал где-то Белянкин. Как люди не умеют вести общее дело! Пусть Ниночка ждет меня в Цюрихе – беды нет, если она лишний день–два пробудет одна в санатории без Таки².

Нежно целую тебя и ее.

Твой *Владимир*

На обороте: Madame N. Vernadsky, Keltenstrasse, 48, Sanatorium "Lebendige Kraft"
Цюрих, Zürich, Швейцария

Оп. 7. Д. 56. Л. 24.

¹ Н.В. Вернадская.

² Т.П. Милюкова.

20 июня 1912 г., Миасс

Миасс, 20.VI. 912

Дорогая моя Наталочка, сегодня вернулся из поездки с Александром Евгеньевичем¹. Мы быстро и точно сделали всё что нужно: вчера экскурсировал 14 часов подряд, выехали сегодня в 4 часа утра и зато всё кончили. Так приятно, что с ним не теряешь времени.

Завтра выезжаю, останавлиюсь на день-два у Петрункевичей и затем прямо к тебе. Я думаю, лучше всего мне повидаться и переговорить с докторами и решить нам всё совместно. Из твоих писем я как-то не всё понимаю и буду спокойнее, выяснив всё на месте. Если тебе нужно, ты останешься дольше, сколько нужно, а мы с Нинулей² поедem в Полтаву или в Витебскую губернию, если ты туда приедешь. Мы с ней можем сделать поездку по Северной Италии. Я уже давно писал тебе об этих планах и телеграфировал. О дне приезда извещу заранее телеграммой: надеюсь, Сергей³ выслал паспорт.

Спешу кончить, чтобы письмо пошло сегодня.

Нежно и горячо целую тебя и Нинулю. До скорого свидания. Нежно обнимаю. Должно быть напишу еще раз – иначе еду впереди писем.

Твой Владимир

P.S. Как-то все-таки не спокоен я санаторным диагнозом. Ну да в Цюрихе всё сам увижу и переговорю.

Нежно обнимаю тебя, мою дорогую.

Владимир

Оп. 7. Д. 56. Л. 25.

¹ Ферсман.

² Н.В. Вернадская.

³ С.Ф. Ольденбург.

18 августа 1912 г., Бахчисарай

Бахчисарай, 18.VIII. 912

Дорогая моя Наталочка, доехали сюда отлично – спали внизу – освободились места. В поезде встретили одного из моих учеников – А.С. Вагина, служащего в земстве, который дал нам ряд прекрасных указаний.

Еще рано утром и всё закрыто – едва нашел открытку. Осмотрели снаружи ханский дворец. Едем в Мангуш, оттуда в Кокоз,

где ночуем. Из Кокоза вместо того чтобы подыматься пешком, едем на Ялту и подъезжаем к Ай-Петри, на которую взойдем. Оттуда спускаемся в Алупку.

Вещи пришлось отправить в Ялту, они опоздали и здесь не удалось их сдать иначе. Я думаю, утром послезавтра мы заедем из Алупки за ними на паровом катере и приедем из Ялты к Ивану Ильичу¹.

Нинулька² весела, бодр и радостна. Погода чудная.

Вагин много рассказывал. Он говорит, что Владимир Карлович Винберг очень убит³, но бодро работает по-прежнему. Он председатель Ялтинской управы.

Нежно целую тебя и всех наших.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне Вернадской, Келенский проспект, д. Янович, № 25, Полтава.

Оп. 7. Д. 56. Л. 26.

¹ Петрункевич.

² Н.В. Вернадская.

³ У В.К. Винберга умерла внучка Н.И. Клейбер.

№ 874

20 августа 1912 г., Гаспра

Гаспра, 20.VIII. 912

Дорогая моя Наталочка, сегодня днем приехали сюда, и здесь Иван Ильич и Анастасия Сергеевна¹ встретили нас как самых близких родных. Устроились с Ниночкой² наверху в чудном готическом дворце, построенном в начале XIX столетия. Ниночка сейчас уже легла в огромной зале и спит на огромной тахте, а я пишу тебе это письмо и разбираю многочисленную корреспонденцию. У нас огромный балкон, с боков открытый, в котором не знаю сколько, но мне кажется гораздо более 100 шагов и открывается поразительный вид на море и горы. Всего 50 шагов длины. Сейчас выходил – всходит луна и чудный нежный вечер. Иван Ильич и Анастасия Сергеевна помещаются внизу.

Мы проведем у Петрункевичей все время, какое сможем. 29-го вечером выезжаем пассажирским 1-м классом в Петербург. Всё занято на эти дни! Приплата против 2-го курьерского, на котором хотели ехать, небольшая. У нас будет маленькое купе, и я смогу все время заниматься. Мы еще не распределили всё время, но думаю, выедем утром 27-го отсюда, 28-го проведем в Батилимане, а 29-го утром осмотрим Севастополь. Здесь не придают большого значения военному положению. По-видимому, вся эта

история связана с тем, что открыт заговор матросов овладеть штандартом с царской фамилией и будто бы то же самое было и в Балтийском флоте. Говорят, в Севастополе всё время корабли крейсеруют в пределах береговых батарей и в этих условиях там идет расследование. Эти крымские сведения я слышал дорогой – Иван Ильич говорит, что то же самое появилось в заграничной прессе.

Ниночка чувствует себя отлично и просит тебе об этом написать. Я много с ней и разговариваю, и так чувствуется прелесть раскрывающегося молодого создания. От Георгия³ есть телеграмма, что завтра вечером он будет в Ялте к послезавтра утром будет в Гаспре. Очень рад и видеть его и может быть с ним сделаем куда-нибудь прогулку. Ниночка вчера в Ялте, когда я 2½ часа ждал очереди записаться на билеты (а платить непременно по глупому расписанию надо приехать вторично!), ездила к Соне Кож.⁴, но дурашка не нашла ее и не могла даже узнать, живет ли Соня там! Она очень хочет ее видеть. От Нюты⁵ есть несколько строк, из которых видно, что она здорова и хочет в начале сентября двинуться в Петербург, но из этих строк больше ничего не видно. Елизавета Дмитриевна⁶ пишет, что получила письмо от Мисс.⁷ и что Миссуна в начале сентября будет уже в Москве. Ферсман пишет, что будет 1-го сентября в С.-Петербурге, а Крыжановский ни слуху, ни духу и ничего не пишет о своей коллекции! Беда с ним, по словам Ферсмана, он ни за что не вернется из своей поездки вовремя.

Здесь уже тебе писала Ниночка, что я опять встретил нескольких лиц, меня знавших, на Ай-Петри, московских студентов, и одного бывшего моего слушателя бактериолога. Они были чрезвычайно любезны и очень хорошо нас устроили в Алуппе.

Твои два письма получил и пересланные письма. Очень жду письма о решении Леон. Алекс.⁸ Будь осторожна с едой.

Боюсь, как бы не переменялась погода – здесь сейчас поднялся ветер и над морем тучи. Выходил на балкон – чудно мерцает Млечный путь и красивы бесконечно звезды.

Нежно и горячо целую тебя. Поцелуй всех наших. Ниночка сейчас мечтает о кусочке у моря – ей Крым и Черное море очень нравятся. Горячо целую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 56. Л. 27–26.

¹ Петрункевичи.

² Н.В. Вернадская.

³ Г.М. Любоцинский.

⁴ София Григорьевна Кожевникова.

⁵ А.С. Короленко.

⁶ Ревуцкая.

⁷ Очевидно, Анна Болеславовна Миссуна.

⁸ Леонид Алексеевич, вероятно, полтавский врач.

№ 875

23 августа 1912 г., Гаспра

Гаспра, 23.VIII. 912

Дорогая моя Наталочка, пишу тебе утром перед поездом в Ялту, куда еду брать билеты и затем оттуда в Никитский ботанический сад. Вчера приехал Георгий¹ и мы с ним ходили в Алупку. Он сейчас здесь ночует и едет вместе с нами в Ялту. Погода немного меняется – боюсь, как бы мы не попали в дождь: ночью он и был кажется.

Здесь чудесно и как-то мне не хочется уезжать в сторону. Ни-нулька² мечтает о Чатырдаге и других восхождениях, но в то же время и ей приятно с Анастасией Сергеевной и Иваном Ильичем³, которые оба с ней страшно милы. А мне хочется провести возможно больше времени с Петрункевичем. Не знаешь еще, когда будет время пробыть с ним так, как в эти дни.

Вчера по дороге встретил Багалея, который был в Бати-лимане – очень хвалит приморские участки, кроме кажется двух, расположенных в низинках. Не знаю точно номера! Если будет сомнение, телеграфирую тебе.

Переговори с Георгием Егоровичем⁴ о приобретении участка земли. Он тоже хочет – склоняется кажется к Пслу. Он говорит, что местами по Десне довольно мрачные места. Из письма Сережи⁵ Ниночка⁶ сообщила, что Гуля⁷ ехать не может – жаль.

Неожиданно вчера получил еще записку от Нюты⁸, которую пересылаю, так как в ней есть известия об Оле⁹. Всё это, очевидно, будет очень тяжело¹⁰.

У меня вышла маленькая неприятность с Крыжановскими. Не получая никаких известий от Владимира Ильича, я послал телеграмму его жене о том, что необходимо ему быть – 1-го и что 5-го идет вопрос о его коллекции, а ключи у него. Вечером в тот же день получил печальное извещение, что умер ее отец. Пришлось вчера посылать еще ей телеграмму с соболезнованием. Но как-то это [тесное] совпадение житейского и печального было неприятно.

Ниночка здесь очень уже чувствует себя дома, но я как-то чувствую, что при хорошем отношении Анастасии Сергеевны и Ивана Ильича это совсем ничего. Она полна всяких мыслей и вопросов и всё время расспрашивает: я думаю, что даже за поездку она очень умственно вырастет. Вчера по дороге мы заходила к

Булгаковым и пойдем к ним должно быть завтра. Сергея Николаевича¹¹ не было дома.

Нежно и горячо целую тебя и всех наших.

Твой *Владимир*

С Георгием очень было хорошо. Знаешь, мне кажется, он совсем помирился со своей семейной средой.

Оп. 7. Д. 56. Л. 29–30.

¹ Георгий Маркович Любоцинский.

² Н.В. Вернадская.

³ Петрункевичи.

⁴ Старицкий.

⁵ Очевидно, С.С. Ольденбург.

⁶ Н.В. Вернадская (жена).

⁷ Г.В. Вернадский.

⁸ А.С. Короленко.

⁹ О.И. Алексеева.

¹⁰ В письме к В.И. Вернадскому А.С. Короленко писала о своем беспокойстве за здоровье тёти – Ольги Ивановны Алексеевой, у которой в это время начался бракоразводный процесс с Кириллом Алексеевичем Алексеевым (АРАН. Ф. 519. Оп. 3. Д. 821. Л. 30–31).

¹¹ Сергей Николаевич Булгаков.

№ 876

26 августа 1912 г., Ялта

Ялта, Учан-су, 26.VIII. 912

Дорогая моя Наталочка, пишу тебе несколько слов уже в Москву, так как в Полтаву письмо не успеет. Георгий¹ тебе уже рассказал всё о нас, и ты знаешь, что мы будем в С.-Петербурге только 1-го утром. В Москве будем днем (4^h–15) 31-го.

Сейчас мы с Ниночкой² пришли пешком в Ялту. Она страстно стремилась повидаться с Соней³. Сейчас они сидят здесь в лесу и наслаждаются друг другом. Соня производит хорошее впечатление, но, я думаю, во многом она другая, чем наша деточка.

М.А.⁴ попросилась поехать с нами. Она больна и теперь говорит, что живет только для детей, для них хочет и лечиться. Никаких других интересов у нее и нет. Всё это тяжело. Сейчас я оставил ее одну у водопада (так называемого), а сам поднялся наверх, не очень далеко от места, где сидят Нина и Соня.

Иван Ильич⁵ был эти дни не совсем здоров, сейчас ему лучше. Лошадей уже нанял и завтра днем выезжаю в Байдарские ворота, где будем ночевать. В Бати-лиман пойдем пешком.

Целую всех Любоцинских. Нежно тебя целую.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Высокопревосходительству Анне Егоровне **Любоцинской**, с просьбой передать Наталье Егоровне **Вернадской**, Zubовский бульвар, собственный дом, Москва

Оп. 7. Д. 56. Л. 31.

¹ Г.М. Любоцинский.

² Н.В. Вернадская.

³ С.Г. Кожевникова.

⁴ Мар. Ан. Кожевникова.

⁵ Петрункевич.

№ 877

2 октября 1912 г., Моршанск

Моршанск, 2.X. 912

Дорогая моя Наталочка, вчера приехал сюда и сразу весь день был на заседании. Сегодня утром пишу тебе после дня занятий.

В Москве я видел немногих. Гулю¹ просил тебе написать и должно быть он написал. Гулю встретила Нина², он был весь поглощен ею и Москвой, и в Москве я уже его не видел. Но я должно быть испорчен в этом отношении вроде Марии Ивановны³: на меня – хотя логикой я понимаю, что он счастлив и что Нина его любит и что им хорошо, сердцем я чужд их счастью и не верю в его красоту. Петрункевич говорил, что он переговорит с Кизеветтером и думает, что Гуля может устроиться еще сейчас на Высшие женские курсы репетитором – преподавателем, ведущим практические занятия.

В Москве до сих пор по-прежнему болезненно чувствуется еще университетская история⁴. Меня встретил Самойлов, и с ним я много провел времени, ездив на вокзал и на билетную станцию, доставая билеты, так как Гулька взял на Сибирский – переполненный поезд. С грехом пополам достал верхнее место и доехал недурно. Из рассказов Самойлова как-то опять ярко вырисовалась незажившая рана. Но как люди падают! Помнишь Челинцев, талантливый ученик Зелинского, поступивший с ним как негодяй? Он в прошлом году не читал лекций и хотел защитить диссертацию – докторскую в Казани. Один из оппонентов усомнился в его результатах, проверил его опыты и получил – другие результаты. Челинцев по телефону снял свою диссертацию! Должен сказать, этого я совсем не ожидал и это меня огорчило еще более, чем весь его поступок с Зелинским и Московским университетом. Как ты знаешь, я считаю, что выдающиеся люди, которых очень мало, могут иметь иную мерку. А Челинцев казался одним из немногих талантливых!

Был у Мензбира – ужасно тяжело. Он принял меня с женой, постарел, осунулся, изнервничался. Как только он вышел на ми-

нута к телефону, она начала мне говорить тяжелые вести о себе, о тяжести жизни – и наряду с разумным и глубоким прорывались совсем несуразные и странные суждения. И с Михаилом Александровичем мог поговорить только на лестнице: он сиделка при жене, страшно ему тяжело, был уже один сердечный припадок. Был у Чаплыгина, Новгородцева не застал, но они пришли к Любощинским с Петрункевичем, и я их немного повидал. Марк⁵ **очень** плох и Аня⁶ неважна. Георгий⁷ говорит, что он нашел Марию Ивановну⁷ значительно слабее...

На обратном пути я хочу остановиться в Москве – между поездами, – чтобы повидать. Хочу заехать к Дав.⁸ и Роту⁹. Здесь видел жену Дав.¹⁰, которая едет в Москву. Кассо сказал Довыдовскому цинично, что мера против университета Шанявского принята, так как они конкурируют с Московским университетом – ушедшие профессора нашли там приют! и там пережидают возвращение. Павел Иванович¹¹ утвержден ординарным профессором Коммерческого института.

Здесь шансы неопределенные. Настроение очень изменилось. Любопытно, что на земском собрании живое участие в прениях принимают крестьяне, чего раньше совсем не было! В городе по **первой** курии, чисто купеческой, забаллотирован в выборщики Рымарев и к общему удивлению блестяще прошел к.-д.¹² дворянин Хрущев! Моршанцы от этого не могут опомниться. Выбрано в выборщики 33 священника, но из них, говорят, от 1/2 до 1/3 **левых**. Если это верно, то силы наши равны и вопрос решается 1–2 голосами. Но диапазон прогрессистов очень велик; прогрессист и князь Чолокаев и рядом к.-д. и левее к.-д. Говорят, некоторым священникам велено не приехать, но думают, что они не послушаются, так как то же самое было им велено и при выборах выборщиков, и они все приехали. Мы выставляем прогрессистский список, и может быть двух священников, если они захотят! Меня в список не включаем, чтобы не отшатнуть колеблющихся. Никакой прогрессивной пропаганды нет, есть только пропаганда правых и националистов. Земское собрание деловое, но меня всё более и более изумляет и дает прочную веру – неуклонный, стихийный рост жизни, несмотря ни на что. Новое – настроение против священников, но в Моршанске оно какое-то двойственное, благодаря расколу среди духовенства. На собрании депутат от духовенства произносит демагогические речи! Ну, пока всё.

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю¹³, Нюточку¹⁴. Скажи моему детенышу, что ему напишу. Нежно целую.

Твой Владимир

- ¹ Г.В. Вернадский.
² Н.В. Вернадская (жена Г.В. Вернадского).
³ Старицкая.
⁴ Имеется в виду уход В.И. Вернадского и других преподавателей из Московского университета в знак протеста против реакционной политики министра народного просвещения Л.А. Кассо.
⁵ М.М. Любошинский.
⁶ А.Е. Любошинская.
⁷ Г.М. Любошинский.
⁸ Очевидно, В.Ф. Давыдовский, профессор Московского университета, один из основателей Высших женских курсов, где был деканом физико-математического факультета.
⁹ Очевидно, профессор В.К. Рот – при открытии 1.Х. 1908 г. Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского – председатель попечительского совета университета.
¹⁰ Очевидно, жена В.Ф. Давыдовского.
¹¹ Новгородцев.
¹² Конституционный демократ.
¹³ Н.В. Вернадская (дочь В.И. Вернадского).
¹⁴ А.С. Короленко.

№ 878

4 октября 1912 г., Моршанск

Моршанск, 4.Х. 912

Дорогая моя Наталочка, получил вчера и сегодня оба твои письма очень за них благодарю. Вчера писал Ниночке¹. Сейчас пишу в земском собрании. Оно идет деловито – было несколько “политических” дел (Кассо назначил в земско-городскую гимназию директора, не спросив земства и ответив дерзко глупой бумагой на представление земства, но было выдано 2 месячное жалование врачу Запольскому, удаленному губернатором; шел вопрос о курсах для учителей в Тамбове и т.п.), которые все решены правильно. Вопрос о выборах несколько волнует, но он совершенно темный. Прогрессивный список (в том числе Грузинов, который хочет идти в Государственную Думу и идет в прогрессисты и Бенкендорф, тоже желающий идти и близкий к к.-д.)² пройдет, если найдется достаточно священников, которые не послушаются своего начальства. В числе священников – выборщиков и отец Петр из Каменки. Здесь среди купечества и дворянства большое недовольство против священников.

Сию на заседаниях целые дни. Утром от 10–12½ или 1 часа заседания собрания, от 2½ до 5½ заседания собрания или докладной комиссии, от 8 до 11 – докладная комиссия. Вчера вечером докладная комиссия кончила свои работы, и сегодня весь день будет земское собрание. Завтра в 12 часов будет избирательное собрание. В Москве думаю обедать у Новгородцевых и обещал Лидии Антонов-

не³ телеграфировать. Надеюсь, что завтра быстро все кончится, но может быть, что выборы затянутся, если силы окажутся почти равными. Хочется уже назад. Нежно и горячо целую тебя, Ниночку, Нюту⁴. Еще раз благодарю тебя за письма: они так переносят к Вам.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский о., 14 линия, д. 45, **Петербург**.

Оп. 7. Д. 56. Л. 34.

¹ Н.В. Вернадская.

² Грузинов и Бенкендорф в списке членов с I по IV Государственных дум не значатся.

³ Лидия Антоновна Новгородцева.

⁴ А.С. Короленко.

№ 879

26 января 1913 г., С.-Петербург

СПб., 26.I. 913, суббота

Дорогая моя Наталочка, пишу тебе вернувшись от Оли¹ с Ниночкой. Нюта² не ездила, сидела дома, так как у нее температура 37,7 и слабость. Сейчас температура 37,6. Ниночка³ молодцом, сейчас играет гаммы. Она не взяла гимназического билета в театр на среду, так как мы идем с ней в концерт не только в воскресенье, но и в понедельник (Архангельский). Оля была очень мила – она всё та же и с Борисом⁴ то же: он был у нее сегодня, но никуда не едет и, очевидно, всё это оставлено на волю Божию.

Был сегодня на заседании книгоиздательства Поповой: мы приняли издание Лакомба⁵, перевод Александры Васильевны⁶. Ей я напишу завтра. Между прочим скажи Дмитрию Ивановичу⁷, что Б.Б. Веселовский очень просит его ответить на письмо Френкеля, которое он писал ему по поводу того, чтобы Митя⁷ был одним из редакторов земского сборника. Было бы очень хорошо, чтобы Митя согласился: это займет у него немного времени. От Ади⁸ доставлена книга Пыпина для Ниночки – очевидно, он не получил твоего письма.

Сегодня в лаборатории работал мало: много возились с Ненадкевичем с нашими электрическими принадлежностями, вырабатывали план устройства. Все это очень интересно и заставляет учиться: как все ново и чувствуешь, что это только начатки.

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую. Поцелуй Гулика⁹, Любощинских и всех наших.

Твой *Владимир*

P.S. Сейчас иду бросить письмо.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Анне Егоровне **Любощинской** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Зубовский бульвар, 15, **Москва**

Оп. 7. Д. 57. Л. 1.

¹ О.И. Алексеева.

² А.С. Короленко.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Борис Кирович Алексеев.

⁵ Возможно, имеется в виду издание: *Лакомб Поль*. Присвоение земли: К вопросу о переходе коллективной собственности в частную собственность / Авториз. пер. с фр. А. Баулер. Пг.: Т-во О.Н. Поповой, 1915.

⁶ Гольштейн.

⁷ Шаховской.

⁸ А.А.Корнилов.

⁹ Г.В. Вернадский.

№ 880

28 января 1913 г., С.-Петербург

СПб., понедельник, 28.I. 913, утро

Дорогая моя Наталочка, вчера не успел тебе написать, мы получили твою первую карточку – надеюсь, ты не очень тормозишься. Вчера вечером была с Ниночкой¹ на концерте Гофмана: она очень довольна и ушла сегодня веселая в гимназию. Сегодня мы идем с ней днем на выставку Куинджи, а вечером на концерт Архангельского. Ниночка, как всегда, хочет всё большего, мечтает еще раз слышать Гофмана и хочет и музыки и театра и т.д. Она сейчас усиленно читает Ключевского и много уже прочла Гершензона о Николаевском времени². Адя³ доставил все-таки Пыпина. Характерно и Ниночка хочет их прочесть. Она не успела тебе вчера написать и просит тебя об этом уведомить.

Нюта⁴ вчера выходила; температура у нее вчера была нормальная, даже ниже. Вид у нее неважный. Сейчас она еще не выходила из комнаты.

Вчера был на заседании Ц.К.⁵ у Ивана Ильича⁶, но ни о чем не успел переговорить. Работаю в лаборатории всё в прежнем положении. Много с Ненадкевичем возились эти дни в связи с устройством трансформаторов. Сейчас сделаю некоторые корректуры и пойду в лабораторию.

Адю вчера видел у Петрункевича, но не успел с ним переговорить. Узнай адрес Н.И. Астрова. Может быть поговоришь с ним: мне надо знать, если возможно, давала ли Московская дума даром землю (и сколько) за последние 5 лет полезным культурным учреждениям (Высшие женские курсы, Университет Шанявского, Коммерческий институт и т.д.) и на каких условиях⁷.

Нежно целую тебя, Гулю⁸. Поцелуй наших.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Анне Егоровне **Любоцинской** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Zubовский бульвар, собственный дом, **Москва**,

Оп. 7. Д. 57. Л. 2.

¹ Н.В. Вернадская.

² Эпоха Николая I / Под ред. М.О. Гершензона. М.: Образование, 1911.

³ А.А. Корнилов.

⁴ А.С. Короленко.

⁵ Центральный комитет Конституционно-демократической партии.

⁶ Петрункевич.

⁷ Вопрос выделения земли городской думой для культурных учреждений интересовал В.И. Вернадского в связи с проектом создания Ломоносовского института Академии наук. См. коммент. 3 к письму 877.

⁸ Г.В. Вернадский.

№ 881

22 апреля 1913 г., С.-Петербург

СПб., 22.IV. 913, вечер

Дорогая моя Наталочка, сегодня мы с Нинулей¹ приехали сюда. Она ходила на экзамен, но ее не спросили. Как ты и думала – она торопилась напрасно. В Москве видел всех Любоцинских – они на меня произвели очень хорошее впечатление – все дети. Марк² показался мне очень нездоровым. Видел в Москве очень многих, но еще большого числа лиц, которых хотел видеть, не видел. Как-то я сильно почувствовал – сколько там у нас осталось людей, связанных с нами прошлой жизнью. Расскажу при свидании. Гуля³ приехал в один день с нами – он в очень хорошем виде. Видел всех Шаховских; Митя⁴ очень поддался. Здесь с Сергеем⁵ лучше – у него болезнь ног не от сердца, а подагра. Он уезжает послезавтра в Выборг. Нюта⁶ выглядит хорошо. Едет она в понедельник вечером; сегодня была у доктора – ей умерщвляют нерв и неделю всю до отъезда придется лечиться: совсем это не ко времени.

Я не решаюсь покупать около Ересек – как-то в твоей телеграмме не чувствуется уверенности; затем строиться и дорого и долго. С поездкой за границу, в Америку, и твоим пребыванием в Полтаве едва ли это совместимо. Мне кажется, что если нельзя купить сейчас готового, то лучше выискать не спеша.

Ниночка здорова совсем. Она только что взяла ванну и пишет письма. Нюта ушла на какое-то заседание. Завтра начинаю работу в лаборатории.

Нежно целую. Поцелуй всех наших.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. 25, кв. **М.И. Старицкой**. Полтава.

Оп. 7. Д. 57. Л. 3.

¹ Н.В. Вернадская.

² М.М. Любощинский.

³ Г.В.Вернадский.

⁴ Д.И. Шаховской.

⁵ С.Ф. Ольденбург.

⁶ А.С. Короленко.

№ 882

21 мая 1913 г., [С.-Петербург]¹

21.V. 913

Дорогая моя Наталочка, посылаю тебе накладную и пришедшее письмо. Очень надеюсь, что хорошо доехали. Вчера обедал у Чернышева – был Баклунд и Армашевский. Молодой Чернышев просил кланяться...² и о ней расспрашивал. У него родился сын вчера же – всё у них благополучно.

Сегодня иду к Паше³. Только что сговорился с ним – и утром будет в музее Меффери – ведет переговоры о минералогических исследованиях каменного угля.

Прасковья Кирилловна⁴ получила билеты – но агент страхового общества еще не был – я не знаю его телефона – должно быть ты сделала это через Гревсов. Если он долго не будет давать о себе знать, переговорю с Гревсами.

Сейчас масса работы – хочется скорее уже быть вне Петербурга.

Нежно и горячо целую тебя и деточку⁵. Целую всех наших.

Твой *Владимир*

Имей в виду, что вещи большой скоростью отправлены в Ереськи.

Оп. 7. Д. 57. Л. 4.

¹ Письмо написано в Петербурге, что следует из его содержания: “хочется уже скорее быть вне Петербурга...” и т.д.

² Не разобрано одно слово.

³ П.Е. Старицкий.

⁴ Казакова.

⁵ Н.В. Вернадская.

21 мая 1913 г., [С.-Петербург]¹

21.V. 913

Дорогая моя Наталочка,
сегодня послал тебе заказные письма и накладную, когда было получено прилагаемое извещение Заметчинской конторы. Звонил Мих.Мих. Карпович, который говорит, что Гуле² через Преснякова предлагают 2 урока в 8 классе гимназии Михельсон по русской истории. Он пишет ему об этом в Доробино. Вот Гульке *embarras derichesses*³.

Получил твою карточку. Спасибо.
Нежно целую.

Твой *Владимир*

Детоньку⁴ поцелуй.

Оп. 7. Д. 57. Л. 5.

¹ См. коммент. 1 к письму 882.

² Г.В. Вернадский.

³ Затруднение от изобилия (при необходимости сделать выбор) (франц.).

⁴ Н.В. Вернадская.

22 мая 1913 г., С.-Петербург

СПб., 22.V. 913

Дорогая моя Наталочка, вчера забыл тебе написать, что контракт с хозяином я подписал – условия старые. Сын его, который приходил, был очень любезен и делал всякие мелкие *aimabilités*¹.

Вчера был у Паши²: он может тебе выслать 3000 рублей, когда ты захочешь. Уплату долга свободно может ждать до января–февраля. Но у меня впечатление, что деньги ему могут быть нужны, так как положение его на заводе непрочное: против него масса интриг. Я не сторонник его выхода, ибо сейчас огромное дело на нем, за которое на нем лежит ответственность очень серьезная: при этих условиях выход возможен лишь по очень ярким, всем понятным основаниям. В случае ухода теперь будущие неудачи постройки флота падут на него, как на отсутствующего. У них на заводе начались волнения. Вчера арестован сын Николая, рабочий.

В лаборатории у меня эти дни критические. Решится вопрос – не новый ли элемент то, что я выделил. Что это за тело – совершенно теряюсь. Но вся эта область – самая трудная и мало изу-

ченная в современной химии – полна фантомов, так как нет прочных и ярких точек опоры. Если окажется действительно новым – я не знаю, что делать. Бросить работу до октября – тогда просто ужасно!

Вопрос о месте для Ломоносовского института и музея сейчас находится в несколько неясном положении – встречаются сопротивления в части гласных. Приходится сейчас писать записку³.

Нежно целую тебя и Нинулю⁴. Поцелуй всех наших.

Твой *Владимир*

P.S. Ввиду Пашиных дел хочу двинуть вопрос о залоге сейчас же.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Келенский проспект, д. Янович, кв. М.И. Старицкой, **Полтава**.

Оп. 7. Д. 57. Л. 6.

¹ Любезности (франц.).

² П.Е. Старицкий.

³ Проект создания Ломоносовского института Академия наук выдвинули в 1911 г. К 200-летнему юбилею со дня рождения М.В. Ломоносова В.И. Вернадский по поручению Академии наук написал записку “О Ломоносовском институте при Императорской Академии наук”. Она была предназначена для рассылки членам Петербургской городской думы, которая должна была выделить землю для института, но так и не выделила. Одновременно Академия наук обратилась с этим же проектом в правительство. Правительство дало формальное согласие на создание учреждения, однако ни средств, ни земли для этих целей не выделило. В 1912 г. В.И. Вернадский составил вторую записку о Ломоносовском институте, которую передали Николаю II. Царь обещал свое покровительство, но практически записка осталась без ответа. Академия наук в 1912–1916 гг. еще несколько раз подавала свои заявления о необходимости создания Ломоносовского института, но царское правительство не нашло средств для открытия нового научного учреждения.

⁴ Н.В. Вернадская.

№ 885

6 июля 1913 г. [С.-Петербург]

6.VII. 913

Дорогая моя, приехал более чем за час!

Пишу несколько слов, чтобы просить тебя, если поедешь в Полтаву, заказать себе из Ересек экипаж. Пожалуйста, сделай.

Нежно всех целую.

Твой *Владимир*

Сагальдок

Оп. 7. Д. 57. Л. 7.

7 июля 1913 г., Александров

Александров, 7.VII. 913

Дорогая моя Наталочка, пишу на всякий случай <в> Полтаву. Спального не нашел, взял 1-й класс. Надеюсь доеду хорошо. Нежно целую.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7. Д. 57. Л. 8.

9 июля 1913 г., Остенде

Остенде, 9.VII. 913

Дорогая моя, приехал сюда сейчас утром. Ехать было бы отлично (один в купе), но я ночь плохо спал, почти не спал – думаю, отравился газом, а может быть следствие неосторожности в еде. Ужасно это у меня неудобно для путешествий. Чуть-чуть не сделалась у меня морская болезнь в вагоне и самочувствие было такое же. Я думаю, что главная вина в газе (светильном), которым освещались вагоны международного общества – он отвратительно вонял, а закрыть было нельзя. Я же очень чувствителен к СО. Для переезда это не очень хорошо и, если бы я не телеграфировал Самойлову, может быть остался бы ждать следующего парохода (здесь их чуть не 6 в день!). Но сейчас, на воздухе чувствую себя **совсем хорошо**: буду держать режим еде – должно быть я чувствителен к свежести пищи. Сейчас никуда нельзя показать носу – дождь не переставал со вчерашнего вечера. Но ветра нет и переезд на “Принцессе Елизавете” надо надеяться будет хорош. Вчера писал и тебе и Нинусе¹ из Кельна открытки. О Нюточке² никаких вестей не было: только бы она не перепутала.

Нежно обнимаю. Поцелуй всех наших.

Твой *Владимир*

Из Лондона напишу сегодня же.

На обороте открытки³: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, **Шишаки**, Миргородского уезда, Полтавской губернии, Šišaki, via Kieff, Russie.

Оп. 7. Д. 57. Л. 9.

¹ Н.В. Вернадская.

² А.С. Короленко.

³ Открытка с видом: “La Malle Princesse Elisabeth” partant pour Douvres.

9/22 июля 1913 г., Лондон

Лондон, 8¹.VII. 913

Дорогая моя Наталочка, пишу несколько слов, чтобы сказать тебе, что довольно благополучно доехал в Лондон. Была качка, и я несколько болел, но затем заснул дорогой. Чувствую себя недурно. Я думаю, что все это следствие отравы газом. Здесь меня встретил Самойлов и Маркуша². Оба в восторге от Лондона и англичан. Едем в Ливерпуль должно быть послезавтра. Остановился я в том же пансионе, где и они. Сейчас еду на вокзал в Charing Cross: мой чемодан не пришел! Они думают, что он мог придти с следующим пароходом. Я думаю, это следствие не порядков в Кельне. Если он не придет сегодня в 10 часов вечера – будет очень неприятно – там все вещи – не во что и переодеться.

Нежно и горячо обнимаю тебя. Поцелуй всех наших. Пишу несколько слов, так как боюсь, что тебя немного взволнует моя открытка из Остенде. Что Нинуличка³, пусть будет осторожнее с купаньем и лодкой.

Надо кончать. Нежно целую.

Твой *Владимир*

P.S. Самойлов просит передать тебе свой поклон. Он напишет тебе из Америки. Прилагаю доверенность [Среды]⁴, кажется забыл ее тебе дать.

Оп. 7. Д. 57. Л. 10.

¹ Описка у В.И. Вернадского: письмо написано, очевидно, 9 июля, см. письмо 887: “Из Лондона напишу сегодня же”.

² М.М. Любошинский.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Фамилия написана неразборчиво.

12/25 июля 1913 г., Ливерпуль

Ливерпуль, 12/25.VII. 913

Дорогая моя Наталочка, сегодня уезжаем. Вчера вечером приехали, попали в очень роскошную и дорогую гостиницу – но может быть это и ничего, так как одну ночь провести было очень хорошо, можно было взять ванну и т.д. Сегодня пишу тебе утром, уже поздно, около 10 часов (у вас, вероятно, около 12¹/₂, если не больше), а в 2–3 часа едем на пароход. Теперь имей в виду, что почти 2 недели от меня не будет писем. В Квебеке я зайду на те-

леграф справиться и может быть ты протелеграфируешь 18-го июля вечером* Софье Яковлевне (Петровское-Разумовское, Софье Яковлевне Самойловой), а она пришлет нам общую телеграмму в Квебек. Общую телеграмму мы пришлем также Самойловой, а она протелеграфирует тебе. Немного неудобно с Шишаками: оказывается, есть другие Шишаки, и 1-го июля Яков Владимирович¹ телеграфировал мне с Маркушей² в Шишаки, и получился ответ, что меня нет там. Эти другие Шишаки также Полтавской губернии, железнодорожная станция и чуть ли не Миргородского уезда. 1-го июля в наших Шишаках не было и телеграфа!

Так грустно быть долго без писем, мы так привыкли даже уже и при переездах быть близко связанными хотя бы письменным словом; совсем отвыкли от старых условий – даже наших отцов – когда на недели обычно при отъездах обрывалось слово. Я думаю, что наши дети увидят, а может быть и мы, возможность переговариваться и при отъездах на далекое расстояние.

Немногие дни в Лондоне промелькнули чрезвычайно быстро. Остановился я в пансионе, очень порядочном, устроенном русским (кажется, немного раньше разорившийся молодой интеллигентный московский купец), где были, кроме нас, Ивероновы. Затем кое-что осмотрел, но недостаточно, – Kensington³, Британский музей, Зоологический сад, галереи ТЭТА⁴ Уолесса. Больше ничего не успел. Виделся с Прайором и Спенсером; жалко, что не успел зайти к Майрсу. Лондон еще более поражает сейчас своим ростом; лошади начинают отступать на второй план и по крайней мере 2/3 всего движения – всё растущего – ведется авто.

Ливерпуль совсем другой тип – грязный портовый город, кажущийся маленьким после Лондона. Здесь царит лошадь и редок относительно авто – как еще в наших городах. Нет никакой особенной охоты гулять и сейчас хочется кончать переписку. Мы сидим все в роскошном большом приспособленном для писанья коридоре – салоне и пишем. Сейчас пойдем на почту. Вчера вечером я пошел на почту, а Яков Владимирович с Маркушей отправились выбирать гостиницу. На почте нашел лишь письмо Гули⁵ (старое) и Елизаветы Дмитриевны⁶ (она пишет, что наш участок в Крыму красив и хорош, но очень круто, ее впечатление, что строиться трудно. Еще мало построек – 3 – у Короленко деревянный барак. Ей кажется, что бывший наш участок у моря сейчас очень хорош, но при людности будет тяжело). От тебя писем не было, но все-таки надеюсь до отъезда получить весточку. Хотя это даст мне известие о вас лишь днем позже. Я немного беспокоюсь, как тебе прошла странация с прогулкой. Вечером заходили и в пароходную контору за письмами, но там я нашел только

* Мы приедем 19-го, но 18 утро у вас – 17 вечер у нас.

письмо от Нюты⁷, которое объясняет, отчего она не приехала в Кельн: из-за расходов. Кохендерфер ей не отвечает на 3-е письмо и не присылает денег и ей казались траты на поездку роскошью. Я не знаю, не придется ли послать ей денег, то есть справится ли она с присланными 100 рублями в Америку? Конечно, я бы оплатил ей поездку в Кельн, но сейчас я не решаюсь послать ей денег. Спишись, когда будешь писать, с ней.

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую. Пиши. Поцелуй наших детей. Деточке⁸ посылаю открытку. Очень мне интересно знать, как у вас.

Итак, две недели, если нет каких встречных почт – без писем.

Нежно и горячо обнимаю.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 57. Л. 11–12.

¹ Самойлов.

² М.М. Любоцинский.

³ В Кенсингтоне располагается Национальный музей науки и промышленности, обсерватория, Королевский дворец.

⁴ Современная транскрипция – Тейт галерея (Tate Gallery) в Лондоне – национальная галерея живописи Великобритании (с 1897 г.).

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ Ревуцкая.

⁷ А.С. Короленко.

⁸ Н.В. Вернадская.

№ 890¹

12/25 июля 1913 г., [Ливерпуль]²

25.VII. 913

Дорогая Наталочка, сегодня отправил тебе письмо и сейчас пишу уже на пароходе; через 1/2 часа – 1 час отходим. Погода хорошая. Много знакомых и русских и иностранцев. Сегодня как раз теперь получил твое и Ниночкино³ письмо – очень рад иметь известия о вас от 7.VII. Каюта недурная. Против какие-то японки, рядом Левинсон-Лессинг.

Нежно всех целую. Следующее письмо должно быть напишу через неделю – придет к вам через две!

Нежно целую.

Твой *Владимир*

Деточку очень благодарю за интересное письмо. Очень прошу и Гулю⁴ писать.

Пусть она будет осторожна с купаньем и лодкой. Береги себя, моя дорогая.

Маркуша⁵ производит **очень** хорошее впечатление. Сейчас он что-то снимает.

Оп. 7. Д. 57. Л. 13–14.

¹ Письмо написано на бланке “Canadian pacific railway atlantic service”.

² Письмо написано в Ливерпуле, см. письмо 889.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ М.М. Любощинский.

№ 891¹

14/27 июля 1913 г.,

[на пароходе по пути из Ливерпуля в Квебек]

14.VII. ст.ст.

Атлантический океан, воскресенье, 27.VII. 913

Дорогая моя Наталочка, вот уже еду третьи сутки. Пустынное море. Вчера исчезли последние птицы, которые еще вчера до обеда, всё уменьшаясь в числе, летели за кораблем. Нет ни встречных пароходов, никакого движения. Сегодня с утра прекратилось радиографное сообщение с землей, но еще сегодня мы имели газету с ночными телеграммами! Газета-реклама, издаваемая здесь на корабле. Несколько телеграмм о главных событиях – биржа, Китай, Болгария и Балканы, и разные английские известия. Известия идут с Европейского материка. Вчера к утру мы обогнули Ирландию и с вчерашнего утра все время идем океаном, делая 450–500 верст в сутки – всё дальше на запад. Это путь пустынный, никем не посещаемый, идут лишь большие, редкие пароходы в Канаду и из Канады; поэтому так пустынно.

Пока была погода благоприятная. С вчерашнего дня начались признаки ухудшения. Барометр здесь публике недоступен, где-то спрятан, но по изменению ветра, ряби и характеру волн уже со вчерашнего дня все знали, что может быть качка. Сильной качки еще нет, ждем ее ночью, пишу тебе вечером после обеда, но уже сейчас корабль, державшийся хорошо, начинает раскачиваться. С утра идем среди волнующейся ряби, среди всюду пробегающих барашков, и часа три тому назад появились плоские, но широкие волны. Корабль хороший и крепкий и быстро бежит вперед навстречу свинцовому, покрытому тучами небу.

А ветер с утра неустанно крепнет. Всё с утра становилось холоднее. И сейчас в библиотеке, где я пишу, зажегся электрический “камин”, Чернышев предсказывает сильную качку, сильный ветер, бурю. Будет ли это долго? Или быстро пройдет и выйдем опять в хорошую погоду?

Идти нам океаном еще $2\frac{1}{2}$ –3 суток, а затем попадем к американским морям, пройдем между Лабрадором и Ньюфаундлендом, а затем чуть ли не сутки будем идти Святым Лаврентием.

Кругом парохода очень однообразно. Внутри идет своя жизнь, но мне она мало известна. Мы здесь как бы образуем особый мирок, так как нас и так достаточно и не хочется делать новых знакомств. Одних русских, едущих на конгресс, восьмеро. А затем и другие, с которыми мы видимся и говорим. Да и говорить уже о многом не хочется. Здесь директор Венского геологического комитета Geheinerabn Титус – веселый, образованный немец, ему 69-й год, но он живой и полный остроумия человек. Другой француз Де Margerie, которого я еще видел в 1888 в Бате. Он и теперь такой же, какой был тогда, маленький, сухопарый. Сейчас он мрачный и молчаливый, все время чувствует себя не по себе. Margerie и Tietus с нами вместе обедают за одним столом, нас – 10.

Сейчас попали в густой туман, ветер усиливается, должно быть мы идем краем циклона. Думаю идти спать, хотя по местному времени едва ли есть $9\frac{1}{2}$ часов, а у вас теперь ночь – без $\frac{1}{4}$ час ночи. С каждым движением корабля разница увеличивается, мы всё идем на запад, всё навстречу часовой стрелке!

Понедельник, 28.VII. 913, днем

Ночь прошла с качкой, но не очень сильной. Сейчас всё время с утра покачивает – зыбь, но довольно сильная. Мы опять в соединении, но не с землей, а с двумя пароходами, один из которых мы видели утром. Можно послать телеграмму, но Самойлов не предупредил жену, а письмо с извещением из Ливерпуля придет к ней только завтра, получив телеграмму, Софья Яковлевна² может не переслать ее вам.

Не могу сказать, чтобы мне очень нравилось морское плавание – всё время на людях, как-то нельзя делать, что хочешь. Во время качки хотя я и не болею, но все-таки не чувствую себя очень хорошо. А затем сейчас безмолвное холодное море, туман, серая рябь волн. Полная водяная пустыня, полная однообразных красок. Говорят, таково северное море-океан. Сегодня, говорят, были птицы, а мы как раз посередине между Ирландией и Ньюфаундлендом. Переваливаем уже на американскую сторону, и в сегодняшних известиях как будто больше сведений об американских делах.

Я читаю много, большей частью сидя на холодном деке, в пальто и укутавшись в плед. Читаю по истории науки, кое-какие новинки из взятых брошюр и с огромным интересом новую книгу Брайса о Южной Америке³. Мыслью переносюсь туда, охватываю весь земной шар в его мировой политической жизни. Плывая на океаническом корабле, это как-то невольно создается. Здесь уже интере-

сы нового порядка; не дает новая европейская раса, перекинувшаяся за океан, всё охватившая той огромной силой, которую дает научное знание. Наш корабль есть не только полное создание научного мышления, его творение от начала до конца – он как бы прообраз того, чем создается и держится эта мировая политическая жизнь. Точное научное мышление и business⁴. Но business в своих наиболее важных влиятельных формах целиком и с каждым годом все больше – проникается точным научным мышлением.

Брайс поднимает такие интересные вопросы, как вопросы о создании новых наций, творящихся на наших глазах, о будущем двух Америк, об использовании естественных сил. Я очень хочу, чтобы Гуля⁵ прочел эту книгу.

Говорят будет остановка где-то около Ньюфаундленда, и я попытаюсь тогда послать это письмо.

Как мал “свет”! В Лондоне на улице я встречаю одного из своих учеников, как я кажется писал, эмигрировавшего и теперь научно работающего у Рамзая. Здесь, на корабле, неожиданно оказывается один из москвичей, ученик Лебедева, бывший приват-доцентом в Московском университете, ушедший 1911 году и теперь едущий в Калифорнию, где он надеется получить возможность пройти в университет. Это Эпштейн, работы которого я знаю, должно быть еврей, которому сейчас закрыты двери в России...

Вторник, 16/29.VII. 913

Сегодня с утра кажется самая скверная погода из всех: дождь, холодное волнующееся море, вдали туман и серые облака. Всё серо, ветрено, но качки почти нет. Кажется наш корабль особенно хорошо построен и относительно качает его меньше, чем начало бы другой корабль.

Пишу до завтрака. Встаем рано утром – уже около 6¹/₂ часов утра берем ванну. Сегодня взял только я – Маркуша⁶ и Яков Владимирович⁷ не решились, в 8 часов чай-завтрак, а потом можно есть массу и целый день! На пароходе скучно и потому все эти мелочи играют известную роль. Есть попытки общей жизни, мало удающиеся: вчера был танцевальный вечер (я его не видел, Маркуша и Яков Владимирович смотрели), сегодня общий “спорт” на деке (Маркуша занимался) и т.д. Но как-то общей жизни нет; очень вероятно, что это все зависит от характера пассажиров: англичане и англо-американцы, русские.

Это письмо я заканчиваю, а следующее буду писать Гуле. Постоянно думаю обо всех вас, мои дорогие. Надеюсь, ты бережешь себя, моя дорогая Туся, а деточка⁸ осторожна с купаньем и лодкой. Сегодня 10 дней как я уехал, а кажется так давно и так далеко! Смотрели вчера пароходы обратные – может быть возьму

⟨билеты⟩ на самый большой – “Император” на 7/20 сентября и в середине сентября буду назад!

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую. Целую детей. Привет Кл.⁹ и Прасковье Кирилловне¹⁰. Как все на Бутовой Ко-быле?

Нежно целую.

Твой *Владимир*

Оп.7. Д. 57. Л. 15–16.

¹ Письмо написано на бланке “Canadian Pacific railway atlantic service”

² Самойлова.

³ *Bryce James*. South America, observations and impressions... London: Macmillan and Co, 1912.

⁴ Дело (англ.).

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ М.М. Любощинский.

⁷ Самойлов.

⁸ Н.В. Вернадская.

⁹ Клавдия – прислуга в доме Вернадских.

¹⁰ Казакова.

№ 892

1 августа/19 июля 1913 г., Квебек

Квебек, 1/20¹.VIII. 913, пятница, утро

Дорогая моя Наталочка, сегодня приехали в Квебек – превосходный переезд. Послали телеграмму Софье Яковлевне², она должна тебе протелеграфировать. Надеюсь не перепутает: телеграммы от тебя нет! Писал с парохода тебе и Гуле³, отсюда посылаю написанное письмо Нинуле⁴. Сейчас мы все 8 русских ездим по Квебеку, а в 5 часов дня уезжаем в Монреаль. Завтра там род прогулки-экскурсии. Послезавтра уезжаем в Кингстон и начинаем экскурсию.

Квебек очень оригинален и красив. Надо кончать: меня ждут.

Нежно и горячо целую всех. Надеюсь у вас все благополучно.

Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Шишаки, Миргородского уезда, Полтавской губернии, Šišaki, via Kieff. Russie.

Оп. 7. Д. 57. Л. 17.

¹ Описка у В.И. Вернадского, так как 1 августа соответствует 19 июля.

² Самойлова.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Н.В. Вернадская.

2 августа/20 июля 1913 г., Монреаль

Монреаль, 2.VIII/20.VII. 913

Дорогая моя Наталочка, вчера послал тебе открытку из Квебека, сегодня пишу из Монреаля. Приехали сюда вчера вечером и думаю сегодня уехать в Кингстон. Остановились в страшно дорогой (пансион обойдется нам 9–10 руб. в день!) и очень неважной гостинице, в которой очень шумно и плохо организовано. Это все Чернышев и Левинсон, которые стремятся к шику и нам не товарищи. Я думаю, что сегодня-завтра мы с ними расстанемся. Весь этот train² нам совсем не подходящ.

К тому же по дороге из Квебека в Монреаль пропал мой багаж, и я никак не могу выяснить, где он находится. Гостиница в высшей степени нелюбезная в этом отношении, хотя принадлежит той же самой компании. Не знаю, как быть дальше, так как там все мои вещи (мой чемодан). Телеграммы тоже не получил пока от тебя: мы пробовали с Самойловым говорить по телефону с Квебеком, но неудачно. Пока здесь все довольно бестолковым кажется – поезда все опаздывают – многие внешние вещи напоминают наши условия. Но, с другой стороны, совершенно иной уклад жизни, большая свобода сказывается во внешних мелочах. Природа этих мест очень напоминает наши места – может быть в связи с характерным ледниковым ландшафтом.

Сейчас иду в университет, в секретариат конгресса³, а затем пойду осматривать минералогический музей. Днем сегодня всякие завтраки, торжественные приемы и поездка за город, которая мне представляется *partie de plaisir*⁴, кажется между прочим будут показывать “индейцев” Все это имеет не особенно приятный характер, и я сперва было думал остаться в Квебеке, но Самойлову и отчасти Маркуше⁵ хотелось быть на этой экскурсии. Может быть увидишь немного и ландшафт страны, да, наконец, здесь увидишься с многими старыми знакомыми и приятелями. Хотя я чувствую себя недостаточно гибким для таких свиданий. Может быть надо немного и бороться с таким своим настроением.

Нежно и горячо целую вас всех моих дорогих. Очень жду от вас известий. Нежно тебя целую, моя дорогая. Береги себя. Пусть Нинуля⁶ будет осторожна. Надо кончать и идти. Напишу может быть сегодня же.

Твой Владимир

¹ Письмо написано на бланке "Place viger Hotel Montreal"

² Шум (франц.).

³ Имеется в виду XII Международный геологический конгресс, который проходил в Оттаве с 7 по 14 августа н.ст.

⁴ Увеселительной прогулкой (франц.).

⁵ М.М. Любошинский.

⁶ Н.В. Вернадская.

№ 894

3 августа/21 июля 1913 г., Кингстон

Кингстон, 3.VIII/21.VII. 913, воскресенье

Дорогая моя Наталочка, вот уже перед началом экскурсии – но от тебя не имею никаких известий. Или письмо мое и Якова Владимировича¹ не дошло или телеграмму из Квебека нам не переслали. Последнее меня не удивит при здешних порядках, не отличающихся аккуратностью. Мы думали с Яковым Владимировичем направить сюда всю нашу почту из Торонто, но местные геологи не советуют, так как они боятся пропажи; затем оказалось, что если бы мы послали вчера из Монреаля телеграмму в Торонто, то в Кингстон наша почта попала бы только 7-го или 6-го, так как в воскресенье почтамт не работает. А 6-го вечером мы будем в Торонто и надеемся получить известия. А теперь 14 дней от вас не имею известий, и я и Яков Владимирович стараемся не думать.

Сейчас идет дождь – раньше, да и утром, здесь страшная жара. Приняли нас здесь необыкновенно любезно. Меня в особенности принял любезно профессор Николь, главный руководитель здешней экскурсии, которому, по-видимому, указал на меня гельсингфорский профессор Боргстрем, мой приятель, которого я, к своему сожалению, вчера не увидел в Монреале. Как всегда меня только смущают такие выделения: но так или иначе, мне пришлось сесть в лучший частный (Николя) автомобиль и т.д. Здесь после шума и суеты Монреаля очень хорошо. Небольшой английский городок, замерший в воскресенье, и интересный университет, о существовании которого я не знал и который мы только что осматривали. Университет растущий, он начал выделяться лишь последние годы, раньше, по-видимому, прозябал. Здесь при нем главная горная школа Онтарио, главного рудного района Канады. И школа эта производит живое впечатление. Среди профессуры стремление к организации научной работы. Обилие высшего образования, его разнообразных форм, здесь резко бросается в глаза. Ярко вырисовывается и помощь отдельных частных лиц. Так, Кингстонский университет (Kingston's university) состоит из отдельных зданий, построенных на лугу, 12

зданий, если не больше – в красивом стиле старых нормандских замков. Здания построены за последние годы частными лицами и один из них – металлургический институт – построен профессором Николем, про которого другой профессор Годвин сказал мне, что он представляет редкое соединение богатого человека и профессора. Здесь в университетском строе видно яркое влияние германской науки, немецких университетов, но я думаю, что сейчас быстро американские университеты и высшие школы, при поддержке частных лиц и государственных демократий перегонят и оставят в стороне своих первых учителей. Ибо здесь есть стремление к свободной, творческой работе.

Кингстон расположен на берегу Онтарио, но дождь мешает видеть местность. Канада удивительно напоминает мне Россию по своему внешнему виду и как-то в общем облике природы совершенно не чувствуется то чужое, что чувствуется в других странах, когда, например, ты переезжаешь западную границу. Новая страна сказывается в массе мелочей жизни: плохие, русского типа, дороги, деревянные “пешеходы”, засаленные и грязные станции, грязные улицы, кое-где мощенные еще досками. Наряду с этим видишь новейшие машины на полях (но теперь они и у нас, хотя бы, например, среди прикубанских или зауральских степей), элеваторы, доки и т.п. Эта сторона сейчас идет и у нас может быть не тем же темпом, но также сказывается на окружающей картине жизни. Поражает меня здесь и гораздо большее проникновение сюда русских, чем я это себе представлял. Русскую речь мы здесь иногда слышим. В Квебеке, Монреале в киосках железных дорог продавцы – русские евреи, с которыми мы говорили по-русски и которые хорошо здесь устроились – один из них, совершенно свободно и правильно говорящий по-русски, живет здесь 8 лет, кончил в Могилеве городскую школу. Русских уроженцев встречаешь и в хронике местных газет. Вернувшийся из геологической экскурсии Толмачев рассказывал, что в одном руднике помощник инженера оказался малороссом, перебившим фамилию и сделавшимся канадским подданным, кончившим свое образование в Америке. В местной прессе указывается серьезно на подымающее значение по численности русского населения; кое-где в западных штатах они составляют заметный элемент. Сейчас указывается новое явление: “нашествие” русских мужиков с Владивостока в Колумбию; местные деятели советуют направлять их в прерии, так как скопление рабочих в морском побережье грозит безработицей. Что это Drang nach Osten² старых землеходцев, ищущих земли и лучших условий жизни? Но историческая возможность потеряна. Аляска – русская Америка – была отдана русским правительством по его невежеству и

преступному легкомыслию. А между тем не только это одна из богатейших рудных стран, но за ее холодами и пустынями лежат богатейшие земли, степи, будущие житницы, до которых в XVIII столетии докатывалась волна русских землепроходцев. Сейчас судьба русского населения не ясна. По-видимому, правительства штатов стараются не расселять их компактными массами, боясь нового “русского” вопроса, каким является теперь в значительной степени немецкий Виннипег. Растворится ли славянский элемент в общем строе Канады или действительно удержится американская Русь, как ее называют местные русские и украинские газеты. Но сейчас волна передвижения растет. Об этом пишут не только русские, но и канадские газеты; это видишь и в жизни: в Монреале особое бюро для русских рабочих с русскими вывесками, на пароходах из Ливерпуля едут русские мужички; тот же Толмачев рассказывал, что на его пароходе в 3-м классе ехало до 60 русских мужиков, на вид зажиточных, дворовых работников... Идет неустанно творение нового племени на новых местах – в пользу англосаксонской расы?

Вчера на экскурсии видел массу народа и перезнакомился и встретился со старыми приятелями – видел Сядецкого, супругов Лакруа, Термье и т.д. Лакруа получил только здесь мою статью, язык ее переделает и поместит в ноябре в “Bull. Soc. Minér”³. Мне очень хочется посетить главные места урановых и ториевых руд в Америке. Но это, по-видимому не так легко, потребует и времени и денег. Я все-таки думаю, что это сделаю, так как для меня при моем интересе к радиевым явлениям, это было бы важно. По-видимому, я получу здесь и рекомендации и издания. Может быть буду тебя просить около начала сентября или конца августа перевести мне в Нью-Йорк или Вашингтон 500 рублей. Надо будет поехать в Колорадо и Ю. Каролину и ясно, что я не смогу справиться своими деньгами. А между тем, едва ли это будет непроизводительной тратой денег. Между прочим вчера познакомился с председателем комитета нашего конгресса – профессором Адамсом. Он очень горячо отзывался о Нюте⁴! Оказалось, что он был на этом конгрессе делегатом канадской молодежи! Адамс, по-видимому, очень популярный здесь человек и хороший геолог. По-видимому, Ньюта выделилась на конгрессе и ее выдвигал Николь и др. Расспрошу потом Адамса подробнее.

Завтра утром едем на автомобилях на осмотр месторождения слюды, апатита и так далее. Выработка слюды здесь самая большая в мире. А сейчас слюда имеет колоссальное значение в электрической промышленности. Это одно из будущих русских производств: было время снабжала Москва через итальянцев Западную Европу, когда слюду употребляли вместо оконных стекол.

Затем это “московское стекло” в конце XVIII в. исчезло – а сейчас одна Канада дает его на миллион рублей. Часть поездки сделаем на паровых лодках, частью пройдем пешком. Надо надеяться, не будет дождя. Здесь у Кингстона уже каменные скалы, отшлифованные льдом, как в Финляндии: но климат другой – табак, кукуруза, пшеница. Скорее напоминают – в более грандиозном масштабе скалистые места Киевщины, но в озерный период, там пережитый. А пшеничку здесь едят руками, как у нас – и немцы и другие иностранцы смотрят с удивлением на нас и канадцев, находящих ее вкусной. Мой старый знакомый – берлинский профессор Беловский – не очень далекий человек, но хороший знаток минералов говорит, что он никак не может понять, как можно есть этот “Когн”⁵.

Нежно и горячо обнимаю тебя, моя дорогая. Поцелуй всех детей – пусть Нинуся будет осторожней. Ужасно жду от вас известий. Пишу вам очень часто.

Твой *Владимир*

Дождь перестал и идет колокольный звон – другой, чем в России, но схожий – а против церковь – но не готическая, а в романском стиле, близка по внешнему первому грубому впечатлению к нашему византийскому или русскому. Как странны эти аналогии внешней структуры!⁶

Оп. 7. Д. 57. Л. 20–21.

¹ Самойлов.

² Натиск на восток (нем.).

³ *Vernadsky V.I.* Sur le microcline à rubidium – Bulletin de la Société française de minéralogie (et cristallographie). 1913. Т. 36. Р. 258–269.

⁴ Племянница В.И. Вернадского А.С. Короленко принимала участие в конгрессе Христианского союза молодежи, который проходил в США весной 1913 г.

⁵ Хлеб (нем.).

⁶ Этот абзац вписан на полях листа 20.

№ 895¹

6 августа/24 июля 1913 г., Торонто

Торонто, $\frac{6.VIII}{24.VII}$. 913

Дорогая моя Наталочка, сегодня приехал в Торонто, но здесь не застал ни одного письма от вас. Нет и телеграммы. Успокаиваю себя, что раз нет никаких экстренных известий – у вас всё благополучно, но так или иначе я получил последнее известие от вас только от 7 июля в Ливерпуле. Знаю только о том, что было 17 дней тому назад. Почта в Канаде организова-

на неважно: европейская почта приходит 6 раз в неделю, причем иные дни она приходит по два раза в день, так что по существу еще менее часто. Самойлов получил письмо от 10-го из Москвы, но Шишаки не Москва. Очень удивляет меня, что я не получил телеграммы от тебя, и боюсь, переслала ли тебе нашу телеграмму Софья Яковлевна² – Самойлов в этих делах оказался порядочным путаником.

Здесь сейчас, по-видимому, большой съезд геологов; не знаю, насколько будет интересен самый конгресс. Чрезвычайно интересна была экскурсия. О ней я уже писал вчера Нинульке³. Сейчас сегодня мы сделали интересную поездку уже не минералогического, а геологического характера. То, что я увидел здесь, для меня новое. Канада – в этой части – по рельефу напоминает Финляндию и геологически между ними есть много общего. Здесь и там выходят древнейшие докембрийские горные породы. Мы привыкли считать рельеф Финляндии за результат ледникового периода, движения льда, сгладившего скалы и придавшего особый отпечаток всей природе нашего каменистого севера. Сегодня здесь я мог несомненно убедиться, что рельеф Канады обусловлен не ледником недавнего – относительно – времени, а древней докембрийской (до начала известных нам живых существ) формой поверхности. Ледник лишь слегка окружил ранее существовавший рельеф, открыл его нам, снявши верхние слои. Но может быть мы видим и здесь рельеф, вызванный ледником, только более древним, докембрийским. Невольно поднимается тот же вопрос и для Финляндии и для русского севера.

В Торонто я поместился в одном из университетских колледжей, в студенческой комнате – роскошно и просто обставленного женского колледжа. Это наиболее дешевое устройство. Самойлов и Маркуша⁴ помещаются здесь же. Марка сперва поместили в другом месте, но нам удалось его сюда перевести. По-видимому, Торонто так же мало привлекателен, как и другие виденные мною города. Чего-то в них нет. Лучше других Квебек с его оригинальным красивым расположением и Кингстон, маленький чисто английский город. Впечатление Торонто, как и других канадских городов – чего-то неустановившегося, строящегося. Впрочем я видел Торонто очень мало. Пишу тебе вечером, около 10 часов, в очень красивой библиотеке, а приехали около 6 часов. У нас опять не попал вовремя багаж, и мы много потеряли времени на его разыскивание. Нет его и до сих пор.

Здесь милая публика, больше американцы из Техаса, Южной Каролины и других мест. Может быть и сойдуся и переговорю с кем-нибудь. Но по правде мне все-таки трудно на людях. Я, впрочем, сейчас разошелся и энергично принимаю участие в

дебатах на экскурсиях. Сегодня в одном пункте опять заставили канадских геологов задуматься, так как к прежним объяснениям одного загадочного явления – странных форм песчаника – прибавились два других, одно указанное мною (явление грязевых вулканов), другое американцем Рэнсомом, близкая к моему (газовых источников). Я думаю, что одно из них более верное, чем раньше предполагавшиеся и наше посещение было не напрасно, так как сталкиваются люди разной мысли и разного научного опыта.

Здесь мы попадаем в газеты, но в быстрой и энергичной жизни Северной Америки, наш конгресс отнюдь не имеет того значения, какое имел бы он на нашем континенте. Здесь чувствуется другой масштаб, во многом для нас чуждый. Балканский вопрос исчез – газеты посвящают ему несколько строчек, мелким шрифтом. Переполнены фактами мелкими и крупными местной жизни, скандалами, уголовной хроникой, спортом, финансовыми известиями. В общем, пресса по-своему талантливая, но уже очень далекая по своему содержанию от нашего духовного облика.

Поражает роскошь университетского образования, широта возможностей научной работы, но малая индивидуальная сила работников. Крупных талантливых личностей мало. Берется все организацией, средствами, многочисленностью работников. То, что нам показывал вчера Николь – детский лепет, о котором странно рассуждать серьезно.

Нежно и горячо тебя целую, мою дорогую. Поцелуй детей. Ужасно жду от вас писем. Между прочим по поводу поцелуев. Вчера было в газетах интервью с одним из членов конгресса – молодой шведской дамой, про которую писали, что она красива и очень научно известна (последнее явно неверно), которая заявляет, что будет читать лекции о вреде поцелуев. Она утверждает, что ее никто никогда не целовал, даже ее муж. Они сторонники антипоцелуйной лиги. Может быть это и гигиенично – но для меня это возвращение к доисторическому времени... Ну, нежно целую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 57. Л. 22.

¹ Письмо написано на бланке "Annesleg Wall Queen's Dark Toronto"

² Самойлова.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ М.М. Любошинский (сын).

8 августа/26 июля 1913 г., Торонто

Торонто, $\frac{8.VIII}{26.VII}$. 1913, утро

Дорогая моя Наталочка, вчера получил твои два письма, от 8.VII и 12.VII. Но дети – Гуля² и Нинуська³ – не пишут. Ты переслала мне письмо Гули, которое меня перенесло на Псел и было интересно своими живыми отголосками мелочей жизни. Сейчас я думаю, между нами уже установилось письменное сообщение и через час, когда разберется почта, я получу письмо. Получил письмо от Федора⁴, который мне пишет о всё еще тяжелом положении Шуры⁵. Леля⁶ в Берхтесгадене⁷. Здесь я пробуду еще несколько дней, а потом поеду на большую экскурсию на 10 дней на рудные месторождения Канады. Дальнейший наш план неясен, но я всё больше склоняюсь к тому, чтобы не сидеть здесь лишнее время. Очень было бы интересно проехать в Йеллостонский парк и в Колорадо – но совершенно не знаю, будет ли для этого достаточно времени и денег. С другой стороны, в смысле научных учреждений Америка вовсе не стоит впереди Европы. Не думаю, чтобы здесь был хотя бы один музей, который мог бы стать наряду с лондонским. Во всяком случае, главные музеи я просмотрю и, если останется время, сделаю одну-две минералогические экскурсии.

Конгресс⁸ как конгресс не очень интересен. Интересно общение с людьми. Выставок, которые бывали на конгрессах и представляли интерес, нет совсем. Вопросы решаются в Совете, куда я не вхожу – и сейчас главные и наиболее интересные геологического характера – о геологической карте мира. Съехалось много специалистов, но нет очень крупных, резко выделяющихся фигур, и думаю, что в этом смысле конгресс будет серый. Вчера я познакомился и с женой Адамса, председателя конгресса – и она, так же как и ее муж, высказывали мне всякие комплименты о Нюте⁹. Они говорят, что русские делегаты на Нютином конгрессе¹⁰ произвели самое хорошее впечатление и вообще тот конгресс имел большой успех. С Адамсом имел любопытный разговор обо всем этом движении, которому он придает большое значение. Он считает, что необходимо искать общего между всеми христианскими воззрениями и стремиться к полному развитию личности на почве братства, развивая не только духовную жизнь, но и тело. Поэтому они стремятся к созданию гимназий (в греческом смысле – *gymnasium*), привычке к плаванию и т.д. Следующий конгресс они хотят устроить в Китае и по его словам среди бывших у них на конгрессе китайцев – была выдающаяся по умственным и нравственным силам молодежь.

Меня все глубже захватывает здесь расовый вопрос. Я стараюсь вникнуть в то беспокойное настроение, которое переживается здешним обществом в связи с проникновением желтой и черной рас. Для нас отнюдь не безразлично решение Америки: если доктрина недопускания желтой расы в западное полушарие получит фактическую силу, то всё станет грознее у нас и, мне кажется, Европа должна здесь стать вместе с Азией и не допустить развития этой американской идеи. Желтая раса не может быть заключена в черте оседлости – эта идея одна из самых пагубных для человечества и грозит для нас бедствиями. Европейцы сейчас не могут допустить и идеи Монроэ¹¹, из которой изошла идея западного полушария для белой расы. Мне кажется, здесь назревают вопросы мирового значения для ближайшего будущего. А сейчас, как мне рассказывал один американский профессор, дело дошло до того, что в университеты тихоокеанских штатов не принимают желтых студентов – японцев и китайцев: право они имеют, но *public opinion*¹² против, и они там чувствуют себя *uncomfortable*...¹³ Воображаю, как *uncomfortable* при дерзком и грубом характере энергичных людей, чувствующих за собой общественное сочувствие.

Здесь многое нам чуждо. Поражает какое-то не то фаталистическое, не то безучастное отношение к человеческой жизни в вопросах *business*'а и даже быта. Этим объясняются легко крушения поездов и т.п. При въезде в Торонто такая картинка. Едем в гостиницу с поезда. Ждем отхода поезда, загородившего нам путь. Поезд двигается, мы собираемся идти, но вдруг я слышу в окружающей толпе (иностранцы) подавленный крик ужаса. Обращиваюсь – американская семья с маленькими детьми бросается в **быстро**двигающийся поезд – детей (4–6 лет) бросают на платформу вагона, а затем туда вскакивают родители. Одна девочка чуть не погибла на наших глазах. Американцы смотрели на это спокойно. Нам сделали экскурсию на пароходе через пороги Св. Лаврентия. Для большего удовольствия машинист пустил пароход более энергично: мы чувствовали сильные толчки (очень красиво и приятно в пене порогов), но не подозревали всей опасности: пароход налетел на камни, получил пробоину... И многое так.

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую. Нежно целую детей. Очень жду писем. Хочется знать, как у вас всё. Нежно обнимаю.

Твой Владимир

- ¹ Письмо написано на бланке "Annesleg Wall Queen's Dark Toronto".
- ² Г.В. Вернадский.
- ³ Н.В. Вернадская.
- ⁴ Ф.Ф. Ольденбург.
- ⁵ А.Ф. Ольденбург в письме из Риги от 10 июля 1913 г. писал В.И. Вернадскому о здоровье своей дочери: "У Шуры после нескольких дней очень сильных головных болей и повышенной температуры сделался вдруг паралич ног, чувствительность осталась полная, но из движений только небольшое движение пальцами одной ноги. Вместе с тем появились очень сильные боли в ногах и отчасти в спине, боли иногда продолжающиеся почти без перерыва и не дающие спать несмотря на приемы наркотика... Было сначала опасение менингита, были предположения относительно явлений истерических, но врачи теперь всего определеннее склоняются к предположению, что это страдание спинного мозга, вызванное инфлуэнцной заразой... Шура оказалась очень терпеливой больной, но нервы ее начинают уже не выдерживать напряжения, а что всё еще предстоит впереди..." (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1199. Л. 30–30 об.).
- ⁶ О.И. Алексеева.
- ⁷ В Берхтесгадене располагался горноклиматический курорт.
- ⁸ См. коммент. 3 к письму 893.
- ⁹ А.С. Короленко.
- ¹⁰ См. коммент. 4 к письму 894.
- ¹¹ Идея Монроэ (совр. Монро) коротко выражалась в афоризме: "Америка для американцев" Доктрина Монро провозглашена в 1823 г. в послании президента США Дж. Монро конгрессу. Декларировала принцип взаимного невмешательства стран американского и европейского континентов во внутренние дела друг друга.
- ¹² Общественное мнение (англ.).
- ¹³ Стесненными (англ.).

№ 897¹

14/1 августа 1913 г., Торонто

14/1.VIII. 913

Дорогая моя Наталочка, давно не имею писем. Последнее письмо от тебя имел только от 15.VII из Полтавы! А от Ниночки² от 13.VII из Шишак, от Гули³ ни одного. Отчасти виновата отвратительная канадская почта. Жалуемся на нее не мы одни, но и французы, немцы, англичане. Вот уже 2 или 3 дня, по-видимому, нет писем из Европы. Не знаю, неужели то же самое и в Нью-Йорке?

Сегодня вечером выезжаем на экскурсию, которая окончится 24/11 августа. Едем в Садбери и Кобальт. Здесь идет сейчас энергичная, самая большая в мире добыча серебра и никеля. Конгресс, собственно говоря, кончился. Сегодня утром было заседание Совета конгресса, затем небольшое общее собрание; днем будет garden party⁴, затем вечером уезжаем. Будет еще провозглашение нескольких почетных докторов Торонтского уни-

верситета, в том числе Чернышева. Общее впечатление о конгрессе то же, о каком писал вам раньше. Серое – но сила организации очень велика и значение этого съезда тоже немалое. Выяснился наш план дальнейших поездок – я думаю, мы вернемся около середины сентября. Билет на пароход не берем, так как мне не советует сейчас это делать один из моих приятелей американцев – Mr. Kunz, которого я знаю еще с 1888. Он уверяет, что устроит нас дешевле, раз мы возьмем билеты незадолго до отъезда парохода, а сейчас они идут в Европу довольно свободные. Должно быть поедем на Францию или Германию, может быть даже в Либаву. Должно быть буду все время с Самойловым и Марком⁵, разве что не поеду во Флориду, если они туда поедут. Там уже слишком неприятно жарко. Никак не думал, что мне будет так неприятна эта жара. Это не наша жара, а какая-то тяжелая, влажная. Сейчас, например, 2 часа дня, душно и всё во влажном тумане. Резкая разница в климате. Надо и то сказать: сейчас мы на широте Италии, а в нашей поездке в Штаты будем на широте Африки! Мы достали значительное число рекомендаций и указаний. Пока что наш план следующий: сперва Оттава в Канаде, где хочу осмотреть музей Канадского геологического комитета, оттуда в Чикаго, Нашвилл в Теннесси (и экскурсия на фосфориты в Теннесси), Атланта в Георгии⁶ (и бокситы – руда на алюминий – в Георгии), затем точнее не выяснили, какие местности в Северной или Южной Каролине (монациты). Может быть, отсюда Самойлов съездит с Маркушей во Флориду. Затем Вашингтон (должны быть там не раньше 2 сентября нового стиля), где осмотрим тот тип минералогического института, который хочу создать в Ломоносовском институте. Но сразу масштаб не наш. В минералого-петрографическом институте Карнеги в Вашингтоне – 20 платных работников! Я должен сказать, что такого размаха я не только не ожидал – но даже не решился бы на нем в России настаивать. Я познакомился с директором института Дзем и сговорился о всем. Сейчас ими сделана очень интересная работа на Сандвичевых островах о газах. Швейцарский ученый Брен пытался доказать, что вода не играет роли в вулканических извержениях; работы минералогов и химиков Института Карнеги, по-видимому, совершенно разбивают это утверждение. Из Вашингтона мы думаем побывать в Питтсбурге, Бостоне, Нью-Гавне⁷, Нью-Йорке. Я хочу еще здесь посетить цинковые руды около Франклина и должно быть пегматитовые жилы около Бедфорда. От Ал.Ив. Петр.⁸ получил милое письмо. Он приглашает меня остановиться у него в Нью-Гавне, а Самойлову и Марку указывает недорогой отель (у него нет места) и предлагает с нами поехать в Нью-

Йорк. В Нью-Йорке меня обещает устроить и Кунц, но я думаю воспользоваться <приглашением> Александра Ивановича. Любопытно его повидать и с ним поговорить. Многое здесь странно. Делегата китайского правительства, горного инженера П. Вонга остановили на границе и не хотели впускать в Канаду, требуя 500 долларов платы!

Из Гулиного письма узнал о неприятных известиях с черниговскими делами⁹. Я думаю, нет ли здесь недоразумения. Из бумаг отца я знаю, что мы не вписаны в род Ивана Никифоровича Вернадского – а <вписаны> в род Василия Ивановича, который доказывал свое дворянство по полученному им чину. Я пишу Вад.Льв.Модз.¹⁰ об этом: в С.-Петербурге у меня, кажется, есть копии бумаг¹¹. Пусть Гуля ничего не делает пока с тамбовским дворянством¹². Я думаю, что если здесь будет затруднение, то деньги возьмем из другого банка.

Очень тяжело не иметь от вас известий. Много здесь интересного – но как я уже писал – я не хотел бы здесь быть очень долго. И сейчас я не хочу сидеть лишнее, так как много дел дома и как-то во время таких международных съездов особенно поднимается чувство **своего**, хочется двинуть то, что начато и задумано. Особенно ярко чувствуешь значение своего дела, если удастся его довести до конца.

Нежно и горячо целую вас всех. Надеюсь, ты не очень устаете, моя дорогая? А деточка осторожна с водой? Нежно целую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 57. Л. 25–26.

¹ Письмо написано на бланке “Annesleg Wall Queen’s Dark Toronto”

² Н.В. Вернадская.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Прием гостей в саду (англ.).

⁵ М.М. Любошинский.

⁶ Современная транскрипция – Джорджия (Georgia).

⁷ Современная транскрипция – Нью-Хейвен (New Haven) (англ.).

⁸ Александр Иванович Петрункевич.

⁹ Г.В. Вернадский, желая продолжить общественную земскую деятельность отца в Тамбовской губернии, хлопотал о переводе из черниговских дворян в тамбовские, что ему удалось в начале 1914 г. См. также коммент. 11.

¹⁰ Вадим Львович Модзалевский, племянник В.И. Вернадского, занимавшийся генеалогией малороссийских родов.

¹¹ В открытке от 7 января 1914 г. В.Л. Модзалевский писал: “Многоуважаемый Владимир Иванович, Вы оказались совершенно правы: указом Геральдии от 23 марта 1853 г. № 2443 утвержден был ко внесению в 3 часть родословной книги по Черниговской губернии Ваш дед Василий Иванович Вернадский с детьми: Авксентием, Харитоном, Хрисанфом и Иваном. В письме на имя Вашего сына я дал, к сожалению, неверные сведения, положившись на официальные бумаги, составляемые депутатским собранием, оказалось, что в них

род Ваш пропущен по ошибке, теперь же я взял оба дела о Вашем роде и в них нашел разрешение вопроса” (Ф. 518. Оп. 3. Д. 1091. Л. 11).

¹² В письме от 17 августа 1913 г. из Шишак Г.В. Вернадский писал: “...ты пишешь... что мы не черниговские дворяне. До твоего возвращения не буду принимать никаких шагов о дворянстве, а тогда поговорим с тобой, как быть. По-моему, все-таки надо пока прямо добиваться приема в тамбовское дворянство по чинам твоим или твоего отца, а потом можно уже восстанавливать и наше не служилое, а родовое дворянство” (Ф. 518. Оп. 3. Д. 306. Л. 25–25 об.).

№ 898

17/4 августа 1913 г., Садбери

Садбери, 17/4.VIII. 913, воскресенье

Дорогая моя Наталочка, пишу тебе в вагоне вечером, вернувшись из экскурсии. Сейчас едем в North Point, где будем ночевать. Уже три ночи провели в вагоне в экстренном поезде – довольно удобно, конечно, но все-таки какое-то странное, несуразное времяпровождение.

От вас последнее известие от 15 июля. Из письма, полученного Самойловым от его дочери¹, знаем, что Софья Яковлевна² должна была послать телеграмму тебе о нашем благополучном приезде. Тем непонятнее, отчего **мы** не получили вашей телеграммы от 19-го. Собирался послать вам еще одну телеграмму.

В общем, конечно, всё это интересно, интересны и разговоры, например, с геологами Филиппинских островов, Ю. Африки – много узнаешь из расспросов, направленных в сторону, куда сейчас идут мои мысли.

Расовый вопрос, русская эмиграционная волна в Америку, оригинальное и чрезвычайно широкое развитие университетов и высшей школы в Америке, организация научной работы – может быть больше всего сейчас интересуют меня. По сравнению с Америкой я чувствую себя представителем **старого** света. В то время когда в России шла научная работа, Америка была еще провинцией Европы, отдаленной и в идейном смысле, захудалой. Той высокой мировой ступени, какой достигла Россия в своей литературе и, думаю, в искусстве – нет не только в Канаде, но и в Штатах до сих пор. Поражает энергия достижения своей цели. Та новая техника – американская техника, которая так много дала человечеству, имеет и свою тяжелую сторону. Здесь мы ее видели во всю. Красивая страна обезображена. Леса выжжены, часть – на десятки верст страны – превращена в пустыню: растительность отравлена и выжжена и всё для достижения одной цели – быстрой добычи никеля. Сейчас это мировой пункт – главная масса никеля получается здесь, но навсегда часть страны превращена в каменистую пустыню.

Надо кончать. Иначе письмо не попадет на поезд.

Нежно вас всех, мои драгоценные, обнимаю. Надеюсь, у вас всё благополучно. Может быть, завтра в Кобальте будут письма. Нежно тебя целую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 57. Л. 27–28.

¹ Анна Яковлевна Самойлова.

² Самойлова.

№ 899

18/5 августа 1913 г., Кобальт

Кобальт, 18/5.VIII. 913

Дорогая моя Наталочка, сегодня получил здесь три письма из Полтавщины – последнее твое от 18.VII, письмо Гули¹ и пересланные тобою письма. Так это было приятно мне, перенестись мыслью к вам, в обстановку Бутовой кобылы. Так это отлично от того, что мне приходится видеть здесь.

Здесь наш дом – экстренный поезд. И сейчас я пишу тебе в поезде, стоящем на запасном пути, после экскурсии в окрестностях Кобальта и лазанья в рудники. Мы сегодня и завтра пробудем здесь – кажется мне, напрасно: можно было все сделать в один день. Но, конечно, никогда не являешься хозяином своего дня в такой общей экскурсии.

Пробудем в Кобальте и завтра. Завтра будем посещать серебряные рудники. Сейчас это самое большое месторождение серебра, кажется больше 1/10 серебра, добываемого сейчас на земном шаре, добывается здесь. Странное впечатление производят серебряные жилы – серебро здесь встречается в самородном состоянии. Кое-где оно выходит и теперь на поверхность земли и по земле, на обтесанных льдом скалах можно проследить жилку – в несколько дециметров или сантиметров, состоящую в значительной части из самородного серебра. Переносит это меня куда-то в старинные описания: в Европе встречали подобные явления в давние годы средних веков, в Чили и Перу в эпоху конквистадоров. И здесь нашли серебро случайно, взрывая камень для проведения железной дороги...

Много научно интересного – но я не могу сказать, чтобы я очень резко чувствовал необходимость моего пребывания здесь. Мне кажется, я в каждой местности и всюду сейчас чувствую биевание вечного и мне как-то в самой сути своей – не дает очень ясно нового перенос в такой особый мир, каким является Америка.

Все-таки около месяца мы пробудем в Америке; еще передо мной ряд новых впечатлений – но я думаю среди них еще резче выяснятся лишь те общие вопросы, о которых я тебе писал вчера из Садбери. Я думаю, что уже так сложилась моя личность, что потерялась доля упругости, и я сам прежний ищу в новой обстановке свое, которое в разных формах нахожу всюду.

Очень рад, что Гуля начинает попадать на след остатков Шувалова. О дворянстве черниговском я писал уже – надо подождать моего возвращения – я думаю, что здесь есть недоразумение, так как мы должны быть записаны не в род И.Н. Вернацкого, а в род Василия Ивановича². Надо будет пересмотреть бумаги мои в Петербурге³.

Почти получились известия о вас, которые приводят почти к тому числу (18, 19.VIII), когда мы ожидали телеграмму от вас, которая почему-то не пришла. Но все-таки хочется иметь известия более близкие, и мы будем, вероятно, телеграфировать из Американских Штатов.

Здесь очень тяжело чувствуешь – может быть, более тяжело, чем даже у себя на родине – всё безумие правительственной политики в России – Кассо, преследование евреев, тяжелые условия жизни крестьянства, на каждом шагу видишь их отражение здесь в Новом Свете. Не знаю, удастся ли, но мне хочется набросать эти свои впечатления, хотелось бы выразить их так, чтобы затронуть тех, кому попадут мои строки. Но боюсь, что не решусь и не найду в себе достаточно энергии и лишь эти все впечатления глубже уложатся в мою мысль. Может быть, это будет правильное, так как это наведения, а не окончательные результаты знания. С другой стороны, может быть правильно передавать окружающим и летучие мысли и впечатления человека, привыкшего годами вдумываться в окружающее?

Сегодня в обстановке рудника, во всем окружающем устройстве видишь опять “американское устройство” работы – достижение возможно быстро результата, несмотря ни на что. Минимальная охрана человеческой личности, значительное расхищение вековых запасов природы для быстрого получения полезного действия. В конце концов многое теряется совершенно.

Физически чувствую себя так себе. В общем все-таки опять появился мой ревматизм или подагра. Не очень удобно ходить – и ноги и руки дают себя чувствовать. Надеюсь, что дальше не разовьется. Но может быть придется будущей весной или летом подлечиться.

Маркуша⁴ очень хорошо себя чувствует. Самойлов удивительно с ним мил, как настоящий педагог. У Маркуши очень много сейчас и мысли и интереса. По словам Самойлова, он начал

только недавно учиться работать – он был поражен до какой степени он мало раньше знал – не имел самых элементарных знаний. Мне кажется, что Маркуша сейчас переживает глубокое чувство – но это мои наблюдения; он мне ничего не говорил, и я не хочу, чтобы это как-нибудь дошло до Любоцинских. Я думаю, что чувство его хорошее и глубокое. Расскажу тебе при свидании. Мне кажется, поездка его ему безусловно полезна.

Нежно и горячо обнимаю тебя и детей. Очень мне дороги известия от вас. Гуле напишу на этих днях. Нежно целую⁵.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 57. Л. 29–30.

¹ Г.В. Вернадский.

² Вернадский.

³ См. коммент. 9, 11 к письму 897.

⁴ М.М. Любоцинский.

⁵ Следующее письмо В.И. Вернадского от 23/10 августа 1913 г., которое сохранилось среди писем к Н.Е. Вернадской, адресовано дочери Н.В. Вернадской. Это письмо полностью приводится:

Тимагами, 23/10.VIII. 913

Дорогая моя деточка, моя родная и золотая, сегодня получил письма от мамы¹ и Гули² между 24–27 июля (твоего **не было**) и жадно на них набросился. Мама переслала и ваши письма в Полтаву. Все эти письма меня перенесли на Бутову кобылу, и я так рад вашей энергичной и живой работе.

Дня два не имели почты, а теперь, вероятно, мы будем без почты дней 7–8, так как наша почта едет в Вашингтон, а мы прибудем туда около 1–2 сентября нового стиля. Пересылать в промежуточные станции не решаемся, так как почта здесь не очень аккуратна, и мы нигде не будем долго. Мы из Чикаго поэтому пошлем телеграмму и будем ждать ответной – думаю, удобнее, чем это мы сделали в Квебеке, где телеграммы не получили!

Сегодня последний день экскурсий. Завтра утром мы уезжаем в Соединенные Штаты. Эти дни были очень интересны, особенно вчерашний. Вчера погода была ужасная, самая скверная за всю поездку, лил дождь, я два раза промок, один раз совершенно – но было так интересно, что не жаль.

Мы видели вчера утром новое месторождение никеля в совершенно глухой местности. Руда совершенно нового типа, которую я никогда не видел. После обеда нас повезли по трудной дороге, напоминающей уральские, на новое месторождение золота около озера Киркланда. Здесь золото было найдено всего восемь месяцев назад: год тому назад здесь было дикое место. Сейчас все меняется: проводятся дороги, строятся дома и местность захватыва-

вается цивилизацией. Но самое интересное, конечно, само золотое месторождение. Такого богатого золотом месторождения так подробно я не видел. Здесь добыли пока всего 4 вагона руды и в ней золота было почти на 1/2 миллиона рублей. Спустились в шахту и нашли здесь, конечно, для нас подготовленное, но удивительное место – стену, покрытую золотом, жилами с самородным золотом.

Ничего подобного не ожидали и сами владельцы. Увидя, что богатство золотом не уменьшается, они сейчас начинают настоящим образом строиться – раньше, да и теперь здесь был только “camp” – лагерь – живут в бараках и палатках.

Любопытное зрелище представляет это вхождение цивилизации. С одной стороны, перед входящим в нетронутый лес человеком бежит зверь, гибнут деревья, нетронутая природа теряет свою угрюмую красоту. Но, с другой стороны, область, пропадавшая для человека, является источником его силы и богатства. До сих пор, кроме пушного зверя, ничто не попадало отсюда в мировой обмен.

Странное впечатление делает дорога в нетронутом канадском лесу в этих местах. Лес из осины, похожей на березу с мелкими листочками, очень красивой, мной раньше невидимой сосной, хвой которой расположены редко пучочками (такое pin – никуда негодное дерево, так как не очень высоко), из красивых елей, высоких можжевельников и других чуждых нам деревьев. Но весь лес мелкий. Близка каменная почва, слой ее тонок и нет силы деревьям для роста. Этот лес хуже наших лесов Урала или русского Севера – но лучше лесов каменистой степи Зауралья – там к тонкому слою почвы присоединяется и относительная сухость климата. Здесь влаги сколько угодно. Озер столько, сколько в Финляндии. Зима стоит 6–5 месяцев и мороз бывает до 30 Фаренгейта ниже нуля! Лес болотистый, как в Витебске, запущенный еще больше. Всюду травы, нам неизвестные. Проезжая по новой дороге, кругом видишь безжалостное истребление нетронутой природы. Истребление нужное и ненужное: следы пожаров от неосторожного обращения с огнем, ненужная рубка. Дома без крыш и всюду палатки, а из палаток торчат железные трубы и идет дым. Вокруг рудника все вырублено – горит электричество. По дороге, скверней нашей проселочной – вблизи растущего будущего города вдруг вывеска: Barber, up here!¹³ А рядом брошен чемодан, ждущий владельца. Проезжая через несколько часов назад, в проливной дождь опять нашли под дождем тот же крепко завязанный чемодан. Звери отошли, но не ушли – еще две недели назад у домов рудника убит был медведь.

Мы видели не только новый рудник, пробивающий дорогу человеку в нетронутые места за золотом, которое окупает большие затраты (здесь считается, что золото в жиле выгодно добывать, когда на тонну породы приходится 5 долларов золота; а у озера Киркланда его на 500 долларов на ту же тонну!); за золотом пойдет земледелие. Завоевывается каменистая тайга. Говорят, несколько миль в сторону и есть земли для земледелия – холодные, северные, но плодородные. Мы видели и новый город Тимлитс, существующий всего два года! Открытки его посылаю. Еще 4 года назад в эти места, покрытые лесом, надо было от главной линии железной дороги идти 4 дня; дорог не было – была лесная глушь. Сейчас улицы, лавки, кинематографы. В лавках купили открытки, газеты, журнал “Scientific American...” Среди жителей есть и русские.

Поднимается новая, богатая страна, с огромным будущим. Всюду вера в это будущее. Меня не прельстило бы работать здесь, как это, например, прельщает некоторых. Видный ученый Седергольм из Гельсингфорса в восторге от Канады; он говорил, что с удовольствием бы переехал сюда, чтобы начать новую жизнь в такой стране с свободным строем жизни и с ясным огромным будущим. Несомненно, это привлекает энергичных людей, менее связанных с нормами прошлой жизни старого света.

Надеюсь бросить это письмо еще сегодня вечером. Едем быстро в поезде среди выжженных и отравленных лесов Садбери.

Нежно и горячо тебя целую, мою дорогую. Поцелуй маму и Гулю и Нину⁴. Мой привет Прасковье Кирилловне⁵, Клавдии⁶, должно быть уже уехала?

Нежно целую. Горячо любящий тебя отец.

Оп. 7. Д. 57. Л. 31–32.

¹ Н.Е. Вернадская.

² Г.В. Вернадский.

³ Барбер здесь!

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Казакова.

⁶ Клавдия – прислуга в доме Вернадских.

№ 900

26/13 августа 1913 г., Чикаго

Чикаго, 26.VIII. 913 (н.ст.), утро

Дорогая моя Наталочка, третьего дня вечером приехали в Чикаго и сейчас же с Самойловым отправились на телеграф послать телеграмму. Ждем ответа – его еще нет: прошло, однако, более суток. Ожидаем ответ к вечеру.

Мы в Чикаго задержались один день из-за ответа. Остановились здесь в немецко-американской гостинице “Kaiserhof” – в центре делового города, шумно, довольно дорого, но в общем не без удобств. Все трое в одной комнате, но зато у нас есть ванна. Ею мы пользуемся, но вода не особенно чистая и это уменьшает удобства. Вчера осматривали музей – интересный, но отнюдь не лучше европейских. Все-таки вековая культурная жизнь не может быть быстро создана вновь. Сейчас на каждом шагу сильно чувствуется в научных учреждениях влияние европейской культуры, но совершенно ясно, что научные учреждения Америки теперь в лучших своих представителях равноценны европейским и быстро выйдут из того влияния, какое сейчас чувствуется. Это влияние слабеет с каждым годом.

Пишу урывками среди всяких ожиданий. Телеграммы еще нет, но мы выезжаем сегодня вечером в Нашвилл.

Сейчас получена телеграмма. Очень рады были ей, так как мы надолго лишены писем – нашу корреспонденцию мы получим только в Вашингтоне.

Здесь мне не повезло. Опять моя обычная экскурсионная болезнь – желудок. Я думаю, это следствие не очень хорошего (в смысле качества пищи) питания во время экскурсии в Канаде: наш соотечественник Mr. Startt (Старченков) при всей его любезности не очень хорошо справился с задачей кормления 40 человек. Впрочем, может быть, иначе было и нельзя устроить. Вся провизия или почти вся на 10 дней ехала с нами, в жару, из Торонто. Даже при обилии воды здесь едва ли можно сохранить пищу свежей. Может быть и другая причина. Во всяком случае, я здесь почувствовал себя неважно и сегодня даже часть дня потерял, так как из осторожности старался меньше двигаться, принял висмут и перешел на диету. Я думаю, что завтра буду здоров. Во всяком случае мы уезжаем в Нашвилл, который должно быть более тих и спокоен, так как по сравнению с гигантом Чикаго, городок маленький (едва ли 150 000–200 000 жителей).

Чикаго первый огромный американский город, который я видел. Кажется, он 3-й или 4-й город по величине в мире. Много поражает в нем и улица около озера Мичиган с его большими небоскребами для меня совершенно новое зрелище. В той части Michigan avenue, которая выходит на огромное Мичиганское озеро, большое как море, берег противоположный, которого не виден, а на горизонте видны пароходы, небоскребы с 21 этажом, с огромной колонадой внизу, даже красивы. Поражает банковый квартал, с огромными дворцами-банками. Впечатление, что банки здесь храмы. Сейчас идет отчаянная борьба бан-

ков с Вильсоном¹ и конгрессом, немного пытающихся их регулировать. Но силу банков в этом новом свете чувствуешь как-то ярче, чем в старом. Это все открытие. Их силу видишь в Канаде, где они лежат в основе всех предприятий. Банкир здесь имеет совершенно иное общественное положение, чем у нас, где он входит в общество аристократии или богатых слоев. Здесь он стоит в центре самых различных начинаний и в Онтарио участие их в организации конгресса чувствовалось, пожалуй, не меньше, чем участие правительства. Фактически деньги – сила и у нас, но ярко это чувствуешь только здесь в Америке; если будешь смотреть на обычные проявления жизни, а не станешь анализировать общественный процесс.

Но Чикаго велик своими размерами потому, что он состоит не из небоскребов. Весь город с несколько миллионным населением построен из низких, маленьких домиков, переполнен парками. Здания не красивы. Нет той красоты города, которая, например, чувствуется в Париже или Москве.

Город переполнен чужеземцами, быстро перевариваемыми Америкой. Гостиница у нас немецкая, но по-английски говорят здесь все лучше, чем по-немецки, часть прислуги – славяне: горничная украинка из Галичины, проводники на лифте (мы живем в 7-м этаже) – черногорец и словенец, с которыми мы разговариваем по-русски.

Русских и здесь много – и мы их встречали – но наш язык без корня здесь. Сегодня были в Greger library – своеобразной библиотеке исключительно естественно научной и технической. Я был в ней, так как она издала специальный каталог книг по истории науки, который я хотел иметь. Осмотрели библиотеку – удивительно беден русский отдел. Библиотекарь жаловался на трудность получения (покупки) русских книг. Но ясно, что нет и спроса.

Ниночке¹ посылаю через Самойлова открытки, собранные во время пути. Пишу в Полтаву, так как думаю, что письмо придет к 26-му и вы уже будете там. Не забудь дать знать заранее в С.-Петербург, чтобы и мою почту не пересылали.

Нежно и горячо целую тебя, моя дорогая. Целую нежно детей и всех наших.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 57. Л. 33–34.

¹ Имеется в виду Томас Вудро Вильсон (Wilson), президент США (1912–1921).

² Н.В. Вернадская.

27/14 августа 1913 г., Нашвилл

Нашвилл, 14/27.VIII. 913

Дорогая моя Наталочка, посылаю прилагаемое письмо Гуле¹ и тебе, так как не знаю, где он будет, когда письмо это дойдет до тебя.

Теперь Гуля и Нина² конкуренты в письмах для тебя, моя дорогая. Но когда я пишу, я всегда думаю обо всех вас, и ты читаешь и все эти письма.

Чувствую себя недурно. Но в общем переживаю то, что всегда во мне сильно в таких переездах, какое-то чувство грусти. Читаю одного старого замечательного американского историка-художника Паркмана: Иезуиты в Америке в XVII веке³. И то, что я читаю у него из прошлого здесь красных, и те поразительные по глубине переживания, какие переносили по ясно для нас ошибочным представлениям христиане – одинаково наводит грусть за человечество. И музей в Чикаго, переполненный остатками индо-американской культуры, ведет к тому же. Это не чувство “суета сует и все суета”, а что-то другое, это я не могу сейчас выразить словами, но постоянно переживаю в переездах. И оттого мне особенно хочется возвращения к привычному делу. Иначе кажется, что скользишь по поверхности колеса.

Очень неприятны эти приключения с моим желудком. И всякий раз во время поездки они меня изводят. Но ты не беспокойся, я очень осторожен и Яков Владимирович⁴ чрезвычайно за мной ухаживает.

Нежно и горячо тебя целую. Что моя деточка⁵ ненаглядная? Отсюда едем должно быть завтра вечером или послезавтра утром в Чаттанугу на месторождения боксита. Оттуда в Атланту. Здесь юг – жара очень большая.

Нежно целую. Поцелуй всех наших.

Твой Владимир

P.S. Марки эти новые – Калифорнийской выставки 1915 – для Володи Жедринского.

Оп. 7. Д. 57. Л. 35.

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.В. Вернадская (жена Г.В. Вернадского).

³ *Parkman Francis. The jesuits in North America in the seventeens century. Boston; Little: Brown and company, 1872.*

⁴ Самойлов.

⁵ Н.В. Вернадская (дочь).

30/17 августа 1913 г., Чаттануга

Чаттануга, 17/30.VIII 913

Дорогая моя Наталочка, в последнем письме из Нашвилля, кажется с Гулиным, я писал тебе, что выздоровел и думаю идти на экскурсию, но ошибся. Мне всё не делалось лучше, на фосфориты Нашвилля я не пошел, а просидел дома. Вечером позвал доктора, который предложил мне принять касторку, прописал диету и затем висмут + салол (в какой-то странной микстуре) и, наконец, теперь мне настолько хорошо, что я делал сегодня утром экскурсию на бокситы Чаттануги. Ужасно неприятно, что это так случилось – все-таки часть Чикаго, весь Нашвилл у меня пропали! Сейчас мы поедем за город, вечером вернемся и завтра едем в Вашингтон: Атланту оставляем в стороне, так как месторождения боксита, которые работают, находятся далеко от Атланты, ближе сюда, но завтра воскресенье, и мы должны его терять, и они не дадут нам много нового по сравнению с Чаттанугой. Я очень рад, что я видел здесь, так как боксит (руды на алюминий) я никогда еще не видел в природе.

Здесь мы совсем в новой стране, масса негров и мулатов и в городах, а деревни местами сплошь негритянские, южная незнакомая растительность – верст 100 южнее уже начинается область пальм и вечнозеленых дубов. И здесь много вечнозеленых растений. Мы находимся в красивой местности среди предгорий Аллеганы.

Очень я рад уже повороту назад. Мне хочется быть с вами, войти опять в то дело, которое веду; у меня сейчас масса планов, мыслей, желаний. Теперь недели через 2–2½ мы уже будем ехать назад на пароходе. Вашингтон, где я думаю пробыть несколько дней, и Нью-Йорк – Нью Гавн-Бостон, где мы пробудем не меньше недели, во многом должны нам дать иное: здесь я должен увидеть научно новое.

Вашингтон, 19.VIII/I.X 913

Письмо не dokonчил, так как решил ехать в Вашингтон, и отсюда письмо придет скорее. Вчера целый день ехал из Чаттануги. Выехали в 10 часов утра курьерским и приехали только сегодня в 7 часов утра. Пишу тебе утром в ожидании вещей. Были на почте, получили письма твое и Нинусино¹ последнее от 2/15.VIII! Это письмо уже пишу в Петербург, так как думаю, что оно едва ли придет много раньше 1-го русского сентября. Надеюсь, ты осторожна с своим здоровьем; едва ли следовало так часто ездить в Полтаву по скверной дороге!

В Вашингтоне я хочу осмотреть музеи, лаборатории и имею рекомендации в Министерство народного просвещения (Buredu of education) хочу ознакомиться с положением высшего образования...

Чрезвычайно интересен здесь в Америке негритянский вопрос. В южных штатах в Теннесси, где мы были, на железных дорогах для черных отдельная ожидальня, на трамваях они могут ехать в определенных местах; в Пульмановский вагон (1-й класс) их не пускают и т.д. В Нашвилле, когда мы были там, был конгресс негров-врачей, и эти врачи были в том же положении. Для нас это так странно, непонятно, неприятно. Можно понять это, всматриваясь в историю вопроса, но нельзя отрицать, что здесь сейчас кроется вопрос огромного серьезного значения для будущего Соединенных Штатов. А между тем для меня ясно, что в конце концов окончательно решение даст научная мысль. Весь вопрос в достижении неграми образования и денежного обеспечения. Так или иначе перед ними огромный черный континент – нетронутой рабочей силы...

Мне хотелось бы кое-что набросать из мыслей, вызванных Америкой. Я начал набрасывать “Мысли за океаном” и может быть помещу такие свободные по форме очерки в “Русской мысли”². Конечно, если будет время, если смогу работать на пароходе. В Петербурге сразу будет столько времени³, что едва ли можно будет писать, если не набросать основы здесь. А мне хотелось бы кое-что высказать, что, кажется мне, мало сознается русским обществом.

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую. Поцелуй деточку. Как Гулик⁴? Теперь уже ответ на письмо придет не в виде письма – я узнаю! Едва ли успеешь ответить на письмо. Впрочем, может быть в Европу?

Нежно целую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 57. Л. 36–37.

¹ Н.В. Вернадская.

² Замысел В.И. Вернадского не был осуществлен.

³ Времени (видимо описка, должно быть по смыслу вместо слова “времени” слово “дел”).

⁴ Г.В. Вернадский.

3 сентября/21 августа 1913 г., Вашингтон

Вашингтон, $\frac{3.IX}{21.VIII}$ 913

Дорогая моя Наталочка!

В Вашингтоне мы застряли на несколько дней. Здесь много интересного и здесь видишь то, что недоступно в других местах. Сегодня мы проработали с Яковом Владимировичем² настоящим образом. Утром часа 3–4 провели в Geophysical laboratory Карнеги, а после обеда часа 2 были у Hillebrand'a а Bureau of Standart. Это два огромных научных учреждения, где ведется исследовательская организованная работа. Работа нового типа у нас почти несуществующая. В Geophysical laboratory ведется организованная работа по опытной минералогии, кристаллографии, геологии целым штатом физиков, химиков, минералогов. 20 ученых, хорошо материально обеспеченных, идут к одной цели – исполняют задачи, им поставленные, – теоретически директором, фактически, очевидно, отчасти и самими работниками. Затронутые вопросы очень важны, и с результатами нам приходится уже считаться. Производительность – научная такой лаборатории огромная, приборы, точность работы совершенно для нас невиданные. Завтра мы опять идем туда – нам покажут многое новое в действии.

Несомненно, в такой форме устроить такое учреждение нам не удастся. Ломоносовский институт³ и в его полном развитии не сможет с ней конкурировать. Этого и не надо, но несомненно придется считаться с Carnegie лабораторией при конструкции нового учреждения. Здесь огромные результаты достигаются коллективной работой и при отсутствии гениальности у ее авторов. Но Дэю-директору ее нельзя отказать в умении брать темы для решения вопросов – нужные и важные. Может быть, это и есть крупный талант?

Гиллебранд – единственный химик, работающий сейчас в той области, в которой работаем мы с Ненадкевичем. Самойлов говорит, что вначале он встретил нас чем-то недовольный, но потом была сама любезность, и много я видел у него интересного.

Как всегда я чувствую свое большое незнание в целых областях при соприкосновении с такой работой и такими людьми. И в то же время мой ум никак не может попасть в рамки, в которых идет их работа, и укладывает ее в свои, им неизвестные или кажущиеся неверными, несомненно я выношу из этих посещений очень много – особенно много всяких указаний для будущего и

для хода своей работы. Мне кажется, если у меня хватит выдержки характера, я смогу сейчас смелее пойти по тому пути, по которому идти не решался.

Вашингтон красивый и очень приятный город – далекий от шумного, грязного, чуждого нам Чикаго. Вчера после музея мы пошли в Капитолий и попали и на заседание Сената и Конгресса без всякой полиции – свободно всюду! Не знаю, как передать то большое чувство обиды, которое чувствуешь, когда вспоминаешь российские порядки.

Здесь много тяжелого и неприятного. Многое даже внешне в России ценишь сейчас не так строго. Лучше у нас организована почта, лучше железные дороги, нет такого сознательного хищнического истощения богатств – но зато весь ужас, все бессмыслие и государственный вред нашей государственной машины и внутренней политики никогда не вставал передо мной с такой силой, как сейчас, когда я могу охватить все уже не с точки зрения европейской, но мировой...

Нежно и горячо целую тебя и детей. Поцелуй всех наших. Жду от тебя телеграммы. Чувствую себя недурно, но ревматизм не прошел.

Нежно целую.

Твой *Владимир*

На конверте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский остров, 14 линия, 45, **Петербург**, St. Petersburg, Russie.

Оп. 7. Д. 57. Л. 38.

¹ Письмо написано на бланке "Cochran hotel", 14th and K. Streets, N.W. Washington Eugene S. Gochran Manager.

² Самойлов.

³ Ломоносовский институт геохимии, кристаллографии и минералогии был образован в 1932 г. В 1937 г. институт вошел в состав Института геологических наук СССР.

№ 904¹

6 сентября/24 августа 1913 г., Вашингтон

Вашингтон, $\frac{6.IX}{24.VIII}$ 913, утро

Дорогая моя Наталочка, завтра уезжаем из Вашингтона в Нью-Йорк и оттуда, должно быть 16-го, выезжаем в Европу. Уже хочется скорее назад, к близким, в обычную жизнь – в работу и круг тех интересов, которые строят нашу среду.

В Вашингтоне много очень интересного и здесь можно было бы пробыть гораздо дольше, чем мы пробудем. Вашингтон сей-

час центр ученой жизни Соединенных Штатов. Познакомились здесь с очень милыми людьми и видели много интересного. Именно здесь чувствуется та сила умственной работы новой демократии, которая составляет залог будущего развития человечества. За 10 последних лет Соединенные Штаты в научном отношении сделали огромные успехи: сейчас Америка обходится без той помощи немецких университетов, которая еще недавно являлась неизбежной. Когда я невольно сравниваю эти годы в России, деятельность Шварцев, Кассо и К⁰ – всю ту патологию, которую представляет из себя наше Министерство народного просвещения, мне делается не только грустно, но жутко. Ведь так или иначе нам приходится считаться с нациями, у которых государственная власть исполняет свое дело и у которых научная творческая работа идет не вопреки сознанию государственных деятелей. Американские ученые жалуются на свое положение в обществе, считают, что их труд недостаточно оплачивается по сравнению с всё увеличивающейся здесь дороговизной жизни, что их положение в обществе – широкое – недостаточно почетно, так как общество слишком похвастается деньгами и money manner², businessman³ господствуют не только фактически, но и идеалистически. Но все это ничтожно по сравнению с теми условиями, при каких приходится работать у нас.

Вчера утром с Самойловым были в лаборатории Карнеги. Нам показывали методы работы с печами при высоких температурах и новые приспособления для микроскопа. После обеда мы были у Гесса в Геологическом комитете и затем (у) Парсонса, главного химика Bureau of Mines – двух главных специалистов в Америке по урановым и ванадиевым месторождениям, как раз тем, которые интересуют меня. Вечером и обедал я (здесь завтрак-обед 2 раза) у директора Лаборатории Карнеги – Дзя, в милой семье с детьми. Очень приятная культурная простая обстановка – его жена немка из профессорской семьи. Очень интересный разговор – вернулся я в 11-м часу вечера и только прочел газеты.

Как это ни странно, но у меня сейчас идет пересмотр прошлого моей научной деятельности. Я чувствую, что я давно, с молодости стал на тот путь, который сейчас становится господствующим. Многое из того, что мною было еще тогда понято, теперь воспринимается окружающими как новое, помимо моей работы – очень многое до сих пор не создано. У меня не было тогда характера и выдержки, чтобы проводить с боя эти идеи – нет и теперь достаточного в этом смысле желания и, я думаю, уклада работы. Много, конечно, мешает то, что я печатаю главные свои работы по-русски. А между тем другого выхода не вижу.

Сейчас мне хочется закончить кое-что из моих старых кристаллографических начинаний, которые, как я теперь вижу, являются новыми, но в новой обстановке могут быть поняты. Хочется уже к работе.

Нежно и горячо обнимаю тебя, мою дорогую, и детей, нежно любимых. Не имел совсем давным-давно известий от Оли⁴ – не знаю, где она – да и Нюта⁵ давно не писала. Ну да теперь надеюсь быть скоро в Петербурге. Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 57. Л. 40.

¹ См. коммент. 1 к письму 903.

² Денежные нравы (англ.).

³ Дельцы (англ.).

⁴ О.И. Алексеева.

⁵ А.С. Короленко.

№ 905¹

8 сентября/26 августа 1913 г., Нью-Йорк

Нью-Йорк, 26.VIII/8.1X. 913

Дорогая моя Наталочка, получил здесь твои письма, адресованные в Нью-Йорк и пересланные в Торонто. Сегодня взяли билет на пароход Norddeutschen Lloyd² – “Kaiser Wilhelm d. Grosse – на 3/16 сентября на Бремен. В Бремен он должен быть 23 сентября; он останавливается в Плимуте и Шербурге (22 сентября), и я сперва было думал проехать через Шербург в Париж, но затем раздумал: уже и так много впечатлений и хочется скорее вернуться к обычной работе. Из Бремена я хочу прямо проехать через Берлин в Петербург. Надеюсь тогда 25/12 сентября быть в Петербурге!

В Нью-Йорк приехали вчера вечером. Сегодня весь день ходили и очень устали. Были главным образом в великолепном естественно-историческом музее в Нью-Йорке, который вполне может конкурировать с лучшими европейскими. Много в нем удивительных вещей. Должно быть два дня пробудем в Нью-Йорке, а затем послезавтра проедем в Нью-Гавн и Бостон. В Нью-Гавне буду у А.И. Петрункевича. Сперва мы с ним списались так, чтобы провести с ним время и в Нью-Йорке, но он заболел, не может выехать из Нью-Гавна, и я проеду к нему. В воскресенье хотим проехать в Дувр, где находится частная минералогическая коллекция Конфильда. С Конфильдом познакомились, он живет в имении за Дувром, привезет нас к себе, и мы у него пробудем день. А затем во вторник выедем!

Хотели было послать сегодня телеграмму, чтобы вы не писали нам напрасно, но Маркуша³ что-то чувствует себя неважно – не знаю, устал ли или у него начинается какая-нибудь болезнь, и мы решились телеграфировать, что всё у нас хорошо. Подождем до завтра.

Может быть в Бремен напишешь в “Нордд. Ллойд” к приезду нашего парохода – “Kaiser Wilhelm d. Grosse” – справиться можно в агентстве в Петербурге⁴, как адресовать.

Нежно и горячо обнимаю тебя. Крепко поцелуй деточку⁵. Уже не пишу ей, так как теперь не долго можно и писать: пароход идет скорее обычных писем. Нежно обнимаю. Надеюсь и Гуля⁶ в Питере – нежно его целую.

О Нюту⁷ имею мало известий. Сегодня мне переслали открытку ее, из которой вижу, что у нее опять была (или есть?) слабость. Я ей писал, что 10/23.IX буду в Берлине – не знаю, когда она думает возвращаться.

Так хочется уже скорее домой. Нежно целую.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский остр., 14 линия, 45, St. Petersburg, Russie, **С. Петербург**.

Оп. 7. Д. 57. Л. 41.

¹ Письмо написано на бланке “Prince George Hotel” Fifth ave., 28th Stret, New York, Geo. H. Newton, Manager.

² Norddentscher Lloyd – морское страховое регистрационное агентство.

³ М.М. Любошинский.

⁴ В Петербурге существовало страховое общество “Русский Ллойд”.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ Г.В. Вернадский.

⁷ А.С. Короленко.

№ 906¹

29 августа/11 сентября 1913 г.,
на пароходе “France”, следующем из Нью-Йорка в Гавр

11.IX
29.VIII . 913, утро

Дорогая моя Наталочка, совершенно неожиданно, бросив всё, мы выехали вчера утром и едем на большом, роскошном, быстроходном французском пароходе в Гавр! Маркуша² заболел, по-видимому, тифом. Вначале, в первый день приезда в Нью-Йорк он жаловался на головную боль – температуру мы померили только после того, как у него испортился желудок. Так как температура не очень высокая – не выше 38,2, не умень-

шалась, мы обратились к доктору, который не нашел у него ничего, но подозревал тиф. По-видимому, это здесь обычное явление, от воды, которую всюду и все пьют некипяченой! К доктору обратились мы через д-ра Кунца, моего старого приятеля, главного управляющего мировой фирмы “Тиффони”, торгующей драгоценностями и драгоценными камнями. Кажется, это самая большая фирма в мире, имеющая отделения в Нью-Йорке и в Париже. Доктор Hollis – главный врач какой-то большой больницы в Нью-Йорке, врач, лечащий самого Кунца несколько лет. Он очень настаивал, чтобы Марк лег в больницу, но Марк и Самойлов непременно хотели уехать скорее на континент. До России доктор находил невозможным отправить Марка, но считал возможным, хотя нежелательным, переезд на хорошем пароходе на континент. Мы отправились в контору – за 5 минут до закрытия (в 5-6 часов в Нью-Йорке все заперто) – оказалось, что первый большой пароход “France” отходит на следующий день в 10 часов утра, а затем надо ждать до 13 сентября. 13 сентября/31.VIII. Лично я считал лучшим выждать и затем мне казалось риском ехать на пароходе, не зная, каков будет переезд и какое направление примет болезнь Маркуши. Но я счел себя обязанным подчиниться решению Марка, который ни за что не хотел лечь в больницу в Нью-Йорке. Вечером в понедельник мы по телефону сговорились с Кунцем приехать к нему – у нас не было денег – они были в аккредитивах, а банки открываются в 10 часов утра (когда пароход отходит), мы захватили 100 долларов на 16.IX на пароход, которым хотели ехать. У Маркуши было 700 руб. русскими деньгами. В конце концов все устроил Кунц – мы передали ему русские деньги, он обещал постараться добыть назад наш задаток и прислал в 6 часов утра на пароход своего служащего из “Tiffany”, которой добыл нам – за минимальную плату – две чудные каюты и без которого мы ничего бы не сделали. Мы приехали с багажом за 12 минут до отхода парохода. Раньше утром мы были у доктора для окончательного решения – с нами был и Кунц, которой отвез Марка на пароход, пока мы с Самойловым, как угорелые, отправились на такси (автомобиль с таксиметром) в гостиницу для расплаты и укладки. Доктор опять считал лучшим лечиться в Нью-Йорке (и я был с ним согласен), он предлагал подождать до 13.IX, думая выяснить, тиф ли это. Так как Марк настаивал и ясно было, что если тиф, то лучше выяснить раньше, то по телефону он вызвал какого-то специалиста и немедленно произвели исследование крови. По словам Голлиса, кровь – характерная для [тифа]. Мы решились ехать – и от доктора уехали на такси сперва за другим такси (здесь извозчики стоят в немногих, определенных местах –

их вызывают по телефону), на котором уехали Марк и Кунц, а затем в гостиницу. Такси стоил нам 13 рублей!

Наконец мы выехали – не знаю, сколько мы заплатили, так как всё было устроено на счет “Тиффони”, которая постоянно имеет сношения с пароходными компаниями. Кунц говорит, что они постоянно отправляют нарочных в Европу (должно быть не посылают драгоценности по почте) и все трансатлантические компании с ними считаются. Мы оставили ему 700 руб., и он пришлет нам расчет: если нужно больше денег, мы ему вышлем, а если меньше – он мне перешлет в С.-Петербург. Без его сердечного и энергичного отношения мы бы не выехали.

Доктор сказал мне, что Марка организм великолепный; сейчас самочувствие у него хорошее; он лежит в большой каюте-комнате. Каюта на двух, больше обычных в лучшем месте парохода. Удалось это устроить через Кунца, который имел прямые связи с директором пароходной компании. Надо надеяться, что переезд будет хорош. Погода хорошая, но со вчерашнего вечера качает – море в барашках. И сейчас, когда тебе пишу, покачивается. Мы послали Любощинским телеграмму, надеемся, они встретят нас в Гавре. Маркушу придется, вероятно, везти в Париж. Сейчас пошлем им радиограмму.

Конечно, мне очень досадно уехать раньше – во-первых, я не виделся с Петрункевичем, который заболел и не смог выехать в Нью-Йорк, а затем я не видел Нью-Йорка (видел там только чудный естественно-исторический музей) и тех трех больших американских минералогических собраний, которые наметил. Но ничего не поделаешь, оставить Марка я не мог. Есть некоторый страх к переезду: не в моем характере делать такие рискованные шаги. Я думаю, ему лучше было бы спокойно пролечиться в Нью-Йорке, куда к нему приехали бы Любощинские.

Но Самойлов и Маркуша думают иначе. Самойлов чрезвычайно предан и любит Маркушу. Он совершенно заболел и измучился от волнений.

Сегодня утром температура несколько выше. Его осматривал врач парохода, веселый, кажется не очень серьезно относящийся к своим обязанностям, француз. Температура 100,5° по Фаренгейту (т.е. немного больше 38°).

12.IX. 913

Едем по-прежнему хорошо. Вчера вечером, ночь и сегодня часов до 10 утра была порядочная качка, но мы ее перенесли недурно. Сейчас качает, но не очень сильно.

Маркуша лежит в каюте, относительно ему хорошо. Температура понижается утром почти до нормальной, но вечером ка-

ждый раз всё выше – вчера была 38,6. Корабельный доктор отрицает болезнь, считая, что мы напрасно его держим в постели, но он приходит утром и его термометры все показывают разное. По-видимому, он порядочный невежда. Сегодня он придет вечером.

Надеюсь, всё пройдет благополучно – до Гавра – оттуда 3½ часа Париж, и я надеюсь, там встретят Любощинские. Хотели мы послать им радиogramму, но слово в Россию стоит 4½ франка! Так что телеграмма из 8–9 слов стоила бы более 18 рублей, и ничего мы бы не могли сообщить хорошего. С воскресенья вечером телеграмма будет стоить дешевле втрое, так как мы “подъедем” к европейскому берегу. Подъедем относительно, так как будем от него за сотни верст.

Вчера вечером я лег раньше спать, так как боялся, что при качке у меня сделается морская болезнь и может быть от этого перенес качку отлично.

Сейчас пишу письма, занимаюсь (здесь это очень удобно), хотя временами покачивает.

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую. Теперь недолго. Если всё будет устроено с Маркушей хорошо, может быть проеду на юг Франции, на бокситы и поеду через Мюнхен. Статья моя у Грота пойдет в ближайшей книжке, и он мне писал, что корректура будет готова к моему проезду. В Вашингтоне я познакомился с Шаллером, по поводу работы которого написана статья – мы очень сошлись.

Нежно обнимаю. Завтра пишу Гуле³. Целую крепко тебя и детей. Может быть в Париже застану твои письма?

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 57. Л. 43–44.

¹ Письмо написано на бланке «A Bord de “France”».

² М.М. Любощинский.

³ Г.В. Вернадский.

№ 907

17/4 сентября 1913 г., Гавр

Гавр, 4/17.IX. 913

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером приехали в Гавр. Маркуше¹ лучше; корабельный доктор находит его здоровым; другой считает, что у него малярия; Маркуша, Самойлов, Любощинские² думают, что тиф. Вечером вчера температура³ была 39,2 (он взволновался приездом родителей и встал с постели). Утром и днем – обычно нормальная. Любощинские наняли чудную

виллу за Гавром, встретили. Гольштейнов они не застали и устроили все через Мечниковых⁴.

Самойлов, совершенно усталый от волнений уезжает сегодня. Я еду завтра в Париж, пробуду там 2–3 дня и через Мюнхен возвращаюсь.

С парохода писал тебе, Гуле⁵, Нинуле⁶. Жду сегодня телеграммы от тебя, моей дорогой. Скажи и в музей, что я буду в СПб. должно быть во вторник или среду. Хочется уже скорей к вам.

Нежно и горячо тебя обнимаю, мою дорогую, и детей. Аня и Марк⁷ молодцом.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне Вернадской, Васильевский о., 14 линия, 45, St. Petersburg, Петербург, Russie.

Оп. 7. Д. 57. Л. 45.

¹ М.М. Любошинский.

² Анна Егоровна и Марк Маркович Любошинские.

³ В тексте температура обозначена – “t”.

⁴ Илья Ильич.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ Н.В. Вернадская.

⁷ Любошинские (А.Е. и М.М.).

№ 908¹

18/5 сентября 1913 г., Гавр

5/18.IX. 913

Дорогая моя Наталочка, пишу последнее письмо и то еще не знаю, не приеду ли раньше его. Остался здесь в Гавре, сколько мог по своему билету (в Париж), чтобы повидать Любошинских. Сегодня еду в Париж, где хочу повидать Гольштейнов и Агафонова, а затем музеи. К сожалению, вероятно, не застану никого из ученых, которых мне надо было бы повидать, кроме Гобера, так как сейчас самый глухой сезон. С Гобером хочу осмотреть минералы Мадагаскара, аналогичные тем, с которыми работаю. Днем в воскресенье хочу выехать из Парижа в Мюнхен – может быть выеду даже утром в воскресенье; в Мюнхене пробуду между поездами и во вторник из Берлина выезжаю в Петербург; буду телеграфировать о дне и часе приезда.

Любошинские устроились хорошо за городом. Пишу утром и жду Марка², чтобы идти осматривать здешний музей, который нам покажет Луар, директор музея, племянник Пастера. Луары отнеслись очень тепло к Любошинским, помогли им устроиться –

Любощинские получили письмо к ним от Мечниковых, а к Мечниковым обратились от моего имени, не заставши Гольштейнов (они в Галюи). Я непременно зайду в Париже поблагодарить к Мечникову – ведь я его совсем, кажется, никогда не видал! К тому же Луару у меня были письма и [указания] от французских профессоров Биго и Le Gerhil'я, с которыми я ехал на пароходе. Луар – директор здешней бактериологической станции, делает исследование крови Маркуши³.

Вчера я видел доктора, его лечащего, ничего нельзя сказать определенного. Любощинские считают, что у него тиф, но доктор говорит, что сказать ничего нельзя.

Во всяком случае, сейчас Маркуша лежит и оба Любощинские при нем. Жаль, что Марк пропустил из-за этого земские выборы.

Вчера Самойлов уехал в Москву, очень встревоженный тем, что дома у него волнуются. Он весь напуганный и действительно сейчас ничего не может делать. Его любовь и дружба к Маркуше очень трогательны и мне дороги, но во время болезни он совсем невозможен своей нервностью и страхом, когда болезнь близко-го отодвигает в его глазах всё и делает его неспособным работать. Но в его отношениях к Маркуше много тонкости и горячего сочувствия.

Ну, теперь скоро увидимся и больше не пишется. У меня сейчас столько планов, желаний и новых пониманий, что мне кажется, будто я помолодел душою.

Что моя дорогая деточка⁴? Вчера от Гули⁵ имел телеграмму.

Нежно целую тебя, Гулю, Нинусю. Привет всем. Нина⁶ в С.-Петербурге? Целую ее. Горячо любящий

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 57. Л. 46–47.

¹ Письмо написано на бланке "Hotel Continental. Le Havre"

² М.М. Любощинский (отец).

³ М.М. Любощинский (сын).

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ Н.В. Вернадская (жена Г.В. Вернадского).

№ 909

9 октября 1913 г., С.-Петербург

СПб., 9.X. 913, вторник

Дорогая моя Наталочка, Нюта¹ писала тебе сегодня, но я все-таки посылаю эти несколько строк. У нас все благополучно. Сейчас – вечером – Нина² занимается у себя в комнате с Леной³. Ню-

та ушла к каким-то курсисткам. Вчера обедал у нас Гуля с женой⁴ и Елизавета Дмитриевна⁵. Было очень оживленно – Гуля много рассказывал про Моршанск и весь полон своих впечатлений. И мне было как-то светло: я чувствовал, что здесь я исполнил свой долг – передал следующему за мной поколению вековую, лежавшую на мне, общественную обязанность. Сегодня я говорил с Гулей только по телефону; его не видал. Сегодня был у Лукашевича – он на вид не очень изменился, был очень мне рад, но я попал, когда у него сидела какая-то дама и боюсь, не очень ли он утомился. От него заходил к Аде⁶, его не застал. Но Адя говорил в телефон: он полон впечатлений от Москвы и чувства пережитого им подъема. От Дмитрия Ивановича⁷ славная небольшая открытка мне. Оказывается его “Кооперация”⁸ выходит скоро; секретарем редакции молодой Мануйлов. Во вторник я читаю доклад в Минералогическом обществе – о химическом составе турмалинов⁹. Одновременно выступает и Федоров¹⁰. Получил письмо от Александры Васильевны¹¹: она пишет о деле Бейлиса¹², но переживает его, по моему мнению, очень узко. Как-то не сознает, что страдания целой нации не могут быть даже сравниваемы с(о) страданиями классов или возрастов в тех случаях, когда их пытаются логически обосновать. Для меня еврейский вопрос аналогичен старому вопросу невольничества, теперешнему черному и желтому вопросам. Нежно целую. Целую всех. Надеюсь, что ты напишешь нам скоро. Нежно целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой**, с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7. Д. 57. Л. 48.

¹ А.С. Короленко.

² Н.В. Вернадская.

³ Очевидно, подруга Ниночки Вернадской, фамилию установить не удалось.

⁴ Г.В. и Н.В. Вернадские.

⁵ Ревуцкая.

⁶ А.А. Корнилов.

⁷ Шаховской.

⁸ *Шаховской Д.И.* Неотложная задача сельскохозяйственной кооперации // Кооперативная жизнь. 1913. № 24. С. 9–10.

⁹ В.И. Вернадский в Отделении геологии и минералогии Имп. С.-Петербургского об-ва естествоиспытателей выступил 9 ноября 1913 г. с докладом “О рубидиевом микроклине”. (См.: Труды Имп. С.-Петербургского общества естествоиспытателей. 1913. Т. XLIV, вып. 1. С. 194).

¹⁰ См. коммент. 9. Одновременно с ним выступил А.Е. Ферсман (а не Федоров – описка у Вернадского) с докладом “К вопросу о природе кварцев из гранито-порфиров”.

¹¹ В письме от 19 октября 1913 г. из Парижа А.В. Гольштейн писала В.И. Вернадскому: “Читаю дело Бейлиса... Не могу воздержаться, чтобы не выска-

зять Вам свои “антисемитические” мысли. Вы, конечно, понимаете, что не сочувствовать оправданию Бейлиса я не могу. Вы, конечно, понимаете, что **не** возмущаться деяниями черной сотни и властей я не могу, но я спрашиваю себя, почему, когда и в России, и даже в других странах совершаются столь же страшные злоупотребления, целый мир не поднимается на защиту жертв этих злоупотреблений и поднимается всякий раз, когда жертвой является еврей? В числе повешенных в России **наверное** были десятки повешенных невинных людей, **все** судились, может быть, еще с большим пристрастием, чем судится несчастный Бейлис, и цивилизованный мир целиком не поднимался на их защиту... Почему? Волнения учащейся русской молодежи, бастующей в знак протеста и возмущение кажется мне бессмысленным и возмутительно опасным. Мне кажется, пора бы отделиться от семитофильского романтизма, признать, что евреи, скажем, не хуже не-евреев, но не непременно лучше, признать, что их нельзя гнать, но не обязательно любить и делать всякое **их** дело делом своим. Низость и глупость властей злит меня тем более, что этим делом Бейлиса они прямо оказывают громадную услугу семитофильскому предрассудку” (АРАН. Ф. 518, Оп. 3. Д. 440. Л. 24 об., 33–34).

- ¹² В 1913 г. в Киеве происходил судебный процесс над евреем М. Бейлисом по ложному обвинению в ритуальном убийстве русского мальчика. Организован царским правительством и черносотенцами. Вызвал протест передовой общественности в России и за рубежом; суд присяжных оправдал Бейлиса.

№ 910

11 октября 1913 г., С.-Петербург

СПб., 11.X. 913

Дорогая моя Наталочка, у нас всё благополучно. Вчера я был у тети Дуни¹ и приглашен ею обедать в понедельник с Ваней Жедринским, который приехал сюда по делам. С ним говорил по телефону, но его еще не видел: у них Володя² доволен гимназией, Нина³, по-видимому, ничего, но Мура⁴ в очень дурном настроении и очень тяготится Пермью и **ничего не делает!** Конечно, нельзя так устроить жизнь. От Евдокии Ивановны⁵ (с которой говорил о Бейлисе)⁶ Она его считает невинным, но настаивает, что надо читать отчеты в газетах разных направлений, и сама читает не только “Новое время”⁷, но и какие-то другие, кажется петербургские газеты). Пошел к Петрункевичам, где был Адя⁸ и рассказывал о Москве. Он в очень бодром настроении. Завтра пойду в комитет фракции⁹. Я сейчас очень недоволен гимназией – характером сочинений и рефератов. Один реферат по романам Мережковского (Петр и Алексей)¹⁰, не говоря уже о далеко не полном соответствии ряда сцен для молодых девушек, странно давать понятие об истории по Мережковскому. Другой – по истории – литературное сочинение по Ибсену (Бранд!)¹¹. Всё это хорошо на почве культурной высоты и знания великих произведений всемирной литературы, но когда этого нет – учить по Ибсе-

ну и Мережковскому, тратить на их чтение время, когда человек должен знакомиться с великими писателями, странно, чтобы не сказать больше. Думаю, что Нина¹² прочтет “Бранда” и не прочтет Мережковского. Но сейчас давать детям и подросткам такое чтение более чем легкомысленно. Хотел говорить об этом с Машей¹³, но телефон всё время был занят.

Нежно и горячо обнимаю. Поцелуй всех. Горячо обнимаю Марию Ивановну¹⁴.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**. Келенский пр., д. Янович, Полтава.

Оп. 7. Д. 57. Л. 49.

¹ Е.И. Голицына.

² В.И. Жедринский.

³ Нина Егоровна Жедринская.

⁴ Мария Ивановна Жедринская.

⁵ Голицына.

⁶ См. коммент. 12 к письму 909.

⁷ “Новое время”, одна из крупнейших русских газет (1868–1917), выходила в Петербурге. Издатель с 1876 г. А.С. Суворин. С 1905 г. орган черносотенцев. Закрыта после Октябрьской революции.

⁸ А.А. Корнилов.

⁹ Имеется в виду комитет Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы).

¹⁰ См., например: *Мережковский Д.С.* Антихрист. Петр и Алексей. СПб., 1905. Т. 3.

¹¹ См., например, *Ибсен Генрик* Бранд. М.: С. Скимунт, 1904.

¹² Н.В. Вернадская (дочь).

¹³ Мария Сергеевна Гревс.

¹⁴ Старицкая.

№ 911

14 октября 1913 г., Петербург

Петербург, 14.X. 913, утро

Дорогая моя Наталочка, у нас все благополучно. Ниночка¹ вчера целый день не была дома. Утром она была у Кати Кавос, занималась; вернулась усталая к завтраку и затем была у Тани². Вечером, незаметно для меня (у меня были Ферсман и Ревуцкая) она засиделась до 10¹/₂ вечера и еще позже пила чай и т.д., так что легла поздно. Сегодня пошла в гимназию с небольшой головной болью, и мы не знали, идти ей или нет. Я жду ее к завтраку сейчас. Она очень волнуется из-за своих волос, они страшно падают у нее. Необходимо принять меры. Жалуетесь на тебя, что ты не обращала внимания на ее просьбы. Доктор

А.А. Корилов посоветовал средство, которое Нина и Нюта³ хотят употребить. Только что она пришла к завтраку – веселая и говорит, голова болит чуть-чуть (мигрень), уроки у Кати едва ли следует вести: она теряет почти всё воскресенье. Нюта только что вернулась из Лесного. Она чувствует себя недурно. Я сейчас сижу над своим докладом для Минералогического общества – завтра⁴. Он у меня не отделан и не готов. Буду говорить о результатах работы над турмалинами, сделанной мной в Шишаках этим летом. Сегодня я обедаю у Евдокии Ивановны⁵ с Ваней Жедринским. Оттуда хочу проехать к Оле⁶, которая, оказывается, была больна эти дни. И она и Нюта (!) скрыли от меня. Вечером должно быть буду отделять свой доклад: я не умею его отделять с точки изложения и слога и стараюсь просто, овладев задачей, идти дальше.

У нас новость в смысле передвижений: по Среднему проспекту идет новый трамвай – № 17, он идет потом по Большому до 1-й линии и набережной. Идет в Смольный институт вместо № 4, который тоже идет туда же к Смоленскому кладбищу. Сообщение с Университетом и Академией лучше. Останавливается на углу 12 и 16 линии и Среднего.

Гуля⁷ обедал у нас в субботу (вместе с Адей⁸), так вижу его мало: говорит по телефону. Всё это время я очень занят, как-то ничего не успеваю сделать. Посылаю тебе твои письма заказным завтра, а также два оттиска моей статьи для Георгия⁹ и Леон. Алекс¹⁰.

Нежно и горячо обнимаю. Поцелуй всех.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Келенский проспект, д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7. Д. 57. Л. 50.

¹ Н.В. Вернадская.

² Очевидно, подруга Ниночки Вернадской, фамилию установить не удалось.

³ А.С. Короленко.

⁴ В.И. Вернадский.

⁵ Голицына.

⁶ О.И. Алексеева.

⁷ Г.В. Вернадский.

⁸ А.А. Корнилов.

⁹ Г.Е. Старицкий.

¹⁰ Фамилия не установлена.

16 октября 1913 г., Петербург

Петербург, 16.X. 913

Дорогая моя Наталочка, очень грустно, что ты долго не вернешься. Но может быть это и правильно. Очень жалею, что ты не подождала тогда одного—двух дней – впрочем всегда после более благополучного исхода все “виднее” То же было и со мной с Марком¹ в Америке.

Это время я очень занят и как-то мало успеваю сделать. Вечера вечером делал доклад в Минералогическом обществе², кажется довольно удачно. Странно, что я перед докладом немного волновался, мне казалось, что я не могу удержать в памяти, что хотел. Александр Евгеньевич³ и Елизавета Дмитриевна⁴ оба говорят, что было интересно. Возражал Федоров, по моему мнению, неудачно.

Сегодня у нас будут обедать Паша⁵ и Ваня⁶, а вечером я хочу пойти к Гревсам переговорить с Машей⁷ о чтении в гимназии. Может быть я напишу письмо Балавину⁸, и затем можно этот вопрос обсудить. Ниночка⁹ несколько нервная, ложится, по-моему, поздно. С другой стороны, она взрослеет (7-й класс!), жизнь перед ней раскрывается своими глубокими сторонами, и я бы не хотел, чтобы она привыкла очень много вкладывать в нее забот о своем здоровье. Всегда это неприятно действует, даже у людей слабых, когда это делается хроническим. И в эту неделю у нее несколько вечеров уходят: сегодня у них вечеринка, в пятницу она хочет идти на Нансена в Географическое общество (я достал им всем билеты), в субботу мы с ней в концерте на Чайковском. На Нансена должно быть я не пойду, так как это мой единственный вечер, когда я дома – Ниночка пойдет с молодыми Вернадскими. Мне кажется она бледненькой, и я не знаю все-таки, не отражается ли на ней несколько пищевой режим – то вегетарианство, которого она придерживается. Все-таки, если всмотреться в это дело по существу, можно сказать одно, что пользы такого режима не видно, но вред не доказан. Это утешение малое. Для ее волос Леля¹⁰ убеждает обратиться в волосолечебницу – не знаю, хорошо ли это и вообще я не знаю, как с этим быть. Но ясно, что обратить на это внимание нужно.

Указатель Нина Вернадская делает усердно; иностранный, конечно, она не тронет. Но я так был занят это время, что не успел просмотреть ее работу. Сделаю это сегодня, после заседания Академии. Пишу тебе из лаборатории, среди урывков работы.

Нюта¹¹ также затуркана, как и я – массой раскрывающегося интересного и нужного и невозможностью сладить с делом. Она

кажется, уезжает завтра или (в) пятницу на целый день и ночь в Лесной. Вчера говорил с Сергеем¹². Шуре¹³ сейчас хуже – ее кажется очень расстроила какая-то тяжелая история с рядом бывшей буйной больной. Сережа¹⁴ с женой¹⁵ сейчас в Гельсингфорсе и, кажется, всё у них хорошо.

Кончаю письмо, так как сейчас нельзя будет отрываться – в 2 часа будет заседание, а в 1¹/₂ я назначил свидание с Зильберминцем, ассистентом Земятченского, который представляет работу для напечатания в Академии.

Нежно целую тебя. Поцелуй всех. Будь осторожна в поездке в Шишаки – но, впрочем, это мое письмо придет поздно. Письма к тебе вышлю завтра. Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

P.S. Если не забудешь, купи в Полтаве дополнение¹⁶ (стоит, кажется, 50 коп.) к словарю полтавских писателей и ученых, выпущенное Павловским¹⁷. Сам словарь у меня есть. Посылаю от тиски своей статьи для Л.А.¹⁸ и Георгия¹⁹.

Оп. 7. Д. 57. Л. 51–52.

¹ М.М. Любошинский.

² См. коммент. 4 к письму 911.

³ Ферсман.

⁴ Ревуцкая.

⁵ П.Е. Старицкий.

⁶ И.Л. Жедринский.

⁷ М.С. Гревс.

⁸ Балавин, инициалы не известны.

⁹ Н.В. Вернадская.

¹⁰ О.И. Алексеева.

¹¹ А.С. Короленко.

¹² С.Ф. Ольденбург.

¹³ Александра Федоровна Ольденбург.

¹⁴ Возможно, С.С. Ольденбург.

¹⁵ Жена С.С. Ольденбурга – Ада Дмитриевна Старынкевич.

¹⁶ Павловский И.Ф. Полтавцы. Иерархи, государственные и общественные деятели и благотворители: Опыт краткого биографического словаря Полтавской губернии с половины XVIII века с 182 портретами. Издание Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава: Т-во печатного дела, 1914.

¹⁷ Павловский И.Ф. Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII века. Полтава: Типо-литография преемников Дохмана, 1912.

¹⁸ Леонид Александрович, фамилия не установлена.

¹⁹ Г.Е. Старицкий.

19 октября 1913 г., С.-Петербург

СПб., 19.X. 913

Дорогая моя Наталочка, пишу тебе среди совершенной сутолоки жизни! Сейчас у меня еще более увеличилось работы и всяких волнений благодаря тому, что вопрос о радиі становится на видное место. Сегодня написал статью для “Русских ведомостей”¹, которая им передастся по телефону и завтра появится там. А утром у меня было интервью в “Вечернем времени”², которое должно появиться – и должно быть появилось – сегодня. Снегиреву я послал подробный расчет. Необходимо иметь на год около 80 000 рублей для того, чтобы поставить дело, и я буду теперь за них бороться. Ведь появилась надежда на излечение рака! Я думаю, что с весны придется организовывать дело широко, и я получу наконец нужные средства.

В лаборатории работа идет систематично и у меня и Ненадкевича видны интересные проспекты для будущего, может быть близкого, но мы с ним всё время переходим от надежд к надежде. Но все-таки любопытно идти в новой области и вдумываться в нее и искать ответы. А сейчас у меня опять пробуждается интерес к математике и кристаллографии!

А затем мне в ближайшие дни надо дать отчет об Америке для Академии³ и свою биографию для академического словаря⁴ и план общего очерка истории Академии за последние 25 лет!⁵

У нас эти два дня было большое волнение. Вчера Ниночка⁶ явилась к обеду с Леной⁷, в доме которой ожидалась скарлатина (у брата оказалась скарлатинная краснуха) и ей нельзя было дома ночевать. А Ниночка привела ее ночевать! Очень было тяжело объясняться с моей прелестной дочечкой; Лену оставили ночевать в кабинете у меня; сегодня Нину не пустил в гимназию, а субботний обед с Адей⁸ и Митей⁹ перенесли к Гуле¹⁰, так как Адя боялся из-за Талочки¹¹. Теперь Лена уехала домой. Очень досадно легкомыслие моей деточки, но она сделала это от доброго сердца и уверенности, что скарлатина второй раз незаразительна.

Вчера у нас обедала Маша Гревс, которая много помогла в этой истории. Я весь подавлен и поражен ее рассказами о Шуре Ольденбург и обо всем их train – даже не тем, что она говорила, а тем, о чем умалчивала! Это так сильно меня охватило, что даже история с Леной менее на меня повлияла. Сейчас Маша рассказывает, что в 7–8 классе Женской гимназии девочки увлекаются Арцыбашевым “У последней черты”, и Шура вся пропитана этой литературой! А в гимназии указывают Ибсена, Мережковского! После разговора с Машей я решил переговорить с Балаевым и

пойду к нему эти дни – завтра переговорю в телефон. Маша думает, что этим разговором я могу повлиять.

Сегодня мы с Ниночкой идем в концерт, а Нюта¹³, Гуля в Религиозно-философское общество. Вчера Ниночка была на Нансене¹⁴, а я свой билет отдал О.Н. Ферсман. Не помню, писал ли, что я обедал у Старицких с Ваней¹⁵ и так далее. Странное впечатление молодая среда – очень кажется милые, аи соигтант¹⁶ кафешантанов, модного спорта, футуристов и в то же время очень лично порядочные. Кити¹⁷ и Марк Алекс.¹⁸ «производит» впечатление скорее хорошее.

Только что Ниночка передала от Маши¹⁹, что Балаев меня просит зайти в пятницу утром. Нинуся, кажется, очень довольна, что я вхожу в ее гимназические интересы.

Завтра обедаю у Оли²⁰, а вечером у Чернышева на концерте. В понедельник обедает у нас Костя Стар.²¹, Сергей²², говорят, заболел и уехал в Выборг – внезапно – он хотел быть у нас сегодня. На меня что-то посыпались почести – выбрали почетным членом в Общество любителей естествознания в Москве. Вчера в “Речи” была статья Гули²³. Читала?

Надо идти с Ниночкой к Гуле обедать. Ниночка просит написать, что пишет тебе письмо и не успела.

Нежно целую тебя. Поцелуй всех.

Твой Владимир

P.S. Ко мне звонил А.И. Гучков – должно быть о радиии.

Оп. 7. Д. 57. Л. 53–54.

¹ Вернадский В.И. О радиевых лучах в России // Русские ведомости. 1913. № 242. 20 окт.

² Радий в России: Беседа // Вечернее время. 1913. 19 окт.

³ Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1913 г. СПб.: 1913. С. 23–24.

⁴ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Пг., 1915. Ч. 1. С. 146–156.

⁵ В связи с празднованием 25-летнего пребывания на посту президента Академии вел. кн. К. Романова (1889–1914) было решено подготовить трехтомное издание “Материалы для истории Академии наук в 1889–1914 гг.”, которое должно было включать биографические очерки действительных членов, обзоры истории академических учреждений, а также очерк истории Академии наук с 1889 по 1914 г. Написание этого очерка было поручено Вернадскому. Подробно о работе В.И. Вернадского над этой темой см.: Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. Ч. III: Из истории Академии наук. С. 202–249 и коммент. к ней. С. 402–424.

⁶ Н.В. Вернадская.

⁷ Лена, подруга Н.В. Вернадской, фамилию установить не удалось.

⁸ А.А. Корнилов.

⁹ Д.И. Шаховской.

- ¹⁰ Г.В. Вернадский.
¹¹ Н.А. Корнилова.
¹² *Арцыбашев М.П.* У последней черти. Мюнхен; Лейпциг: Мюллер, 1914.
¹³ А.С. Короленко.
¹⁴ См. письмо 906.
¹⁵ И.А. Жедринский.
¹⁶ *au courant* (fr.) – быть в курсе.
¹⁷ Кити.
¹⁸ Марк Алекс.
¹⁹ М.С. Гревс.
²⁰ О.И. Алексеева.
²¹ Очевидно, Константин Дмитриевич Старынкевич.
²² С.С. Ольденбург.
²³ *Вернадский Г.* Северный морской путь: К докладу Г. Фритьофа Нансена // Речь. 1913. № 285(2598), 18(31) окт.

№ 914

22 октября 1913 г., С.-Петербург

СПб., 22.X. 913

Дорогая моя Наталочка, пишу тебе опять из лаборатории. Эти дни совсем мало успеваю делать, частью вследствие того, что веду “светский” образ жизни. Третьего дня у Чернышева просидел до 1½ ночи, а ушел одним из первых, сейчас после Фаминцына. Было не безынтересно – я говорил с Андрусовым, который вернулся, с Карпинским и т.п. Была хорошая музыка – прекрасный квинтет Шумана: не знаю, больше ли я начинаю входить в музыку или изменился мой вкус, но Шуман, которого я не любил и который на меня не производил никакого впечатления, теперь мне всё больше нравится.

Пишу тебе под тихий шум, в соседней комнате стоит новый аппарат, из которого струя воды вытягивает воздух и где кристаллизуются у меня соли ниода и того, что я считаю ниодом и танталом, а рядом на водяной бане шипят другие растворы. И в этих звуках улавливаю приятный шум идущей мысли – работы...

Только что говорил по телефону с Ниночкой¹, она вернулась от Кати², несколько усталая. Теперь готовит уроки: вечером мы идем с ней в концерт Долиной, где будут исполняться западно-европейские песни с XI по XVIII столетие. Билеты взяла Елизавета Дмитриевна³, которая пойдет с нами и, может быть, придет обедать. Ньюта⁴ устала, и Ниночка говорит, что она лежит.

Вчера вечером я был у Ивана Ильича⁵, где был барон Ште... W.W.⁶ из Киева – вопрос шел об украинском движении. Я считаю ошибочной и нежелательной постановку вопроса об областной автономии. Допуская самую широкую форму провинци-

альной автономии, все права украинского языка, считая, что его развитие раскроет новые стороны вековой жизни этой родной мне по крови отрасли славянского племени, я в то же время думаю, что вопрос об автономии не может ставиться на национальной почве, а права национальностей должны быть основаны на правах человеческой личности... Обедали у нас вчера Костя⁷ и Гуля⁸. Нюты не было. Гуля скоро ушел. А с Костей был хороший разговор об учении – он увлекается естествознанием – в частности кристаллографией и физической химией. Если он устоит в своих стремлениях, я с удовольствием возьмусь ввести его в эту область. У меня все-таки есть некоторые черты старого профессора – ловца людей. И сейчас мысль работает в этом направлении. Вернулся из Москвы Ферсман и рассказывает, что среди слушателей Университета Шанявского появился молодой, резко выделяющийся человек Богословский, полный интереса и исключительных способностей в области кристаллографии и минералогии. Его поддерживают Вульф и Ольга Мих.⁹ – без всяких средств, из семинарии без права поступления в университет он из чистого стремления к науке, живя впроголодь, учится в Университете Шанявского! Я мечтаю теперь взять его в радиевы работы, если только удастся наладить дело. Таланты редки и их надо беречь и охранять – в них все-таки настоящая, живая, вечная сила нации.

А вопрос с радием вырастает. Знаешь, у меня все-таки досадное чувство, что я тогда не очень протестовал, что мне не дали просимых средств. Если бы в 1911 году мне дали 36 000 руб., а не 10 000, то сейчас мы бы знали, **есть или нет** радиевые руды в России, больше знали, чем теперь. Но так или иначе сейчас надо добиваться. Саркома и рак – эти ужасы – мы подходим к борьбе с ними и надо добыть средства борьбы. “Русские ведомости” ведут сейчас энергичную кампанию. К сожалению, моя статья в них безобразно испорчена – напечатали “О радиевых лучах в России” вместо “О радиевых рудах в России”¹⁰! Я писал уже Мануйлову и объяснялся с Аркаданским. Сегодня утром у меня был интервьюер “Дня” и завтра появится мое интервью в “Дне”¹¹. В “Вечернем времени”¹² оно было в субботу. Хочу завтра или послезавтра написать статью в “Речь”¹³.

Твои письма пойдут заказным только завтра – также и мои оттиски о высшем образовании¹⁴. Эти дни были праздники и никак не смог поймать сторожей. А по поводу моих писем о высшем образовании получил целое письмо из Пулкова от академика Белопольского, поднимает вопрос об аристократизме науки, отвечает мне¹⁵. Придется ему отвечать.

Мысль работает хорошо, но как-то мало успеваю делать. Сегодня после интервью с Ферсманом и Крыжановским просматривал новые поступления и покупки минералов в музей, затем около 2 часов работал с Ферсманом над исследованием ортитов из Верхотурья – делали проекции. Затем пришел сюда. А здесь идет все медленно, медленно и не знаю, как и когда выберусь на открытую дорогу. Кажется вдали мелькает огонек, но столько их обманчивых!

Гуле дал 29 руб. на зубы. О шубах ничего не слыхал. Придется дать 100 руб. Линденеру, он совсем в тисках (занял деньги под 20%!). Деньги у меня есть – да теперь и за статьи получу. В Чернигов Модз.¹⁶ напишу должно быть завтра или в четверг. Не знаю, должен ли я предпринимать какие-нибудь шаги у Цейдлера?

Гулька не только взял 29 (руб), но купил книгу, которую ему хотелось иметь (Историю русской этнографии Пыпина)¹⁷ за 8.50 и перепродал мне, желая покупать книги дальше. Он кажется работает всё лучше и крепче.

Нежно целую тебя. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Надо кончать, так как сейчас придется следить за работой – нельзя будет отходить от тяги.

Конечно, “Бутово” или “Бутово-Вернадское” прекрасно¹⁸.

Оп. 7. Д. 57. Л. 55–56.

¹ Н.В. Вернадская.

² Е.С. Кавос.

³ Ревуцкая.

⁴ А.С. Короленко.

⁵ Петрункевич.

⁶ Фамилия написана сокращенно и неразборчиво.

⁷ Константин Дмитриевич Старынкевич.

⁸ Г.В. Вернадский.

⁹ Ольга Мих. – фамилия не установлена.

¹⁰ См. коммент. 1 к письму 914.

¹¹ Месторождения радия в России: Беседа с корр. // День. 1913. 23 окт.

¹² Радий в России: Беседа с корр. // Вечернее время. 1913. 19 окт.

¹³ Источники радия и мезотория // Речь. 1913. 28 окт.

¹⁴ Вернадский В.И. Письма о высшем образовании в России // Вестник воспитания. 1913. № 5. С. 1–17.

¹⁵ В письме от 18 октября 1913 г. из Пулково Аристарх Аполлонович Белопольский писал В.И. Вернадскому: «С интересом прочел Ваши “Письма” и позволю себе с извинениями высказать по поводу прочитанного свои впечатления. Я не могу согласиться с главным Вашим положением, что наука и образование в настоящее время начинают демократизироваться.

Мне кажется, наука (искусство, знание) есть нечто в высшей степени аристократическое – это идеал, к которому стремится бессознательно масса – дemos и долго это стремление не сознается, хотя невидимо и прогрессирует. Ведь

всякое творчество требует оценки и эту оценку и в древние и в средние века творцы идей находили никак не у демоса, а именно у аристократии – у людей, успевших наследственным, преемственным путем (путем эволюции) достигнуть состояния духа, способного воспринимать идеи творчества. Замечательные идеи и произведения вдохновенного творчества Западной Европы были поддержаны и оценены меценатами аристократии (Греция, Италия). В Англии наука нашла прибежище в аристократических колледжах. Во Франции расцвет наук создан при последних королях в расцвет аристократии, до вступления во власть демократии. Демосу больше было свойственно разрушать, чем создавать. Если в конце XIX и начале XX веков демос начинает чувствовать потребность в знании, в знании чистом без утилитарианства, то это есть признак его аристократизации. Таким образом, если признать прогресс в нравственном развитии толпы (демос), то, по-моему, его справедливее назвать аристократизацией демоса, чем демократизацией науки. Нужно надеяться, что этого рода эволюция и имеет теперь место, а не та, которая именуется регрессом. Мы приветствовали за Дарвиным эволюцию в переходе от простого к сложному (от “обезьяны к человеку”, от простого мужского к сложному женскому организму; от бесформенной туманности к гармоничной сложной системе миров) и отрицали бы обратный ход, т.е. то, что Вы назвали демократизацией. Простите, если мои мысли Вам покажутся слишком чуждыми. Ход развития их, начиная с университетской скамьи до сего времени, т.е. в течение 40 лет, был вне влияния современной общественной жизни, а потому мои возражения могут Вам показаться дикими... » (Ф. 518. Оп. 3. Д. 16. Л. 1–2).

¹⁶ Очевидно, Вадим Львович Модзалевский.

¹⁷ *Пыпин А.Н.* История русской этнографии: В 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890–1892.

¹⁸ Фраза вписана наверху слева листа 55. В письме от 18 октября 1913 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала В.И. Вернадскому: “Прелестное это местечко. Я теперь гораздо лучше разглядела его, благодаря осени и отсутствию зелени. Вообще очаровательная наша усадьба. Все решительно зовут ее **Бутово**. Глас народа – глас Божий! По-моему, нужно звать ее Бутово. Купленная нами горка – Бутово, по которой зовется вся местность Бутовой! Что же ты думаешь?” (Ф. 518. Оп. 3. Д. 276. Л. 146–146 об.).

№ 915

23 октября 1913 г. [С. -Петербург]

23.X. 913

Дорогая Наталочка, пишу тебе два слова от Петрункевичей, где мы сейчас с Ниночкой² очень хорошо провели вечер. Вчера тетьа Дуня³ звонила в большом возбуждении, рассказав о телеграмме, вызвавшей ее в Полтаву. Она решила было ехать в четверг или пятницу, но сейчас мне звонила от нее Катя Кавос сказать, что она лежит, маленькая у нее инфлюенца, и доктор не советует ей выходить. Я пишу эти несколько слов тебе скорее, так как она боится, что ее телеграмма может быть неверно понята. У нее ничего серьезного нет – но ей конечно не следует ехать при нездоровье.

Нежно целую тебя. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Только что звонил Родичев из Думы – вносят законопроект о 100 000 руб. на радиевые исследования Академии наук в связи с моими интервью⁴.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Келенский пр., д. Янович, Полтава.

Оп. 7. Д. 57. Л. 57.

¹ Место написания установлено по штемпелю на открытке.

² Н.В. Вернадская.

³ Е.И. Голицына.

⁴ См. коммент. 1 к письму 913 и коммент. 11, 12, 13 к письму 914.

№ 916

4 декабря 1913 г., С.-Петербург

СПб., 4.XII. 913

Дорогая моя Наталочка!

Вчера просил Нюту¹ послать тебе письма. Сам не хотел писать, так как не писать о Ниночке² не мог, а волновать тебя не хотел. Сегодня все выяснилось и Ниночка здорова, хотя я ее в гимназию не пустил. Дело было вот в чем. Вернувшись из Геологического комитета, я вчера застал Ниночку несколько взволнованной – у нее сильно болело ухо, и она несколько чувствовала себя не по себе. Но уже к обеду ей было много лучше, и она вчера вечером занималась. Сегодня я ее из предосторожности не выпустил, и она веселенькая завтракает сейчас и занимается.

Сейчас я иду в Академию. Все время завален работой. Знаешь, какая неприятность – я не знаю, куда ты дела вырезки из газет для 1913 года по высшему образованию и сами газеты, нигде не могу найти части твоей работы. У меня только есть часть того, что ты еще не брала для работы. А между тем я должен сдать статью завтра-послезавтра. Очень это неприятно и неудобно. Совершенно не могу себе представить, где это у тебя?

Твое письмо к Як. Андр.³ мы с Ниночкой, обсудив, решили не посылать, так как оно так написано, что внесло бы путаницу. Сегодня я переговорю с Я.А. сам – а его пришлось сегодня пригласить, так как он был не предупрежден и оставил свободное время. Ниночка была всем этим очень огорчена, но взяла себя в руки. Очень жаль, что ты не сделала и не устроила это до отъезда, но ничего не поделаешь.

Сейчас ухожу – масса работы – не знаю, как справлюсь. А тут еще возиться с Ненадкевичем, который и болен и находится в тяжелом настроении.

Нежно целую тебя. Поцелуй Марию Ивановну⁴, Маку⁵, Ничку⁶.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 57. Л. 58–59.

¹ А.С. Короленко.

² Н.В. Вернадская.

³ Як. Андр., фамилия не установлена.

⁴ Старицкая.

⁵ М.Е. Старицкая.

⁶ Н.Е. Жедринская.

№ 917

4 декабря 1913 г., [С.-Петербург]¹

4.XII. 913

Дорогая моя, сегодня утром послал тебе письмо, а теперь пишу несколько слов, чтобы сказать, что нашел твои вырезки для статьи о высшей школе, уже ими воспользовался и прочел. Нашла Ньюта². Очень тебя благодарю за аккуратность. Кроме них, еще столько же было не наклеенных и вырезанных. Мне кажется, у меня статья будет интересная³.

Сегодня переговорил с Я.А.⁴ Он будет приходить через неделю. За урок – дешево – 3 руб. Он доволен Ниночкой⁵.

Нежно целую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 57. Л. 59 а.

¹ Письмо написано в Петербурге, что следует из его содержания.

² А.С. Короленко.

³ *Вернадский В.И.* Высшая школа и научные организации // Ежегодник газеты "Речь" на 1913 г. СПб., 1913.

⁴ Я.А., вероятно Яков Андреевич, фамилия не установлена.

⁵ Н.В. Вернадская.

№ 918

7 декабря 1913 г., С.-Петербург

СПб., 7.XII. 913

Дорогая моя Наталочка, эти дни совершенно затуркался и не писал. Едва справляюсь со всякими делами, а тут еще приходится видеть много народа. Кончил статью для ежегодника "Речи" о высшей школе в России в 1913 году¹. Мне кажется, что мне удалось затронуть интересные вопросы (о студенчестве). Я диаметрально

не согласен с Сергеем², читал ему отрывки – он не согласен, но находит интересными. Сегодня суббота – но у нас были только Гуля² с женой³ и Паша⁴ – Сергей лежит и Адя⁵ оказывается также болен. Сегодня было заседание Академии: выбирали академиком сверхштатным П.Г. Виноградова! Я попал сегодня в комиссию междуправительственную по вопросу о создании национального музея в Москве – новая работа. Сегодня ко мне явился Лутугин от имени группы Совета Вольного экономического общества предлагать мне быть президентом Вольно-экономического общества. Я, конечно, отказался самым решительным образом.

Мы были как-то у Оли⁶. Она очень нехорошо выглядит и так тяжела ее жизнь. Сегодня у нее Нюта⁷ вечером, но Оля как-то странно отнеслась к ее желанию приехать – сперва отказала, а потом сказала, что Нюта узнает у швейцара, примет ли ее Оля, но чтобы она непременно приехала. А между тем в четверг она говорила о самоубийстве (по поводу нашей Надежды Константиновны⁸) очень странно. Всё это очень тяжело.

В субботу Елизавета Дмитриевна⁹ взяла билеты для нас с Ничкой¹⁰ и Нютой на концерт Ландовской, туда оказывается идет и Гуля. Сейчас его жена в большом волнении. Она недовольна Морским, хочет менять, боится, не решается и всячески встревожена. Доломанова ее отговорила и наговорила на Морского и т.д. В общем она в чрезвычайном затруднении. Я вчера слышал ее пение и очень был удивлен – у нее **очень** приятный голос, чего никак нельзя было ожидать по тембру ее разговора. Знаешь, мне открылась новая сторона в жизни Гули – я думаю, что голос Нины и ее музыкальность играли и играют огромную роль в их сближении, и я как-то больше понял их совместное сближение. Голос у нее несомненно очень хороший – не знаю, насколько сильный.

Всю эту неделю у нас сутолока – завтра вечером мы у Петрункевичей, завтра днем я с Елизаветой Дмитриевной делаю корректуры, которые страшно сейчас трудные и без Ревуцкой я никак не мог бы справиться. В понедельник у меня обед – приехал Сергей Платонович¹¹ из Новой Александрии – будут он, Елизавета Дмитриевна, А.Е. Орловский, может быть, Ненадкевич или Линденер. Ненадкевич всё еще нездоров. Во вторник вечером у нас Лаппа¹². В четверг обед, где будут Дьяконов, Гуля, Иван¹³, в субботу концерт Ландовской. А в промежутке масса спешных дел – доклад о Ломоносовском институте¹⁴ (Кассо задержал и Чернышев считает дело для этого года пропавшим), затем приходится готовить статью для “Русских ведомостей”¹⁵ и отделявать первую главу для “Русской мысли” моих очерков по истории науки¹⁶ и свою автобиографию для академического словаря¹⁷. А я как-то забыл все вехи своей жизни, путаю года.

Сегодня был у меня Н.Фед. Михайлов – сговорились, и я отказался от хроники высшей школы – как и раньше ему это говорил. Буду продолжать мои “Письма о высшей школе”¹⁸. Сегодня решительно отказался дать статью о Г.Н. Вырубове для “Русской мысли”. Любопытная и интересная фигура, но я не могу сказать о нем одно хорошее. Фигура странная, но очень недюженная. Уговорил Струве поручить ее Агафонову, от которого имею тяжелое письмо: его материальное положение трагическое. Теперь он жалеет “Речь”, когда должно быть поздно.

У меня был как-то Д.И. Иловайский. Он думал, что я обиделся за его письму. Какие странные люди!

Ниночка молодцом, моя драгоценная. Вести ее к доктору нет надобности – она совсем здорова. А на ухо она исключительно обращает внимание из-за твоего воспитания и воспоминания о скарлатине. Вчера она была в Сестрорецке и вернулась восхищенная.

Нежно и горячо тебя обнимаю. Поцелуй Нину¹⁹, Маку²⁰, Марию Ивановну²¹, Георгия²².

Паша читал твое письмо. Он в бодром, хорошем настроении.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 57. Л. 60–61.

¹ См. коммент. 3 к письму 917.

² С.Ф. Ольденбург.

³ Г.В. и Н.В. Вернадские.

⁴ П.Е. Старицкий.

⁵ А.А. Корнилов.

⁶ О.И. Алексеева.

⁷ А.С. Короленко.

⁸ Надежда Константиновна, личность установить не удалось.

⁹ Ревуцкая.

¹⁰ Н.В. Вернадская.

¹¹ Попов.

¹² Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский.

¹³ И.М. Гревс.

¹⁴ См. коммент. 3 к письму 903.

¹⁵ *Вернадский В.И.* Высшая школа перед 1914 годом // Русские ведомости. 1914. № 1, 1 янв.

¹⁶ *Вернадский В.И.* Очерки по истории естествознания в России в XVIII веке // Русская мысль. 1914. № 1. С. 1–23.

¹⁷ См.коммент. 4 к письму 913.

¹⁸ *Вернадский В.И.* Высшая школа в России // Ежегодник газеты “Речь” на 1914 г. Пг., 1914. С. 303–325.

¹⁹ Н.Е. Жедринская.

²⁰ М.Е.Старицкая.

²¹ Старицкая.

²² Г.Е. Старицкий.

10 декабря 1913 г., С.-Петербург

СПб., 10.XII. 913

Дорогая моя Наталочка, сегодня мы были несколько встревожены телеграммой вчерашней твоей с Ниной¹, которую Паша² вчера прозвонил около 11 ночи. Сегодня он не сообщил нам благоприятных телеграмм до моего возвращения к обеду, когда я сам позвонил ему и немного с ним поссорился за невнимательность. Я ему тоже советовал заканчивать спокойно его дела, он сейчас представителем Морского министерства в очень важной комиссии о металлическом голоде. Завтра утром начинается приемка коллекции Кочубея. Очень подвигается теперь вопрос о радиевых суммах. Есть полное согласие Коковцова³: таким образом начнется новое дело, и я смотрю вперед с некоторой опаской, но спокойно. Это время как-то очень завалено работой. Сегодня закончил начало своей статьи в “Русской мысли”⁴ – то, что ты читала, отдал. Завтра отвезу или пошлю в “Русскую мысль” Мне кажется, кое-что удалось, но очень много повторяется, но сейчас отделать иначе нет времени, да и вообще не смогу.

Нюта⁵ пошла сейчал в заседание. Ниночка⁶ рядом учит наизусть какие-то французские басни. Жду к себе Лаппу и Гулю⁷.

Нежно и горячо целую тебя, Нину⁸, Маку⁹, Марию Ивановну¹⁰. Пожалуйста, будь осторожна. Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, кв. М.И. Старицкой, Келенский пр., 25, **Полтава**.

Оп. 7. Д. 57. Л. 63.

¹ Н.Е. Жедринская.

² П.Е.Старицкий.

³ Владимир Николаевич Коковцов в это время был министром финансов (1904–1914).

⁴ См. коммент. 17 к письму 918.

⁵ А.С. Короленко.

⁶ Н.В. Вернадская.

⁷ Г.В. Вернадский.

⁸ Н.Е. Жедринская.

⁹ М.Е.Старицкая.

¹⁰ Старицкая.

12 декабря 1913 г., С.-Петербург

СПб., 12.XII. 913

Дорогая моя Наталочка, только что ушли Иван¹, Гуля², Дьяконов, которые обедали. Было как-то не очень интересно, немножко kleinbürgerlich³ в разговоре. Сегодня вечером у Нюты⁴ будут Чертков и толстовцы – я должно быть не выйду, не в очень большом расположении – будет Нюта играть. Ниночка⁵ и Нюта здоровы. Я как-то не могу войти в колею с своей работой, ничего не успеваю и время как-то расходуется. У нас идет энергичная приемка коллекции Кочубея, но я мало в ней участвую. Главная работа лежит на Ферсмане и его товарищах. Паша⁶ уезжает завтра вечером, собственно говоря ему еще надо было остаться, но ваши телеграммы такие неясные, что я согласен с ним, что при их наличности лучше ему выехать, тем более, что и сам он рвется в Полтаву.

Я постараюсь завтра достать денег тебе из Академии, и ты выходи В.С.⁷, – я из своих не могу сейчас. Я получил из “Речи” 43 руб. и 100 руб. из “Русской мысли” А ты ведь ничего не оставила: что-то говорил кто-то, что ты оставила Гуле, но я не знаю и забыл его спросить. Я думаю, что сейчас должны выдавать, а затем 20. XII можно будет получить. “Русские ведомости” упорно молчат и не высылают.

Конечно, неизвестно, как всё сложится, но я чувствую большую потребность в отдыхе. Очень устал. Может быть дней на 5–6 уеду куда-нибудь с Ниночкой – должно быть около 1 января – в Псков – Новгород или Або – Гельсингфорс. Отложил свой доклад в Минералогическом обществе на после Рождества – взялся прочесть Андрусов.

Сейчас может быть в связи с тем, что сдавал и отделявал статью для “Русской мысли” – очень поглощен XVIII веком⁸. А надо было бы другое. Но даже, если внешне будешь хозяином своей мысли, внутри будет идти другая работа.

Нежно и горячо целую тебя. Поцелуй всех наших.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне Вернадской, квартира М.И. Старицкой, Келенский пр., д. Янович, 25, Полтава⁹.

Оп. 7. Д. 57. Л. 62.

¹ И.М. Гревс.

² Г.В. Вернадский.

³ Kleinbürgerlich (нем.) – мелкобуржуазный.

⁴ А.С. Короленко.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ П.Е. Старицкий.

⁷ В.С., личность не установлена.

⁸ См. коммент. 17 к письму 918.

⁹ Адрес исправлен: "С.-Петербург, Васильевский остров, 14 линия, д. 68, кв. 5"
Очевидно, Н.Е. Вернадская вернулась домой.

№ 921

14 декабря 1913 г., [С.-Петербург]¹

14.XII. 913

Дорогая моя Наталочка,
это письмо, вероятно, придет позже приезда Паши², который сегодня выезжает. Ваша телеграмма его едва ли здесь сейчас задержит. Пишу тебе несколько слов перед уходом на концерт. У нас суббота, но обедали только Гуля³ с женой⁴ и Всеволод Кудрявцев, который очень просил тебе кланяться. Сергей⁵ и Адя⁶ простужены и больны, а Паша должно быть был на заседании. Сейчас Нина – Гулина жена пошла за Катей Гревс, которая тоже идет в концерт, Гуля с Ниночкой поехали за ее очками, у Нюты⁷ сейчас Довоман и какая-то певица (хорошая) – репетиция – но я боюсь, что Нюта опоздает к Ландовской. Вчера Сергиев нашел у Ниночки небольшое ухудшение близорукого глаза, другой он решительно считает нормальным. Очки оставил те же, так как у нее оказались обе пары очков сломанными, я решительно настоял, чтобы Нина поехала их взять сегодня же. Он нашел, что расстояние между глазами увеличилось на 2^{mm} (?). Ездил с Ниночкой Нюта, и обе они говорят то же самое.

Денег тебе не высылаю, так как получу только 20-го. Из "Русских вестей" прислали что-то исключительно много, гораздо больше платят, чем в "Речи" – больше 80 рублей за эти две статьи. Но эти деньги тебя бы не устроили. Возьми сейчас у Паши (мы с ним так и сговорились) рублей 200, а я после 20-го могу сейчас их прислать.

Сейчас опять увлекаюсь своими "Очерками по истории естествознания в России"⁸, много является мыслей и начинаю сводить работу. В этом отношении полезно помещение в "Русской мысли"⁹, так как иначе, думаю, никогда бы не обработал "Очерки" В лаборатории всё время работа шла плохо и только сегодня я хорошо работал.

Завтра вечером у меня собираются мои минералоги. Был сегодня не очень приятный разговор с Ненадкевичем, которого не хочется огорчать, но никак нельзя. Он все хотел мне объяснить, почему он не хочет быть завтра, но я ему говорил, что убеждать

его не хочу и не могу, но с его эгоизмом не согласен и считаю его ложным. В конце концов – *deux coqs*¹⁰ – он и Ферсман...

Получил приглашение в организационный комитет 1-го Всероссийского съезда по раковым болезням! Вот уже никак не мог думать, что когда бы то ни было попаду в такого рода дела. Сейчас начнется у меня довольно горячая работа с организацией радиевых исследований. Будет очень нелегко. Звонила вчера Анна Сергеевна¹¹: оба ее сына хотят ехать, не знаю, удастся ли их устроить.

Надо кончать и идти.

Нежно и горячо целую тебя. Поцелуй Нину¹², Георгия¹³, Маку¹⁴, Пашу, Марию Ивановну¹⁵. Передай Марин Ивановне, что я с большой и глубокой любовью о ней все время думаю.

От Маки получил очень важное письмо (отчего она мне пишет Вы?). Постараюсь сделать для ее protégé¹⁶, что могу.

Нежно целую.

Твой Владимир

Андрусов меня спас – вместо меня делает доклад в Минералогическом обществе. А я буду делать доклад о радиации после Рождества. Переработаю то, что говорил в Москве.

Оп. 7. Д. 57. Л. 64–65.

¹ Письмо написано в С.-Петербурге, что следует из его содержания.

² П.Е. Старицкий.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ С.Ф. Ольденбург.

⁶ А.А. Корнилов.

⁷ А.С. Короленко.

⁸ *Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988.

⁹ См.коммент. 17 к письму 918.

¹⁰ два петуха (фр.).

¹¹ Милюкова и ее сыновья: Сергей Павлович и Николай Павлович.

¹² Н.Е. Жердинская.

¹³ Г.Е.Старицкий.

¹⁴ М.Е. Старицкая.

¹⁵ Старицкая.

¹⁶ Протеже (фр.), пользующийся покровительством.

№ 922

16 декабря 1913 г.; С.-Петербург

С.-Петербург, 16.XII. 913

Дорогая моя Наталочка, у нас в общем все сейчас благополучно. Ниночка¹ пошла на репетицию по геометрии; вчера она позже легла и вообще завоевала теперь более позднее окончание

дня. Да она уже и большая и хорошо занимается и думает. Мне очень бы хотелось с ней уехать на несколько дней или в Або-Гельсингфорс или в Псков – Новгород. Может быть 31.XII–6.1. 8-го и 9-го января у меня важные заседания. А тут я вдруг получил письмо от Кассо, в котором он пишет, что в начале января он хочет созвать совещание о ради и спрашивает меня, согласен ли я на нем быть! Я отвечаю сегодня, что вполне готов, но прошу известить заранее, так как думал уехать на несколько дней в январе. Как-то ничего не успеваю сделать и это очень тяжело.

Очень тяжело и состояние настроения Ненадкевича, который меня очень беспокоит. Сегодня окончательная приемка коллекции Кочубея: всё оказалось в целости, кроме пропавшего ящика. С коллекцией Кочубея и организацией радиевой экспедиции вся работа нашего музея принимает иной вид, и я не знаю, как мы со всем этим справимся.

Начал было писать тебе на этой закрывке и вдруг увидел, что опять пишу мелко, а нет места для дальнейшего. Напишу больше завтра или сегодня же.

Нежно целую тебя и всех.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**. квартира **М.И. Старицкой**, Келенский пр., 25, **Полтава**².

Оп. 7. Д. 57. Л. 66.

¹ Н.В. Вернадская.

² Адрес исправлен: "С.-Петербург, Васильевский остров, 14 линия, д. 45, кв. 5"
Очевидно, Н.Е. Вернадская вернулась домой.

№ 923

2 февраля 1914 г., Выборг

Выборг, 25.II. 914

Дорогая моя Наталочка, как я писал вчера Нинуле¹, я попал не в "Carelin" (где все было занято), а в Hôtel "Continental". Адрес: Выборг, Hôtel "Continental" Устроился хорошо, тихо. Гуляю и работаю. Сделал меньше, чем думал, кое-что из нужного забыл. Чувствую себя хорошо.

Нежно вас всех моих дорогих обнимаю.

Твой *Владимир*

Адрес: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский остров, 14 линия, 45. **Петербург**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 1.

¹ Н.В. Вернадской.

27 марта 1914 г., С.-Петербург

СПб., 27.III. 914

Дорогая моя Наталочка, вчера не успел тебе написать и пишу сегодня утром. Вчера у меня был тяжелый день. Утром до 2 часов я был в лаборатории, где меня сильно донимали телефонами [вечером] был в таможене – получал токарный станок). В 2 1/2 – комиссия по Музею и Ломоносовскому институту, и хотя я пришел минут на 5 позже, за мной уже посылали. Кончилась комиссия в 6 3/4 вечера! В общем мы закончили эту первую стадию. Министерство народного просвещения демонстративно нас поддерживало. Но мы разошлись с представителями Государственного контроля и Министерства финансов – не сошлись на площадях квартир. Для академиков настаивали 80 кв. сажень. Я в общем считал бы достаточной и те 70 кв. сажень, на которые соглашались представители ведомств, но Голицын и Вальден уперлись: выяснилось, что в Министерстве народного просвещения давно установился обычай, что всегда должность IV класса (ректора университетов, директора [музеев] и т.д.) имеют квартиры 70–80 кв. сажень, и они считали невозможным понижать квартиры академиков-директоров музеев (то же IV класса!). Затем уже по моему настоянию мы не согласились на слишком большое сокращение площади квартир лаборантов и ассистентов. Во всяком случае, дело двинуто, и, если пойдет все гладко, то через 5 лет будет всё закончено!

Вернулся домой, пообедал и отправился в музей, где меня ждала Елизавета Дмитриевна¹. Мы с ней заканчивали проверку работ Еремеева, биографический очерк которого я вчера закончил в лаборатории, где среди работы вел корректуры и переписку. Оттуда надо было ехать на ужин Лучицкого. Немного не окончили с Елизаветой Дмитриевной, но я спешил скорее в ресторан, опоздал на 1/4 часа, а ждал ужина и Лучицкого с К^о почти час! Разговаривал с Кауфманом, Андрусовым и т.д. Довольно-таки это было бестолково.

— — —

Лаборатория

Кончаю здесь среди работы. На ужине было скучновато. Гуля² нашел, что ничего не дурно, но мне было скучно. Ушел с Сергеем³ раньше и попал домой в 1 1/2 ночи!

Дома не очень хорошо. Ньюта⁴ была у Арронета – он нашел, что затронута правое легкое. Я не был с Ньютой и говорил по телефону, потом с Арронетом: он находит, что небольшой катар в

верхнем правом легком. Надо очень быть осторожной, прописал режим, гвоякол⁵... Вчера Нюте было хуже, и температура была около 38°, и она была слаба, плохо спала, сегодня утром она говорила, что температура нормальная. Арронет настаивает, чтобы Нюта лежала в постели, пока температура⁶ повышенная. Есть основание думать, что это инфлюенца, так как и я сейчас себя плохо чувствую, охрип и т.д., и Ниночка⁷ жалуется, и Прасковья Кирилловна⁸. Арронет очень советует Нюте вести более правильный и тихий образ жизни, находит, что нужно поднять питание. Лето в Полтавской губернии находит очень хорошо. Прописал и мышьяк.

Вчера мне говорил Гамбаров, который страшно постарел, что Петрушевский официально утвержден профессором в Политехникуме, странным образом с 1 июля; получена уже и официальная бумага. Я очень рад за него, если успею, ему напишу.

Сюда приехала Анна Руф.⁹, сегодня она и Елизавета Дмитриевна у нас обедают. Вечером у меня Грушевский. Как-то я совсем не смогу справиться с <о> временем.

Нежно целую.

Твой *Владимир*

Целую всех наших и Марии Ивановне¹⁰ самый нежный привет.

Оп. 7. Д. 58. Л. 2–3.

¹ Ревуцкая.

² Г.В. Вернадский.

³ С.Ф. Ольденбург.

⁴ А.С. Короленко.

⁵ Название лекарства: гвоякол.

⁶ “Температура” в тексте письма обозначена – “t°”

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ Казакова.

⁹ Личность установить не удалось.

¹⁰ Старицкая.

№ 925

30 марта 1914 г., С.-Петербург

СПб., 30.III. 914, утро

Дорогая моя Наталочка, так тяжело должно быть теперь тебе в Полтаве¹. И в то же время ясно чувствуется, что мы с тобой подошли к той грани жизни, где окончательно уходит предшествовавшее нам поколение, и мы стали на очередь конца жизни. И если мы прожили жизнь сознательно, дали всё, что нам она могла

поставить на испытание, то мы должны и здесь отнестись к ее велениям спокойно и сознательно. Уход поколения перед нами не может сейчас не считаться неизбежным и вполне оправдываемым жизнью. Конечно, отсюда не вытечет, чтобы его было легко пережить и мало изменится чувство, но легче с ним примириться.

Я очень потрясен самоубийством молодого Семенченко: как-то нельзя примириться с этим фактом безумного легкомыслия. Ты знаешь, что мое отношение к самоубийствам молодежи находится в резком противоречии с тем, что сейчас переживается в обществе. Для меня это лица, память о которых не возбуждает во мне ничего, кроме самых отрицательных переживаний; культа самоубийц я не понимаю: считаю, что в подавляющем большинстве уходят из жизни люди низшей расы и что может быть в конце концов и лучше, что они ушли, ибо они были бы в жизни вредны или не нужны. Но мне глубоко жаль окружающих и всегда есть сомнение, не было ли совершено самоубийство в припадке болезни, каким, например, было самоубийство молодого Фаусёка, болезни минутной и недолговечной. Мне кажется, самоубийство молодых не есть случайное явление и не связано только с жизнью нашего общества. Оно тесно связано с ростом культуры, с появлением в общественной среде людей с огромным нравственным и здоровым чувством общественности, проникнутых чувством жизни и ее осознанностью. Всегда при этом появляются и люди обратного направления, для которых недоступно чувство жизни, которые лишены любви к ближним и из которых формируются ряды самоубийц и профессиональных преступников. При росте целого, при отклонении – исключительном – в одну сторону, идут и отклонения и в другую. Таланты и гении имеют противовес в кретинах и идиотах. Люди, творящие жизнь общества и проникнутые ее чувством, имеют себе противовесом те кадры, откуда формируются самоубийцы. А всё же очень трудно примиряться в отдельных конкретных случаях и всегда остается вопрос о непреложности данного фатума...

Вчера был Ушинский и внимательно отнесся к Нютиной² болезни. Он в общем подтвердил диагноз Арронета. Нашел, что в верхушке правого легкого процесс закончился и уже зарубцевавалось, в левом же процесс еще идет, с этим он связывает повышение температуры³. Ничего угрожающего он не видит, находит у Нюты сильное малокровие, советует усилить питание, советует ввести мясо, первое время покойную жизнь, прогулки, теплые ванны 2 раза в неделю, мышьяк и лучшее питание. Организм считает здоровым.

Ниночка⁴ себя чувствует недурно; сейчас она поздно встала и читает газеты и физику.

Я чувствую себя так себе. Простуда еще не прошла, но я надеюсь скоро пройдет, так как сегодня мне лучше. Совершенно задавлен набранной работой.

Не помню, писал ли тебе, что у меня был целый вечер М.С. Грушевский. Мы с ним очень много и хорошо говорили, и я надеюсь, что у нас завязалась связь надолго.

Нежно тебя и всех наших целую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 58. Л. 4–5.

¹ В Полтаве тяжело болела мать Наталии Егоровны Мария Ивановна Старицкая, которая скончалась 12 апреля 1914 г.

² А.С. Короленко.

³ “Температура” в тексте письма обозначена – “t”

⁴ Н.В. Вернадская.

№ 926

31 марта 1914 г., С.-Петербург

СПб., 31.Ш. 914

Дорогая моя Наталочка, часто и мыслью и сердцем с тобою. Мне кажется, ты переживаешь сейчас не только Горе – но и какое-то торжественное чувство. Странно, это Горе, в этой обстановке имеет черты, которые не делают его особенно тяжким по бессмысленности. Здесь есть элемент сознаваемой естественности...

Сейчас у нас как-то не очень ладно. И Ньюта¹ сегодня не очень хорошо себя чувствует; температура не очень высокая – 37,3 – 37,4 и плохо спала. И я порядочно расклеился, температура пустяшная – 37,1, но плохое самочувствие и хриплю. Я сегодня не выходил и не выйду, должно быть завтра. А в четверг я должен читать² на раковом съезде³!

Сегодня у меня целый день разные люди – были Отоцкий и Ярилов в связи с почвенными делами. Сейчас какое-то нервное настроение и во всех обществах поднимается волна ссор, на почве “борьбы за права”. Затем сейчас был Данша – директор лаборатории радиевой в Варшаве, обедала Елизавета Дмитриевна⁴, с которой у меня была работа. А во время обеда явился “Доря” Дейш – теперь инженер-гидравлик. Новое поколение выросло.

Ниночка⁵ сейчас сидит читает и отдыхает. У нее была репетиция по физике, а завтра рукоделие и русский. Она сейчас ничего, но мне кажется, и у нее есть маленькая инфлюэнца.

Нежно тебя обнимаю и всех вас, мои дорогие.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, квартира М.И. Старицкой, Келенский пр., 25, **Полтава**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 6.

¹ А.С. Короленко.

² *Вернадский В.И.* О нахождении радиевых руд в России // Труды "Первого Всероссийского съезда по борьбе с раковыми заболеваниями". Пг., 1915. С. 313–314.

³ Первый Всероссийский съезд по борьбе с раковыми заболеваниями проходил в С.-Петербурге с 31 марта по 3 апреля 1914 г.

⁴ Ревуцкая.

⁵ Н.В. Вернадская.

№ 927

2 апреля 1914 г., С.-Петербург

СПб., 2.IV. 914

Дорогая моя Наталочка, сегодня я вышел после двух дней сиденья. Моя инфлюенца прошла, осталась некоторая слабость. Было заседание Академии, сейчас после обеда поеду в Докучаевский почвенный комитет.

Ниночка¹ сегодня идет к Малаховой, какой-то подруге, где она не была. По-видимому, сейчас усердно их подгоняют. Сегодня они были в гимназии Гедды, где им показывали опыты по оптике, которые не были показаны в гимназии.

Нюточке² сегодня опять хуже. Может быть мы напрасно ее выпускали на воздух – сейчас очень скверная погода – ясная с ветром, идет лед. Сегодня у нее температура до 37,8 и слабость. Она страстно хочет выздороветь для своих музыкальных дел и исполняет всё. Так это всё тяжело. Если ей не будет лучше, завтра буду говорить с Ушинским.

От Оли³ (которая хотела сейчас к нам приехать) я узнал, что ты была нездорова. Отчего ты нам не написала. Это так нехорошо. Можно было догадываться по твоим письмам, но этого делать не надо.

Так все тяжело кругом, но я как-то ярко чувствую силу и смысл (хотя мне он для жизни не нужен) жизни, и тяжесть ее меня не тяготит.

Хозяину сказал об отъезде. Саша Зарудный будет у меня завтра.

Нежно всех целую.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, кв. М.И. Старицкой, Келенский просп., 25 (д. Любощинского), **Полтава**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 7.

¹ Н.В. Вернадская.

² А.С. Короленко.

³ О.И. Алексеева.

№ 928

3 апреля 1914 г., С.-Петербург

3.IV. 914, СПб.

Дорогая моя Наталочка, сегодня я говорил утром на раковом съезде¹ – не знаю как. На съезде очень сильное течение против лечения радием и рентгенизацией, но течение, на вид, довольно легкомысленное, так как основано не на опыте. По-видимому, поразительно мало знаний в этой области, сейчас в Петербурге, говорят, можно видеть новое и интересное в этой области только в Елисеевской больнице в Лесном. На съезде рассказывают, что в Военно-медицинской академии вся установка производит печальное впечатление. Очень сильно выступают хирурги против радия. Днем работал в лаборатории после долгого перерыва. Чувствую себя недурно, но слабость неприятна.

Нюточка² лежит и волнуется, что не сможет играть 20.IV. в Музыкальном институте. Вчера ее выбрали туда преподавательницей арфы. Ужасно это будет тяжело, если у нее не хватит сил, как раз в тот момент, когда перед ней открывается новая дорога! Она на вид нехороша. Сегодня температура всё повышенная 37,3–37,5. Может быть завтра буду говорить с Ушинским, что делать.

Ниночка³ веселенькая. Сейчас у нее...⁴, и они рядом болтают.

На съезде видел Меркулова – он так изменился, что я его не сразу узнал. Время бежит...

Нежно и горячо вас всех обнимаю. Нежно целую.

Твой *Владимир*

Как твоё здоровье? Конечно, я вполне сочувствую тому, что ты осталась в Полтаве на Пасху.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, квартира М.И.Старицкой, Келенский пр., 25, **Полтава**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 8.

¹ См. коммент. 2, 3 к письму 926.

² А.С. Короленко.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Имя написано неразборчиво.

5 апреля 1914 г., С.-Петербург

5.IV. 914, СПб., утро

Дорогая моя Наталочка, у нас все по-прежнему – не особенно хорошо. Нюта¹ большей частью лежит и температура у нее днем, а иногда и вечером повышенная. Меня это беспокоит и сегодня днем приедет Ушинский. А между тем сейчас ей так хочется поправиться, и она старается беденькая все делать, что указывают. Она очень занята своим выбором в Музыкальный институт и полна планов.

Ниночка² молодцом. Удивительно она быстро становится и по виду не девочкой, а расцветает в девушку. Мне кажется, ты найдешь в ней, как это ни странно, огромную перемену. И прелестная из нее вышла девушка. Она занимается не очень много, но много у нее всяких желаний и мысли. Так она часто – порошок, вспыхивает и стремится защищать свою самостоятельность. Однако и фактически приходится считаться с ее ростом.

Вчера у меня были Саша³ и Иван⁴, и она все время сидела с нами. Разговор был близкий, интимный, усталый. И я не знал, потеря ли это для нее времени или более крепкое завязывание ее личности с нашим прошлым и настоящим. А ей все кажется, что слушать разговоры – это входить во что-то большое и важное и не есть трата времени. Вспоминаю и свое прошлое, когда не в такой степени, мне казалось то же самое.

В банке не был – буду после праздников. Проценты, конечно, Паше⁵ надо заплатить, и я был уверен, что ты их сочла. Как жаль, что сразу не рассчитали правильно долгов и платежей. Вероятно, придется отложить теперь уплату Колиного капитала⁶.

Сейчас я начинаю входить в большую работу, которая лежит на мне в связи с обзором 25-летия Академии наук⁷. Масса работы и мало сделано.

А тут новое дело и опять неотложное. В среду я (и Карпинский подписал) поднял в заседании Академии вопрос об исследовании вновь открытых у берегов Сибири земель. Мы с Карпинским заявили, что внесем 30 апреля (ближайшее заседание) особую записку⁸. Поводом послужила записка Толмачева⁹ о подготовительных работах для таких исследований, которую я поддержал. Я считаю, что это исследование должно быть организовано Академией наук. Вероятно, это начало большого дела, которое не только потребует больших – и очень – средств, но и большой организации. Помимо огромного научного интереса, я считаю, что вопрос имеет и интерес государственный, так как совершен-

но не безразлично, кому будут принадлежать области около Сибири. А между тем и так архипелаг около о. Врангеля принадлежит Соединенным Штатам! Кажется, вся карта около Челюскина мыса неверна: тут, говорят, целый архипелаг.

Жизнь неуклонно ведет меня не к тому, к чему у меня интерес и способности. Приходится заниматься организаторской деятельностью. Ничего не поделаешь. Конечно, если бы был жив Чернышев – это легло бы на него...¹⁰

Сейчас иду в лаборатории, вернусь раньше, так как к 4 часам дня будет Ушинский.

Нежно и горячо обнимаю всех. Нежно тебя целую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 58. Л. 9–10.

¹ А.С. Короленко.

² Н.В. Вернадская.

³ Александр Сергеевич Зарудный.

⁴ И.М. Гревс.

⁵ П.Е. Старицкий.

⁶ Капитал умершего сводного брата В.И. Вернадского Николая Ивановича Вернадского.

⁷ См. коммент. 5 к письму 913.

⁸ *Вернадский В.И., Карпинский А.П.* Об исследовании вновь открытых земель у северного побережья Сибири // Известия АН. 6 сер. 1914, № 14. Т. 8. С. 1073–1074.

⁹ Толмачев.

¹⁰ Феодосий Николаевич Чернышев умер 2 января 1914 г., вместо него В.И. Вернадский стал директором Геологического и минералогического музея им. Петра Великого Академии наук, до этого он возглавлял только минералогическое отделение музея.

№ 930

7 апреля 1914 г., С.-Петербург

СПб., 7.IV. 914

Дорогая моя Наталочка, у нас все по-прежнему, не очень хорошо. Нюночка¹ весела, здорова, учится и полна жизни, но здоровье Нюны² не лучше, большая слабость, она почти все время лежит и температура не понижается, днем 37,4 – 37,6. Очень ей тяжела эта болезнь, особенно теперь, когда перед ней так много открылось. Многие советуют ей уехать в санаторий, но ни Арронет, ни Ушинский на этом не настаивают и говорят, что это, конечно, хорошо, но надобности особой нет. Она тебе и не пишет, потому что ей сейчас все это очень трудно.

Вчера с Ниночкой были у Оли³. Теперь Б.⁴ к ней часто заезжает, один. Я боюсь, что это является следствием того, что Оля должна скоро получить деньги... Сегодня звонила Мадлена⁵, приехала Е.И.⁶ в субботу и чувствует себя не скверно. Я к ней заеду должно быть завтра: у меня опять ревматизм, должно быть моя инфлюенца перешла теперь в ноги. Я принял вчера салициловый натр и приму вечером. Очень неприятны эти глупые боли. Масса работы и мало успеваю. Вчера с Ниной были перед Олей у Петрунkevичей – Иван Ильич все еще не вполне поправился.

Нежно целую всех.

Твой Владимир

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне Вернадской, кв. М.И. Старицкой, Келенский пр., 25 (д. Любошинских), Полтава.

Оп. 7. Д. 58. Л. 11.

¹ Н.В. Вернадская.

² А.С. Короленко.

³ О.И. Алексеева.

⁴ Борис Кирович Алексеев.

⁵ Возможно, прислуга у Е.И. Голицыной.

⁶ Евдокия Ивановна Голицына.

№ 931

9 апреля 1914 г., С.-Петербург

СПб., 9.IV. 914

Дорогая моя Наталочка, у нас все по-прежнему. Нюте¹ не лучше, а может быть даже несколько хуже, она, во всяком случае, слабее. Температура не понижается. Думается, что следовало бы еще с кем-нибудь посоветоваться, но в С.-Петербурге даже не знаешь, с кем. Ниночка² весела и хорошо себя чувствует. Мой ревматизм так себе. “Салицилка” помогает.

Вчера мы были с Ниночкой у Евдокии Ивановны³. Она трогательно жалкая – перед открывающимся для нее порогом ухода из жизни. Ждет конца. Очень хорошо, что и ты и Нина⁴ ей пишете. Я думаю, что она давно со всем примирилась и ничем не будет потрясена.

Сейчас все больше захватываюсь работой по историческому очерку Академии⁵, но пока сделал очень мало и не знаю, как справлюсь. Может быть стоило бы потом уехать куда-нибудь отработать (например, в Бати-лиман).

Нежно целую всех. Обнимаю тебя.

Твой Владимир

P.S. Только что звонила Евдокия Ивановна. Очень она потрясена письмом Нины о том, что Марии Ивановне⁶ хуже и что ждут конца и страшно огорчена, что послала утром посылку с безделушками и какими-то глупостями (так говорила), написанными Катей Кавос. Просит написать. Владимир

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, кв. М.И. Старицкой, Келенский пр., 25 (д. Любошинских), **Полтава**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 11а.

¹ А.С. Короленко.

² Н.В. Вернадская.

³ Голицына.

⁴ Н.Е. Жедринская.

⁵ См. коммент. 5 к письму 913.

⁶ Старицкая.

№ 932

11 апреля 1914 г., С.-Петербург

СПб., 11.IV. 914

Дорогая моя Наталочка, вчера не писал – сейчас масса всякой возни, да и я не чувствую себя очень бодрым – сильно устаю. С деньгами нельзя переделать, тем более, что я из твоих писем ничего не понимаю: вместо цифр, ты мне пишешь какие-то указания, что надо купить то-то и то-то и так далее. Это ведь ничего не дает¹. Я возьму 2200; можно отложить возвращение 2000 руб. Колиного долга², и я бы отложил постройку в Крыму. Брать больше – труднее будет справиться с годовыми платежами.

Ниночка³ вчера тебе писала о Мокиевском⁴. Он очень советует Нюте⁵ ехать на кумыс летом; подтвердил диагноз Ушинского; Арронет всё напутал! Мокиевский считает, что Ереськи не очень полезны, по его мнению, там как-то слишком много туберкулезных. Конечно, если не ехать на кумыс, можно устроить режим и в Ереськах. Он указал на диету и дал указания Нюте, как вести себя (клизмы и т.п.) в связи с желудком: находит некоторое раздражение около аппендикса и думает, что надо принять меры. Он не думает, чтобы температура была связана с желудочным заболеванием. Нюте и он считает мясную пищу полезной. Ниночка стала есть мясо – очень изголодалась и сейчас в связи с экзаменами у нее большой аппетит. Она молодцом, прилежная девочка. Сейчас (7 1/2 часов вечера) еду к Левинсон-Лессингу в Лесное. Очень устал, но обещал и ничего не поделаешь. Заедет за мной Андрусов.

Нежно и горячо обнимаю всех. Нежно целую.

Твой Владимир

Р.С. Нюте немного было лучше, но сейчас опять температура поднялась до 37,6.

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, кварт. М.И. Старицкой. Келенский пр., д.25 (Любощинской), **Полтава**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 12.

¹ В письме от 9 апреля 1914 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: "Теперь опять относительно денег. Я себя чувствую очень виноватой перед тобой, что прибавила тебе хлопот, неверно рассчитав долги, но если возможно, постарайся увеличить сумму займа. В Бутове еще постройка не кончена и обзаведение (лошадь, корова, бричка, ванна, W.C. и пр. и пр.), кроме того, % архитекторский Фролову. Затем Паше % за капитал. Крымский домик не перейдет сметы, но тоже нужно будет 10% уплатить Фролову! Я боюсь дотрагиваться до этих денежных вопросов, чтобы тебя не утомлять ими, когда ты так занят и перезавален делами, но я думаю, лучше теперь, если возможно увеличить сразу долг, чтоб свести концы с концами и все дела привести в порядок. Еще раз очень прошу прощения, что неверно рассчитала и увеличила этим твои хлопоты, и, если возможно, возьми сразу больше" (Ф. 618. Оп. 3. Д. 277. Л. 41–41об.).

² См. коммент. 6 к письму 929.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Упомянутое письмо в личном фонде В.И.Вернадского не сохранилось.

⁵ А.С. Короленко.

№ 933

2 января 1916 г., Гельсингфорс

Гельсингфорс, 2.I. 916

Дорогая моя Наталочка, не писал тебе, так как письма идут долго. И сейчас не знаю, когда ты получишь это письмо. Сегодня уезжаю курьерским (взял спальное место) в Усикирку¹, где пробуду воскресенье и часть понедельника. В понедельник вечером думаю быть в Питере.

Ниночка² переживает первый вылет из гнезда: смесь прелестного ребенка и взрослого человека. Удивительно, многое из тех отрывков мыслей и неясных стремлений, которые она мне высказывала, напоминает мне мою юность. Конечно, они покрыты другим оттенком и давно во мне заглохли. Но странно иногда слышать вновь полузабытые отзвуки старых грез.

Мне хочется к ней заехать, так как я думаю и ей это приятно, и я не совсем спокоен.

Здесь очень много видел интересного и сделал всё, что хотел. Думаю, что я, как часто бывает, из-за излишней щепетильности и опасений брать чужое время, наделал и неловкостей. Но, в общем, всё обошлось хорошо.

Сейчас в гостинице жду поезда вечернего – в 11 ч. 30, а сейчас – 9. Рано утром буду в Усикирке. Выюга, и не знаю, как там. Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

Для Ниночки я несколько боюсь холодной комнаты. Об этом она тебе при мне писала в открытке. А так, я думаю, ей будет хорошо. Может быть пробуду там дольше, но не думаю. Нежно целую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 58. Л. 13–14.

¹ Дочь В.И. Вернадского после болезни отдыхала в Усикирке.

² Н.В. Вернадская.

№ 934

9 января 1916 г., С.-Петербург¹

9.I. 916, утро

Дорогая моя Наталочка, Нюте² всё нехорошо. Вчера температура была 40,0° и очень медленно спадала; повысилась чрезвычайно быстро (2 1/4 – 37,0, а 3 1/2 часа – 40,0). Вечером я вызвал зубного врача, ассистентку Федорова, она сделала разрез зуба, гноя не было, и по ее мнению никакого влияния данное заболевание зуба на температуру не могло иметь. Сегодня утром мы с Нютой решили позвать Мокиевского (Боркову очень трудно дозвониться и т.д.), и он определил **аппендицит**. Говорит, что почти нет сомнения в болезни (может быть какое-нибудь стрептококковое заражение, но он не думает). Чувствительность в области аппендикса очень ясная и сильная. Странно, что ее раньше не заметил Борков, и Нюта вчера вечером тоже указывала на слабые боли в этой области. Я решил перевести Нюту в нашу спальную, а сам перешел в ту комнату (твою), где спали. Сегодня у меня скверный день: ⟨в⟩ 2 часа дня Академия, а вечером собрание у меня. Сейчас здесь Нина³, которая очень помогает. Температура у Нюты 37,4.

Нежно и горячо обнимаю тебя и Нинуську – мою бесконечно любимую деточку. Нежно целую.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Пансион Мюльган, Усикирки, Финляндской железной дороги.

Оп. 7. Д. 58. Л. 15.

¹ Место написания открытки установлено по почтовому штемпелю.

² А.С. Короленко.

³ Возможно, Н.В. Вернадская (жена Г.В. Вернадского).

14 апреля 1916 г., Ялта

Ялта, 14. IV. 916

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером уже в 10-м часу попал к Любошинским. Марк¹ уже лежал в постели, Аня² меня встретила. Попал к ним с большим трудом. В Горную Щель нельзя попасть на извозчике, и я в темноте (из-за войны Ялта не освещается) с большим трудом с багажом по крутым тропкам, через воду пробрался, в сопровождении спасительных мальчиков соседей, на дачу. Там целая свора злых псов, которые охраняют запущенный сад и запущенный дом.

В общем здесь замечательно хорошо. Пишу днем у открытого окна, доносится очень отдаленный неясный шум города, все полно солнцем, проникнуто чистым ароматом цветов – глициний, лавро-вишни, сирени. Вдали видна Ялта и кругом лай, чириканье, пение людского зверья, к которому примешивается пение – еще немного – вольной птицы. Мне кажется, что это действительно очень своеобразный отшельнический уголок для человека, желающего иметь под рукой культурные удобства города, не обладающего нужными для замены их в деревне средствами, и пользоваться прелестями жизни в сельском уединении.

Доехал я сюда с большим трудом. Кстати, генерал в отставке, который с нами ехал, весьма любопытный и интересный. Его фамилия Короленко, и я подозреваю, что он родственник, хотя он был у Владимира Галактионовича³, и они не сосчитались, но сам генерал этими вопросами не интересуется. Он национал-прогрессист и представляет странную смесь нового типа. В Симферополе мне место не было заготовлено, и я по странному совпадению случайностей (мой спутник офицер Малинин всё говорил, что это влияние 13 числа) потерял все три-четыре наладившихся места в автомобилях, и в конце концов вместе с этим офицером приехал на лошадях. Мы выехали с ним в Алушту, так как думали проехать на катере сюда, в Ялту, но к нашему несчастью два дня, как прекратили (из-за подводных лодок) сообщение на катерах. Сегодня, по-видимому, они опять идут! Странное впечатление мертвого Черного моря, без паруса, без лодки, без дымка... Проехали до Ялты не дешевле, а даже дороже автомобиля, но это была чудная прогулка. Мой спутник – очень милый юноша, приехал к родителям, не видевших его 3 года, перед весной – думает пойдет на фронт. Он уже солдатом сделал всю кампанию прошлого года, был и на отступлении (из Галиции) и в наступлении. Теперь

офицер, простой, милый, сердечный русский юноша. Очень многое он рассказывал интересного, и, кстати, скажи Ниночке, что то, что он рассказывал мне о сестрах на фронте, о их положении, отношении к ним теперь солдат и лучшего офицерства вследствие уроков жизни, ясно подтвердило для меня всю глубину моих сомнений. Единственным улучшением здесь сделать ничего нельзя, можно погибнуть без смысла. Надо общую меру, и я считаю такой – посылку только пожилых сестер на фронт. Любощинские рассказывают, что молодая Носович должна была уйти оттуда, так как положение там честной девушки стало невозможным. Сегодня утром с Марком и Аней были в городе – прогулка, закупка, хлопоты об обратном билете. Бестолковщина и полное пренебрежение интересами публики – поразительные даже для русских обычаев. На 1–2.V билетов нет. Послал телеграмму в Севастополь. Пытаюсь переговорить с Гаспррой, хочу завтра ехать туда с Любоцинским.

Твои телеграммы о Сеславине получил. Так мне жаль, что около меня нет моей дочечки⁴, с которой думал провести эти дни отдыха... Как-то кончилась ее молодая, волевая энергия. Жду с спокойным беспокойством дальнейших известий.

Я думаю, что будет здесь хорошо. О многом надо подумать и хочется свести свои мысли и выяснить пути, настроить волевые задания. Дорогой всё время жил в переживаемом моменте и прочел книгу Прокоповича (не талантливую, но местами любопытную) о русской кооперации⁵. В последнем номере⁶ московской польской “Echo polski” (Ледницкого) – любопытная и важная статья о свободной Польше, восстающей из мертвых⁷. Знаешь, я чувствую страшную моральную силу этих вековых стремлений, ее внутреннюю правду, перед которой может быть должны отойти наши опасения из-за временных – все же менее нравственно глубоких интересов нашей страны. Скажи об этой статье Аде⁸. Что Нина⁹, как ее здоровье? Пиши: Ялта, ящ. № 21. Марку много лучше.

Нежно целую тебя, Нинусю¹⁰, Нюточку¹¹, Гулю¹². Любящий тебя

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 58. Л. 16–17.

¹ М.М. Любоцинский (старший).

² А.Е. Любоцинская.

³ Короленко.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Прокопович. “О кооперации”

⁶ Слово “номер” написано знаком “№”

7 Указанной газеты в московских библиотеках не сохранилось.

8 А.А. Корнилов.

9 Н.В. Вернадская (жена Г.В. Вернадского).

10 Н.В. Вернадская (дочь В.И. Вернадского).

11 А.С. Короленко.

12 Г.В. Вернадский.

№ 936

17 апреля 1916 г., Горная Щель

17.IV. 916, Горная Щель

Дорогая моя Наталочка, вчера получил обе телеграммы и твою о смерти Виссариона Виссарионовича¹ и Ниночкину² о ее приезде. Ужасна смерть Виссариона Виссарионовича в полном расцвете сил; больно сжимается сердце, когда подумаешь, что решил дело случай, если бы он переехал в Петроград, как я его уговаривал, он остался бы жив. И у него остались прелестные дети, которых он так любил. После всякой такой смерти мне всегда кажется, что как-то легче уходить из жизни... Его научная работа только что раскрывалась, и он представлял оригинальную, своеобразную личность в научной работе, еще не раскрывшуюся. Я писал Ферсману и просил его сообщить мне адрес Елизаветы Николаевны³, его жены. Может быть, ты созвонишься. Также созвонись с Хлопиными – узнай о здоровье Виталия Григорьевича⁴ и его адрес.

От начальника станции в Севастополе получил телеграмму, что на 2-е мая мне оставлено место. Таким образом я 2-го мая выезжаю из Крыма и хочу пробыть дня два в Москве, и числа 6–7 буду в Петрограде.

Сейчас здесь, конечно, хорошо, но я не знаю, надо ли было мне ехать, не есть ли это ненужная роскошь. Конечно, сейчас дело сделано и нечего рассуждать. Стараюсь много гулять. Вчера с Любоцинскими были у Петрункевичей в Гаспре, провели очень хорошо время. Иван Ильич⁵ поправился, Анастасия Сергеевна⁶ изменилась еще больше. В среду утром я еду к ним дня на три. Хочется о многом с ними переговорить и надо о многом переговорить с Иваном Ильичем.

В общем мой день здесь проходит так, что утром я гуляю, эти дни с Марком и Аней⁷, но завтра иду один с Пашурой⁸ подальше в лесничество, гуляю еще раз один или с Любоцинскими и перед вечерним ужином. Днем читаю и пишу, большей частью на воздухе. Много думаю. Сейчас я набрасываю для себя и для близких о польском вопросе, выходит что-то вроде воспоминаний, а я хочу зафи-

ксировать свою мысль, так как этот вопрос меня начинает очень тревожить. Я думал, что справлюсь с ним скорее. Не знаю, отчего я сейчас как-то больше, чем обычно, стремлюсь к большей определенности в своей мысли и может быть в связи с этим так много старого и былого вспоминается. Может быть сказываются и годы – с одной стороны, всплывают воспоминания богатой идейной жизни, а с другой – стремление к большей ясности и определенности мысли. Но в то же время я чувствую все тяжелее и сильнее ответственность переживаемого момента и в этом удобство таких писаний, как я сейчас пишу о польском вопросе, для себя, а не для печати. Конечно, это можно делать в нашей сутолоке жизни очень редко. Но я чувствую ту же потребность и в научной своей работе...

Нежно и горячо целую всех. Аня зовет к вечернему чаю, и письмо кончаю. Нежно целую.

Твой *Владимир*

Получил сегодня твою открытку от 12.IV. Очень был рад.

Что моя деточка со своей поездкой? И как Нюта⁹? Гуле¹⁰ писал после письма к тебе. Завтра напишу Ниночке и Нюте.

Оп. 7. Д. 58. Л. 18–19.

¹ Карандеев – ученик и друг В.И. Вернадского, работал с ним в Московском университете, преподаватель Высших женских курсов в Москве, в 1916 г. должен был стать сотрудником В.И. Вернадского в Геологическом и минералогическом музее им. Петра Великого. Был на Западном фронте уполномоченным Всероссийского земского союза и умер 14 апреля 1916 г. от тифа. В память о нем В.И. Вернадский написал статью “Памяти В.В. Карандеева” – “Речь” (1916, 9(22) мая).

² Н.В. Вернадская.

³ Карандеева.

⁴ Хлопин.

⁵ Петрункевич.

⁶ Петрункевич.

⁷ М.М. и А.Е. Любошинские.

⁸ Павел Маркович Любошинский.

⁹ А.С. Короленко.

¹⁰ Г.В. Вернадский.

№ 937

21 апреля 1916 г., Гаспра

Гаспра, 21.IV.916

Дорогая моя Наталочка, вчера я получил в Ялте письма твои и очень хорошее славное письмо Гули¹. Я ему уже писал раньше и напишу на днях. Всё не получаю адреса Елизаветы Николаевны Карандеевой и не могу ей написать. Но у меня такое чувство, что не надо было все-таки такому специалисту, как Виссарион

Виссарионович² идти на фронт, так как его смерть неизбежно чувствуется страной по существу сильнее, чем смерть другого уполномоченного. Конечно, эти рассуждения может быть и неправильны, так как жизнь не может и не должна укладываться в логически разумные рамки и в ней нередко логически правильные выводы являются несправедливыми и неправильными.

Вчера приехал сюда и здесь пробуду дня два. Ивана Ильича и Анастасию Сергеевну³ ужасно рад видеть и много с ними говорил и еще буду говорить. Много хочется выяснить. Я выезжаю 2-го мая, из Севастополя имею уже билет, как писал, а из Симеиза на 2-е мая взял место в автомобиле на Севастополь. До Симеиза меня довезут Петрункевичи, и я пробуду у них еще перед отъездом несколько дней. Иван Ильич думает, что законодательные палаты будут заседать и после июня, и думает приехать в Петроград в конце июня.

Нежно и горячо целую тебя и Нинусю⁴ и Нюточку⁵.

Твой *Владимир*

Очень жду прямых известий от моей, к сожалению, уже большой дочечки.

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский остров, 7 линия, д. 2. **Петроград**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 20.

¹ Г.В. Вернадский.

² Карандеев.

³ Петрункевичи.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ А.С. Короленко.

№ 938

27 апреля 1916 г., Горная Щель

Горная Щель, 27.IV.916

Дорогая моя Наталочка, получил я здесь и твой приписки и письма Гули¹ и Нинуси². На днях им напишу. Уже надо скорее возвращаться – не знаю, надолго ли здесь засиделся, но нельзя выехать раньше, чем назначено и организовать отъезд, а у меня все устроено на 2 мая. Всё время думаю о том, что происходит, о разворачивающихся событиях такой исключительной важности. Читаю газеты с захватывающим вниманием. Вчера получил записку Ади³; я много говорил об этом же с Иваном Ильичем и сейчас мой ум находится в беспокойстве. Я чувствую важность происходящих явлений, пытаюсь в них разобраться, чувствую эту

обязанность и не имею для этого достаточных данных. Но и кругом вижу не меньшую неподготовленность. Я кончил у Ивана Ильича записку о польском вопросе. Иван Ильич очень ее одобрил и считает, что ее надо так или иначе распространить. Не знаю, что сделаю. Первая часть вышла слишком личною, мемуарного характера; я больше думал о детях, когда ее писал. Любошинские, которым она тоже кажется понравилась, очень советуют написать об украинском вопросе. Но это вопрос проще. В нем мы скорее имеем дело с непродуманностью и невежеством русского общества, чем с серьезной трудностью решений в данный момент. Трудности появятся позже, но тогда и обстоятельства будут иные. А сейчас вплотную подходят вопросы экономические и финансовые. Пишу утром, когда хороший день, вообще же погода средняя. Много думаю и кое-что читаю и очень продуктивно в своей научной, химической и минералогической области. Сейчас ухожу с Пашей⁵ и Машурой⁶ в Уч. Кош.

Нежно и горячо обнимаю. Целую Нинусю и Нютика⁷.

Твой *Владимир*

Р.С. Федя Рерберг к Любошинским отнесся по-свински и едва ли может быть на него прочная надежда, о которой ты пишешь, для Георгия.

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**. Васильевский остров, 7 линия, 2. **Петроград**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 21.

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.В. Вернадская.

³ А.А. Корнилов.

⁴ Петрунkevич.

⁵ П.Е. Старицкий.

⁶ М.М. Любошинская

⁷ А.С. Короленко.

№ 939

29 апреля 1916 г., Горная Щель

Горная Щель, 29.IV.916

Дорогая моя Наталочка, сегодня еду из Горной Щели к Петрункевичам в Гаспру, пробуду там два дня и 2.V через Симеиз выезжаю в Севастополь. Я бы давно уже вернулся, если бы можно было легко выехать из Крыма, но здесь не так-то легко это сделать. Всё приходится делать заранее.

Вчера с Любошинскими ездил на Красный Камень – одну из самых красивых поездок в Крыму, какую я видел по новой, за-

конченной в 1913 г. дороге, в вековом сосновом и буковом лесу и с удивительным видом на море. Все это, конечно, хорошо, но сейчас уже надо приняться вновь за срочную работу. Конечно, я провел эти дни не даром даже и с этой точки зрения. Всё время работает усиленно мысль и многое для меня выясняется; прочел кое-что нужное для научной и общественной работы. Надеюсь сделать и еще кое-что до приезда в Петроград. В Москве остановлюсь у Любоцинских. Если что надо, напиши туда.

Нежно и горячо обнимаю. Поцелуй Нинусю¹, Нютика². Гуле³ на днях напишу. Очень благодарю за письмо. Кончаю статью о классификации сероводородных источников⁴. Целую.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**. Васильевский остров, 7 линия, 2. **Петроград**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 22.

¹ Н.В. Вернадская.

² А.С. Короленко.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Очевидно, статья не была опубликована.

№ 940

30 апреля 1916 г., Гаспра

Гаспра, 30.IV.916

Дорогая моя Наталочка, послезавтра уезжаю из Крыма. Давно уже пора, но никак не мог выбраться, взяв заранее (а иначе нельзя) билет на 2 мая. Сейчас только что вернулся с прогулки около моря – чудный сегодня день, и я дважды доходил до моря. Иван Ильич¹ сегодня не гулял, он опять немного как будто бы слабее, но в общем полон сил умственных. Сегодня у него суббота и последний день месяца, и он полон всяких хозяйственных распоряжений. Завтра приезжает управляющий и Иван Ильич освободится; его хозяйничанье не было синекурой.

Я думаю, закончу заметку о Виссарионе Виссарионовиче для Речи². Очень трудно мне о нем писать. Как-то чувствуешь, что уходит раньше тот, который должен был по справедливости меня пережить. Так питается то народное чувство стариков и старух, которые говорили, что “заедают чужой век” Сегодня довольно много писал в связи с присланной Адей³ его заметкой в связи с нашей Центрального комитета комиссией экономической. Я нахожу, что многое выясняется для себя путем такого писания. Конечно, это едва ли можно будет делать в нервной сутолоке петроградской жизни. Всё время жду с тревогой известий с

фронта; беспокоит немного сейчас и Кавказ: боюсь, как бы там не случилось что-нибудь вроде Карпат. Мне кажется, это лето и осень могут быть решающими для немцев: если им не удастся нас сбить сильно – они несомненно проиграли войну. Даже не сбить, а сломать нашу армию и получить большую победу над ней. Взятие Двинска или Риги ничего им не дает. Но крупное наше поражение кажется мне очень мало вероятным, разве опять Сухомлиновы-Григорьевы и К^о, чего кажется сейчас нет. И я невольно все больше склоняюсь к мысли о крупном повороте в нашу сторону к поздней осени, зимой или ранней весной. Но сколько встанет сейчас вопросов, требующих работы...

Нежно целую тебя и Нинусю⁵ и Нютика⁶. От Гули⁷ получил хорошее письмо. В Москве его не поймаю.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**. Васильевский остров, 7 линия, 2. **Петроград**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 23.

¹ Петрункевич.

² См. коммент. 1 к письму 936.

³ А.А. Корнилов.

⁴ Имеются в виду военные деятели: Владимир Александрович Сухомлинов – военный министр (1909–1915), в 1916 г. арестован за неподготовленность русской армии к Первой мировой войне и в 1917 г. приговорен к пожизненному заключению.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ А.С. Короленко.

⁷ Г.В. Вернадский.

№ 941

1 мая 1916 г., Гаспра

1.V.916, Гаспра

Дорогая моя Наталочка, забыл тебе написать в открытке, чтобы ты купила сборник в память 10-летия I-й Государственной Думы¹, а другой экземпляр переслала наложенным платежом Ивану Ильичу².

Иван Ильич несколько сегодня нездоров. Завтра уезжаю.

Целую.

Твой *Владимир*

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**. Васильевский остров, 7 линия, 2. **Петроград**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 24.

¹ Точное название не установлено.

² Петрункевич.

25 января 1917 г., Петроград¹

25.I.917

Дорогая моя,
только что приехал и сейчас же пишу эту открытку. Сегодня же тоже напишу вторично Нюточке². О Жедринских никаких известий; Ниночка³ здорова; ее еще не видел; она на курсах. Из Царского звонили вчера – там все благополучно. Гули⁴ нет дома.

Доехал хорошо. С этим поездом из Сайролы без пересадки, а из Антреп есть вагоны до Петрограда – так что может быть выгоднее садиться в другие.

Ямщик взял с меня 5 марок: он посадил вместо себя другого, который (мальчик) сказал, что ему указано 5 марок. Все-таки всегда лучше это выяснить.

Нетерпеливо жду известий.

Нинуся пришла, так я рад ее видеть. Она крепко целует тебя и Нюточку – без нее, она говорит, что очень скучает.

Нежно тебя и Нютика целую. Любящий тебя.

Владимир

На обороте: Ее Вр. Анне Сергеевне **Короленко** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, санаторий Кирву, ст. **Сайрола**, Карельской железной дороги, **Финляндия**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 26.

¹ Место написания дается по почтовому штемпелю.

² А.С. Короленко была больна туберкулезом, лечилась в санатории Кирву, где с ней находилась Н.Е. Вернадская.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ В 1916 г. Н.В. Вернадская поступила на Высшие женские курсы в Петрограде.

⁵ Г.В. Вернадский.

5 июля 1917 г., Харьков¹

Белгород–Харьков, 5.VII.917

Дорогая моя, еду отлично. Очень мне досадно, что не поручили взять билет Антону² и тебе одновременно: я еду в обычном вагоне и все время есть место (в 1-м классе): полагается 3 пассажира на купе, едут 2. Надо брать **верхнее** место. Вагон до Херсона. Я еду до Полтавы без пересадки. Очень бы я хотел, чтобы ты приехала, так как ясно для меня, что можно тебе проехать, но в 1-м классе. 2-й – заполнен. Может быть, можно поручить взять билет (хотя бы в день выезда) Никифору³ (через Елизавету Дмитриевну⁴). Он толковый.

Как-то [устаю] и от того, что совершается, и [мысль] о Нюте⁵, как-то еще сильнее и глубже схватывает меня среди перерыва нервной работы Петрограда. Что-то у вас? Благополучно ли прошли эти дни? Как Георгий⁶ и его дяди⁷ попали на бунт? Тревожно всё это? Известия неполные имел в Москве и жду с нетерпением Харькова.

Нежно и горячо обнимаю. Приезжай, моя дорогая. Думаю, что при прямом сообщении и из Полтавы можно достичь.

Твой *Владимир*

До Тулы было всё нормально, в Туле [остановка] и в [коридоры] набились солдаты (из отпусков на фронт)⁸.

На обороте: Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский острсв, 7 линия, 2. **Петроград**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 27.

¹ Открытка отправлена из Харькова.

² Антон, фамилия не установлена.

³ Никифор, возможно, служитель Геологического и минералогического музея им. Петра Великого Академии наук.

⁴ Ревуцкая.

⁵ А.С. Короленко скончалась 12 марта 1917 г. от туберкулеза.

⁶ Возможно, Г.Е. Старицкий.

⁷ Александр Павлович, Полтавский уездный предводитель дворянства.

⁸ Открытка написана простым карандашом, приписка сделана в левом углу, текст испорчен почтовыми штемпелями.

№ 944

5 июля 1917 г., /Полтава/¹

Люботин – Полтава, 5.VII.1917

Дорогая моя, бросил в Харькове открытку. Не знаю, дойдет ли она до тебя из-за забастовки почты. Очень тревожно уезжать в такое время, а между тем возвращаться (как было у меня мелькнула мысль в Москве) тоже едва ли правильно. Я уже тебе писал, что я очень бы хотел, чтобы ты выехала сюда 1-м классом (**верхнее** место). Может быть сейчас будет трудно, так как будут разбегаться из Петрограда? Как досадно, что мы не устроили этого теперь же со мною. Я представлял поездку более затруднительной, но до Полтавы **херсонским** вагоном вполне возможно. Постарайся устроить.

Ошибка выхода к-д² еще больше. Здешние социалистические газеты (в том числе и “Южный Край”, который теперь народно-социалистический!) прямо связывают их уход как акт большевизма. Украинское движение еще в начале своего развития – огром-

ные сложности и трудности ему впереди, и мне кажется, при искреннем сожительстве с ним русского здешнего населения течения шовинистического, зоологического национализма в нем не будут преобладать.

Надо тебе непременно брать 1 класс в херсонском вагоне – может быть можно, если нет панического отъезда петроградцев.

Нежно всех вас целую. Когда-то получим известия?

Твой *Владимир*

На обороте: Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский остров, 7 линия, 2, **Петроград**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 28.

¹ Открытка отправлена из Полтавы.

² Речь идет о выходе членов Конституционно-демократической партии из состава Временного правительства 2 июля 1917 г.

№ 945

5 июля 1917 г., Полтава

Люботин – Полтава, 5.VII.1917

№ 3¹

Дорогая моя!

Забыл написать: на моем большом столе лежит бумага из Министерства торговли о представителе К.И.Пр.Сил² по статистике. Надо спросить А.А. Кауфмана, согласен ли он им быть и известить тоже Линденера. Я.К.³ звонил раза два тщетно.

Уже тебе писал, что я очень бы хотел, чтобы ты приехала: 1-м классом (непременно) **херсонским** вагоном (в том поезде, в каком ехал я) лучше **верхнее** место (обеспечено спалье – теоретически купе 3-местное. Я всё время еду вдвоем. Второй класс переполнен). Нежно целую.

Твой *Владимир*

На обороте: Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский остров, 7 линия, 2, **Петроград**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 29.

¹ Номер проставлен В.И. Вернадским.

² Очевидно, Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), председателем которой В.И. Вернадский был с 1915 г.

³ Личность установить не удалось.

6 июля 1917 г., Бутова Кобыла

Бутова Кобыла, 6.VII.1917

№ 4¹

Дорогая моя Наталочка, вчера приехал сюда поздно ночью – уже в 12 часов. Ниночка² не получила телеграммы, как и надо думать, и спала. Собаки не отзывались, и можно было бы всё увезти. Едва добудились Павла³. Здесь все прекрасно и тихо, и ясно. Я как-то на всяком шагу чувствую мою дорогую бесценную Нюточку⁴... Всё это так просто, естественно и всё же человеческое чувство с трудом и с большим разрывом переживает этот удар. Дыхание смерти, ее унесшее, глубоко вошло и в мою душу и в меня и там ведет свою подготовительную работу.

Как я уже тебе писал из Харькова и Полтавы, я очень хотел бы, чтобы ты приехала. Думаю, что это вполне возможно для тебя, но в 1-м классе, в прямом вагоне до Полтавы (херсонском). Лучше верхнее место 1-го класса (в купе теоретически 3 места). Я ехал до Полтавы вдвоем. Из Полтавы до Ересек – 6 человек в 1-м классе. Может быть, ты даже в поезде в Харькове можешь перейти в киевский вагон и тогда доедешь до Ересек. Мне не удалось.

Не знаю, как у вас, и очень всё это тревожно. Иногда хочется лучше не думать. Пишешь и не уверен, что письмо дойдет. Дорогой разговоры раскрывают картину разрухи. Очень ясно мысль массы народа направляется к сильной власти, к диктатуре. О ней нередко разговоры в вагоне и путных обывателей. Мне кажется, в провинции сильнее, чем в Петрограде. Украинский вопрос стал мне во всей его сложности, и я думаю, большей сложности, чем думают сами украинцы. Мне хочется много об этом всем подумать и эти недели собраться с мыслями, обдумать ряд вопросов, которые не успеваешь в суете петроградской жизни. Может быть, это будет оправдание моего отдыха в такое время.

Нинуся выглядит очень хорошо. Она отошла, и она у меня прелестна. Я рад ее видеть и чувствовать ее живой огонек и мысли и чувства.

В Полтаве не успел заехать к Маке⁵, так как наш поезд из Харькова опоздал, а в Полтаве никто не знал, когда выедет киевский! Не знал и дежурный по станции.

Нежно и горячо всех обнимаю.

Твой *Владимир*

Здесь все в большом порядке⁶.

На обороте: Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский остров, 7 линия, 2, **Петроград**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 30.

¹ Номер проставлен В.И. Вернадским.

² Н.В. Вернадская.

³ Павло – очевидно, сторож, который работал в Шишаках с 1916 г.

⁴ См. коммент. 5 к письму 943.

⁵ М.Е. Старицкая.

⁶ Фраза написана на полях в начале письма.

№ 947

17 июля 1917 г., Бутова Кобыла

Бутова Кобыла, 17.VII.917

Дорогая моя Наталочка, мы с Ниночкой¹ тебя всё это время поджидали, но, очевидно, ты решила не ехать. Я и не писал тебе, думая, что ты приедешь. Теперь такое тревожное и смутное время, что, конечно, издали невозможно решать.

Здесь сейчас все тихо и хорошо, но в общем очень не спокойно по существу. Чувствуется и анархия и необеспеченность будущего. Всё внешне спокойно, нет ни малейших внешних признаков самоуправства, но сбор жатвы идет неправильно, и, думаю, будущий год в смысле посева будет также неправилен. Уборка не идет правильно, так как “snilka”² назначила в Ереськах и Шишаках цену за уборку (6 руб.), которую не хотят или не могут платить владельцы (мелкие и крупные). Боюсь, что часть хлеба останется и сейчас уже кое-где застаивается. Также нарушаются глупыми распоряжениями неустановившихся органов мелкого самоуправления и арендные отношения. Очень тревожно за будущее. Теряешься в выходе и иногда кажется, что надо дать вылиться стихийному процессу. Украинский вопрос здесь не стоит очень остро, и, по-моему, он на перепутье. Еще не определилось направление жизни. Его трудности начнутся в дальнейшем, даже если украинская автономия и осуществится в широком масштабе. Для меня это совсем нелепо.

Чувствую себя так себе. Здесь всё время прохладно и даже холодно было, и я не купался еще. Вчера был дождь, и погода неважная, сегодня чудный день – чуть ли не первый такой с моего приезда. Я ушел сейчас в чтение и работу над изложением старых мыслей о живом веществе. Забыл в Петрограде выписку, но хочу начерно набросать всю статью. Многое выясняется при писании и многое забытое вновь воскресает. Думаю в этой области десятки лет и, мне кажется, могу сказать многое, обычно неиз-

вестное. Но это будет набросок, который потребует большой дальнейшей работы. Отходишь от переживаний тяжелых политики и злобы дня сего в этой работе над частью “вечного” “Вечного” человеческого, таким образом весьма условного.

Нинуся моя – молодец и такая трогательная прелесть.

Нежно и горячо вас всех, моих дорогих, обнимаю.

Твой *Владимир*

На обороте: Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский остров, 7 линия, 2. **Петроград.**

Оп. 7. Д. 58. Л. 31.

¹ Н.В. Вернадская.

² Союз (укр.).

№ 948

19 июля 1917 г., Бутова Кобыла

Бутова Кобыла, 19.VII.1917

Дорогая моя Наталочка, все эти дни я все надеялся, что ты приедешь сюда. Писал я тебе об этом и из Харькова и два письма из Полтавы и отсюда. Но почта ужасающая, и я не сообразил тогда всего разгрома ее положения и не послал заказным. Мы имели твое письмо от 11-го, из которого вижу, что ты не получала еще моих писем, и тебя нет. Очень досадно, так хотелось бы с тобою здесь побыть, и думал, что тебе было бы и хорошо и полезно. А доехать в 1-м классе поездом на Херсон (в херсонском вагоне до Полтавы) было бы вполне возможно и, думаю, тебе не очень утомительно. Но, конечно, отсюда не знаешь и всех петроградских впечатлений и обстоятельств.

Здесь живем очень тихо. Сейчас Ниночка¹ работает на жнивах. Она поправилась физически; прелестна и полна исканий в духовной области; полна связи с местностью и с народом и всей душой своей чувствует такую близость. Я думаю, это ей даст очень много, и этого, в такой форме, не было у нас. У меня зачатки одно время были и были тогда тоже связаны с Украиной. Но затем ход времени в абстрактный мой характер отвели меня от этой близости к жизни.

Я начал второй день купаться. Раньше было холодно. У нас всё благополучно. Тебе об этом писала подробно Ниночка. Чувствую себя так себе, временами головные боли и некоторая отяжелелость. Настроение тревожное и грустное, но спокойное. Как мне всё здесь напоминает Нюточку!² И хотя она не любила этих мест, я как-то все время (вспоминаю) ее мысли. В комнату ее я не

решаюсь войти. Тяжело – хотя я смерть принимаю как простую вещь, удел всех и свой. И мне, когда начинаю вдумываться, странным становится убивание и действенная печаль по раньше ушедшим... А всё же нелегко.

Гуляю, брожу, много очень думаю и читаю. Сейчас главной работой является набрасывание давних моих размышлений и мыслей о живом веществе с геохимической точки зрения. Мне хочется связно изложить сколько могу без книг, выписок (оставил в Петрограде!) и подсчетов, мои мысли. Над ними думаю и к ним постоянно возвращаюсь десятки лет. Излагаю так, что дальнейшая обработка может пойти прямо и точно. Сейчас уже написал более 40 страниц и думаю, что перед отъездом закончу. Несомненно, тут у меня много нового, и многое новое открывается при обработке; подхожу к новым заданиям и вопросам. Так или иначе я ясно чувствую, что надо было это сделать, так как так или иначе это результат всей моей прошлой научной работы. И вместе с тем глубокое неудовлетворение результатом и странное столь обычное для меня чувство, что я делаю не настоящую научную работу. Отчасти чувство “ученого” – настоящей научной работой кажется опыт, анализ, измерение, новый факт – а не обобщение. А тут всё главное – и всё новое – в обобщении. С другой стороны, в этой работе я как-то спокойнее смотрю на окружающее, ибо я сталкиваюсь в ней с такой стороной жизни, которая сводит на нет волнения окружающего, даже в такой трагический момент, какой мы переживаем. Перед всем живым веществом мелким кажется весь ход истории. И странно я через самый грубый на первый раз материализм мог бы подойти этим путем и странным и очень далеким от материализма философским выводам. Их вводить не хочу, но их возможности указываю. Едва ли возможно целиком жизнь свести на физико-химическое. Но это не будет и утешением, ибо в общую схему мироздания она всё же войдет. А не этого хочет мятущийся ум. Ниночка так смешно протестует одному из выводов: не только вид (животного и растения), но и индивид отличается химически. И новые соединения – свои отличные от других – создаются в каждом индивиде и на них могут быть сведены индивидуальные свойства...

Сейчас очень тревожно за судьбу демократии. Получатся чрезвычайно печальные результаты ее применения. Конечно, и без этого было бы плохо. Но тут полное рабство духа, и мысли, и воли. И скорее действительно восставшие рабы, чем граждане. Есть дезертиры, сейчас начинает сказываться страх перед мерами Керенского и Корнилова³. Один из дезертиров говорил Павлу⁴ (при Ниночке): нам одинаково под немецким надзором или как теперь или <как> было. А вчера после того как (через Павла

же) в Шишаках стал известен приказ о смертной казни, лишении пайка, возможной облаве – начался отход дезертиров будто бы на фронт. Выборы будут совершенно случайные⁵. Единственное стремление: земля. И в Шишаках и в Ерьсках выбраны пока не лучшие, а худшие и главным образом безземельные. А более зажиточные и хозяева стоят в стороне. Кажется, начинают группироваться в партии хліборобів. Не знаю, кого больше. Украинская автономия – внешнее, но **свой язык** сейчас очень ярко выдвигается и отчасти как признак не только национальный, но и сознательно социальный и вековых столкновений с панством. Следовательно, **очень** глубокий.

Нежно и горячо всех целую. Так жаль, что тебя здесь нет.

Твой Владимир

Ниночка целует. Не пишет. Жнива⁶.

Оп. 7. Д. 58. Л. 31а–32.

¹ Н.В.Вернадская.

² См. коммент. 5 к письму 943.

³ Имеется в виду постановление Временного правительства от 6 июля, по которому “всех виновных в призыве... к неисполнению действующих законов... предавать суду и наказывать, как за государственную измену” (Известия. 1917, 11 июля). 12 июля на фронте введена смертная казнь и учреждены “военно-революционные” суды (См.: Политические деятели России 1917 г. М.: Научное изд-во “Большая Рос. энцикл.”, 1993. С. 146). А.Ф. Керенский с 8 июля 1917 г. – министр-председатель, с сохранением поста военного и морского министра; Л.Г. Корнилов – с 7 июля 1917 г. командующий Юго-Западного фронта, с 19 июля 1917 г. верховный главнокомандующий.

⁴ См. коммент. 3 к письму 946.

⁵ Имеются в виду выборы в Учредительное собрание.

⁶ Фраза написана на полях л. 31а.

№ 949

21 июля 1917 г., Бутова Кобыла

Бутова Кобыла, 21.VII.1917

Дорогая моя Наталочка, мне хочется написать тебе несколько слов по поводу твоего последнего письма о Гуле¹. Мне кажется, я так ясно и полно и глубоко понимаю его настроение и осознаю его решение. Холодным разумом мне кажется, что он мог бы его не делать; он работает столько в связи с теперешним положением и войной, делает столько нужного дела, что не след бы ему его бросать. Но, если я от этих логических рассуждений перейду к целому, мне кажется, я его вполне понимаю и чувствую нужность и правильность того, что он хочет сделать. Как мне лично не тяжело это чувствовать, когда я сознаю, как мне тяже-

ло его решение. Я эту правильность чувствую в его решении – как я не чувствую ее (и логически не сочувствую) **⟨в⟩** решении Сергея².

Но если идти, то надо скорее идти не солдатом, а офицером. Это сейчас нужнее. Опять-таки – и здесь решение идет вразрез с эгоистическими желаниями... Сейчас офицером еще страшнее. Впрочем это слово не выражает моей мысли. **Страх** я не чувствую. Но есть известное настроение печали. Но в нем живешь и из него не выходишь.

Я хочу выехать 5-го августа и надеюсь застать Гулю. Я хочу непременно его видеть перед его решением. Опять-таки, если рассуждать умом, его делать не следует (**без**, может быть), но правильно ли всё решать одним умом в такой момент величайшего потрясения?

У меня такое чувство, что я отдыхал без всякой нужды и сделал это напрасно. Но, конечно, нет надобности смотреть назад на то, что изменить не сможешь, сделанного не переделаешь. Чувствую себя так себе. Во всяком случае, смогу работать лучше и больше, чем работал.

Как я уже писал тебе, я очень ушел это время в чисто научные проблемы, в связи с значением жизни и живого вещества в истории земли. Копошусь мыслью в самых небольших подходах к входу куда-то в здание. Но и эти подходы не расчищены. Я все-таки думаю, что я не напрасно систематически набрасываю свою работу – ясно, что если я ее окончательно обработаю и закончу – будет книга. Но странно как-то себя и весь ход человеческой истории, со всеми ее трагедиями и личными переживаниями – смотреть с точки зрения бесстрастного химического процесса природы. И она в него великолепно входит – подобно тому, как в больших числах человеческих особей мы улавливаем законности, в которых укладываются, как что-то должное и закономерное – результаты самых тонких и неуловимых колебаний человеческой души.

Среди других книг, которые читаю, читаю сейчас библию. И как-то странно **одновременно** я вижу и чувствую в ней отражение самых несводимых вместе и резко различных настроений моей личности. Я сразу на нее смотрю с непримиримых точек зрения и чувствую целое и единое. Мне часто казалось, что один и тот же человек об одном и том же в одно и то же время может **мыслить** разное и несводимое в одно и **чувствовать** единое. И вот теперь это я ярко переживаю при чтении библии.

Нежно тебя и всех обнимаю. Моего дорогого Гулю особенно.

Твой *Владимир*

Прочел почти до конца “Политическую экономию” Туган-Барановского³: мне кажутся сейчас так слабы основы этического оправдания и заработной платы в полном объеме с зачислением в нее всей прибыли капиталиста. Не менее слабы, как оправдания прибыли капиталиста. Есть третий забытый: те люди, которые делают **творческий акт**, которые дают и рабочим и капиталистам получать доход. Экономисты за “машинами” забыли творящих их людей. Можно с тем же правом, как говорят об эксплуатации рабочего, говорить об эксплуатации капиталистами и рабочими в совокупности творцов и создателей орудий производства. Они большей частью находятся вне капиталистов и вне рабочих. Можно создать очень стройную теорию и ввести в обращение большой запас совершенно, сколько знаю, неиспользованных фактов.

Для Украины ясно: если правительство будет действительно сильно, Центральная Рада никаких прочных корней не получит надолго, а может быть и совсем. Если же правительство будет слабо – возможны самые невозможные положения с Украиной. Но сейчас среди мыслей и работы, столь далекой от текущих моментов, не могу совсем свести в порядок мысли об украинском вопросе.

Оп. 7. Д. 58. Л. 33–34.

¹ Г.В. Вернадский.

² С.Ф. Ольденбург.

³ *Туган-Барановский М.И.* Основы политической экономии. СПб.: Тип. акц. общ. “Слово”, 1909.

№ 950

22 июля 1917 г., Бутова Кобыла

Бутова Кобыла, 22.VII.1917

Дорогая моя Наталочка, хочу выезжать 5–6.VIII., а вчера прочел в газетах об ограничении передвижения. Как хорошо, что ты не приехала. Мне сюда до сих пор не прислали свидетельства из Министерства земледелия об обратном приезде. Позвони, пожалуйста, Арцыбашеву (Дмитрий Дмитриевич – его телефон в книжке) или Георг. Александр. Ключусу (секретарь Ученого комитета – телефон комитета) и скажи об этом. Я написал Арцыбашеву, но не знаю, приехал ли он в Петроград?

Вчера послал тебе письмо, вложив в Ниночкино¹. Я тебе писал уже о всем распределении моего дня и о той отвлеченной атмосфере мысли, в которой живу – на фоне печали личной и общественной. Ниночка сейчас много работает в поле. Она очень

много, несомненно, думает, и мне чрезвычайно дорого то, что у нее есть ясная **своя** мысль и **своя** дорога. И та и другая прикасаются к вечному. Так было и у Нюточки². В другой форме, но то же самое. Очень жалко, что не взял сюда Нютиных рукописей – но может быть все-таки мне было бы сейчас еще трудно. Надо дать пройти времени.

Сейчас пасмурно, ветрено, но тепло. Погода стоит неважная. Хорошие дни наперечет, а тепла не было. Но как-то я довольно стал равнодушен к погоде, и даже к теплу – не то, что прежде.

С тревогой смотрю в будущее. Я верю в силу России, но думаю, что могут быть бессознательно сделаны величайшие ошибки, которые направят ход истории в не ту сторону, в которую могут направить, и, в частности, что может быть многое потеряно для человечества, что создано русской историей в форме большого единого государственного целого. Сейчас весь вопрос в **силе** правительства.

Ну, нежно и горячо тебя целую. Поцелуй всех наших. Любящий тебя

Твой *Владимир*

На обороте: Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский остров, 7 линия, 2, **Петроград**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 35.

¹ Н.В. Вернадская.

² А.С. Короленко.

№ 951

26 июля 1917 г., Бутова Гора

Бутова Гора, 26.VII.1917

Дорогая моя Наталочка, я теперь и сам вижу, что приехать тебе сюда было бы трудно по вероятным условиям отъезда. Вчера тебе Ниночка¹ писала об Аде². Я вполне присоединяюсь к этой мысли, которая и мне пришла независимо. В качестве больного ему будет возможно устроить переезд. А между тем сейчас ему жить в его квартире (4-й этаж) и питаться в Петрограде будет чрезвычайно трудно. Жить в Крыму едва ли своевременно. Здесь же я не буду повторять доводов Ниночки – но тоже укажу их: 1) соседство доктора Яковенко, который к нему хорошо относится, 2) очень гигиенические и хорошие условия жизни у нас на хуторе, 3) относительная легкость доставать припасы и вероятность того, что это сохранится и зимой, 4) порядочность семьи

Берез, которую я могу подтвердить. Между прочим, Мария³ большая любительница цветов и устроила очень недурные цветники у нас и у себя. Думая об Аде, я считаю, что может быть лучше всего ему поселиться у нас.

Очень грустно решение Гулички⁴. Вчера я ему послал письмо в твоём. Я понимаю душой его решение, но умом его разделить не могу и всегда такие противоречия тяжелы. А нам с тобой суждено пережить то, что сейчас переживают миллионы... Ужас войны, страх за близких, личное горе и печаль в общем горе и печали.

Тяжело бессилие человека бороться с этим несчастьем. Опять не всё дело в логическом разуме, который видит ужас и преступление войны, но добиться иных условий существования не может, ибо жизнь строится не по разуму.

Думаю о Любошинских. Как это тяжело⁵. О Машуре⁶ надо бы справиться в Красном Кресте (у Иваницкого). Они, наверное, теперь имеют известие. Конечно, при разрухе почты мой совет запоздал.

Ужасна эта история с кражей в Сенате⁷ – она производит впечатление даже в наше время невероятного. Ниночка тебе должно быть писала, что мы видели здесь Леонт.Тр.⁸, Мих.Ив.⁹ Одно время у нас здесь были разговоры о земле очень большие. Л.Т. вполне все разумно и ясно понимает. Ниночка говорит, что и М.И. задумался. Но делают они здесь, в Земельном комитете дело неважное: пытаются вводить изменения земельные, вмешиваясь в аренды, беря излишки земли и т.д., без толку и внося **смуту**. Последнее время, говорят, начинается отпор в деревнях, организуются мелкие собственники и, говорят, за последнюю неделю в этом смысле начинается резкий перелом в Шишаках. Впечатление такое, что в деревне происходит перелом в связи с общим положением, все (и Яковенки, которые поправили и сами говорят, что кругом все очень поправили) одобряют меры суровые Корнилова и Керенского¹⁰. Дезертиры, которые были в [Ереськах] и Шишаках, исчезли – большей частью сейчас отправились на фронт, отдельные немногие, говорят, очень скрываются. Прочел с величайшим интересом брошюру Реклицкого: О земле в Полтавщине¹¹. **Очень** умная и чрезвычайно поучительная вещь, заставляющая думать. Хочу о ней написать в “Речь”¹².

Нежно целую. Хочу ехать 3-го в Полтаву, а 5-го в Петроград. Целую всех наших.

Твой Владимир

- ¹ Н.В. Вернадская.
- ² А.А. Корнилов.
- ³ Мария, личность не установлена.
- ⁴ Г.В. Вернадский.
- ⁵ Тяжело у Любошинских.
- ⁶ Мария Марковна Любошинская.
- ⁷ История с кражей в Сенате.
- ⁸ Леонт. Тр., личность не установлена.
- ⁹ Мих. Ив., личность не установлена.
- ¹⁰ См. коммент. 3 к письму 948.
- ¹¹ Брошюра Реклицкого о земле в Полтавщине. Хочу о ней написать в “Речь” (26.VII.1917 г.).
- ¹² Статья В.И. Вернадского не была написана.

№ 952

11 августа 1921 г., Александровск

11.VII.921, Александровск,
Мурманская биологическая станция

Дорогая моя! Пишу несколько слов, пишет Ниночка¹. Здесь хорошо работаем² – думаем выехать из Мурманска 20 или 24. Не знаем, как в теплушке или в вагоне, если достанем места.

Твое письмо через Ник.Геор.³ получил и препараты, а от Александра Евгеньевича⁴ нет ни вестей, ни известий, ни твоего письма. В Хибины должно быть не заеду – не хочу разбрасываться. Сейчас много думаю о загранице, но не знаю, насколько это удастся устроить, а между тем для научной работы это было бы необходимо. Но меня смущает голод: уезжать при этих условиях неприятно⁵.

Обдумал курс лекций по химии моря и весь поглощен этими вопросами. Много вынес.

Нежно целую. Надо кончать. Привет всем.

Твой *Владимир*

Папа, по-моему, начал поправляться, а я, говорят, очень сильно поправилась с приезда и прибавила в весе⁶.

Оп. 7. Д. 58. Л. 36.

¹ Н.В. Вернадская.

² В.И. Вернадский и его дочь Нина Владимировна – в это время студентка Военно-медицинской академии – приняли участие в Северной научно-промысловой экспедиции. Эта экспедиция была создана при Научно-техническом отделе ВСНХ 3 мая 1920 г. для научно-практического исследования Русского Севера. Руководил научной деятельностью отрядов и обработкой собранных материалов Ученый совет во главе с президентом Российской Академии наук А.П. Карпинским. Вернадский работал на Мурманской биологической станции Ленинградского общества естествоиспытателей в Александровске. Она была основана в 1904 г., хорошо оборудована и давала возможность экспери-

ментально работать. Командировка была рассчитана на месяц. В.И. собирал материал по живому веществу. В письме к А.Е. Ферсману от 11 августа 1921 г. В.И. Вернадский писал: “Собрав материал для работы, выяснил яснее себе методы будущих начинаний. Теперь надо было бы конструировать приборы, организовать настоящее исследование, но как это все делать в петроградских условиях? Буду хлопотать о заграничной поездке, но меня останавливает вопрос о голоде. Уезжать в такой момент, не знаю, сочту ли допустимым и правильным” (Письма В.И. Вернадского А.Е. Ферсману. М.: Наука, 1985. С. 103).

³ Ник.Георг., личность не установлена.

⁴ Ферсман.

⁵ Ректор Парижского университета Поль Аппель обратился к неперемемному секретарю Академии наук С.Ф. Ольденбургу с письмом от 6 декабря 1921 г., в котором сообщал об избрании В.И. Вернадского профессором Парижского университета и о приглашении его в Париж для чтения курса лекций. На заседании Общего собрания Академии наук 1 апреля 1922 г. В.И. Вернадский читал записку следующего содержания: “Благодаря полученному Академией извещению о выборе меня профессором Парижского университета и принятия мною на время этого приглашения, с одной стороны, и, с другой стороны, вследствие новых обязанностей, принятых мною, с согласия Конференции, в качестве директора Государственного радиевого института, состоящего при Академии, характер моей заграничной командировки должен быть изменен. Я должен направиться прежде всего в Вену и, может быть, Чехословакию в связи с необходимостью установить правильную связь Радиевого института и связанного с ним Радиевого завода с аналогичными учреждениями Западной Европы. В Йохимове в Чехословакии находится единственный радиевый завод, научно правильно поставленный, а в Вене Радиевый институт, с которым необходимо иметь самые тесные сношения, тем более что до сих пор в России нет для сравнения ни одного эталона радия и наши определения не связаны с мировыми определениями. Оттуда я направлюсь в Париж” (АРАН. Протоколы заседаний Общего собрания РАН. 1922, § 90. С. 28 – типогр. экз.).

В.И. Вернадский получил разрешение на командировку и в июне 1922 г. с женой и дочерью выехал за границу. Сроки возвращения в Россию Вернадский откладывал несколько раз, из-за чего вступил в конфликт с советской властью, которая обвиняла его в желании эмигрировать из России. В письме от 22 декабря 1922 г. Вернадский информировал Академию наук о том, что в декабре вернуться в Россию не может и что остается во Франции до весны, так как лекции в Сорбонне, из-за которых он приехал во Францию, он закончит в марте–апреле. Кроме того, он отметил: “Денег на командировку я не получил и здесь могу жить и работать только на средства французские” (АРАН. Протоколы заседаний Общего собрания РАН. 1922, § 327. С. 111). В письме к А.Е. Ферсману от 25 апреля 1923 г. Вернадский писал: “Я очень сожалею, что мне надо было бы скорее вернуться, но, несмотря на всё мое сознание, я, наоборот, хочу здесь дольше остаться и буду просить продления командировки. В мои годы надо кончать дело своей жизни – а таким для меня является научная работа. Издав геохимию и минералогию, переработав живое вещество и силикаты – в общем я его закончу” (Письма В.И. Вернадского А.Е. Ферсману. М.: Наука, 1985. С. 109). Командировка Вернадского была продлена до 1 сентября 1924 г. (АРАН. Протоколы заседаний Физико-математического отделения АН. 1922. § 229. С. 75 – типогр. экз.). Но Вернадский не смог вернуться к этому сроку в Россию из-за начатых и не оконченных работ по геохимическому изучению живого вещества и исследованию африканских и других радиоактивных минералов. Решение Комитета французских ученых о выделении Вернадскому дотаций из фонда Л. Розенталя материаль-

но обеспечивало эти работы в течение года. (АРАН. Протоколы заседаний Физико-математического отделения РАН. 1924. § 352. С. 58–59 – типогр. экз.). Вернадский в письме к А.Е. Ферсману от 3 августа 1924 г. объяснял причины увеличения сроков пребывания в Париже: “Я совершенно не собирался эмигрировать и оставаться здесь надолго. То, чего я хотел, – продления командировки без содержания, мне представляется таким правом моим, которого я как свободный человек лишиться не хочу” (Письма В.И. Вернадского А.Е. Ферсману. С. 114).

В Париже академики П.П. Лазарев и А.Ф. Иоффе ознакомились с работами Вернадского и признали их большое научное значение. Несмотря на это Академия наук вынуждена была принять решение, по которому В.И. Вернадский с 1 сентября 1924 г. сохранял только звание академика. Но вместе с тем на заседании Отделения физико-математических наук 3 сентября 1924 г. было принято решение: “Просить Наркомпрос сохранить за Академией право при возвращении В.И. Вернадского в Ленинград включить его вновь в число действительных членов Академии без новых выборов” (АРАН. Протоколы совещаний Физико-математического отделения РАН. 1924. § 352. С. 59 – типогр. экз.). Еще до возвращения в Ленинград В.И. Вернадский с 1 октября 1925 г. был включен в список сотрудников Академии наук, получающих штатное содержание. В начале марта 1926 г. В.И. Вернадский вернулся в Ленинград.

⁶ Приписка сделана карандашом рукой Нины Владимировны Вернадской.

№ 953

26 мая 1926 г., Москва

Москва, 26.V. 1926

Моя дорогая, вчера вечером, вернувшись (от Мензбира), нашел твое письмо к Маке¹. Очень рад и очень огорчен, что ты не уехала отдохнуть.

Сейчас много здесь вижу народа и много хлопот. Проспекты очень хорошие. Вся организация Сам.² не только восстановлена – но расширена. По Морскому институту я получил сейчас штат 7 лиц с полным *carte blanche*³ и замещении и распределении работы⁴. Федор.⁵ восстанавливает работу – на это я не рассчитывал, так что придется обдумать, как повести дело. По Радиевому институту 1550 руб. выслано телеграфом, а затем они мне заявляют – потерпите до октября – а затем “мы вас всячески поддержим” – реально еще до переговоров получили две суммы (около 4 тыс.), раньше не переводившиеся. Сегодня окончу переговоры. Для живого вещества двигаю (10 тыс.) и через Наркомат здравоохранения – представит Тарас⁶. Сейчас знакомлюсь здесь с работой КЕПС. Конечно, жаль, что Лаз.⁷ нет, но важнее мое ознакомление. Я чувствую из переговоров, что мои идеи сейчас встречают благоприятную почву. Очень важно скорее все это напечатать. Лебедев обещает двинуть работу (Шатиловской станции) самым энергичным образом. Я думаю, что очень подхожу к осуществлению, и сейчас очень задумываюсь о формах.

Нежно и горячо обнимаю. Спасибо за письмо Нинуси⁸; Георгию⁹ написал и напишу Нине¹⁰. Девочки¹¹ и Машура¹² уехали к [Марку]¹³. Всё расскажу.

На обороте: Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский остров, 7 линия, 2. **Ленинград**.

Оп. 7. Д. 59. Л. 1.

¹ М.Е. Старицкая.

² О какой организации идет речь, установить не удалось.

³ Свобода действий (фр.).

⁴ Имеется в виду Морской научный плавучий институт в Москве, где В.И. Вернадскому удалось наладить экспериментальную работу по изучению живого вещества. Вернадский был членом Ученого совета указанного института.

⁵ Возможно, Н.Т. Федорова – ученый секретарь Московского отделения Постоянной комиссии по изучению естественных производительных сил СССР.

⁶ Очевидно, Лев Александрович Тарасевич, который в это время возглавлял ученый медицинский совет Наркомздрава СССР (1918–1927).

⁷ Очевидно, Петр Петрович Лазарев, который в это время был председателем Московского отделения КЕПС.

⁸ Н.В. Вернадская-Толль. Письма от дочери Вернадские получали сначала из Праги, где она в 1926 г. вышла замуж за археолога Н.П. Толля, а с 1939 г. из США, куда они переехали. Нина Владимировна после отъезда за границу в России ни разу не была.

⁹ Г.В. Вернадский после отъезда за границу до 1927 г. жил в Праге, а затем в США, так же как сестра в Россию ни разу не приезжал.

¹⁰ Н.В. Вернадская (Ильинская).

¹¹ Очевидно, внучки М.М. Любошинского.

¹² Мария Марковна Любошинская.

¹³ М.М. Любошинский.

№ 954

26 сентября 1926 г., Москва

26.IX.926, утро, воскресенье,
Москва, Зубовский, 15

Дорогая моя, доехал отлично. Вчера не написал, так как тебя известили о моем приезде. Вчера уже видел очень многих и завтра у меня ряд деловых заседаний, а сегодня вечером совещание об образовании Московского отделения Радиевого института, на что надо будет пойти. Был вчера у Дм. Моис.¹ с Пашей² – его жена³ (и он) горячо тебе кланяются. Удивительно она молода! Напоминает чем-то Анастасию Сергеевну⁴. Виделся с Дмитрием Ивановичем⁵ – с ним иду сегодня в музей. Ивана⁶ застал уезжающим. Вчера же видел Павловых (им обоим по 72 года 40 лет свадьбы) – она бодра (трогательно вспоминает о Ниночке⁷), он очень постарел. Завтра вечером хочу быть у Мензбира, сегодня у Александрова.

Очень тяжело полное падение преподавания минералогии здесь после смерти Самойлова и Вульфа. Заменены людьми с очень малыми знаниями. Университет, где был в старом помещении факультета, удручающе грязен и представляет что-то некультурное...! Во вторник еду в Киев, милейшая Татьяна Ивановна⁸ (помнишь, она была у нас проездом из Белого моря) должна была взять мне билет вчера – международный. Марку⁹ напишу отсюда: он глубоко ошибается – в Борисе Александровиче¹⁰ он имеет настоящую поддержку¹¹. Поймет это позже.

Нежно всех обнимаю.

Здесь без Ани¹², дорогой, так ее отсутствие чувствуется.

На обороте: Ст. **Академическая**, Октябрьской жел. дороги, **Залучье**. Анне Егоровне **Любощинской** для Н.Е. Вернадской.

Оп. 7. Д. 59. Л. 2

¹ Дмитрий Моисеевич Петрушевский.

² П.Е. Старицкий.

³ Петрушевская.

⁴ Петрункевич.

⁵ Шаховской.

⁶ И.М. Гревс.

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ Татьяна Ивановна, фамилия не установлена.

⁹ М.М. Любощинский.

¹⁰ Борис Александрович Линденер.

¹¹ М.М. Любощинский с 1926 по 1929 г. – сотрудник Сапропелевой станции Комиссии по изучению естественных производительных сил АН СССР в Залучье, а Б.А. Линденер был ученым секретарем КЕПС АН СССР (1915–1926).

¹² А.Е. Любощинская.

№ 955

28 сентября 1926 г., Москва¹

28.IX.926

Дорогая моя, вчера получены две твои открытки – к сожалению, ты ничего не написала – нашла ли лошадей и т.д.? Так что я несколько тревожусь и жду известий в Киеве. Ничего из твоих открыток понять не могли.

Сегодня еду в Киев. Свои дела веду пока успешно. Организацию при Морском институте восстановили?² Главные радиевые дела улаживаю – вопрос с Семашко принимает благоприятное направление³, но я хочу отложить до следующего приезда, когда выйдет моя статья⁴. Денежные дела, в связи с устройством Нины Владисл.⁵, выяснил, и она будет теперь же назначена. Тяжело полное крушение минералогических кафедр здесь после смерти

Самойлова и Вульфа: два довольно невежественных “ученых” читают лекции – добра такие суррогаты не принесут.

Нежно и горячо обнимаю всех.

Твой Владимир

Жду в Киеве писем и оттуда напишу Марку⁶; Здесь весь под впечатлением русской иконописи.

Твой Владимир

На обороте: Ст. **Академическая**. Октябрьской жел. дор., **Залучье**. Анне Егоровне **Любощинской** для Н.Е. Вернадской.

Оп. 7. Д. 59. Л. 2а.

¹ Место написания установлено по почтовому штемпелю.

² См. коммент. 4 к письму 953.

³ Николай Александрович Семашко в это время был Наркомом здравоохранения РСФСР, и Вернадский вел переговоры с ним об организации работы по изучению изотопов и применению их в медицине. К сожалению, несмотря на положительное решение этого вопроса Н.А. Семашко работы не могли проводиться из-за отсутствия средств, так как смета Комиссариата здравоохранения была урезана (См.: Записка академика В.И. Вернадского о необходимости организации биогеохимической лаборатории: Док-ты по истории Академии наук СССР. 1926–1944 гг. Л.: Наука, 1988. С. 40–41). В Москве он также решал вопрос об образовании Московского отделения Радиевого института (АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 47. Л. 6).

⁴ *Вернадский В.И.* Изотопы и живое вещество // Докл. АН СССР. 1926, дек. С. 215–218.

⁵ Нина Владисл., личность установить не удалось.

⁶ М.М. Любощинский.

№ 956

30 сентября 1926 г., Киев

Киев, Большая Владимирская,
Украинская Академия наук, 30.IX.926

Моя дорогая, доехал отлично и здесь встретил самый горячий дружеский отзыв. Приехал вчера к вечеру, устроился в Академии, где мне отвели сперва одну комнату, а потом перевели в другую – теплее. Сейчас же пошел к Василенко – они встретили меня как родного, накормили обедом, предлагают переехать к ним, но я думаю, что я буду только у них обедать. Вечером в 10-м часу вернулся в Академию, куда меня проводил Николай Прокофьевич¹. Между прочим, на меня произвела самое великолепное впечатление их семья – его жена Наталия Дмитриевна, ученый историк, которой он гордится – необычайно о нем заботится и, несомненно, в значительной мере его спасла в трудную пору его жизни. Я думаю, что это брак в самой благородной его форме

(если будут дети). Вернувшись, итак, вечером в Академию, меня страшно дружески встретил Липский, собравший в моей комнате (он тебе горячо кланяется) и остатки сохранившихся вещей – вечером поздно, в 11-м часу, когда я уже собирался спать, пришел Перетц, здесь живущий.

Сегодня пишу тебе рано утром – нет 8 часов, выпив чай с Липским, который тут же живет и встает, как мы, в 6 часов. К 9-ти часам пойду ловить Личкова – сегодня открытие съезда² вечером. Завтра заседание Академии наук, 2-го отделения, где я может быть сделаю доклад о моих работах по живому веществу³ – так просит Липский. На съезд, по-видимому, приехало немного. Я думаю, что 5–6 выведу из Киева, едва ли удастся выехать раньше 5-го, съезд кончается 6-го.

Ехал в Киев в международном. В Москве была, скверная погода в последний день, и я не знаю, немного ли простудился (небольшой насморк и першит в горле – хриплю) или отразилась та зараза, которой ты боялась. Всё это в слабой степени, но так как я по глупости забыл взять драповое пальто, то я несколько беспокоился, как буду в Киеве. В последний день в Москве и в вагоне был весь в шерстяном белье и все время носил твою жилетку (очень хорошо, что ее взял), но здесь (уже с Конотопа) тепло. В теплом невозможно ходить: вчера шли с Николаем Прокофьевичем из его дома в чудную звездную теплую “украинскую” ночь, и идти мне было жарко. И сегодня мягкий, почти летний день, ясный, безоблачный, солнечный. Осень едва чувствуется в растительности...

В Москве добился всего главного. Мне восстановили всю организацию в Плавучем Морском институте – причем Коган, гроза всех, председатель сметной комиссии, мне сказал, что он восстановил кредиты по моему письму, хотя он (*entre nous*⁴ – как сказал) относится нехорошо к самому Морскому институту. Но, во всяком случае, я получаю 3 места, правда, мало оплачиваемые (66 руб.) в Петербурге и 2 в Москве и этим оплачу часть работников. Для Радиевого (института) добились главного и может быть удастся добиться небольшого повышения заработной платы – если бы не взял билета – пришлось бы для этого ехать к самому Рыкову(!)⁵ по предложению “начальника” Главнауки⁶ – я написал ему письмо и Хлопин должен был добиваться аудиенции.

Конечно, всё это может держаться лишь при постоянном напряжении энергии и постоянном внимании и постоянных переговорах и хлопотах. По-видимому, выясняется форма создания Московского отделения Радиевого института (средства частью от треста) в связи с воссозданием Радиевого завода (строят должно быть в Москве).

Знаешь, впервые я почувствовал начинающееся влияние моих идей в среде биологов, и главным образом молодых. Хочется верить, что это первые ласточки. Еще их не читали, но о них знают и их ищут. До сих пор я искал и добивался работы в этом направлении – впервые обращаются ко мне. Ярилов, оказывается, в почвоведении (для пропаганды идей, как он говорил) изложил подробно мою первую русскую статью, молодой Зенкевич – зоолог – говорит мне, что пора перейти от статической работы и взгляда на природу к ее динамическому охвату, как это вытекает из моих идей (это он совершенно правильно определил – хотя я этого прямо нигде не говорю), и они хотят идти по этому пути, молодой Северцов по своей инициативе предлагает двинуть работу по моим методам в государственных заповедниках, в организации которых он играет сейчас роль... Это, надеюсь, только первые отзвуки. Тарасевич говорит, что Сема⁷ хочет мне помочь, но я отложил свое свидание с ним до тех пор, пока выйдет моя статья об изотопах и живом, которая печатается сейчас в докладах Академии – сдал в печать⁸. Немного мне тревожно, как ты доехала до Залучья⁹, из твоих не очень ясных открыток – вижу, что как будто ты доехала до Академической, но дальше нет известий. От детей нет писем. В Москве все время я был под впечатлением осмотра икон. Я понял поразительную красоту и глубину. Думаю, что в XII–XVI вв. русское искусство есть столь же великое создание в человеческой культуре, каким в XIX в. явилась русская литература и музыка. И мы этого не знали и не понимали. Дмитрий Иванович¹⁰ получил место (240 руб.) почти наверно – уже работает. От него есть превосходные письма тебе и мне, трогательные глубиной и проникновением. Везу с собой.

Нежно и горячо всех вас, моих дорогих, обнимаю. Надеюсь, что всё с тобой хорошо.

Оп. 7. Д. 59. Л. 3–4.

¹ Василенко.

² В Киеве проходил Второй Всесоюзный съезд геологов, на котором В.И. Вернадский сделал доклад о земных оболочках (См.: АРАН. Ф. Разряд IV. Т. 12. Д. 12. С. 4).

³ Указанный доклад В.И. Вернадского состоялся (См.: АРАН. Ф. Разряд IV. Т. 12. Д. 12. С. 4).

⁴ Между нами (фр.).

⁵ Алексей Иванович Рыков в это время – председатель Совета Народных Комиссаров СССР (1924–1930) и председатель СНК РСФСР (1926–1929).

⁶ Заведующим Главного управления научными, научно-художественными, музейными и по охране природы учреждениями (Главнаука) с середины 1923 г. был Федор Николаевич Петров.

⁷ Фамилия написана сокращенно, очевидно, Н.А. Семашко.

⁸ См. коммент. 4 к письму 955.

⁹ В Залучье жила сестра Н.Е. Вернадской А.Е. Любошинская, где ее муж М.М. Любошинский, потерявший во время революции все свое состояние, работал.

¹⁰ Шаховской.

№ 957

1 октября 1926 г., Киев,

Киев, 1.X.926

Моя дорогая, пишу утром рано. Вчера начался съезд¹. Погода стоит удивительная – вчера было жарко, как летом – жарко даже в летнем пальто.

Пришли и помешали писать днем – от тебя нет ни одного письма из Залучья, и я не знаю, как ты доехала – имею только известие, что попала в Академическую – и то предполагаю по догадкам, так как очень неясно.

Я попал, к моему большому огорчению, в председатели съезда (редакционного комитета) – придется быть до конца. И вообще – это много времени и забот.

2.X

Не успел написать. Написал Ане² для тебя и пишу тебе в Питер. Выезжаю 6-го.

3.X

И вчера не успел написать. По-видимому, приходится выехать 7-го, так как 6-го закрытие съезда и обычно в это время бывают всякие затруднения.

От Ниночки³ прекрасное, полное жизни письмо. У них все благополучно. Надежда Эрастовна⁴ была так мила, что его переслала.

Чувствую себя так себе – маленькая простуда всё еще не прошла, а затем, как ты знаешь, вся эта сутолока совсем не в моем духе. Сегодня воскресенье – у меня множество дел – хочу сделать визиты и не пойду на экскурсии.

Нежно и горячо обнимаю. Думаю, что это письмо придет почти одновременно с моим приездом. Погода стоит чудная. Нежно целую. От тебя пришли письмо и карточка, и я успокоился.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 59. Л. 5.

¹ См. коммент. 2 к письму 956.

² А.Е. Любошинская.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Успенская.

17 августа 1928 г., Киев

Киев, 17.VIII.928

Моя дорогая, сегодня прекрасно и вовремя доехал в Киев без опозданий. Погода пока прекрасная. Не знаю, останется ли такой.

На станции Минеральные Воды познакомился с железнодорожным инженером, очень милым, Лопатинским, с которым и ехал в маленьком купе вдвоем, что было очень удобно, так как в других – 4-х местных – была другая публика (все даровая), постоянно сменявшаяся.

Здесь нашел работу в полном ходу¹; то, что меня беспокоило, оказалось – в общем в исправности, но уже 25 августа начнется свертывание нашей работы, так как мой приезд был необходим. А.П. Вин.² не получил моей открытки, так что меня не встретил и чуть-чуть сегодня вся моя экспедиция не уехала из Киева на три дня. Я отложил поездку на завтра; завтра выезжаем, после 4-х часов, на моторной лодке в Староселье (1½ часа езды) и там ночуем – оттуда в Чернь, тоже по Днепру в лодке, в грабовый лес, где соберем вымирающие растения *Tigra patans*, которые сейчас в цвету (водное: одно из самых древних использований человека – собирал во время свайных построек Швейцарии; нас интересует по своеобразию химического состава; богато железом и марганцем, но полного анализа никто не делал). Ночуем в Черни в лесничестве и в понедельник возвращаемся по Днепру в Киев. Думаю, что во вторник поеду в Боярку к Николаю Прокофьевичу³, который будет здесь завтра утром в Академии, и я его завтра увижу.

Сейчас пишу тебе вечером, в десятом часу, скоро лягу спать. Пил чай и провел вечер с президентом Академии Заболотным, который живет в комнате рядом; большинство академиков в разъезде: нет ни Липского, ни Крымского; нет и некоторых других, которых хотел видеть, как Холодного. Открыто окно в сад: на улице шум и со всех сторон – с собачьим лаем – слышно пение – среди городского шума. Украина.

Посылаю тебе два письма Ниночки⁴, которые застал здесь. Ей напишу по возвращении из Черни и Староселья.

Крепко и нежно обнимаю тебя, мою дорогую, и жду письма. Целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 59. Л. 6.

¹ Летом 1928 г. работу по изучению живого вещества по договоренности с Украинской Академией наук В.И. Вернадский организовал в 20 км от Киева на Днепре на Старосельской биологической станции Украинской АН. В июне в

Киев выехало шесть (из 10) научных сотрудников возглавляемой В.И. Вернадским Биогеохимической лаборатории (Биогел). Экспедицию возглавил А.П. Виноградов. Группа химиков располагала для своих работ химической лабораторией в Киевском институте народного хозяйства. Биологическая группа, состоящая из двух человек, была пополнена приглашенными для работ по выработанному плану местными специалистами (энтомологами и ботаниками). Приехав в Киев, В.И. Вернадский непосредственно руководил биологической группой (См.: Отчет о деятельности АН СССР за 1928 г. // АРАН. Ф. Разряд IV. Оп. 12. Д. 21. С. 293).

² Александр Павлович Виноградов.

³ Василенко.

⁴ Н.В. Вернадская.

№ 959

21 августа 1928 г., [Киев]¹

21.VIII.928

Моя драгоценная, надеюсь, что это письмо еще дойдет до тебя. Я только что вернулся из поездки более чем за 60 верст от Киева, с большими приключениями – моторная лодка не могла идти на обратном пути – мотор испортился – и мы приехали на пароходе, который запоздал на несколько часов. Попадали под дождь и грозу, пришлось ночевать с минимальными удобствами, частью на сене на полу в лесничестве, частью в палатке. Три дня, проведенные на воде и в лесу, обветрили меня, и я загорел за это время больше, чем за все лето.

Чувствую себя хорошо; менее устал, чем многие из молодежи, но сегодняшний день у меня пропал в деловом смысле: вместо утра приехали в Киев в 1/2 3-го дня, и я не попал в Боярку к Василенко, которые меня ждали. Думаю завтра утром ехать в Боярку, вернуться вечером. А утром в четверг еду в Староселье, где проведу весь день и ночую, и вернуться в Киев только в пятницу. В Староселье я был только ночь (приехал туда в 12 ночи, а уехал рано утром) и не мог видеть работу сотрудников.

В общем работа налажена, и я надеюсь, что мы получим точные результаты и дело станет на твердую почву².

От Ниночки³ очень хорошее и интересное письмо от 10.VIII, которое посылаю тебе в Петербург. Ей я писал.

Спешу кончить эти несколько строк – так как придет сейчас служащий Никифор Прокофьевич⁴ и отнесет на почту это письмо.

Нежно обнимаю. Завтра утром пишу в Петербург.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 59. Л. 7.

¹ Письмо написано в Киеве, что следует из его содержания: "...приехали в Киев в 1/2 3 дня...".

² См. коммент. 1 к письму 958. Конкретные результаты произведенной работы см. в Отчете Биогеохимической лаборатории (Отчет о деятельности АН СССР за 1928 г. Т. II // АРАН. Ф. Разряд IV. Оп. 12. Д. 21. С. 271–273).

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Никифор Прокофьевич (фамилию установить не удалось), сторож в Украинской АН.

№ 960

22 августа [1928 г.], Киев

Киев, 22.VIII., утро

Дорогая моя, вчера послал тебе последнее письмо в Кисловодск, а это направляю в Питер. Надеюсь, что ты его получишь сейчас же по приезде. Посылаю последние письма Ниночки¹, которой сегодня же пишу.

Вчера, как писал тебе, вернулся из Чернино после двух ночей, которые провел, не раздеваясь – всё время на воздухе, на реке и в лесу. Одну ночь спал в палатке на берегу Днепра. Чувствую себя отлично – говорят, загорел сильно от ветра и от солнца.

Сейчас пишу утром. Так как спал не очень много во время поездки, я вчера лег в 8 часов и проспал, почти не просыпаясь, до 5½. Вечером хотел было пойти к Шапошникову (акад.), которого встретил по приезде, но почувствовал, что это не благоразумно, и послал Никифора Прокофьевича² (сторож, который всегда здесь в Академии при мне) сказать, что не буду.

Сегодня – пишу рано утром до чая – еду в Боярки к Николаю Прокофьевичу³; должен был вчера, но запоздал и послал ему телеграмму, что приеду сегодня. Проведу там целый день. Вернусь в Киев к вечеру. Завтра утром, если погода будет хорошая, еду в Староселье, должно быть на пароходе – хочу осмотреть тамошнюю работу – а затем побуду в лесу и на берегу Днепра. Сейчас погода хорошая. Во время поездки в Чернино нас, хотя и сильно, мочило – на Днепре (я был в чужом непромокаемом из брезента ⟨плаще⟩ и покрыты мы были импровизированной на моторной лодке палаткой), но в общем погода была чудная. Дождя не было, когда мы ходили.

Очень доволен, что видел в природе *Tupa natans*, много интересных разговоров и так хорошо в лесу и на большой реке. Но очень сильное впечатление резкой и какой-то жуткой перемены **природы**, отражения на ней переживаемого социального переворота в жизни человека. Нет сейчас устойчивости и нет в ней никакого столь сильно действующего на нас впечатления вековой мощности. Осталось таким чудное звездное не-

бо, которым я наслаждался, как давно не было, на берегу Днепра в украинскую, но холодную ночь, когда там ночевал у костра и в палатке (пятеро в небольшой), но всё остальное находится в разрушительном движении. Исчез навсегда нетронутый девственный лес, который и на меня и на Ниночку произвел такое чарующее впечатление в 1919 г.; всюду вырублено и рубки и делаемые по теперешним “планам” и без всякого плана хищническим инстинктом собственника крестьянина, которому всегда *après pou le déluge*⁴! – одинаково и беспощадны и варварски. Попытка улучшения – ростки будущего или обреченные на гибель слабые проявления созидательного творчества – исчезают в массе разрушений. Никакого улучшения хозяйства, бедность, истребление дичи – охотники производят впечатление чего-то совершенно бессмысленно дикого, и их масса производит впечатление *memento mori*⁵. Стихийная биологическая сила в конце концов выйдет из всего этого в своем проявлении: рост населения, которому некуда деться при теперешних социальных условиях и рождение нового поколения, слабого по талантам и одаренности, но жадного к жизни.

Нежно целую.

Оп. 7. Д. 59. Л. 8–9.

¹ Н.В. Вернадская.

² Фамилию установить не удалось.

³ Василенко.

⁴ После нас хоть потоп (фр.).

⁵ Грозное напоминание об опасности, угрозе, гибели, крахе и т.п. (лат.).

№ 961

25 августа 1928 г., Киев

Киев, 25.VIII.928, суббота

Дорогая моя, сегодня только что приехал из Староселья, где ночевал, и еду через 1½ часа в Кончу (на моторной лодке). Оттуда вернусь в понедельник утром в Киев. Вернувшись, пойду брать билет. Приеду в Петербург должно быть в пятницу или четверг, самое позднее в субботу 18.25 вечера. Выеду утром в среду или четверг. Не знаю будут ли билеты. Получил твои письма от 21–22.VIII и Ниночкино¹ от 19.VIII – пришлю его по возвращении из Кончи. Ниночкино письмо очень бодрое.

Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

Чувствую себя хорошо – работа здесь идет хорошо.

На обороте: Ленинград, Васильевский остров, 7 линия, 2. Наталье Егоровне Вернадской.

Оп. 7. Д. 59. Л. 10.

¹ Н.В. Вернадская-Толль.

№ 962

27 августа 1928 г., [Киев]¹

27.VIII.928

Моя дорогая, надеюсь, что ты уже приехала. Сегодня вернулся из Кончи-Засны, где провел два дня. Билет взял на послезавтра, среду, но на скорый поезд уже не было, и буду в пятницу утром. Работа заканчивается – в общем все главное сделано.

Тороплюсь отправить письмо – нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

Получил записочку от Н.Э.² – очень ее благодарю. Горячий привет Фед.Ив.³

Мало кого застал в Киеве – все в разъездах. Нежно обнимаю.

На обороте: Ленинград, Васильевский остров, 7 линия, 2. Наталье Егоровне **Вернадской**.

Оп. 7. Д. 59. Л. 11.

¹ Место написания открытки установлено по почтовому штемпелю.

² Надежда Эрастовна Успенская.

³ Федор Иванович Успенский.

№ 963

28 августа 1928 г., Киев

Киев, 28.VIII.928

Дорогая моя, на скорый нет билетов до пятницы – поэтому еду почтовым (только там есть мягкий вагон!) без пересадки. Приеду в пятницу утром, выезжаю в среду днем.

Думал было пробыть дня два в Боярке и вернуться к 1-му, но решил лучше вернуться раньше.

Надеюсь, ты доехала благополучно.

Нежно обнимаю. Георгино¹ письмо, о котором ты писала, что пришлешь, не получил.

Твой *Владимир*

На обороте: Ленинград, Васильевский остров, 7 линия, 2. Наталье Егоровне **Вернадской**.

Оп. 7. Д. 59. Л. 12.

¹ Г.В. Вернадский.

8 июня 1933 г., [Москва]¹

8.VI.1933

Дорогая моя, застрял здесь и выезжаю 10-го. Три дня 5–7 был на съезде по гелию². 5-го был у Вор.³ – имел большой разговор – он обещал 7-го дать мне знать; сегодня 8 и от него нет письма и дозвониться к нему я не мог. Сегодня дозвонился до Мирошн.⁴, но говорил с его секретарем и завтра в 10^{1/2} буду ему звонить. Сегодня большую часть дня пробыл на Радиевом заводе. По-видимому, дело в том, что мою командировку⁵ Академия наук направила на суммы Совета Народных комиссаров, очевидно, рассчитывая так сохранить свои валютные суммы. А эти суммы все сняты. Завтра буду стараться по телефону выяснить возможности. Если нужно, останусь лишний день. Получил твои письма и очень благодарю и так радостно было знать о Танечке⁶.

Фед. Густ.⁷ застал здесь; он застрял, видел еще немного друзей, так как 5–7 были сплошь почти, кроме вечеров, заняты.

Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

На обороте: **Ленинград**, Васильевский остров, 7 линия, 2, кв. 12. Н.Е. **Вернадской**.

Оп. 7. Д. 59. Л. 14.

¹ Место написания установлено по почтовому штемпелю на открытке.

² Съезд по гелию проводился при Госплане СССР.

³ Очевидно, Ефим Павлович Воронов.

⁴ Возможно, И. Мирошников.

⁵ См. коммент. 2 к письму 965.

⁶ Татьяна Толль.

⁷ Личность установить не удалось.

№ 965

9 июня 1933 г. [Москва]¹

9.VI.1933

Дорогая моя, пишу несколько слов у Кати Чернояровой: застал их всех.

Выезжаю завтра. Пишу, чтобы сказать, что сейчас был в Кремле и с командировкой² все выяснил. Завтра буду еще раз более конкретно все выяснять.

Выедем возможно скорее.

Нежно целую.

Твой *Владимир*

Катя, ее дочка и ее очень милая внучка (Зиночка) просят кланяться.

На обороте: Ленинград, Васильевский остров, 7 линия, 2, кв. 12. Н.Е. Вернадской.

Оп. 7. Д. 59. Л. 13.

¹ Место написания установлено по почтовому штемпелю на открытке.

² Здесь и в следующих письмах (№ 966–969) речь идет о полугодовой командировке в страны Западной Европы, куда Вернадский выехал 11 августа 1933 г. вместе с женой. Он посетил Чехословакию, Польшу, Францию, Англию, где читал лекции по радиогеологии и научно работал.

№ 966

16 июля 1933 г. [Москва]¹

16.VI.933

Дорогая моя, пишу тебе спешной почтой потому, что задерживаюсь. Я был три раза в Кремле у Воронова и вчера передал Молотову бумагу, которую писал еще в Петербурге. Вопрос официально поставлен.

Вчера бумага была у него, и сегодня, думаю, что он до нее дойдет. Это единственное, чего удалось добиться. Не знаю, какой путь выберет Молотов. Завтра буду звонить, чтобы узнать ответ, очевидно, не выеду, потому что не исключено, что Молотов меня вызовет, а 18-го праздник! Завтра буду в 5 часов звонить Воронову в Кремль, но он может там не быть, и предлагают позвонить ему на квартиру в 11–12 часов ночи! Или утром на следующий день. Ужасно, что здесь нет телефона!

Ясно, что не выеду и 18-го, потому что билет <купить> мне обещают помочь из Совнаркома, а 18-го выходной день.

Опять разговоры об отложении поездки² на начало будущего года, на осень, на март! На последнее я решительно не соглашаюсь, но все это провизорно в связи с неизвестным решением Молотова.

С изданием книг все улаживается. “Геохимия”³ (должен получить в ближайшее время 3000 руб.), “Силикаты”⁴ (получил сейчас 1500) и “Биогеохимические очерки”⁵ (выйдут в первой четверти 1934 года, а “Силикаты” и “Геохимия” осенью).

Приехал Анатолий Михайлович⁶, и они со всеми детьми поселяются на даче здесь, а потом Анатолий Михайлович думает приехать в Петербург искать там работу и хочет поселить семью около Петербурга. Я думаю, он прав. Он молодцом выходит из трудностей жизни.

Здесь приехал для [мамы]⁷ Дмитрий Иванович⁸ и вчера приехала Наташа⁹ его с мужем¹⁰ — очень хорошо с ними [забылся].

Все дела теперь заканчиваю и эти дни уже буду “ждать погоды”. Не так просто будет и просто выехать. Это уже придется идти еще выше Молотова. Но, конечно, ничего нельзя гадать, пока нет ответа, что я вообще не очень люблю думать о том, чего может быть и не будет. Мне кажется, в таком случае придется хлопотать о немедленном отъезде, но это потребует большого времени.

С Вороновым говорил и об отдыхе [по случаю] – в “Железе” можно иметь комнату. Не думаешь ли, что будет сыро?

Ехать же далеко не хочется. Может быть, самое благоразумное, ехать на месячный отдых в “Железе” и по возвращении сейчас же начать хлопотать о паспортах?

Видел Волгина – он забыл (и кажется, действительно) известить меня о решении снять мою статью из ноябрьского сборника и поместить ее в “Известиях” Академии. Я сговорился с ним об отдельном ее издании.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 59. Л. 15–16.

¹ Письмо написано в Москве, что явствует из его содержания: “Я был три раза в Кремле”.

² См. коммент. 2 к письму 965.

³ Вернадский В.И. Очерки геохимии. 4-е изд. (2-е рус.). М.: Гос. науч.-техн. горно-геол.-нефт. изд-во, 1934.

⁴ Земные силикаты, алюмосиликаты и их аналоги. Из лекций В.И. Вернадского в Моск. ун-те, изд. в 1910–1912 гг. – 4-е изд., перераб. и приведенное к новому уровню знаний С.М. Курбатовым и В.И. Вернадским. Л.; М.: ОНТИ, Гл. ред. геол.-развед. и геодез. лит., 1937.

⁵ Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. Вып. 1: Значение биогеохимии для познания биосферы. Л.: Изд-во АН СССР, 1934.

⁶ Фокин.

⁷ Возможно, имеется в виду жена Д.И. Шаховского – Анна Николаевна Шаховская.

⁸ Шаховской.

⁹ Наталия Дмитриевна Шик.

¹⁰ Михаил Владимирович Шик.

№ 967

21 июля 1933 г. [Москва]¹

21.VII.933

Я всё еще сижу здесь, моя дорогая, и не ясно даже, когда выеду, на всякий случай пишу. Ответ должен был быть дан вчера, потом сегодня – но его нет. Я дал телефон Аси² – но Воронов го-

ворил мне сегодня, что физически Молотов до бумаги еще ут-ром не дошел. Трудно представить себе, до какой степени все делается медленно, бестолково, с бесконечной тратой времени. Я очень надеюсь на благоприятный ответ, но уверенным быть не могу. Если будет вполне благоприятный, явится вопрос, не выгодно ли остаться и получить самому паспорта³? Подумываю и об этом.

Сегодня был в Лаборатории низких температур. Очень интересная работа и в корне все не прочно. Во главе огромного научно-исследовательского института ряд людей с малыми знаниями. Сговорился с ними о некоторой работе, которая меня интересует и которую, несомненно, можно сделать. Но я не поручусь, что эта лаборатория просуществует сколько-нибудь долго и даст какие-нибудь серьезные результаты, что выдающийся инженер не будет заменен каким-нибудь невеждой.

Я уеду отсюда, как только получу наконец ответ. Ужасно неудобно быть без телефона; тратить множество времени даром. Очень рад, что Ниночка⁴ сохранила свою [работу], но, вероятно, Н.П.⁵ придется вести другую структуру работы.

Твой *Владимир*

На обороте: Ленинград, Васильевский остров, 7 линия, д. 2, кв. 12. **Н.Е. Вернадской.**

Оп. 7. Д. 59. Л. 17.

¹ Место написания открытки установлено по почтовому штемпелю.

² А.М. Любошинский.

³ См. коммент. 2 к письму 965.

⁴ Н.В. Вернадская-Толль.

⁵ Николай Петрович Толль.

№ 968

23 июля 1933 г., Москва

Москва, 23.VII.1933

Моя дорогая, я решился добиться во что бы то ни стало ответа и потому пробуду здесь или до тех пор, когда выяснится, что выбрано будет первое решение о безвалютной поездке, или же получу паспорта с командировкой¹. Сейчас вопрос об отсрочке (пока?) не ставили, а поставлен вопрос о командировке с августа. Бумага лежит уже у М.², но пока он до нее не дошел. Я непрерывно и по телефону, и письменно, и лично с разных сторон добиваюсь. Тут много рутины, бестолковщины, бюрократизма и фактической загруженности центральной власти, которая должно

быть измучена и при всем желании не может правильно вести данное дело.

Вчера не дозвонился до Воронова. Отвез письмо Б.³, но затем не мог с ним созвониться. Письмо он получил. Виделся в комиссариате с Бубновым – обещал 23 или 25 переговорить с Молотовым.

Обедал вчера у Грабаря, который очень мил и всегда мне с ним приятно видется. У Петрушевских (Дмитрий Моисеевич сейчас в Узком) заболела опасно внучка – сегодня зайду к Грабарю узнать о здоровье. Это очень страшно, так как у них чувство “девочки у них не живут” – так рассказывал Грабарь. Вечером был у Зелинских: мальчуган нежный и ласковый и прелестный в развертывающемся сознании. Они послезавтра едут в Залучье, имеют твердое купе без пересадки: из Москвы ближе и едут днем. Завтра буду у них обедать.

Третьего дня был в Лефортово, осмотрел лабораторию низких температур и сговорился о совместной работе – хочу поставить исследование “дыхания” Земли гелием” (т.е. радиоактивным процессом). Ужасно странное чувство. Я образно как будто его чувствую и вижу: до сих пор ни одного факта, это важно, и **никто** этого не думал, создание моей научной фантазии, которое странно глубоко чувствую и почти вижу в каких-то своеобразных внутренних образах: внутренний глаз, о котором где-то читал. Но важно ли, что ясно вижу, как это точно проверить.

Я написал Александру Евгеньевичу⁴ в связи с этим – узнай, когда он приедет. Надо бы в Хибинах в начале августа устроить на довольствие одного молодого физика. Скажи ему по телефону, если он в Питере.

Может быть, поеду осматривать воздушную установку полета в стратосферу, куда едет из Радиевого института Вериго.

Но в общем, кроме хлопот, читаю романы – сейчас, верно, изменю, так как уже это слишком долго. Видел много народа – более или менее случайного.

Здесь, в Москве, сейчас очень скверные условия для еды, и я больше, может быть, чем нужно бы, на Паше⁵, так как боюсь заболеть от иной пищи. Паша много работает, устал, убеждаю и я, и другие подать на персональную пенсию. Он приедет и всё ждет, как и я с своим делом: должен ехать вдвоем, а его компаньон исчез и запаздывает и, когда приедет, неизвестно, а без него и он ехать не может.

Очень скверно с бельем: взял всего недостаточно. Устраиваю стирку. Но для меня ясно, что если я уеду, все попадет в трясины.

Очень неудобно без телефона – пробовал на почте – невозможно: дикое устройство. Хожу к Асе⁶ (15 м) и от нее говорю.

Пойду сейчас – хочу добиться личного свидания с секретарем Молотова. В еде (кроме тех случаев, когда обедаю дома или в гостях) принципиально не ем ни мяса, ни мясного, ни рыбы. Но очень всё неважно. Может быть, даже попробую в дорогом ресторане, но как будто и там не этих продуктов нет.

Сейчас Машура⁷ с мужем и детьми уехала. Анат. Мих.⁸ хочет ехать в Петербург вскоре. Но я ему ничего не говорил, чтобы он был у нас, так как будет Паша.

Сейчас иду, пошлю спешной почтой письмо это, затем к Асе, говорить по телефону и затем буду делать, что выяснено будет по телефону. И расстояния велики и ждать приходится.

Завтра с Пашей пойдем в Нескучный сад и обедаю у Зелинских. Завтра выходной день – значит в смысле хлопот – пропал.

Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

Очень рад, что у Ниночки⁹ устроилось с [кассами]. Но, очевидно, Николаю Петровичу¹⁰ придется изменять строй жизни.

По твоим открыткам Маке¹¹ слежу – но просил мне спешной почтой.

Оп. 7. Д. 59. Л. 18.

¹ См. коммент. 2 к письму 965.

² Очевидно, Вячеслав Михайлович Молотов, который в это время занимал пост председателя Совета народных комиссаров.

³ Очевидно, Андрей Сергеевич Бубнов, который в это время возглавлял Наркомат просвещения.

⁴ Ферсман.

⁵ П.Е. Старицкий.

⁶ Анна Марковна Любошинская.

⁷ Мария Марковна Фокина.

⁸ Анатолий Михайлович Фокин.

⁹ Н.В. Толль.

¹⁰ Толль.

¹¹ Мария Егоровна Старицкая.

№ 969

2 августа [1933 г., Москва]¹

2.VIII.

Дорогая моя, в вагоне после ухода Комл.² вспомнил, что не взял твои карточки! **Спешно телеграфировал** с Курского вокзала. Надеюсь, получила вовремя и выслала. Всё есть, и если бы были карточки (я сегодня свои получил), могли бы выехать сейчас же. Особым порядком быстро и паспорта, и деньги³.

Я думаю, ехать лучше через Варшаву, дешевле и быстрее. Выехав позже (1 ч. 30 дня), вместо часа на Ригу – приедем в 11 часов утра вместо 4-х!, если правильно дали справку в бестолковом и безграмотном учреждении – Интурист.

Мои заседания завтра.

Не выехать ли нам 8–10? Надо готовиться.

Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

Ниночке⁴ не могу писать: заграничных открыток нет и нет бумаги, а конверты такие, что, как говорят, за границу нельзя.

Постараюсь всё устроить, если твои карточки придут, чтобы до 6 всё получить.

На обороте: **Спешная почта.**

Ленинград, Васильевский остров, 7 линия, 2, кв. 12. Н.Е. Вернадской.

Адрес: В. Вернадский. Zubовский б-р, 15, кв. 28.

Оп. 7. Д. 59. Л. 19.

¹ Год и место написания открытки установлены по почтовому штемпелю.

² Возможно, Леонид Васильевич Комлев – в это время сотрудник Государственного радиового института.

³ См. коммент. 2 к письму 965.

⁴ Н.В. Толль.

№ 970

28 февраля 1934 г. (Ленинград)¹

28.II.934, утро

Дорогая моя, от тебя еще нет известий. Надеюсь, что ты хорошо доехала и тебя встретили. Мне надо знать, с каким поездом ты приедешь, чтобы достать автомобиль. Не знаю, застанет ли тебя письмо, но надеюсь, что ты известишь точно о поезде, когда будешь назад.

У нас здесь нехорошо. С Сергеем² наступило на следующий день после твоего отъезда резкое ухудшение. По-видимому, так же как с опухольями ног просмотрели и желудок. Врач думает, что ухудшение связано с “отравлением крови” от желудка – но это, по-видимому, начало конца. Страдания огромные, ослабел. Я его не вижу. Мало спит. Вчера дал Е.Г.³ морфий. Хотели вечером впрыснуть – но не впрыснули. Очень это тяжело.

Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

Как Паша⁴? Жду письма.

Владимир

На обороте: Москва, Zubovskiy bul'var, 15, kv. 28. П.Е. Старицкому для передачи **Н.Е. Вернадской**.

Оп. 7. Д. 59. Л. 20.

¹ Место написания открытки установлено по почтовому штемпелю.

² С.Ф. Ольденбург.

³ Елена Георгиевна Ольденбург.

⁴ П.Е. Старицкий.

№ 971

15 декабря 1934 г., Москва

15.XII.934, Москва, утро

Моя дорогая, доехал отлично. Встретил меня Ник.Дм.¹ – очень дружественный и Хлопин. Устроился в гостинице “Метрополь” Кажется, хорошо, но, может быть, номер придется переменить, так как рядом с постелью уже с 7 часов, а, может быть, и раньше шумят, а так как я здесь, по-видимому, должен буду ложиться поздно, то может быть придется его переменить. Значительная часть дня прошла в ожиданиях и хлопотах в Комиссариате народного просвещения. В конце концов свиделся с Бубновым и выяснил все положение Радиевого института. Стройка на 1935 г. пропущена (“месяц раньше”), но на 1936 г. будет, но это всё очень неясно. Положение лаборатории и устройство Академии – хаос. Наша лаборатория выйдет в конце концов. Еще не видел никого, кроме своих из Биогеохимической лаборатории. Днем я обедал у Паши². Паша поправился: у него была небольшая инфлюенца. Видел еще Наташу³, деток⁴, Маку⁵ и т.д. Все благополучно. Машура⁶ была на службе. Видел младшего Пашу⁷. Пока всюду имел автомобиль. От Паши поехал в Комиссариат народного просвещения, где к 6 часам (прислали машину), но Бубнова видел только в 8¹/₂ вечера! Ждали. Вечером вернулся пешком в “Метрополь” (проводил Хлопин). До 11¹/₂ деловой разговор с Виноградовым. Он доволен своей квартирой, приглашал и меня, а когда я отказался, Хлопина, хотя неволью! Сейчас 8¹/₂ часов утра. В 10 часов у меня Баринов.

Нежно целую.

На обороте: Ленинград. Васильевский остров, 7 линия, 2, кв. 12. **Н.Е. Вернадской**.

Оп. 7. Д. 59. Л. 21.

¹ Возможно, Николай Дмитриевич Зелинский.

² П.Е. Старицкий.

³ Очевидно, Наталия Марковна Любошинская.

⁴ Внучки М.М. Любошинского.

⁵ Мария Егоровна Старицкая.

⁶ Мария Марковна Любошинская.

⁷ Очевидно, один из внуков М.М. Любошинского.

№ 972

17 декабря 1934 г., (Москва)¹

17.XII.934

Дорогая моя, пишу вторую открытку. Чувствую себя хорошо. Заседания скучные² – нет жизни, так как основные вопросы не рассматриваются, да и нет веры, что они могут быть рассматриваемы. Сегодня кончил свой доклад, который будет 20-го³. Лаборатория начнет работать через месяц, думаю. В общем будет немного лучше, чем в Ленинграде. Для этого переезжать не стоило. Ну, может быть, через несколько лет уладится: но если несколько лет – то много иксов. Паша⁴ все-таки не поправился со своей основной работой. Он не осторожен. Бывал до сих пор каждый день. Сегодня не буду. Сегодня заседание отделения (навязанное, бюрократическое), обедаю у Зелинского, вечером доклады геологической группы. В гостинице устроился хорошо. Академия платит комнату непосредственно и проезд туда и обратно. На еду и т.п. выдают те двести рублей, которые получил в Ленинграде. В общем это всё оплатит львиную долю расходов. До сих пор машины были предоставлены для поездок хорошо – правда, я пользовался еще Комиссариатом народного просвещения и институтами Федоровского⁵ и Зелинского⁶. Даже мало хожу и невозможно было эти два дня: скользко. Митя⁷, очевидно доволен возможностью санатория. Я ему вчера дал 250, но это мало. У меня сейчас есть деньги, но у меня еще будут такие же расходы и было бы хорошо, чтобы ты выслала ему 150 руб. Он очень устал и без лечения работать не может: я и не углублял разговора. Надо несколько больше оплаты пансиона. Я бы мог выдать 100 – но, мне кажется, 350 мало. Лучше 400. Очень боюсь, что ты пойдешь сама на почту, а у вас, верно, скользко. Будь осторожна. Мне предлагают квартиру – в старом доме, которую надо отделать Александру Евгеньевичу⁸ поручил искать. Можно той же площади и 4 комнаты. Но это все обещания, которые, конечно, не исполняются. Во всяком случае, постараюсь посмотреть. Устроено и хорошее общежитие (комнаты) для академиков, не полное. Мне кажется, не партийное ли главным образом. Чувствую себя хорошо.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Вчера обедал в академической столовой – “хорошо” – 3 руб. обед.

На обороте: Ленинград, Васильевский остров, 7 линия, 2, кв. 12. Н.Е. Вернадской.

Оп. 7. Д. 59. Л. 22.

- ¹ Место написания открытки установлено по почтовому штемпелю.
- ² Имеется в виду Общее собрание Академии наук, которое впервые проходило в Москве (15–22 декабря), в связи с переездом Президиума АН и ее основных научных учреждений из Ленинграда в Москву. На декабрьской сессии рассматривались и утверждались планы научно-исследовательской работы Академии наук на 1935 г., разработанные учреждениями АН, утверждены организационные изменения в составе учреждений АН и произведены выборы руководителей учреждений (Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 21).
- ³ 20 декабря В.И. Вернадский выступил на заседании Отделения математических и естественных наук АН СССР с докладом “О некоторых явлениях в радиогеологии”, который был опубликован под названием “О некоторых очередных проблемах радиогеологии” (Изв. АН СССР. Сер. 7. 1935. № 1. С. 1–18).
- ⁴ П.Е. Старицкий.
- ⁵ Имеется в виду Институт прикладной минералогии.
- ⁶ Имеется в виду Институт органической химии.
- ⁷ Д.И. Шаховской.
- ⁸ Ферсман.

№ 973

17 декабря 1934 г. (Москва)¹

17.XII.934

Моя дорогая, послал тебе сегодня открытку. Не знаю, дойдет ли она до тебя, послана из Академии с той маркой, какую мог достать. Письмо получил – спасибо. Я тебе писал, чтобы ты послала Дмитрию Ивановичу² 150 руб. Я дал ему 250, но я думаю, что лучше ему иметь 400 для санатория. Он, бедненький, чувствует такую слабость – что это надо. И надо лечиться, почему было бы очень хорошо попасть в КСУ³. Сегодня уже первое заседание Академии. В общем всё идет так, как будто у нас всё благополучно с переездом. Сессия сырая, как и должно быть. Сегодня хотели с Зелинским быть у Петрушевского, который, говорят, находится в очень подавленном настроении – но при выезде из Академии была такая гололедица и дождь, немедленно леденевший, что не решились. А через 1½ часа погода изменилась, и можно было свободно идти по городу. Гололедица третий день. Боюсь, как ты. Будь осторожна. Был у Пилипенко, но его не застал. Может быть, еще придет (он на выборах). Два дня из-за гололедицы!

не гулял, а сегодня неожиданно хорошо прошелся. Местность около университета изменилась до неузнаваемости!

18.XII., утро

Завтра мой доклад – мне кажется, он не может пройти незамеченным⁴. Я, по крайней мере, считаю, что удалось выразить то, что хотел. Вчера в 10 часов вечера пришел ко мне Пилипенко, а еще **позже!** Хлопин и Блох., любезно передавший свой разговор с тобою. Лег спать в 11 ¹/₂. Нежно⁵.

На обороте: Ленинград, Васильевский остров, 7 линия, 2, кв. 12. Н.Е. Вернадской.

Оп. 7. Д. 59. Л. 23.

¹ Место написания открытки установлено по почтовому штемпелю.

² Шаховской.

³ Комиссия содействия ученым при Совете Народных Комиссаров СССР (1931–1937) занималась в основном вопросами науки, а вопросы быта ученых перешли полностью в ведение профсоюза.

⁴ Доклад состоялся 20 декабря 1934 г. См. коммент. 3 к письму 972.

⁵ На этом открытка обрывается.

№ 974

19 декабря 1934 г., Москва

Москва, 19. XII. 934

Дорогая моя, вчера получил твое письмо и очень всегда рад весточке.

Один день лишний остаюсь в Москве. На 23.XII предполагается созвать организационный комитет геологического конгресса¹; вечером в этот день будет заседание Минералогического кружка и Метеоритной комиссии². Так что я вчера заказал билет на стрелу на 23 и должен таким образом приехать в Петербург 24 со стрелой, то есть днем около 12 часов. Скажи по телефону и в секретариат (1.47.55), и в гараж (6.26.29), чтобы встретили.

С “Известиями”, по-видимому, это общее правило – ни Д.И.³, ни Паша⁴ не могут подписаться: **через учреждение**. Сегодня буду говорить в секретариате и думаю, что устрою. А московскую газету какую-нибудь – “Вечернюю” или “Правду” выпиши.

Паше советуют выйти в отставку и тогда хлопотать о пенсии. Он всё еще несколько колеблется, но я думаю, это правильно. Он от гриппа поправился, но всё же его обычная болезнь его мучает. Он очень хрупенький. Я почти каждый день бывал у них. Был вчера. Обычно там и обедал, но эти два дня к ним не попаду.

Вчера было первое общее собрание⁵. И было обсуждение проекта Устава (безобразное творчество), вчера выступил и я с

определенной резкой и откровенной критикой. Большое публичное заседание. Представь себе, оказалось, что главный автор Деборин (сидел рядом случайно). Он обиженно и очень неумно отвечал. Очевидно, был для публики инцидент. Но провести им Устав в таком виде явно не удастся.

Вчера утром был у Кати Чернойаровой, приехал утром в 10 часов, в начале 11-го и застал спящих (выходной день). Очень милое и хорошее впечатление они делают. Это, я думаю, сердечность Кати – доброе хорошее сердце. Это всегда у нее было. Но и остаток братьев и сестер не поддерживают связи. Они хотят познакомиться с Булоцелями (не знают их фамилии после развода – девичьей фамилии О.Д.). Верно, будут тебе писать. Девочка **очень** славная. Вечером был у Розанова – он собрал несколько человек академиков; он сохранил и квартиру и библиотеку, но я приехал к нему в 9 часов вечера, в начале десятого, кое-кого застал, но начали отъезжать около 11! Уехал в 12 (с Ляпуновыми – вот чудачки!). Очень тяжелое впечатление Лузин: не спит, головные боли. Такой ancien régime⁶ (ужин Московский!) старой Москвы ему, конечно, вреден. О загранице он вновь хлопочет. В Royah он не попал – отказали. Александр Евгеньевич⁷ тоже хочет в Карлсбад. Я начну хлопоты теперь же на 2 1/2–3 месяца, в Италию и Англию⁸. Писем французских еще не прочел. Пробежал. Urbain, по-видимому, много напутала. Завтра вечером мой доклад. Александр Евгеньевич среди всей сутолоки сделал крупное обобщение – но сидит до 3–5 часов утра, вычисляя.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Привет П.К.⁹, А.Д.¹⁰, Гревсам¹¹, Сереже¹² (как Агафонов¹³). Сейчас (9 ч. утра) жду Федоровского, заедет за мной на машине и повезет к себе. О силикатах. В 12 доклад Фр.Юл.¹⁴, а затем свидание с одним сибирским геологом (Ильиным). Хочу поймать Волгина и издательство. Мне сказал Яковкин, что Наталье Егоровне¹⁵ послана книга Звенигородского и обещал все сделать. Думаю сделает, если проследить.

Оп. 7. Д. 59. Л. 24.

¹ Имеется в виду XVII Международный геологический конгресс, который проходил в Москве с 21 по 28 июля 1937 г.

² В.И. Вернадский был председателем Метеоритной комиссии, созданной по его инициативе в Академии наук СССР в 1933 г.

³ Дмитрий Иванович Шаховской.

⁴ П.Е. Старицкий.

⁵ См. коммент. 2 к письму 972.

⁶ Старый режим (фр.).

⁷ Ферсман.

⁸ В 1935 г. В.И. Вернадский получил разрешение на трехмесячную заграничную командировку для работы в библиотеках Лондона, Рима, Парижа над книгой “Биогеохимическая энергия в земной коре”. По состоянию здоровья ему не удалось побывать в Лондоне и Риме, а работал над книгой только в парижских библиотеках с 24 октября по 4 ноября. Остальное время жил с Натальей Егоровной в семье дочери в Праге.

⁹ Прасковья Кирилловна Казакова.

¹⁰ Очевидно, А.Д. Шаховская.

¹¹ Гревсы.

¹² Личность установить не удалось.

¹³ Фамилия написана неразборчиво.

¹⁴ Франц Юльевич Левинсон-Лессинг.

¹⁵ Вернадская.

№ 975

20 марта 1935 г., Москва

Москва, Малый Харитоньевский пер., 4
20.III. 935

Моя дорогая, вчера не успел тебе написать. С.М.¹ еще здесь – ждет решения: вид хороший. Я надеюсь, что он добьется. Я видел его вчера и сегодня, заезжая к Паше². Паша, получив пенсию, чувствует себя недурно, по-моему. Видел Дмитрия Ивановича и Анну Николаевну³. Митя всё еще слаб, и мне не нравится какая-то одутловатость его лица.

Сегодня смотрел квартиру. Я не смотрел квартиру на Садовой у Пресни, так как мне кажется, квартира на Дурновском, 1 **вполне** нам подходит. Думаю, что не ошибаюсь – но, во всяком случае, до твоего осмотра я окончательно не решаю, но прошу ее задержать. Это небольшой особняк среди очень чистого двора-садика. Новая постройка – 1926 – строило немецкое торговое представительство. Два этажа – я смотрел только верхний, так как ты не хочешь внизу. Есть еще полуподвальный этаж. Квартира относительно чистая, комнаты высокие, на солнечную сторону, центральное отопление: площадь около 89 кв. м. Кабинет – большая комната, больше 35 кв. м (меньше моего), есть еще 4 комнаты, но две (6 кв. м и 7 кв. м), конечно, должны быть соединены. Будет, следовательно, 4. Своя прачечная внизу. **Большая** (относительно) кухни с газовой плитой; ванна с газовым отоплением (вроде как в Праге). Есть какие-то кладовки, кажется. Один ход. Лестница, мне кажется, более крутая, чем у нас, в два перехода. Кто будет жить внизу – не знаю.

Это культурная новая квартира – иностранца. В сущности, если бы мы захотели держать прислугу, не приходящую, можно

было бы иметь в полуподвальном помещении, сухом и теплом. Нижний этаж такой же...

Если потребуется ремонт, то небольшой относительно, и, следовательно, очень скоро станет вопрос о переезде. Ломать ли нам, старикам, так жизнь? Сейчас надо это окончательно решать. Я думаю, что я не смогу долго вести два института, быстро оба растущие, и придется выбирать. Хочу заняться, как ты знаешь, своей книгой над биогеохимической энергией жизни с философским уклоном, дающей новый аспект явлений жизни. Было бы лучше всего эту книгу писать там, где Танечка⁴. Но, если здоровье позволит, я не хотел бы бросить института здесь. Очевидно, оба института – и биогеохимический, и радиевый – будут еще долго в сдавленном состоянии. На постройку и того и другого, на приведение их в нормальное положение в ближайшее время надежды мало. Радиевый институт, очевидно, останется в Петербурге, а Биогеохимический – в Москве. С другой стороны, наиболее близкие люди здесь, в Москве.

Сегодня достанут план квартиры, и я тебе его сегодня же постараюсь послать. Очень жду известий от тебя – о Ниночке⁵, очень всё же беспокойно.

Нежно целую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 59. Л. 25.

¹ Очевидно, Сергей Михайлович Фокин.

² П.Е. Старицкий.

³ Шаховские.

⁴ Т.Н. Толль.

⁵ Н.В. Толль.

№ 976

22 марта 1935 г., [Москва]

22.III. 935

Дорогая моя, вчера вечером я был у Зелинского и туда мне Машура¹ прозвонила твою открытку. Рад, что Ниночка² выздоровела.

Вчера и накануне ночью я чувствовал себя неважно с сердцем; Александр Павлович³ согласно твоему письму взял мой пульс – и нашел его не вполне хорошим, с небольшим перебоем. Сегодня по его совету я не пойду днем на два заседания, на которых хотел быть, просижу и пролежу дома (я в общежитии академиков – на Малом Харитоньевском – кроме меня, Карпинские и Курнаков), так как завтра и послезавтра трудные дни. Завтра

мой доклад в Академии⁴. Принял adonis vernalis и чувствую себя лучше. Все-таки неприятно повторение сердечного недомогания. Поеду обедать к Паше⁵, оттуда на заседание, где я председательствую в 6 часов.

У Зелинских всё хорошо – прелестный нежный и быстро развивающийся мальчуган.

Они знают домик, квартира в котором мною выбрана и удержана. Я надеюсь, она тебе понравится, они очень ее хвалят. Раз решили переезжать, едва ли найдем лучшее. Близки бульвары и скверы, говорят, в задней части двора, где я не был (сейчас снег), небольшой садик. Дом и снаружи отличается благоустройством, и построен в 1926 немцами с культурными требованиями.

Плана еще не дали, обещали вчера, будет готов сегодня утром. Так как я надеюсь или 26, или 27 быть в Петербурге, то может быть не стоит пересылать, а привезу.

Неожиданно быстро меняется вся жизнь – раз мы из заграницы уже вернемся в Москву, а не в Петербург... Когда видишь все ужасы, которые переживают старые слабые люди, невинно-странно даже считаться с чувством, что ломаешь условия жизни, когда перешел за 70 лет.

Эта квартира очень близко к Асе⁶ и к Новинскому бульвару.

В Академии хаос. Хорошо, что сменили заведующего хозяйством Флаума⁷.

Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 59. Л. 26.

¹ М.М. Любошинская.

² Н.В. Вернадская.

³ Виноградов.

⁴ С 21 по 25 марта 1935 г. проходила сессия Академии наук СССР. В.И. Вернадский выступил на заседании Отделения математических и естественных наук 23 марта с отчетом о деятельности Биогеохимической лаборатории начиная с 1931 г., когда он последний раз докладывал в Отделении о работе Лаборатории (см. АРАН. Ф. 2. Оп. 4 а. Д. 5. Л. 209–227).

⁵ П.Е. Старицкий.

⁶ А.М. Любошинская.

⁷ Анатолий Яковлевич Флаум в 1934 г. входил в состав “тройки” (В.П. Волгин, А.Я. Флаум и А.Ф. Кошелев), отвечающей за переезд из Ленинграда в Москву учреждений Академии наук и их размещение в Москве.

24 марта 1935 г., [Москва]¹

24.III. 935, утро

Моя дорогая, это последнее письмо. 26-го выезжаю. Заказал билет. Еще не знаю, какой поезд. Чувствую себя так себе. Сегодня лучше. Принимаю adonis – вероятно, помогло.

План квартиры везу. По-видимому, это исключительный случай. Мои доклады – собственно один ответственный (в отделении) – прошли благополучно².

Вчера Мака³ передала твои две открытки. С.М.⁴ успокоился. Такая же история с Виталием Григорьевичем⁵!

Сейчас 10 <час> – Лазарев. 12 – Отделение, 6 – Общее собрание, 8 – Биогеохимическая лаборатория – может быть, Общее собрание пропущу.

Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

Ниночке⁶ написал.

Здесь настоящая зима. Хорошо бы я был без шубы!

На обороте: Ленинград, Васильевский остров, 7 линия, 2, кв. 12. **Н.Е. Вернадской.**

Оп. 7. Д. 59. Л. 27.

¹ Место написания установлено по почтовому штемпелю.

² См. коммент. 4 к письму 976.

³ М.Е. Старицкая.

⁴ Сергей Михайлович Фокин.

⁵ Хлопин.

⁶ Н.В. Толль.

5 мая 1939 г., Киев

Киев, 5 мая 1939

Дорогая моя, вчера прекрасно доехали с опозданием почти в два часа. Вагоны чистые, удобства большие, но всё это бедно и в значительной мере основано на старье. Вагоны скрипят, постельное белье заштопанное и тому подобное. Но всё чисто и хорошо. Еды было дано тобой вдоволь, так что мы брали только чай. Нас встретили служащие Института биохимии, оказалось, меня встречал, было, директор академик Палладин, но не мог ждать и откладывать заседание. Оно всё же началось с большим опозданием. Первый докладчик Коштыянец из Москвы не приехал: заболел сын. Мне пришлось появиться на заседании – туда отвезли на

роскошном автомобиле. Новое прекрасное здание. Я через 1/2 часа всё же ушел, так как себя берегу. Чувствую себя прекрасно. Александр Павлович¹ ухаживает, как за родным. С ним интересные разговоры. Мы даже больше говорили, чем читали. Съезд², по-видимому, серый, как сер и сам Палладин³, сын талантливой отца⁴, моего большого приятеля, академика русской Академии.

В Киеве чудная весна – все цветет, тепло. Говорят, и 1-го мая у них была летняя погода.

Нас поместили в одной из двух лучших гостиниц на Крещатике (сохранившем название, когда я был в последний раз, он назывался, кажется, улицей Воровского) в Гранд-Отеле. Лифт не действует, ресторана нет, чисто и фактически бедно с потугами на внешний лоск. В другой гостинице, где лифт действует, не могли иметь комнаты ниже 7-го этажа. Не решились взять, так как лифт может испортиться.

Вечером Александр Павлович хотел съесть и выпить чего-нибудь горячего (хотя бы чаю), не мог ни в гостинице, ни поблизости.

Всё также на бивуаке.

Сегодня его доклад⁵, и он готовился до часу ночи, а я крепко спал. И сейчас, около 8, он встанет, и мы пойдем искать, где можно выпить чай, я не решусь кофе. Его доклад, думаю, будет хорош, мы много о нем говорили.

Говорят, вчера нельзя было получить чай в гостинице, так как испортился кипятильник. Может быть починили. Но дефекты в мелочах, например штепселя есть для лампы на столе, где пишу, но винтиков в проволоке нет, дверь плохо затворяется.

Хорошо, что чисто.

Постарайся выяснить с домом отдыха. Хочу сегодня зайти к Богомольцу.

Нежно и горячо обнимаю тебя, мою дорогую. Жду известий о детях. Привет Ане⁶, Прасковье Кирилловне⁷. Целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 1–2.

¹ Виноградов.

² Точнее, конференция по вопросам сравнительной физиологии.

³ Александр Владимирович Палладин.

⁴ Владимир Иванович Палладин.

⁵ Доклад А.П. Виноградова назывался “Об эволюции химического элементарного состава организмов”

⁶ Г.В. Вернадский и Н.В. Толль.

⁷ А.Д. Шаховская.

⁸ Казакова.

6 мая 1939 г., Киев

Киев, 6 мая 1939,
Гранд-Отель, Крещатик

Моя дорогая, сегодня кончается конференция по сравнительной биохимии¹. В общем я доволен – видел новых для меня людей и новое. Из старых – их мало осталось – сегодня видел Крымского, который остался на старой квартире, на 6-м этаже (несколько раз в день поднимается). Постарел, но сохранил и духовную силу и работоспособность. Сейчас положение его гораздо лучше. Его признают как ученого и ценят – это улучшило и его материальное положение. Сыну его 10 лет: он показывал мне карточку (славный мальчик: он говорит, талантливый). Учится по-украински и мать его – малограмотна, говорит только по-украински. Живут в Свенигородке.

С ним я пошел пешком обедать (с Александром Павловичем) на ул. Короленко (бывшая Б. Владимирская). Киев внешне сильно изменился, но население жалуется, ничего нет и нельзя купить. В разговорах это [тут] больше чувствуется, чем в Москве.

Пошел, было, после обеда к Холодному, но надо лезть в гору – Киев для прогулок в этом смысле [труден]. Еще не был у Днепра.

Пишу в 4^h–20 – сегодня в 5^h–30 последнее заключительное заседание. Завтра утром пойду осматривать Геологический институт и переговорю с Бурксером и Чернышевым (новый академик и вице-президент. Геолог – очень хорошее впечатление). Завтра же мы сделаем поездку по Днепру в Староселье, а затем до 13-го устраиваемся в одном из санаториев, связанных с Академией, должно быть около Киева (Преображенское в Голосеевском лесу – около 45 минут езды по хорошей дороге).

На этом съезде долго не останусь и должно быть 15 выедем в Москву.

Пожалуйста, напиши сейчас адрес Марии Ивановны Безсмертной – в книжечку забыл вписать.

Жду письма. Может быть будет, на заседании получу.

Нежно обнимаю. Привет Ане², Паше³, Прасковье Кирилловне⁴.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 3.

¹ Точнее, конференция по сравнительной физиологии, которую проводила Украинская академия наук.

² А.Д. Шаховская.

³ П.Е. Старицкий.

⁴ Казакова.

11 мая 1939 г., Киев

Киев, 11 мая 1939

Дорогая моя, пишу несколько слов. Сегодня приехал в Киев из дома отдыха в окрестностях – в Преображенском.

Почту всю получил сегодня. 13-го утром переезжаем в Киев. Холода неприятные, но очень хорошо живу в огромном яблочном саду среди леса.

Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

На обороте: Москва, 2, Дурновский пер., 16, кв. 2. Наталье Егоровне Вернадской.

Оп. 7. Д. 60. Л. 4.

12 мая 1939 г., Преображенское

Преображенское, около Киева
Дом отдыха, 12 мая 1939

Дорогая моя, вчера был в Киеве и послал тебе открытку и получил почту – спасибо за письма. Я думаю, что Е.Гр.¹ права – вероятно, дети не выдержали гнета – духовного гнета.

Вчера был еще раз у Крымского. Личкова² не застал – очень досадно – послал ему записку. Это нелегкое дело для меня: Крымские на 6 этаже, Лиля – на 4-м, Личков – на 5. Лиля устроилась с своей приятельницей совсем хорошо – культурно. Благодаря Богомольцу ее и выселили в ...³, семья в которой живет – профессорская, очень порядочная.

Я вчера получил от Академии машину и объездил <Киев>. Ходить по городу (всюду горы в Киеве) и лазить по высоким этажам мне действительно не по силам. Вчера осмотрел Геологический институт, вновь создавшийся, очень порядочный человек Б.И. Чернышев стоит во главе новой внутренней академии и полный академик. Мне он очень понравился. Здесь же я застал и старого моего приятеля, бывшего харьковского минералога Пятницкого – больше 80 лет – работает. Несмотря ни на что здесь работа налаживается вновь. Только что была разрушена Ежовым. Вернули пока одного палеонтолога.

Нас отвезли на машинах назад в Голосеево. Здесь очень хорошо. Стало тепло – утром 7°, а днем 14–16 °С. Конечно, это не лето. Всё в цвету. Мы во флигеле в яблочном саду, который в полном цвету.

Завтра начинается другая конференция⁴. Если не будет доклада Александра Евгеньевича⁵, постараюсь зайти к Василенко. Она на службе, так что к ней можно только к вечеру.

Уезжаем отсюда завтра в 3 1/2 часа – пришлют машину. Не знаю, в какой гостинице нас устроили.

Гуляю здесь много. Чудный лес, точнее лес-парк с многостолетними дубами (еще не все в листьях), липами. Много грабового леса.

Сегодня написал Георгию⁶, завтра постараюсь написать Ничке⁷. Выезжаем в 3 1/2 часа 15-го и, значит, будем в Москве утром. Никто не знает, когда приходит поезд, а расписания еще нет. Говорят, будет 15-го. Будем телеграфировать. Мы ехали 19 часов, а должны были ехать 18, если и обратно 18, то мы должны быть в 9 1/2 утра, так что тебе нельзя ехать утром в Узкое – поедем вместе, когда уложимся.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Привет Прасковье Кирилловне⁸, Ане⁹.

Оп. 7. Д. 60. Л. 5–6.

¹ Возможно, Елена Георгиевна Ольденбург.

² Имеется в виду Леонид Семенович Личков – отец Бориса Леонидовича Личкова, который был репрессирован (1934–1939).

³ Одно слово неразборчиво (похоже на слово “подъем”).

⁴ Имеется в виду Конференция по пегматитам.

⁵ Ферсман.

⁶ Г.В. Вернадский.

⁷ Н.В. Толль.

⁸ Казакова.

⁹ А.Д. Шаховская.

№ 982

6 июля 1940 г., Узкое

Узкое, 6.VII. 940

Дорогая моя Натусенька, все время о тебе, бедненькой, думаю. Завтра надеюсь тебя повидать¹. Я даже откладываю свою поездку к наркому народного просвещения Потемкину (для метеоритов) – протестуют врачи. Устраиваю всё это иначе.

Здесь все о тебе расспрашивают и замечательно сердечно ко всему этому относятся.

Сегодня должно было быть заседание бюро о метеоритах. Я его заменил надписью протокол (в бюро три лица: Фесенков, Кулик и я), который привозит мне Н.Н.² У Потемкина надо было говорить о получении одного метеорита из школы в Татарском селе. Достаточны: Фесенков и Кулик.

Черкни, если можешь, несколько строчек.

Как действует вытяжень ноги? Не очень ли больно? Поведала ты, что это больная нога?

Нежно обнимаю. До завтра.

Твой *Владимир*

Георгию³ посылаю сегодня письмо. Завтра пойдет. Письмо Ниночке⁴. Открытки. Гревсу написал о твоей беде.

Ответ ты подготовь, если ты можешь писать, к завтраму. Не знаю, в какой форме свиданье.

Оп. 7. Д. 60. Л. 7.

¹ Н.Е. Вернадская упала в комнате и получила трещину бедренной кости. Лечилась в Кремлевской больнице.

² Николай Никифорович, шофер, фамилию установить не удалось.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Н.В. Толль.

№ 983

9 июля 1940 г., Узкое

Узкое, 9.VII. 940, утро

Моя драгоценная Натусенька, постоянно о тебе думаю и так страдаю твоей бедой. Надеюсь, что скоро сможешь вернуться сюда, но ясно, что придется пробыть неделю-другую?

З...¹ у меня крепки и в старости оказывает. Надо быть в движениях осторожным. Хорошо для будущего.

Дима² не звонил. Я предупредил Прасковью Кирилловну³.

Посылаю тебе всё, что просила.

Передал через Веру Григорьевну⁴ 10 руб. двум носильщикам. Она говорила, что один из них [малолетка], кажется, [разыскивал] на “водку” (много меньше 5 руб.), а другой из водителей, многодетный по семье – для него деньги нужны на более производительные траты.

Как будто исполнил все твои поручения.

Завтра приеду, но от тебя сказали, что прием от 4–6, и я боюсь, у тебя мне сказали от 7 до 9 по средам, так я передал и Паше⁵, с которым мы собираемся приехать.

Завтра уезжает Виталий Григорьевич⁶ из Узкого, а из Москвы 14-го, а президиум, где мы проведем наши решения, должен быть 16-го! Может быть придется быть одному, если не придет Ферсман, который застрял в Хибинах. Вчера с Виталием Григорьевичем составили записку.

Я сейчас невольно мыслью ушел в новое – в вопросы энергетики планеты. Под влиянием чтения новой книги – хоро-

шей – Ферсмана, недавно вышедшей⁷ – ее критики, я решил прежде всего набросать положения – теоретические, но очень важные, о которых я теперь больше 20–30 лет думаю и которых немного коснулся на лекциях в Париже в 1923 г. и напечатал в “Géochimie”⁸ в 1924 и развил в русском издании в 1934⁹. Сейчас могу развить много дальше и принципиально иное, чем у Ферсмана.

Очень меня это занимает, и я откладываю ноосферу и физическое пространство – хочу написать об основных принципах энергетики биосферы и планеты Земли.

Как рушатся все планы, но ничего, всё идет вперед.

Не знаю, пока не нашел нового адреса Ниночки¹⁰. Если не найду, не забудь мне дать завтра.

Нежно целую. Моя бедненькая. Они мне говорили, что тебя “помучили” Только бы не даром.

Твой *Владимир*

Скоро должны приехать Аня¹¹, А.П.¹² и Кулик (старый путанник из путанников) и, может быть, [Малюга]¹³.

Оп. 7. Д. 60. Л. 8.

¹ Неразборчиво одно слово.

² Личность установить не удалось.

³ Казакова.

⁴ Личность установить не удалось.

⁵ П.Е. Старицкий.

⁶ Хлопин.

⁷ Ферсман А.Е. Геохимия. Л.: ГНТИ хим. лит., 1939. Т. IV.

⁸ Vernadsky V.I. La Géochimie. Paris: Alcan, 1924.

⁹ Вернадский В.И. Очерки геохимии. М.: Гос. науч.-техн. горно-геол. нефт. изд-во, 1934.

¹⁰ Н.В. Толль.

¹¹ А.Д. Шаховская.

¹² Очевидно, Александр Павлович Виноградов.

¹³ Фамилия написана неразборчиво, возможно, сотрудник Биогеохимической лаборатории Д.П. Малюга.

№ 984

12 июля 1940 г., Узкое

Узкое, 12.VII. 1940, пятница

Моя дорогая, все время душою с тобой, моя бедненькая. Ну да ничего не поделаешь – хорошо, что можно выскочить без больших потерь из этого бедственного случая.

Старость мирится со многим. [Рационализм] – ее мудрое правило.

Сейчас приедет А.П.¹ – я был весь день до сих пор на процедурах: ванна, электричество, завтрак, массаж. Хотел было еще доктор, но я чувствую себя (сердцем) явно лучше, и он отменил.

Вчера был у зубного врача (хорошее впечатление), и она меня успокоила – болезнь десен – лечат – прибавилось новое, но надо поправиться.

Вчера закончил подготавливать к печати работу, в основе которой лежит моя идея. Труд четырех лиц и многих месяцев. **Мое представление подтвердилось**, и открываются большие горизонты.

Вчера же был К.П. Флоренский – сын философа, математика, теолога, страдающего совершенно [невинно] в ГПУ. С ним сговорился о работе моей [точно] над правизной и левизной и другой, которую он начал по моему указанию еще раньше. Наконец близится реальность моей лаборатории².

Начал читать **интересный** роман Ванды Василевской “Земля в ярме”³. Постараюсь купить и прислать тебе. Всё больше сознаю действенность того процесса, который мы переживаем. Видимость, мне кажется, все больше перекрывается стихийной реальностью – и эта реальность далеко не совпадает по своему направлению – ножницы высказываемого и реального расходятся.

Вместо предполагавшихся очерков по физическому пространству и ноосфере должно быть здесь напишу очерк – об энергетике биосферы и земной коры. Мысль идет в этом направлении.

Посвященная тебе книга “Биогеохимические очерки”⁴ вышла вместо 1930 через 10 лет⁵, поступила в продажу, но ко мне не прислали. Добиваюсь.

Нежно обнимаю, моя дорогая Наталочка.

Ниночкиного⁶ адреса не нашел. Напишу Георгию⁷.

Твой *Владимир*

Аня⁸ уезжает в отпуск 20.VII. Скоро и отпуск Александра Павловича. В воскресенье буду с Пашей⁹.

Оп. 7. Д. 60. Л. 9.

¹ Александр Павлович Виноградов.

² Биогеохимическая лаборатория АН СССР.

³ *Василевская Ванда*. Земля в ярме. М.: Худ. лит-ра, 1939.

⁴ *Вернадский В.И.* Биогеохимические очерки. 1922–1932 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.

⁵ Описка у В.И. Вернадского, вместо “лет” написано “дней”

⁶ Н.В. Толль.

⁷ Г.В. Вернадский.

⁸ А.Д. Шаховская.

⁹ П.Е.Старицкий.

19 июля 1940 г., Узкое

Узкое, 19.VII. 940

Дорогая моя Натусенька, вчера я говорил с Александром Павловичем¹, и он мне разъяснил несколько те операции, которые с тобой делали. Косточка, которая сломалась (в “шейке”), но которая не сдвинулась сейчас, соединена неподвижно металлической проволокой (обычно платинированной). Александр Павлович говорит, что это довольно обычная операция. Они говорили, что операция при новокаиине удалась хорошо. Платинированная проволока останется и мешать не будет.

Здесь я узнал несколько случаев, где лица старше тебя выходили благополучно из такой беды: организм справлялся в благоприятных случаях, как в твоём.

Еще с деньгами не рассчитали – все время как-то уходило – но я сказал Тане².

В воскресенье буду с Аней³.

Прасковья Кирилловна⁴, кажется, будет очень рада Кате Ильинской, и я им сказал, чтобы они переговорили.

Сегодня еду для глаз – узнать, можно ли 9% диоптрии или продолжать 8%.

Надо как-нибудь с Мар.Ник.⁵: она очень хочет тебя видеть.

Много сейчас думаю – и буду писать⁶ – не о пространстве, как рассчитывал – а об энергии и рассеянии элементов. В мысли не [волен]. К вопросу о рассеянии я возвращался в 1890, 1924, 1937. Сейчас четвертый раз, а об энергии Земли всю научную жизнь подхожу, очень мало эта проблема подвинулась за время моей жизни.

Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

Ивану⁷ и Сергею Митрофановичу⁸ написал.

Под утро получил и уже сегодня сделаю впрыскивание.

Иностраннные научные журналы приходят только **немецкие**.

Оп. 7. Д. 60. Л. 10.

¹ Виноградов.

² Личность установить не удалось.

³ А.Д. Шаховская.

⁴ Казакова.

⁵ Мария Николаевна Столярова.

⁶ Написанных на эти темы статей не обнаружено.

⁷ И.М. Гревс.

⁸ Зарудный.

23 июля 1940 г., Узкое

Узкое, 23.VII. 1940

Моя дорогая Натусенька, хотя завтра я увижу тебя с Пашей¹, но мне хочется тебе послать эти строки, так как сегодня будет Ник.Никиф.² Сегодня он привезет ко мне Ирину³ и Константина Константиновича Матвеева (из Свердловска).

Я очень много думал в последнее время в связи со своей работой и начинаю набрасывать статью, которую – вопреки всем планам – закончу здесь, в Узком, – о рассеянии атомов в земном веществе – живом и косном в связи с энергетическим строением планеты⁴. Это результаты работы и размышлений многих лет. Под влиянием новой книжки (в общем хорошей) Ферсмана⁵ я решил высказаться, так как он эти вопросы затронул, по моему мнению, не глубоко и в основном неверно. И тут со мной случился casus⁶ – я хотел выяснить, кто первый ясно и определенно поставил в науке вопрос о значении на нашей планете свободных атомов, и забыл, что сделал это я, и даже ясно указал на это в моих книгах, и в том числе в вышедших сейчас моих “Биогеохимических очерках”⁷, давно, 50 лет назад – в 1890 г. в речи в Москве и возвращался, углубляя и уточняя, в течение всей жизни. Теперь перечитал свои старые статьи и сделал крупный шаг вперед. Удивительно, как по мере старения – и должен сказать, по мере чрезвычайного (сам удивляюсь) расширения материала, над которым работаю, массы фактов, которыми обладаю, я забываю хронологические даты. Стараюсь пополнять хронологию⁸. Кстати, мы не могли быть в Царском селе⁹ в 1929, как ты установила; думаю, ты права, в Ст. Петергофе¹⁰ (забыл, как называлась точно эта местность, бывший охотничий домик, кажется) мы были в 1930 и 1931. В Царском селе мы были в 1928 в конце, в октябре или декабре: был снег, но не все время. Ибо тут я виделся с Коганом и моя книга “Живое вещество” (сейчас вышла как “Биогеохимические очерки”) сохранившийся корректурный экземпляр – в предисловии – помета май 1929. Книга должна была выйти в 1930 г.!

А были мы в Царском селе при снеге – осенью или ранней зимой 1928 значит. Были, помню, один месяц.

Приехал Александр Евгеньевич на десять дней. Сегодня в президиуме будет рассматриваться вопрос об урановой тройке, где я председатель¹¹. Она будет не при Геологическом отделении, а при Президиуме Академии, пополнится физиками и химиками. Я хочу отказаться от председательствования – должен быть

председателем директор Радиевого института В.Г. Хлопин. Пишу заявление в этом смысле¹².

Нежно и горячо тебя обнимаю.

Твой Вернадский

Оп. 7. Д. 60. Л. 11.

¹ П.Е. Старицкий.

² Николай Никифорович, шофер.

³ Возможно, Ирина Дмитриевна Борнеман-Старынкевич.

⁴ Указанная статья В.И. Вернадским не была опубликована.

⁵ См. коммент. 7 к письму 983.

⁶ Случай, происшествие (лат.)

⁷ См. коммент. 4 к письму 984.

⁸ В.И. Вернадский имел в виду материалы к задуманной им автобиографической книге "Пережитое и передуманное". В фонде ученого (АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Л. 25–64) сохранилось 40 объемных папок "Хронологии", которая включает в себя документы, копии с документов, письма, выписки из книг, библиографию, газетные вырезки, а также фрагментарно, за разные периоды написанный Вернадским текст воспоминаний. Книгу он готовил с помощью Натальи Егоровны и секретаря А.Д. Шаховской с конца 30-х годов до конца жизни.

⁹ С 1918 до 1937 г. Детское село, а затем г. Пушкин.

¹⁰ Петродворец с 1944 г.

¹¹ В письме к Б.Л. Личкову В.И. писал: «Образована у нас по нашей и Хлопина инициативе "тройка" под моим председательством (из меня, Хлопина, Ферсмана)» (Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым. 1940–1944. М.: Наука, 1980. Л. 29).

¹² 25 июня 1940 г. по предложению "тройки" при Отделении геологических наук АН СССР была создана временная комиссия по урану, в которую вошли В.И. Вернадский, А.Е. Ферсман и С.И. Вольфович для выработки плана и направления предстоящих работ. 30 июля В.И. Вернадский на заседании Президиума АН СССР сделал доклад о результатах работы комиссии. На этом заседании была утверждена постоянная Комиссия по проблеме урана в следующем составе: председатель – В.Г. Хлопин, заместители председателя – В.И. Вернадский и А.Ф. Иоффе, члены комиссии – И.В. Курчатов, С.И. Вавилов, Д.И. Щербаков, А.П. Виноградов, Г.М. Кржижановский, П.Л. Капица, А.Е. Ферсман, П.П. Лазарев, А.Н. Фрумкин, Л.И. Мандельштам, Ю.Б. Харитон. (Там же. С. 30).

№ 987

26 июля 1940 г., Узкое

Узкое, 26.VII. 1940

Дорогая моя Натусенька, бедненькая. Хотел вчера тебе написать, но что-то помешало, и я не успел к приезду машины (Ал.Павл.)¹. Сегодня днем еду в город – наконец-то нам дают комнату, но, кажется, хорошую, в 3-м этаже, а меньше во 2-м. Принципиально я останавливаюсь на 2-м этаже и, если комната

будет не очень мала, то возьму ее. Заеду и к Прасковье Кирилловне² – скажу о Кате Ильинской и о денежных делах.

Начал писать сразу – и обдумывать **две** статьи. В сущности, я думаю о них десятки лет. Но книга Ферсмана (не охватившего всю проблему) заставила меня mettre les points sur les “i”³. Думаю, что в ближайшее время их закончу – так для меня все ясно.

Вчера кончил Воспоминания Витте⁴ – перенесся в прошлое. Как удивительно всё произошло. Ясно видишь безумие людей, которые стали во главе. И при всей глубине ума Витте – он не предвидел того, что произошло – но к чему шел исторический процесс, который мы переживали одновременно. Будущее мелькало для него в гибели династии, но он совсем не понял новых социальных форм – люди реальные политики являлись ему в виде революционеров-**анархистов** – он проглядел социализм и коммунизм. Террор и убийства царили – казни и войны. Но он смотрел на политику России во всем аспекте, как немногие. И значение 1/3 населения (думаю, больше, учитывая Украину и Белоруссию) “инородцев” и значение Евразии – Японии и Китая. Сейчас всё это еще ярче и по-новому проявляется. То, что установилось переходяще. Устойчивого равенства сил нет, да его и не будет, пока будет история человечества.

Ты получила мое письмо? (до моего приезда – передала Екатерина Матвеевна⁵). Представь себе, что они переменили и ничего не объявили: по средам, когда мы были, было время от 6 до 8. Так будет и впредь.

Марии Николаевне⁶ несколько раз звонил – но никто не подходит к домовому телефону. Напишу ей открытку.

Нежно обнимаю – уже 11-й час, а к 12 придет Н.Н.⁷, а у меня еще много неотложных мелочей.

Чувствую себя лучше, что видно по адонису: вчера 1 раз и 1 валидол. Сегодня утром принял адонис в виду [поездки].

Моя бедненькая – Тусенька. В “Воспоминаниях” Витте ужасно [рад] Сереже Крыжановскому. А я ярко помню, как он сердечно помог при этом, когда арестовали Георгия⁸!

Книга Витте обвинительный акт против Николая II, его жены⁹, царедворцев и Столыпина. Тоже замечательный документ.

Когда мы были в Детском селе – должно быть, осенью или зимой 1928, а не 1929, так как предисловие к не вышедшему “Живому веществу”¹⁰ подписано **маем** 1929, а раньше я в санатории сговорился с профессором Коганом, стоявшем во главе издательства.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 60. Л. 12.

¹ Александр Павлович Виноградов.

² Казакова.

³ Ставить точки над “и” (фр.).

⁴ *Витте С.Ю.* Воспоминания: В 3 т. М.; П.: Печатный двор, 1923–1924.

⁵ Ферсман.

⁶ Столярова.

⁷ Николай Никифорович, шофер.

⁸ Речь идет о Г.В. Вернадском. См.: *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской 1901–1908. М.: Наука, 2003. С. 206–207.

⁹ Александра Федоровна.

¹⁰ *Вернадский В.И.* Живое вещество. М.: Наука, 1978.

№ 988

9 августа 1940 г., Узкое

Узкое, 9.VIII. 1940, пятница

Дорогая моя бедненькая Натуся, сегодня еду к ушному врачу, и Н.Н.¹ завезет к тебе это письмо.

В воскресенье собираемся к тебе с Пашей². Здесь какая-то из наших знакомых дам (не Скочинская ли?) расспрашивала меня про Марию Николаевну Столяр.³, говоря, что она очень ею была довольна, а теперь ее от нее отчислили, так как она не того района. Очевидно, что-то с ней случилось. Хочу в ближайшие дни к ней дозвониться.

Узкое сейчас переполнено, но хорошая погода. Тебе, бедненькой, еще труднее?

Сегодня заеду возьму пенсию и заеду на квартиру за почтой.

Работаю хорошо. Хочу загладить все грехи – страшно непросительно запущенную корреспонденцию. Месяцами не отвечал.

А фактически ничего не закончил летом, а между тем уже оно почти всё прошло. Но мысль упорно работает всё время.

Эти дни чувствую себя лучше – может быть в связи с погодой.

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 13.

¹ Николай Никифорович, шофер.

² П.Е. Старицкий.

³ Столярова.

№ 989

20 августа 1940 г., Узкое

Узкое, 20.VIII. 1940

Дорогая моя, завтра буду у тебя, но хочу послать тебе эти строки.

Букет тебе послан **лично** ею (она подчеркнула это), Еленой Константиновной (“хозяйкой”)¹. Хорошо, чтобы ты ей написала.

Сегодня у меня будет Аня², которая вчера вступила в работу. Я еду затем (с Ал.Пав. и Хр.Густ.)³ на выставку – смотреть Вегетационный домик. Завтра приедет Прасковья Кирилловна⁴, и мы перевезем твои вещи, а потом с Пашей⁵ будем у тебя. Послезавтра увижу Бориса Личкова, который приехал в командировку в Москву на несколько дней.

Я работаю медленно, но, мне кажется, плодотворно над статьей в “Доклады” Академии наук “Несколько соображений об энергетической структуре геологических оболочек”⁶. Дается она мне не очень легко. Решил ее отделить от “Проблем биогеохимии”, она небольшая, но я иду в разрез с господствующими представлениями.

Нежно мою бедненькую обнимаю.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 60. Л. 14.

¹ Елена Константиновна – “хозяйка” в санатории “Узкое”.

² Анна Дмитриевна Шаховская.

³ Александр Павлович и Христина Густавовна Виноградовы.

⁴ Казакова.

⁵ П.Е. Старицкий.

⁶ Статья не была опубликована.

№ 990

24 августа 1940 г., [Узкое]¹

24.VIII 940

Моя дорогая!

Завтра будем с Пашей². Посылаю два письма – одно (Георгия)³ пришло сегодня. Другое Ниночки⁴.

Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 60. Л. 15.

¹ Записка написана в Узком, так как В.И. Вернадский вернулся из санатория в Москву 30 августа. См. письмо 992.

² П.Е. Старицкий.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Н.В. Толль.

28 августа 1940 г., Узкое

28 августа 1940 г., Узкое

Моя дорогая, вчера не написал тебе, как хотел, так как Александр Павлович¹ приехал неожиданно, я чувствовал себя скверно, он приехал вместе с Малышеком из Баку, не предупредив меня.

Очень досадно, что я сегодня решил не приезжать к тебе, так как у меня гриппозное состояние (нормальная температура) и сейчас неважное самочувствие. Вл.Льв.² советует очень не ехать. Послезавтра до 12 все равно возвращаюсь. Мария Николаевна³ вернулась и 30 обещала быть.

Здесь, по-моему, неправильно выдерживается диета – то есть Вл.Льв. указания не выполняются, и дома, думаю, будет лучше.

Эти дни как раз хорошо работал. Пишу несколько слов, так как может быть удастся вместо меня приехать Паше⁴.

Посылаю выдержки из моих записей 1920 г. – двадцать (более) лет тому назад. Меня поразила первая страница (ее прочти и Паше) прямо **предвидение**: читал теперь – это видно. А тебя попрошу, если не трудно (старые чернила), **прочти** всё и на отдельных маленьких листиках напиши свой комментарий к тому, что там написано⁵.

Не повезло нам с тобой в Узком.

Нежно тебя, мою дорогую Натусю, обнимаю.

Любящий тебя *Владимир*

Оп. 7. Д. 60. Л. 16.

¹ Виноградов.

² Владимир Львович, лечащий врач.

³ Столярова.

⁴ П.Е. Старицкий.

⁵ Вернадский В.И. Дневники 1917–1921, октябрь 1917 – январь 1920. Киев: Наукова думка, 1994; То же. Январь 1920 – март 1921. Киев: Наукова думка, 1997.

29 августа 1940 г., Узкое

Узкое, 29.VIII. 1940

Моя дорогая Натусенька, чувствую себя так себе – температура нормальная, желудок не вполне – все по-прежнему. Думаю, что это **вода**. Очень многие здесь больны. Все старания Владимира Львовича¹ напрасны. А затем насморк, голова – частью прилив, частью связано с насморком. Думаю, что когда приеду в Москву, быстро улучшится, раз дело в пище и воде.

Очень рад, что Паша² был у тебя. Аню³ еще не видел, но по телефону с ней говорил. Сегодня она у меня будет и поможет уложиться. Завтра часов в 10 утра выеду.

Прочла ты мои крымские записи. Очень жаль, что вел их урывками, иногда несколько записей в год – иногда больше. Здесь у меня еще очень интересные на 1921 – поездка в Москву и Москва. Много вспоминается. Совсем забытое. Но заставить себя постоянно писать – невозможно.

Было бы хорошо, чтобы ты прочтя, что тебе Аня передала, написала, что помнишь.

К тебе буду 1-го сентября уже из Москвы.

Между прочим прочел во время болезни несколько легких и интересных книг А. Церетели “Пережитое”, перевод с грузинского, и Олдингтон “Сущий рай” Последний – сперва впечатление неопределенное и я было его перелистывал, но затем прочел и хотя тенденциозно, но местами глубоко и новое мировоззрение близко к тому, которое вытекает из моего мировоззрения (конец) – думаю, что это то окружение мысли, которое привело к понятию биосферы биогеохимии. Тут идет от Уэллса? Достань. Это, кажется, не та книжка, которую видел у тебя.

Нежно тебя обнимаю, моя бедненькая Натусенька.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 60. Л. 18.

¹ Владимир Львович, лечащий врач.

² П.Е. Старицкий.

³ А.Д. Шаховская.

№ 993

30 августа 1940 г., Москва

Москва, 30.VIII.940, утро

Дорогая моя, только что приехал. Чувствую себя неважно. Я убедился, что в основе всего вода, и принимаю меры. Жалею, что сам не посмотрел. Сейчас поставлю градусник. Сегодня будет Мария Николаевна¹.

В Узком много больных желудком. Удивительно, что пытались это скрывать, как со смертью Архангельского.

В связи с водой, я рад, что вернулся в Москву.

Нежно тебя, мою драгоценную, целую. Будь осторожна. Если это связано с водой, то в Москве я быстро поправлюсь.

Конечно, не надо напрягать тебе глаза. Очень интересен дневник, который я вел в поезде из Симферополя в Москву в

1921 и по приезде. Жаль, что не вел все время². Но это невозможно при моей работе.

Нежно целую.

Твой *Владимир*

Температура = 36,5 – **нормальная**.

Оп. 7. Д. 60. Л. 17.

¹ Столярова.

² См. коммент. 5 к письму 991.

№ 994

31 августа 1940 г., Москва

31.VIII.940, Москва

Моя дорогая, пришло письмо от Георгия¹ авиапочтой от **20 августа!** Все благополучно. Ниночку² в Нью-Йорке допустили к экзамену³.

Посылаю тебе их сейчас же.

Завтра буду с Пашей⁴.

Мария Николаевна⁵ мне утром прописала опий – но я не принял, так как характер расстройства изменился после переезда в Москву. Думаю, моя мысль о воде правильна. Температура нормальная 36,3 – прилив к голове – поставил горчичники. Спал хорошо – компресс на живот, а сейчас диганель.

Надо нам послать Георгию по авиапочте письмо. Приготовь – Аня⁶ узнает – постарается достать тонкой бумаги и соответственный конверт.

Нежно обнимаю, мою бедненькую, дорогую Наталочку.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 60. Л. 19.

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.В. Толль (Вернадская).

³ Дочь В.И. Вернадского Нина Владимировна закончила медицинский факультет Карлова университета в Праге, но для медицинской практики в США необходимо было подтвердить свой диплом сдачей экзаменов.

⁴ П.Е. Старицкий.

⁵ Столярова.

⁶ А.Д. Шаховская.

№ 995

5 сентября 1940 г., [Москва]¹

5 сент. 940

Дорогая моя Натуся,

посылаю тебе ряд писем. Письмо Георгия² нашлось. Сегодня взял пенсию и снялся для паспорта. Был в зоологическом саду, где гулял. Хотя пошел дождь – но хорошо.

Принял сегодня “Карлсбад” и ослабил диету. Чувствую себя **гораздо лучше.**

Нежно обнимаю. Письмо завезет Н.Н.³ Паша⁴ звонил – у нас всё хорошо.

Целую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 60. Л. 20.

¹ Записка написана в Москве, куда Вернадский вернулся из Узкого 30 августа, вскоре заболел и никуда из Москвы не выезжал.

² Г.В. Вернадский.

³ Николай Никифорович, шофер.

⁴ П.Е. Старицкий.

№ 996

10 сентября 1940 г., Москва

Москва, 10.IX.940, вторник

Дорогая моя Наталочка,

завтра будем у тебя с Пашей¹. Очень обрадовался, что с ногой тебе легче. Надеюсь, это не в ущерб прочности выздоровления.

Вчера послала Аня² 540 руб. Ивану³. Ему я написал. Сейчас у меня на текущем счету 11 235,21 к. Но издательство заплатило значительно меньше, чем должно было. Я теперь выясняю.

Спасибо, что сообщаем о здоровье – позвони сегодня к вечеру.

Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 60. Л. 21.

¹ П.Е. Старицкий.

² А.Д. Шаховская.

³ И.М. Гревс.

13 сентября 1940 г., Москва

Москва, 13.IX.940

Моя дорогая Натусенька, всё время мыслью и сердцем с тобою, моей бедненькой. Екат. Алекс.¹ звонила – к ней поеду при первой возможности. Цертелевой позвоню сегодня. Вчера в заседании видел Белянкина, который говорит, что Варв. Ист.² получила пенсию, как я просил, и всё устроено. Вчера вернулись Ферсманы. Он похудел – но немного. Очень тяжел развал, который наблюдается кругом. Н.И. Вавилов арестован по “политическому” делу. Это тоже проявление развала и гниения. Человек в полном расцвете сил и самый крупный ученый – агроном в нашей стране с огромными достижениями для страны.

Ездил сейчас с Криновым в Парк культуры и отдыха – разговаривали о деле.

Нежно целую – не успел написать. Будем с Пашей³ в воскресенье.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 60. Л. 22.

¹ Екатерина Александровна Чернаярова.

² Личность установить не удалось.

³ П.Е. Старицкий.

14 сентября 1940 г., Москва

Москва, 14.IX.940

Дорогая моя,

посылаю письмо Ниночки¹ от 6.VIII, сегодня полученное.

Говорил с Цертелевой-Кастариани и прочел выдержки из твоей сегодняшней открытки.

Завтра буду с Пашей². Чувствую себя так себе – но “нормально” жизнь не прерывается.

Был сегодня у Прянишникова, узнавал о Н.И. Вавилове. Ферсманы вернулись, шлют привет.

Был занят вопросом о вирусах, в связи с комиссией Гамалеи, в которую вошел³. Завтра расскажу.

Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 60. Л. 23.

¹ Н.В. Толль (Вернадская).

² П.Е. Старицкий.

³ 28 июля 1940 г. В.И. Вернадский Президиумом АН СССР выбран в академическую комиссию по изучению вирусов при Биологическом отделении, которую возглавил Николай Федорович Гамалея (См.: Ф. 518. Оп. 2. Д. 64. Л. 79 об.).

№ 999

17 сентября 1940 г., Москва

Москва, 17.IX.940

Моя дорогая Натусенька, посоветовавшись с Марией Николаевной¹, я решил завтра к тебе не ехать. Вместо меня вызови **Аню**². Она тебе всё расскажет.

Сегодня я вызвал Марию Николаевну, так как я проснулся (спал хорошо – и всё в порядке) с большой ноющей болью в спине, в руках, шее и т.д., которая у меня бывает во время гулянья. Я принял сегодня – до Марии Николаевны – три раза идоедел, 3 капли валидола – потом по ее указанию строфант (5 капель). Сейчас по ее указанию 2 капли нитроглицерина. Мне значительно лучше, но давление 200/80. Такого еще не бывало у меня. 23 августа давление было 160/80 (после подутина). Сегодня я утром впустил подутин – была Ел.Сем.³ Последний раз подутин принимал 23 августа же. Может быть, без сегодняшнего подутина было бы давление еще больше. Мария Николаевна, если ничего не произойдет, будет послезавтра.

Вероятно, у меня уже давно это подготовлялось. Вчера после заседания чувствовал себя хорошо. Был у меня вечером Комлев.

Мне жаль, что не буду в вирусной комиссии, но надеюсь, что скоро оправлюсь. Опять диуратин–адонис–подутин и нитроглицерин. Это, знаешь, изрядно.

Нежно тебя, мою дорогую, целую. Как ты себя чувствуешь?

Твой *Владимир*

Шубников, кажется, берется исследовать кристаллизацию белков.

Оп. 7. Д. 60. Л. 24.

¹ Столярова.

² А.Д. Шаховская.

³ Ел.Сем., медсестра.

№ 1000

18 сентября 1940 г., Москва

Москва, 18.IX.940, 5 часов

Дорогая моя Натусенька. Аня¹ тебе расскажет обо всем. Давление 160/65. Сегодня мне лучше. Мое скверное ощущение проходит. Но эту ночь было очень неприятно – до 3-х часов я не мог заснуть, и всё время в области аорты и между лопатками очень всё ныло.

Очень неудобно писать – лучше я тебе напишу после. Паша² и Аня расскажут тебе обо мне.

Нежно тебя целую. Думаю, все благополучно пройдет.

Бедненькая моя Натуся.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 60. Д. 33.

¹ А.Д. Шаховская.

² П.Е. Старицкий.

№ 1001

19 сентября 1940 г., [Москва]¹

19.IX.1940 г.

Дорогая моя Натусенька! У меня инфлюэнца. Чувствую себя так себе.

Была Мария Николаевна². Давление 165/65, температура – 37°, ...³ подействовал.

Фромгольд упал у себя на квартире, но его в сущности не надо.

Мария Николаевна также, очевидно, чувствует ответственность.

Вчера вечером у меня были Паша⁴, А.П.⁵,...⁶

Хорошо, что Гр.⁷ переехали.

Боюсь, что ты не разбираешь мои каракули. Но пишу лежа.

Нежно целую, мою дорогую.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 60. Л. 25.

¹ См. коммент. 1 к письму 995.

² Столярова.

³ Два слова неразборчиво.

⁴ П.Е. Старицкий.

⁵ Александр Павлович Виноградов.

⁶ Дана еще одна фамилия, возможно, Виталий Григорьевич Хлопин.

⁷ М.С. и И.М. Гревсы.

20 сентября 1940 г., [Москва]¹

20.IX.940

Моя дорогая Наталочка! Сегодня у меня была Мария Николаевна². Она считает, что если температура у меня не нормальная (сейчас 37,2), а повышенная температура связана с сердцем – А.П.³ тоже считает это возможным (он сейчас у меня). Так как Фромгольд на 4–5 дней уехал после своего падения – мы решили с Александром Павловичем просить Яковлева. Аня⁴ будет сейчас звонить. Это будет, конечно, за мой счет. Я тоже этого хочу.

Никаких доказательств, что температура от инфлюенцы, нет, а между тем диагностически очень важно выяснить ее происхождение.

Чувствую себя не скверно. Александр Павлович тоже считает, что температура может быть от сердечной болезни.

Я окончил тебе записку, так как пошлю Николая Никифоровича⁵ с утра (с) письмами. А затем он должен отвезти Александра Павловича.

Нежно тебя обнимаю, мою дорогую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 34.

¹ См. коммент. 1 к письму 995.

² Столярова.

³ Виноградов.

⁴ А.Д. Шаховская.

⁵ Николай Никифорович – шофер.

22 сентября 1940 г., [Москва]¹

22.IX.40

Дорогая моя Наташечка, диктую Ане², так как поставил градусник, а иначе Паша³ и З.⁴ могут опоздать, так как нас задержали Ферсманы, которые только что уехали.

Чувствую себя недурно, но меня врачи, в том числе и Александр Павлович⁵ упорно убеждают, что раз только температура связана с сердцем, то надо быть сугубо осторожным, так как из мелочи может разгореться большая. И надо по возможности лежать, минимально ходить, в этом смысле я подчинился строгому режиму и сократил неизбежные переходы до минимума. Насколько я могу разобраться, это всё связано с тем, что диагноз в этого рода заболеваниях не очень точен. Но, во всяком случае, я

вполне сознаю правильность этих указаний и принимаю все меры к их исполнению – будь спокойна.

Моя дорогая, постоянно мыслю и сердцем с тобой. Нежно обнимаю.

Жду письма очень. Неудобно писать.

Твой *Владимир*

Температура в 3.30 ч. – 36,9–37,0.

Оп. 7. Д. 60. Л. 26–27.

¹ См. коммент. 1 к письму 995.

² А.Д. Шаховская.

³ П.Е. Старицкий.

⁴ Зинаида Михайловна Супрунова.

⁵ Виноградов.

№ 1004

24 сентября 1940 г., Москва

Москва, 24.IX.940, 7½ утра

Моя дорогая Наталочка!

Хочу тебе написать о выяснившемся ходе лечения. После разговоров с Фед.Ив.¹, Марией Николаевной² и Александром Павловичем³ для меня выяснилось, что врачи исходят из представления, что у меня проявляется тот же процесс, который был в 1937 г., приводит одно время к потере руки. Температуру они относят к сердечным явлениям, но какого рода эти явления, они не знают. В 1937 г. лопнул один из мелких кровеносных сосудов и окончилось благополучно. Если бы теперь это кровоизлияние или воспалительный процесс коснулся более важного для организма проявления, могут быть большие неприятности. Александр Павлович мне говорил об эндокардите – я не разобрался в его рассуждениях – еще раз спрошу при случае. Сегодня утром возьмут кровь, так как, помимо температуры, быстрое выпадение эритроцитов (кажется – красных кровяных шариков) при этом меняется. Когда выздоровеет Егор Егорович⁴, с ним будет консультация.

Во всяком случае сейчас они будут чрезвычайно осторожны. Надо лежать и позволяют встать, только если 5–10 дней будет все время нормальная температура. Вчера весь день была нормальная (до 36,9), а вечером (6h–40) 37,2. Сегодня (7h–15) – 36,5.

Как видишь, это дело затяжное, и так как я заинтересован в ряде крупных научных проблем, то я, помимо всего прочего, буду и сам активно проводить нужный режим.

Старость имеет и свои хорошие, но и свои тяжелые стороны. Умственно живу интенсивно. Привожу в порядок переписку и

многочисленные недоконченные обязательства. Хорошо, что голова свежа, и мысль работает интенсивно. Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 60. Л. 28.

¹ Федор Иванович Яковлев.

² Столярова.

³ Виноградов.

⁴ Егор Егорович Фромгольд.

№ 1005

25 сентября 1940 г., Москва

Москва, 25.IX.940

Моя дорогая, у меня вчера были и Александр Павлович¹, и Мария Николаевна², с обоими я говорил о своей болезни. Вдумываясь в свое самоощущение, я вижу, как всегда, насколько приближены заключения врачей и насколько они *«далеки»*³ от субъективных показаний.

Поэтому важны⁴ те независимые указания, которые можно применять. Реакция крови дала определенный результат. Количество осевших кровяных шариков равно 35, вместо нормальных 12–13. Мария Николаевна будет меня держать в постели помимо температуры, пока не спустится количество шариков до 12–13. Я думаю, что это показывает, что кровь мало вязкая. Конечно, очень тяжело и неприятно лежать, но чувствую я себя совсем ничего, и когда к себе присматриваюсь, то вижу, что и в движении пальцев и тому подобное можно всегда заметить какие-либо изменения, отражающие неизбежную флотенцию организма по отношению к внешним и внутренним условиям.

Вчера правая рука давала в мизинце болезненные и связанные с сердцем ощущения, которые сегодня почти прошли. Пока человек жив, он всегда всё чувствует. Я тебе пишу только несколько слов, чтобы держать в курсе. С перепиской и с деловыми бумагами буду осторожен.

Пишу утром.

Нежно⁵ обнимаю.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 60. Л. 47.

¹ Виноградов.

² Столярова.

³ Одно слово неразборчиво.

⁴ Со слова «важны» письмо написано рукой А.Д. Шаховской.

⁵ Окончание письма написано рукой В.И. Вернадского.

27 сентября 1940 г., [Москва]¹

27.IX.40

Дорогая моя, диктую Ане². У меня вчера к вечеру температура поднялась до 37,0; бывший в это время у меня Александр Павлович³ решительно считает это повышением, то есть указанием на существование какого-нибудь внутреннего фокуса.

Следовательно, приходится считать, что бывшие два дня нормальной температуры вышли из счета. Александр Павлович рассчитывает, что Фромгольд сможет, может быть, определить более точно место фокуса.

Чувствую себя ничего, но, конечно, лежание не укрепляет. Сейчас позвонила Мария Николаевна⁴. Фромгольд будет в 11 часов, напишу после.

— — —

Фромгольд считает, что бывшее у меня 17-го по 18-ое сентября явление аналогично тому кровоизлиянию, которое в 37 году выразилось временной неспособностью владеть правой рукой. Нарушилось кровообращение – питание некоторой части сердечного мускула. Единственное основное условие – лежать по крайней мере три недели. Он говорит, что такие явления лечат в Америке лежанием до десяти месяцев.

Организм борется, восстанавливая нарушенное и этот процесс восстановления, особенно, в моем возрасте, совершается медленно. Температура, конечно, восстановится. Он говорит, что, конечно, потом можно облегчить лежание, выходить к столу, сидеть в кресле. Дал режим еды, причем советует есть и мясное, птицу или рыбу, считая это, при условии, что я пью довольно много кофе или (что всё равно) чай, желательно с этой точки зрения. Помимо докторского визита, я имел с ним интересный разговор о правизне и левизне и первый раз почувствовал реально вопрос об особом пространстве, занятом телом организма. Прилагаю тебе два письма: Б.Л. Личкова и его отца, из которых ты увидишь то положение, в которое он попал. Аня получила официальное известие, что Дмитрий Иванович⁵ умер 25-го января. Хочется списаться с Еленой Григорьевной⁶ и получить от нее некоторые выписки. Завтра Аня едет на два дня к своей матери.

Нежно⁷ тебя, мою дорогую, целую. Чувствую себя не скверно. Подал официальное заявление о невозможности принимать участие в работах сессии.

Фромгольд упал в комнате, ударившись лицом – пострадал нос (нелады).

Целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 29–30.

¹ См. коммент. 1 к письму 995.

² А.Д. Шаховская.

³ Виноградов.

⁴ Столярова.

⁵ Шаховской.

⁶ Елена Григорьевна Ольденбург.

⁷ Окончание письма написано рукой В.И. Вернадского.

№ 1007

29 сентября 1940 г., [Москва]¹

Воскресенье, 29.IX.940

Моя дорогая, пишу тебе утром – спал хорошо. Вчера под вечер была Мария Николаевна², а вечером Виталий Григорьевич³. Все занимались разговорами о новом шаге Гитлера с Японией. Страх, что мы будем захвачены. Я думаю, да это видно из официального немецкого сообщения, что нас держат в курсе дела. Опять коренные ошибки Англии – крушение ее политики по отношению Япония–Китай. Я надеюсь, что мы удержимся от вмешательства.

Вчера у меня была странная температура 36,3–35,8, причем с 10 утра до 4.0 держалась 35,8–36,0 – низкая температура, связанная с реакцией сердца. Но Мария Николаевна делает longo uigila, что на это правильно смотрит. Слабости я не чувствую, но связь с сердечной деятельностью была ясна, так как после утренней нормальной 36,3 я почувствовал (резко руки) понижение температуры и стал мерить. Это всё не имеет сколько-нибудь значения, но показывает правильность диагноза.

В Академии новый неожиданный арест академика. Арестован за два дня до доклада в Академии И.К. Луппол. Директор Горьковского музея и Института мировой литературы – образованный видный коммунист. Это уже внутренние счета.

Читаю между прочим и романы. Перечитал некоторые рассказы Гоголя. Теперь читаю “Анну Каренину” Сплошь я никогда не мог ее дочитать и читал только не сплошь все-таки. Сейчас попробую прочесть всё подряд.

Опять обдумываю статью о состоянии физического пространства.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Вчера у меня была Зиночка⁴ – ей грозит неприятность: в речи преподаватель... или... неудачно говорил о назначениях кончающих в отъезд из Москвы... не считаться с тем, что имеют квартиры в Москве и больных бабушек.

Имей в виду, чтобы не допустить к себе Сушкину, которая не моя симпатия, Прасковья Кирилловна сказала ей по телефону, что я так болен, что ко мне никого не пускают.

Твой *Владимир*

Оп. 7. Д. 60. Л. 31.

¹ См. коммент. 1 к письму 995.

² Столярова.

³ Хлопин.

⁴ З.М. Супрунова.

№ 1008

1 октября 1940 г., [Москва]¹

1.X.940

Моя дорогая, диктую Ане², хотя вполне могу писать и сам; делаю это, согласно твоему желанию. Очень меня беспокоит, что у тебя произошло с ногой. Постарайся сегодня дать нам знать с Нюшей³. Посылаю тебе письмо Гревсов, из которого видно, что они хорошо устроились.

Я чувствую себя хорошо и надеюсь, что меня скоро выпустят. Температура была 29-го 35,8–36,2, вчера (30-го) 35,9–36,8, сегодня утром 35,8. Она понижена, как и надо было ждать, но вчера была даже не пониженная. Самочувствие не скверное, голова свежая, читаю по возможности легкое и не волнующее, но мысль работает бессознательно, чувствую в области физического пространства и что-то складывается. Аня мне читает вслух, чтобы не утруждать глаза, но они не в плохом состоянии. Очень жду тебя, Мария Николаевна⁴ будет между 12-ю и 1 часом, тогда припишу. Читаю “Анну Каренину”, но очень идет это медленно. Очень не люблю, когда плохо кончается. Первого тома “Войны и мира” не нашли.

Нежно обнимаю. Твой *Владимир*⁵

Мария Николаевна сказала, что всё хорошо; завтра будут брать кровь на анализ, а она будет послезавтра.

Оп. 7. Д. 60. Л. 37.

¹ См. коммент. 1 к письму 995.

² А.Д. Шаховская.

³ Очевидно, так В.И. Вернадский назвал А.Д. Шаховскую.

⁴ Столярова.

⁵ Все письмо написано рукой А.Д. Шаховской, кроме: “Нежно обнимаю. Твой Владимир”.

№ 1009

3 октября 1940 г., [Москва]¹

3.X.940

Дорогая моя, пишу тебе несколько слов, чтобы сообщить результаты исследования крови. Вместо 35, которые были неделю тому назад, – 32. Мария Николаевна² говорит, что хорошо, что есть тенденция к понижению, но нельзя вставать, пока реакция не будет 15. Она говорит что думала, что придется лежать 5 недель, а Фромгольд рассчитывал на 10 недель. Она выслушала сердце и нашла его в хорошем состоянии. А я рассчитывал, что мне позволят уже сидеть. Придется подчиняться, ничего не поделаешь. Сегодня у меня был Александр Павлович³, Александр Евгеньевич⁴ и Борисяк.

Читаю и чувствую себя, если бы не то, что лежать, то хорошо. Аня⁵ читает мне частию вслух.

Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*

Температура сегодня 36,0–36,4.

Оп. 7. Д. 60. Л. 38.

¹ См. коммент. 1 к письму 995.

² Столярова.

³ Виноградов.

⁴ Ферсман.

⁵ А.Д. Шаховская.

⁶ Письмо написано рукой А.Д. Шаховской, кроме: “Нежно обнимаю. Твой Владимир”.

№ 1010

4 октября 1940 г., [Москва]¹

4.X.940

Дорогая моя, на воскресенье запиши Зиночку² и Пашу³. Я писал тебе вчера, что мне придется не менее 10 дней лежать, но пока всё идет нормально. Я написал сегодня Диме, и, очевидно, Диме, Зине и Сереже придется неожиданно и быстро возместить плату за учение. Напоминает мне это Крыловскую басню о медведе⁴, к сожалению, в последнее время всё чаще и чаще. Отчетная сессия Академии для Лаборатории прошла, по-видимому, блестяще.

Чувствую я себя недурно, очень жду тебя. Сейчас утром температура 35,95. Мария Николаевна⁵ будет завтра, если будет нужно. Всё равно до крови ничего решать нельзя, а кровь возьмут 9-го.

Сегодня у меня будет Александр Игнатьевич Андреев, которого я очень люблю и уважаю, и я узнаю ленинградские новости. Он приехал защищать докторскую диссертацию.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир⁶

Оп. 7. Д. 60. Л.40.

¹ См. коммент. 1 к письму 995.

² З.М. Супрунова.

³ П.Е. Старицкий.

⁴ См., например: Крылов И.А. Пустынный и медведь: Басни. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1956. С. 109–111.

⁵ Столярова.

⁶ Письмо написано рукой А.Д. Шаховской, кроме последних 2-х строк.

№ 1011

6 октября 1940 г., Москва

Москва, 6 окт. 1940

Моя дорогая, пишу несколько слов, так как ты не любишь, когда я сам пишу.

Сегодня пришла открытка от Ниночки¹, которую тебе посылаю. Ей написал открытку.

Вчера вечером у меня был народ. Я сам вызвал Казакова и Виноградова, а вдруг приехал Александр Евгеньевич, который уже 2-й раз ко мне заезжает. Очень интересный разговор.

Мария Николаевна была вчера и будет завтра. <В> 9 <час.> делают кровь, и она тогда хочет пригласить Фромгольда. Если “роэ” покажет понижение, хотя бы до 25, она думает, что можно ослабить режим. Переменила лекарство – вместо прежнего (3 <раза> адонис, 2 – папаверин, ландыш и 2-строфант 5 <по> капель) – один адонис, три раза капли (20), уменьшенный строфант, ландыш и папаверин (утром). Советует больше есть сахара – как лекарство – сладкие фрукты и т.п.

Сегодня получил разрешение послать Танечке² 100 долларов, как просил; подписано, по-видимому, еще более высокой инстанцией.

Чувствую себя недурно.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Когда умер Вася Водовозов – в 1936? В каком месяце?³

Оп. 7. Д. 60. Л. 32.

¹ Н.В. Толль (Вернадская).

² Татьяна Николаевна Толль.

³ В архиве В.И. Вернадского хранится дело ("Хронология. 1884–1943", составленная Н.Е. Вернадской в 1942–1943 гг.), в котором на 1936 г. записано: "Покончил с собой В.В. Водовозов. Через несколько дней лишила себя жизни и его жена" (АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 64. Л. 73). На самом деле это случилось в 1933 г. в эмиграции.

№ 1012

8 октября 1940 г., Москва

Москва, 8.X.940

Дорогая моя, хочу тебе послать письмо Димы и письмо Агафонова¹. Страшно был рад, когда я его получил. Письмо характерное, он весь тут. Как он мог думать, что когда он официально иностранец, он мог пользоваться какими-нибудь правами французского гражданина в такой момент². Думаю, что и из денежной передрыги он, как всегда, вывернется³. Интересна его идейная ломка, которая идет. Странно, что он ничего не пишет про своего Мишу⁴. И я забыл ему об этом написать. Я известил его брата⁵. Я никогда не видел Маклакову и не понимаю, про какую другую даму он пишет⁶?

Диме я написал сегодня: "Я сделаю всё, что могу, чтобы ты мог закончить свое высшее образование". И задал ему ряд вопросов. Как всегда, его письмо немножко бестолковое, но практическое. И хорошее. Моя открытка с ним разминулась, так как я тоже написал ему 4-го октября. Я думаю, что я смогу поддержать Зиночку⁷, Диму и Сережу – пойдет большая часть гонорара за "Биогеохимические очерки". У меня всё идет нормально, сегодня будет, вероятно, Мария Николаевна⁸, но в сущности говоря, пока не будет новых данных анализа крови, никаких изменений ждать нельзя. Но всё же пусть посмотрит.

Значит, завтра ты выпишешь Анюту и Аню⁹.

Нежно обнимаю, моя дорогая.

Твой Владимир¹⁰

Оп. 7. Д. 60. Л. 48.

¹ Письмо В.К. Агафонова от 29 августа 1940 г. из Juen-les-Pins сохранилось, см.: АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 4д. Л. 41–42.

² В указанном выше письме В.К. Агафонов писал: "В безумном взаимоистреблении, в реках крови бытия человечество в судорожном порыве к какой-то новой жизни – к человеческому муравейнику или к неведомым формам свободы и братства? Мы не увидим с тобой окончания этой гигантской борьбы, но хотелось бы дожить до момента, когда выяснится всё же, у кого больше шансов на победу – у человеческого творческого духа или же у звериного начала – вечного взаимного истребления. Хотелось бы принять участие в этой

борьбе, конечно, не в физической, а в духовной части ее. Но где? Здесь это невозможно для иностранца, каковым я числюсь, несмотря на 30-летнее пребывание во Франции и на двадцатилетнюю научную работу на ее Земле и над ее землей. Подумываю об Америке, написал даже Георгию (Г.В. Вернадскому. – *Ред.*). Но в Америку (Соед.Шт.Сев. Америки) выписывают лишь членов политических партий, но я, как ты знаешь, уже больше 20 лет политикой не занимаюсь и ни в какой партии не состою” (Там же. Л. 41–41 об.).

³ В указанном в коммент. 1 письме В.К. Агафонов писал: “К сожалению, события последних месяцев (главным образом, отрыв от Парижа) сделали мое материальное положение почти трагическим: даже я, казалось бы, побывавший в переездах, всё же приуныл. Ну, авось, как-нибудь вывернемся” (Там же. Л. 42).

⁴ Миша, сын В.К. Агафопова.

⁵ Агафонов Александр Константинович (см. его письма к В.И. Вернадскому: АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 3. Л. 6).

⁶ В указанном в коммент. 1 письме В.К. Агафонов писал: “Здесь, в Ницце, месяца 4 тому назад скончалась Марья Васильевна, мать Сережи (покойного) и Володи; недели две тому назад умерла в Париже Марья Алексеевна Маклакова, сестра Василия Алексеевича Маклакова, который по-прежнему стоит во главе русского эмигрантского комитета в Париже...” (Там же. Л. 42).

⁷ З.М. Супрунова.

⁸ Столярова.

⁹ А.Д. Шаховская.

¹⁰ Письмо написано рукой А.Д. Шаховской, кроме двух последних строк, с незначительной правкой В.И. Вернадского в тексте.

№ 1013

9 октября 1940 г., Москва

9.X.940, Москва

Дорогая моя, вчера у меня была Мария Николаевна¹ и будет завтра, сегодня взяли кровь. Мария Николаевна говорит, что она просмотрела мои старые анализы крови и нашла, что и тогда было довольно высокое РОЭ – 15 и даже 20. Поэтому она решила, что если завтра будет 25, то она позволит мне перейти в другую комнату и лежать одетым. Она выслушала мое сердце и осталась им довольна. Сегодня пришли два письма от Маши², и мы заплатили за них 1 руб. 20 к., так как Маша не приклеила марок. Пошлю тебе свое письмо. Очевидно, они немножко отошли от ужасных условий своей квартиры. Только бы здоровье их не пошатнулось. Вчера у меня была Наташа³, очень рад был ее видеть, она имеет хороший вид! Я вчера прочел чрезвычайно интересную книгу, произведшую на меня громадное впечатление, китайского философа Ни-Schih называется она “Chinese Renaissance”⁴. Я очень хочу, чтобы ты ее прочла. Она поднимает большие и глубокие вопросы в общечеловеческом масштабе. Я ее задержу до твоего приезда. Написана она блестяще.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир⁵

Р.С. Из письма Валериана⁶, кто эта дама, мать умершего Сережи и живого Володи⁷?

Оп. 7. Д. 60. Л.41.

¹ Столярова.

² М.С. Гревс.

³ Возможно, Наталия Марковна Любоцинская.

⁴ Hu-Shih "Китайский ренессанс" (правильно: Hi-Shih).

⁵ Письмо написано рукой А.Д. Шаховской, кроме последних двух строк.

⁶ В.К. Агафонов.

⁷ См. коммент. 6 к письму 1012.

№ 1014

10 октября 1940 г., [Москва]¹

10.X.940

Дорогая моя, только что была Мария Николаевна². РОЭ у меня – 20, то есть то, что бывало и в нормальное время. С завтрашнего дня она позволяет перейти в кабинет и там полулежать на этом кресле, но можно выходить пить чай, обедать и ужинать в столовую. Никаких движений тяжелых руками не делать и пока не ходить, кроме этих переходов. 16-го опять возьмут кровь и в той или иной форме я буду под надзором Марии Николаевны.

Теперь о тебе и о твоём переезде. Я считаю, что тебя нужно внести на руках в квартиру по лестнице и хорошо бы, чтобы они дали своих санитаров и свою машину. Если же это нельзя, то надо нанять. Мария Николаевна находит, что иначе нельзя сюда перевезти, и она думает, что они это сделают. Во всяком случае, переговоры, могут ли они это сделать. Тем более, что я сам не могу быть при твоём переезде. Твой план с Николаем Никифоровичем³ и дворником не реальный: для этого нужна сноровка и сила. Переговори об этом как можно скорее. Может быть, они смогут ко всему хорошему, что они сделали, и это сделать.

Мария Николаевна меня выслушала и нашла, что с сердцем все хорошо. У меня все-таки неправильный желудок, но это, очевидно, от лежания. Сейчас температура – 35,85, а утром была – 36,2.

Если тебя оставят до вторника, то напиши, кого ты хочешь на воскресенье: Павла Егоровича⁴, конечно, а кроме него, Зиначку⁵ или Нину Евгеньевну? Зиначка была у меня сейчас, ее нужно поддержать до мая. Бедненькая теперь почувствовала, что зна-

чит четверка по латыни. Они заявили, что раз хотя одна четверка, то никаких стипендий. По-видимому, теперь ей не грозит опасность назначения вне Москвы.

Нежно обнимаю.

Твой *Владимир*⁶

Оп. 7. Д. 60. Д. 42–43.

¹ См. коммент. 1 к письму 995.

² Столярова.

³ Николай Никифорович, шофер.

⁴ Старицкий.

⁵ З.М. Сапунова.

⁶ Письмо написано рукой А.Д. Шаховской, кроме последних двух строк.

№ 1015

12 октября 1940 г., [Москва]¹

12.X.940

Дорогая моя, мне кажется, было бы, может быть, хорошо, чтобы в воскресенье кто-нибудь к тебе приехал, во всяком случае, Паша². Вчера у меня был Паша, и мы решили, что можно не ехать, но сейчас я ему позвоню, что не лучше ли ему поехать. Мне кажется, нужно выяснить, какую машину они тебе дадут, будут ли два санитара, чтобы тебя внести, всё это можно оплатить. Вещи тебе привезет Николай Никифорович³, и он будет тоже там. Конечно, решающий голос должны иметь врачи Кремлевской больницы, и мое мнение должно отойти на второй план. Николай Никифорович считает, что раз в тебе четыре пуда или меньше, то он может тебя внести, но, как молодой, он рассуждает легкомысленно, не учитывая, что ты больной человек. Температура у меня вчера была нормальной, и сегодня утром – 36,2, самочувствие тоже нормальное, даже вчера одно время было лучше, чем все эти дни. Заболел Александр Павлович⁴; в парикмахерской в Днепропетровске при бритье его заразили, и он слег, была высокая температура, головная боль, опухоль и т.д. И врач, которого ты знаешь, считает, что ему нужно быть очень осторожным.

Как всё хрупко!

Нежно обнимаю. Твой *Владимир*⁵

Оп. 7. Д. 60. Л. 44.

¹ См. коммент. 1 к письму 995.

² П.Е. Старицкий.

³ Николай Никифорович, шофер.

⁴ Виноградов.

⁵ Письмо написано рукой А.Д. Шаховской, за исключением последних двух строк.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Агафонов Валериан Константинович (1863–1955), геолог, минералог, почвовед, проф. Таврического ун-та (Симферополь) и Сорбонны с 1921 г., друг В.И. Вернадского со студенческих лет 42, 43, 162, 179, 242, 275, 277
- Адамс, проф. 134, 138
- Аксенов Геннадий Петрович, исследователь творчества В.И. Вернадского 12
- Александров Семен Петрович (1891–1962), горный инженер, в 20-х годах руководил радиевым рудником Тюя-Муюн в Средней Азии 220
- Алексеев Н.Н., учитель П.И. Новгородцева 102, 103
- Алексеев Борис Кирович (1884–1934), сын К.А. и О.И. Алексеевых, племянник В.И. Вернадского 48, 49, 50, 117, 118, 193
- Алексеев Кир Алексеевич (1860–1923), муж О.И. Алексеевой 48, 49, 50, 113
- Алексеева (ур. Вернадская) Ольга Ивановна (1864–1920), сестра В.И. Вернадского 40, 48–59, 62, 92, 93, 97–100, 108, 112, 113, 117, 118, 138, 140, 157, 167–172, 178, 179, 189, 190, 193
- Алибеков, химик 63
- Андреев Александр Игнатьевич (1887–1959), историк, археограф 274
- Андрусов Николай Иванович (1861–1924), геолог и палеонтолог, чл.-корр. (1910), акад. (1914) Императорской АН 11, 172, 181, 183, 185, 194
- Анна, крестьянка из Вернадовки 46
- Антонович Дмитрий Владимирович (1877–1945) 67, 69
- Антонович Владимир Бонифатьевич (1834–1908) 67, 69
- Аппель (Appell) Поль Эмиль (1855–1930), франц. математик, чл.-корр. (1911) Императорской АН, ин. поч. чл. (1925) АН СССР 218
- Аргутинская Елизавета Александровна (Else), жена П.М. Аргутинского 84, 86, 91
- Аргутинский-Долгоруков Петр Михайлович (1854–1911), врач и писатель, проф. Казанского университета, лечил детей В.И. Вернадского 80, 91
- Аркаданий 173
- Армашевский Петр Яковлевич (1851–1919), украинский геолог и минералог, профессор Киевского ун-та 120
- Арронет 185–187, 192, 194
- Архангельский Андрей Дмитриевич (1879–1940), геолог, чл.-корр. (1925), акад. (1929) АН СССР 261
- Архангельский 117, 118
- Арцыбашев Дмитрий Дмитриевич (1873–1942), специалист

- по с.-х. машиностроению и прикладной ботанике 214
- Арцыбашев М.П. 170, 172
- Аршинов Владимир Васильевич (1879–1955), геолог, петрограф, заслуж. деят. науки РСФСР (1941), проф. Моск. горной акад. и Моск. геолого-развед. ин-та минер. сырья, где был научным руководителем (1915–1955) 49
- Астров Н.И. 118
- Багалея Дмитрий Иванович (1857–1932), акад. (1919) ВУАН, проф. (с 1887), ректор (1906–1910) Харьковского ун-та, городской голова в Харькове 112
- Баклунд (Backlund) Хельге (Олег) Оскарович (1878–1958), геолог и петрограф, старший ученый хранитель Геолог. и минералог. музея Императорской АН (с 1912), проф. в Або (Финляндия) (с 1918), проф. Упсальского ун-та в Швеции (1923–1943) 120
- Бакунина (ур. Любошинская) Софья Марковна (1889–1979), дочь М.М. и А.Е. Любошинских, жена М.А. Бакунина, хозяйка имения “Горная Щель”, в эмиграции в Бельгии 44, 85
- Балавин 168
- Балаев 170, 171
- Баринов 238
- Бартольд Василий Владимирович (1869–1930), востоковед, чл.-корр. (1910), акад. (1913) Императорской АН 102, 103
- Батесан (Bateson) (Бейтсон) 38, 39
- Бедекер (Beadeker) Карл (1801–1859), немец, издатель 33
- Безобразова 20, 24
- Безсмертная М.И. 248
- Бейлис М. (дело Бейлиса, Киев, 1913) 164, 165
- Бекарюкова Варвара Дмитриевна 44, 45, 47, 48, 52, 53
- Бекетов Николай Николаевич (1826–1911), основатель русской школы физико-химиков, чл.-корр. (1877), акад. (1886) Императорской АН 7
- Бекке (Becke) Фридрих Иоганн Карл (1855–1931), немецкий минералог, чл.-корр. (1912) Императорской АН 53
- Беккерель Анри (1852–1908), открыл (1896) естеств. радиоактивность солей урана. Ноб. пр. (1903) совм. с П. Кюри и М. Складовской-Кюри 7
- Беловский, проф. 86, 135
- Белопольский Аристарх Аполлонович (1854–1934), астроном, акад. (1903) Императорской АН 173, 174
- Белянкин Дмитрий Степанович (1876–1953), геолог, минералог, петрограф, чл.-корр. (1933), акад. (1943) АН СССР 8, 95, 108, 264
- Бем, торговец в Вене 51
- Бенкендорф 14, 116
- Берверт 49
- Биго, франц. проф. 163
- Блеклов 32
- Бобринская 20
- Богомолец Александр Александрович (1881–1946), патофизиолог, акад. (1929) ВУАН, акад. (1932) АН СССР 249
- Богословский М.Е., минералог 173
- Боргстрем, проф. 132
- Борисяк Алексей Алексеевич (1872–1944), геолог, палеонтолог, чл.-корр. (1921) РАН, акад. (1929) АН СССР 273
- Борков 196
- Брайс (Brice, James) 128
- Браун Л. 82

- Брен, швейцарский ученый 141
- Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1938), парт. и госуд. деятель, возглавлял Наркомат просвещения РСФСР (1929–1937) 235, 236, 238
- Булацель 85
- Булгаков С.М. 113
- Булгаковы 113
- Булоцели 242
- Бунге 67, 69
- Бурксер Евгений Самуилович (1887–1965), украинский химик, геохимик, чл.-корр. (1925) ВУАН 248
- Вавилов Николай Иванович** (1887–1943), биолог, акад. (1929) АН СССР; акад. (1929) и первый президент (1929–1935) ВАСХНИЛ 264
- Вавилов Сергей Иванович (1891–1951), физик, акад. (1932), президент (с 1945) АН СССР 256
- Вагин А.С., ученик В.И. Вернадского 109, 110
- Вагнер (Wagner) Рихард (1813–1883), немецкий композитор 83, 86
- Вальдейер 80
- Вальден (Walden) Павел (Пауль) Иванович (1863–1957), акад. (1910) Императорской АН, поч. чл. (1927) АН СССР 185
- Василевская Ванда Львовна (1905–1963), писательница 253
- Василенко Николай Прокофьевич (1866–1935), историк права, член ЦК кадетской партии, акад. (1920) ВУАН, ее президент (1921) 222–228, 250
- Василий Захарович, из Вернадовки 46
- Ватаци Эммануил Александрович 63, 64
- Вебер 71
- Вег 64
- Вейберг Сигизмунд Александрович (1872–1944), польский минералог и кристаллограф, окончил Московский ун-т (1897), проф. Варшавского ун-та и директор Минералогического института (1935–1939) 88
- Вериго Александр Бронеславович (1893–1953), физик, работал в Гос. радиовом институте 235
- Верн (Verne) Жюль (1828–1905), франц. писатель 38
- Вернадская (ур. Ильинская) Нина Владимировна (1884–1971); двоюродная сестра Георгия Вернадского, вышла за него замуж в 1908 г. 25, 65, 115, 163, 164, 178, 179, 182, 196, 198, 220, 263
- Вернадская (по мужу Толль) Нина Владимировна (1898–1986), дочь В.И. Вернадского, врач-психиатр, окончила медиц. фак-т Карлова ун-та в Праге, где работала врачом до 1939 г., в 1926 г. вышла замуж за археолога Н.П. Толля, в 1929 г. у них родилась дочь Татьяна, в 1939 г. семья переехала в США 15, 20–27, 31–35, 38–52, 56–66, 68–84, 86–98, 100–131, 135–140, 146–152, 162, 163, 166–196, 198–205, 208, 210–220, 225–229, 234–237, 244–247, 251–253, 259, 262–265, 274, 275
- Вернадский Василий Иванович (1769–1838), дед В.И. Вернадского 142, 145
- Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973), сын В.И. Вернадского, историк, выпускник Моск. ун-та, проф. Пермского (1918–1920), Таврического (1921) ун-тов, проф. Карлова ун-та в Праге (1922–1927),

- преподавал русскую историю в Йельском ун-те в Нью-Хейвене 9, 12, 15, 18, 25, 29, 30, 39, 40–46, 52, 65, 66, 78–88, 92, 95–99, 108, 111–114, 117–121, 125–130, 138–146, 151–153, 158, 161–164, 167, 170–174, 178–180, 182, 185, 186, 198–205, 212–216, 220, 230, 247, 251–253, 257–259, 262, 263, 276
- Вернадский Николай Иванович (1851–1874), сводный брат В.И. Вернадского 192
- Вернацкий Иван Никифорович, прадед В.И. Вернадского 142, 145
- Веселовский Б.Б. 117
- Вильсон Томас Вудро, президент США (1912–1921) 150
- Владимир Львович, врач 260
- Владимирова М.Е. 10
- Винберг Владимир Карлович 110
- Виноградов Александр Павлович (1895–1975), геохимик, биогеохимик, акад. (1953) и вице-президент АН СССР (1967–1975) 226, 227, 238, 244–248, 253, 254, 259, 260, 266–273, 278
- Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925), историк, чл.-корр. (1892), акад. (1914) Императорской АН 178
- Витте Сергей Юльевич (1849–1915), государственный деятель, председатель Совета министров (1905–1906) 257, 258
- Водовозов Василий Васильевич (1864–1933), народник, публицист, историк, экономист, в 1924 г. эмигрировал 274, 275
- Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962), историк, акад. (1930) АН СССР 233, 242, 245
- Вольфович Семен Исаакович (1896–1980), химик-технолог, чл.-корр. (1939), акад. (1946) АН СССР 256
- Вонг П., делегат китайского прав-ва 142
- Воронов Ефим Павлович (1895–1957), гос. деятель, сотрудник Комиссии содействия ученым при СНК СССР 231–233, 235
- Воронцов-Дашков Иван Иванович, граф 64
- Вудсток 47, 48
- Вульф Георгий (Юрий) Викторович (1863–1925), кристаллограф, чл.-корр. (1921) РАН, работал в Варшавском ун-те (1885–1909), проф. Казанского (1907–1908), Московского (1909–1911, 1917–1925) ун-тов и Народного ун-та им. А.Л. Шанявского (1911–1917) 40, 41, 173, 221, 222
- Вульферт (ур. Малецкая) Лидия Карловна (?–1913), крестная мать В.И. Вернадского 48
- Вырубов Григорий Николаевич (1843–1913), минералог, химик, философ-позитивист, издатель сочинений А.И. Герцена 179
- Гартлей, из Дублина 86
- Гальдиери 31
- Гамалея Николай Федорович (1859–1949), микробиолог и эпидемиолог, чл.-корр. (1939), почет. член (1940) АН СССР; акад. (1945) АМН 264, 265
- Гамбаров Юрий Степанович (1850–1926), юрист, проф. Моск., Тифлис. и Эриван. ун-тов 186
- Гедда 189
- Геленина 44
- Гензель Павел Петрович (1878–1949), экономист, проф. Моск. ун-та, с 1930 г. проф. Northwestern University (USA) 44

- Гершензон Михаил Осипович (1869–1925), историк литературы, публицист 44, 118
- Гесс, сотрудник Геологического комитета в Вашингтоне 156
- Гехайнраб (Geheinerab, Titus) Титус, директор Венского геолог. комитета 128
- Гиллебранд (Hillebrand), сотрудник бюро стандартов в Вашингтоне 154
- Гитлер (Hitler) (наст. фам. Шикльгрубер) Адольф (1889–1945) 271
- Глеклов 33
- Глинка Сергей Федорович (1855–1933), минералог 5, 19
- Гобер, франц. геолог 162
- Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), русский писатель 271
- Годвин 133
- Голицын Борис Борисович (1862–1916), князь, физик, геофизик, акад. (1908) Императорской АН 7, 99, 185
- Голицына Евдокия Ивановна (ур. Зарудная) (1832–?), родная сестра М.И. Старицкой 165–167, 176, 176, 193, 194
- Голлис 159
- Гольштейн Александра Васильевна (ур. Баулер, по первому мужу Вебер, 1850–1937), бакунистка, переводчица 43, 177, 118, 164
- Гольштейн Владимир Августович (1849–1917), бакунист, врач, практиковавший в Париже, привлекался по нечаевскому делу, эмигрант; Гольштейны, друзья В.И. и Н.Е. Вернадских 41, 42, 162, 163
- Гофман 118
- Грабарь Владимир Эммануилович (1865–1956), проф. Юрьевского (Тартуского) (1893–1918) и Моск. ун-тов, научн. сотр. Института права АН СССР и Всесоюз. ин-та юрид. наук 235
- Гратакап (Gratacap L.P.) Л.П. 9
- Гревс Александра Ивановна (1894–1910), дочь И.М. и М.С. Гревс 55
- Гревс Иван Михайлович (1860–1941), историк, проф. Высших женских курсов (1892–1918) и Петерб. ун-та (1899–1941), друг В.И. Вернадского 178, 179, 181, 191, 192, 220, 221, 251, 254, 263
- Гревс (ур. Зарудная) Мария Сергеевна (1860–1941), двоюродная сестра Н.Е. Вернадской, жена И.М. Гревса 55, 96, 166, 168–171, 276, 277
- Гревсы 40, 49, 50, 52, 53, 58, 83, 95, 120, 168, 242, 243, 266, 272
- Грибаков 44, 45
- Григорьев 204
- Грот (Groth) Пауль Генрих фон (1843–1927), немецкий минералог и кристаллограф, проф. и консерватор научных коллекций в Мюнхене, чл.-корр. (1883) Императорской АН, поч. чл. (1925) АН СССР 51, 161
- фрау Грот, жена П.Г. фон Грота 51
- Грузинов Александр Николаевич, предводитель дворянства Моршанского уезда Тамбовской губернии 45, 116
- Грут (Groot Maria) 89
- Грушевский Михаил Сергеевич (1886–1934), историк, акад. (1923) ВУАН и акад. (1929) АН СССР 186, 188
- Гулевич Владимир Сергеевич (1867–1933), биохимик, чл.-корр. (1927), академик (1929) АН СССР 20
- Гурлит (Gurlitt Cornelius) 37, 39
- Гучков Александр Иванович (1862–1936), министр Временного прав-ва, эмигрант 171

Давыдовский Василий Федорович (?–1928), проф. Моск. ун-та, один из основателей Моск. высш. женск. курсов (впоследствии 2 Моск. гос. ун-т) 115, 116

Данша, директор радиевой лаб. в Варшаве 188

Деборин (наст. фам. Иоффе) Абрам Моисеевич (1881–1963), историк, философ, акад. (1929) АН СССР 242

Дебьерн 41, 42

Дейш, инженер-гидравлик 188

Делоне (De Launay) Луи (1860–1938), франц. геолог и минералог 42, 49

Дельтер, из Вены 49, 53

Диллер, из Вены 50

Довоман 182

Долгоруковы, князья, общественные деятели, Павел Дмитриевич (1866–1927) и Петр Дмитриевич (1866–1945), эмигрант 46

Долина 172

Доломанова 172

Дьяконов Михаил Александрович (1855–1919), историк, проф. Юрьевского ун-та, акад. (1912) Императорской АН 178, 181

Дэй, директор Института Карнеги в Вашингтоне, директор геофизической лаб. Карнеги в Вашингтоне 141, 154, 156

Дюпарк (Duparc) Луи-Клод (1866–1932), швейцарский минералог, петрограф, с 1892 г. проф. Женевского ун-та, чл.-корр. (1912) Императорской АН 58

Ежов Николай Иванович (1895–1940), нарком внутренних дел СССР (1936–1938), нарком водного транспорта (1938–1939) 249

Елена Константиновна, “хозяйка” в санатории “Узкое” 258, 259

Елена Семеновна, медсестра 265
Елистратов Аркадий Иванович (1872–1955), правовед, проф. кафедры полицейского права Моск. ун-та (1917), декан юрид. ф-та Таврич. ун-та 66

Еремеев 185

Жданов А.М. 20, 21

Жедринская Нина Егоровна (1871–1936), родная сестра Н.Е. Вернадской 19, 21–26, 28, 44, 45, 82, 102, 103, 180, 183

Жедринский Иван Александрович (1868–1942), муж Н.Е. Жедринской 165–169, 171, 172

Жедринские 68, 72, 73, 151, 205

Желябов Андрей Иванович (1851–1881), народник, член “Народной воли” 14

Жерил (Le Gerhil), франц. проф. 163

Жуковский Николай Егорович (1847–1921), основоположник совр. аэродинамики, чл.-корр. (1894) Императорской АН 21

Заболотный Даниил Кириллович (1866–1929), микробиолог, чл.-корр. (1928), акад. (1929) АН СССР; акад. (1922) и президент (1928–1929) ВУАН 226

Запольский, врач 116

Зарудный Александр Сергеевич (1863–1934), юрист, гос. деятель, министр Временного прав-ва, двоюродный брат Н.Е. Вернадской, его сестра Мария – жена И.М. Гревса 191, 192

Зарудный Сергей Митрофанович (1865–1940), юрист, дядя Н.Е. Вернадской 57, 189, 254

Звенигородский 242

- Зелинский Николай Дмитриевич** (1861–1953), чл.-корр. (1924) РАН, академик (1929) АН СССР 92, 114, 235–240, 244, 245
- Земятченский Петр Андреевич** (1856–1942), чл.-корр. (1928) АН СССР, оппонент докторской диссертации В.И. Вернадского 87, 169
- Зенкевич Лев Александрович** (1899–1970), гидробиолог, чл.-корр. (1953), акад. (1968) АН СССР 224
- Зильберминц Вениамин Аркадьевич** (1887–1939), геолог, минералог, сотрудник Биогеохим. лаборатории АН СССР (с 1935) 169
- Зиновий, крестьянин из Вернадовки** 46, 47
- Златарский Васил Николов** (1866–1935), болгарский историк, чл. Болгар. АН, чл.-корр. (1911) Императорской АН 39
- Зюсс (Suess) Эдуард** (1831–1914), австрийский геолог, чл.-корр. (1887), поч. чл. (1901) Императорской АН 49, 54
- Ибсен (Ibsen) Генрик** (1828–1906), норвежский поэт и драматург 165, 166, 170
- Иваницкий** 216
- Ивероновы** 125
- Иловайский Дмитрий Иванович** (1832–1920), историк, публицист 179
- Ильин, геолог из Сибири** 242
- Ильинская Екатерина Владимировна**, сестра жены сына В.И. Вернадского 95, 254, 257
- Иоффе Абрам Федорович** (1880–1960), физик, чл.-корр. (1918), акад. (1920) РАН и АН СССР 219, 256
- Каблуков Иван Алексеевич** (1857–1942), физикохимик, чл.-корр. (1928), поч. чл. (1932) АН СССР 21
- Кавос (ур. Зарудная) Екатерина Сергеевна** (1861–1917), художница, двоюродная сестра Н.Е. Вернадской, дочь С.И. Зарудного, сестра М.С. Гревс 32, 33, 166, 172, 174, 175, 182, 194
- Казаков, сотр. тип. Моск. ун-та** 64, 274
- Казакова Прасковья Кирилловна** (1874–1958), прислуга в доме Вернадских (1908–1915) 47, 48, 95, 100–102, 120, 130, 148, 186, 242, 243, 247–254, 257, 259, 272
- Калмыкова (ур. Чернова) Александра Михайловна** (1849–1926), общ. и полит. деятельница 80
- Каменская Ольга Христофоровна** 98
- Каминка** 83
- Капица Петр Леонидович** (1894–1984), физик, чл.-корр. (1929), акад. (1939) АН СССР, Ноб. пр. (1978) 256
- Карандеев Виссарион Виссарионович** (1878–1916), ассистент В.И. Вернадского в Моск. ун-те (с 1903) и его ученик, приват-доцент Моск. ун-та (1910–1911), преп. минералогии Моск. высш. женских курсов 40, 93, 199–203
- Карандеева Елизавета Николаевна**, жена Карандеева В.В. 93, 199, 200
- Касперович Генрих (Георгий) Иосифович (Осипович)** (1881–1912), минералог, хранитель Минералог. кабинета Моск. ун-та, ученик В.И. Вернадского 8, 25, 43, 50, 51, 60–65, 76, 81, 85, 88, 90

- Карпинский Александр Петрович (1846–1936), геолог, академик (1896) Императорской АН, президент РАН и АН СССР (1917–1936) 5, 7, 11, 52, 57, 58, 91, 92, 172, 191, 192, 217, 244
- Карлович М.М. 121
- Кассо Лев Аристович (1865–1914), министр народного просвещения (1911–1914) 4, 7, 74, 115, 116, 145, 156, 178, 184
- Кауфман Александр Аркадьевич (1864–1919), экономист и общ. деят., проф. Высших женских курсов в Петербурге 22, 52, 57, 93, 95, 185, 207
- Керенский Александр Федорович (1881–1970), юрист, эсер, предс. Времен. прав-ва 211, 212, 216
- Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933), историк, проф. Моск. (1909–1911) и Пражского (с 1922) ун-тов, чл.-корр. (1917) РАН 114
- Клавдия, прислуга в доме Вернадских 24, 130, 148
- Клейбер Нина Иосифовна (?–1912), внучка Винберга В.К. 110
- Клюсс Георгий Александрович, уч. секр. и член Ученого комитета Мин-ва земледелия 214
- Ключевский, сын историка Ключевского В.О. 118
- Ковалевский Евграф Петрович, депутат третьей (1907–1912) и четвертой (1912–1917) Гос. Думы 56, 57
- Коган (правильно Каган), проф., зав. научным отделом Госиздата 223, 255, 257
- Кожевникова Мария Анатольевна 52, 53, 113, 114
- Кожевникова Софья Григорьевна 44, 45, 111–114
- Коковцев Владимир Николаевич (1853–1943), гос. деятель, предс. Совета министров (1911–1914) 180
- Коловрат-Червинский Лев Станиславович (1884–1921), физик, радиолог, работал у М. Кюри 10, 98
- Комаровский Леонид Алексеевич (1845–?), юрист, проф. Моск. ун-та 20
- Комлев Леонид Васильевич (1904–1979), геохимик, сотр. Гос. радиевого ин-та 236, 237, 265
- Конфилд, владелец частной минер. коллекции в Дувре 157
- Корнилов А.А., доктор 167
- Корнилов Александр Александрович (1862–1925), (Адя), юрист, историк, друг В.И. Вернадского со студенч. лет 22, 23, 117–119, 164–166, 170, 171, 178, 179, 182, 183, 198–204, 215–217
- Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918), генерал 211, 212, 216
- Корнилова Наталья Александровна (Талочка) (1908–1990), дочь А.А. Корнилова (Ади) 22, 23, 170, 172
- Короленко Анна Сергеевна (Нюта) (1884–1917), дочь Е.И. Короленко, сестры В.И. Вернадского 40, 44–50, 52, 55–62, 64, 66, 76–83, 86, 88, 90–93, 98, 111–120, 123, 126, 134, 138, 140, 157, 158, 167–172, 174, 176–182, 185–196, 198, 200–208, 210, 215
- Короленко Владимир Галактионович (1853–1921), писатель, общ. деятель, троюродный брат В.И. Вернадского 125, 197
- Короленко (ур. Вернадская) Екатерина Ивановна (1864–1910),

- сестра В.И. Вернадского 40, 41, 53
- Кохендорфер Гертруда Николаевна, вела финансовые дела А.С. Короленко 126
- Кочубей Василий Петрович (1868–?), землевладелец. Выпускник Петерб. ун-та, владелец минералогической коллекции 51–54, 180, 181, 184
- Кошелев А.Ф. 245
- Коштоянц 246
- Краснов Андрей Николаевич (1862–1914), ботаник и географ, проф. Харьковского ун-та (1899–1911), основатель Батумского ботан. сада (1912), друг В.И. Вернадского 61, 96, 97
- Кржижановский Глеб Максимилианович (1872–1959), парт., гос. деятель, акад. (1929), вице-през. АН СССР (1929–1939) 256
- Кринов Евгений Леонидович 264
- Критский В.В. 8, 76
- Крук, геолог 63
- Крыжановский Владимир Ильич (1881–1947), геолог, минералог, ученик В.И. Вернадского, с 1934 г. работал зав. музеем Ломоносовского института 8, 10, 40, 72–79, 95, 99, 101, 106, 109, 111, 112, 173
- Крыжановский Л. 75
- Крыжановский Сергей Ефимович (1862–1935?), гос. деятель, с 1920 г. эмигрант 257
- Крылов Иван Андреевич (1769–1844), писатель, баснописец, акад. (1841) Императорской АН 274
- Крымский Агафангел Ефимович (1871–1942), востоковед, славист, писатель, преп. Моск. ун-та (с 1896), непрем. секретарь ВУАН (1918–1928) 18, 94, 226, 248, 249
- Кудрявцев Всеволод Александрович (1885–1953), математик 182
- Куинджи А. Ив. (1841–1910), русский живописец 118
- Кулик Леонид Алексеевич (1883–1942), геолог, специалист по метеоритам 8, 10, 79, 106, 108, 250, 252
- Кунц (Kunz) Георг Фредерик (1856–1932), амер. геолог и минералог, президент Mineralogical Club (New York) 51, 141, 142, 159, 160
- Купффер 103
- Курбатов С.М. 233
- Курнаков Николай Семенович (1860–1941), физикохимик, акад. (1913) Императорской АН 11, 244
- Курчатов Игорь Васильевич (1902/3–1960), физик, акад. (1943) АН СССР 156
- Кускова Екатерина Дмитриевна (1869–1958), общ. деятель и публицист 14
- Кюри (Склодовская) Мари (1867–1934). Ноб. пр. по физике (1903) совм. с П. Кюри и А. Беккерелем, Ноб. пр. по химии (1911), чл.-корр. (1907) Императорской АН, поч. чл. (1926) АН СССР 7, 43, 49, 85, 98
- Кюри Пьер (1859–1906), фр. физик 7
- Лазарев Петр Петрович (1878–1942), физик, биофизик, геофизик, акад. (1917) Императорской АН 119, 220, 246, 256
- Лакомб Поль 117, 118
- Лакруа (Lacroix) Франсуа Антуан Альфред (1863–1948), фр. минералог и петрограф, чл.-корр. (1909) Императорской АН, поч. чл. (1925) АН СССР 41, 42, 43, 49, 134

- Ландовская (Ландовска, Landowska) Ванда (1879–1959), польская пианистка, клавесинистка 172, 182
- Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919), историк, акад. (1905) Императорской АН 178–180
- Лебедянцеv Александр Никандрович (1878–1941), агроном и агрохимик, проф., ученик В.И. Вернадского, директор Шатиловской опытной станции (1906–1927) 219
- Левинсон-Лессинг Франц Юльевич (1861–1939), геолог, петрограф, чл.-корр. (1914) Императорской АН, акад. (1925) АН СССР 126, 131, 194, 242, 243
- Ледницкий 198
- Лезедов 90
- Лезедова Мария Евгеньевна (по мужу Владимирова), минералог 8, 95, 105
- Лейст Эрнест Егорович (1852–1918), геофизик, проф. Моск. ун-та 38, 39, 66
- Леонид Алексеевич, полтавский врач 111, 112
- Либиш (Liebisch) Теодор (1852–1922), немецкий минералог, проф. Геттингенского ун-та (1887–1908) 86, 87
- Линденер Борис Александрович (1884–1960), минералог, управ. делами, уч. секр. КЕПС АН СССР (1916–1926) 10, 44, 72, 74, 76, 174, 178, 207, 221
- Липский Владимир Ипполитович (1863–1937), ботаник, акад. (1919) ВУАН 223, 226
- Личков Борис Леонидович (1888–1966), геолог, ученик В.И. Вернадского, уч. секр. КЕПС (1927–1934) 223, 256, 259, 270
- Личков Леонид Семенович (1855–1943), статистик, общ. деятель, отец Б.Л. Личкова 249, 270
- Локов Н.Н. 41
- Ломоносов М.В. (1711–1765), первый русский ученый-естествоиспытатель мирового значения, с 1745 г. первый русский академик Императорской АН, член Академии художеств (1763), в 1755 г. по инициативе М.В. Ломоносова основан Московский университет 122
- Лондон Е.С. 64
- Лопатинский 226
- Луар, директор Музея в Гавре, племянник Л. Пастера, директор бактериологической станции 162, 163
- Лужин 242
- Лукашевич 164
- Луппол Иван Капитонович (1896–1943), акад. (1939) АН СССР 271
- Лутугин Леонид Иванович (1864–1915), геолог, проф. (1897) Горного института в Петербурге 178
- Лучицкий Владимир Иванович (1877–1949), геолог, петрограф, акад. (1945) АН УССР 185
- Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936), историк, акад. (1929) АН СССР 66
- Любошинская (ур. Старицкая) Анна Егоровна (1865–1930), сестра Н.Е. Вернадской, дочь Е.П. Старицкого, жена М.М. Любошинского 47, 48, 72, 89, 92, 93, 114–116, 118, 162, 197–200, 221, 222, 225
- Любошинская Анна Марковна (в замужестве Сербина) (1902–?), дочь А.Е. и М.М. Любошинских, в эмиграции во Франции 19, 235, 236, 245
- Любошинская Е.А. 72

- Любощинская Мария Марковна (в замужестве Фокина) (1894–1988), дочь А.Е. и М.М. Любощинских 202, 216, 217, 220, 238, 239, 244, 245
- Любощинская Наталья Марковна (в замужестве Мостовая) (1901–?), дочь А.Е. и М.М. Любощинских 238, 276, 277
- Любощинские 18, 47, 66, 92, 93, 111–119, 146, 160–163, 197–203, 216
- Любощинский Георгий Маркович (1897–1921), сын А.Е. и М.М. Любощинских
- Любощинский Марк Маркович (1865–1953), юрист, земский деятель Тамбовской губернии, эмигрант с 1931 г. 89, 115, 116, 119, 120, 124–129, 131, 136, 137, 141, 159–163
- Любощинский Марк Маркович (1891–1980), сын А.Е. и М.М. Любощинских, эмигрант 141, 145, 146, 158–163
- Любощинский Павел Маркович (1906–1992), сын А.Е. и М.М. Любощинских, эмигрант с 1922 г., в 1955 г. вернулся в СССР 199, 200
- Ляпунов Александр Михайлович (1857–1918), математик, чл.-корр. (1900), акад. (1901) Императорской АН 242
- Ляпунов Борис Михайлович (1862–1943), языковед-славист, чл.-корр. (1907) Императорской АН, акад. (1923) РАН 242
- Магницкий М.Л. 14
- Мадлена, прислуга Голицыной Е.И. 193
- Майрс (Miers) Генри (1858–1942), англ. минералог, кристаллограф 125
- Маклакова Мария Алексеевна, сестра Маклакова Василия Алексеевича 275, 276
- Максим, крестьянин из Вернадовки 46, 47
- Малахова 189
- Малинин 197
- Мальшек Василий Трофимович, специалист по нефтяной геологии 260
- Малюга Дмитрий Петрович (1902–1969), биогеохимик, сотрудник Биогеохимической лаборатории 252
- Мандельштам Леон Исаакович (1879–1944), физик, чл.-корр. (1928), акад. (1929) АН СССР 256
- Мансуров Борис Павлович (1828–1910), юрист, археолог 45
- Мансуров Павел Борисович (?–1932), дипломат 45
- Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929), ректор Моск. ун-та (1908–1911) 4, 20, 21, 40, 44, 66, 173
- Margerie De, фр. геолог 128
- Мартынов 45
- Матвеев Константин Константинович 255
- Мензбир Михаил Александрович (1855–1935), зоолог, чл.-корр. (1896) Императорской АН, акад. (1929) АН СССР 4, 66, 93, 114, 115, 219, 220
- Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866–1941), писатель 165, 166, 170
- Меркулов А.Н., врач 190
- Мечниковы: Илья Ильич (1845–1916), Ноб. пр. (1908, совм. с П. Эрлихом) и его жена 162, 163
- Миклашевский 81
- Милюкова (ур. Смирнова) Анна Сергеевна, жена П.Н. Милюкова 183
- Милюковы Павел Николаевич и Татьяна Павловна 14, 83, 93–104, 107, 108

- Минаков Петр Андреевич, про-
 ректор Моск. ун-та 4, 66
 Мирошников И. 231
 Миссуна Анна Болеславовна
 (1869–1922), геолог, хранитель
 геологических коллекций
 МОИП (1906–1909), сотрудница
 Геологич. кабинета Моск. выс-
 ших женских курсов, впоследст-
 вии 2 Моск. ун-та, ученица
 В.Д. Соколова 44, 93, 111, 112
 Митцопулос 34
 Михайлов 25
 Михайлов Н.Ф. 179
 Михельсон 121
 Могилянская, директор гимназии
 в Петербурге 56
 Модзалевский Вадим Львович
 (1882–1920), историк, сын дво-
 юродной сестры В.И. Вернад-
 ского 142, 174, 175
 Мокиевский 194, 196
 Молотов (Скрябин) Вячеслав
 Михайлович (1890–1986),
 предс. Совета Народ. Комис-
 саров СССР (1930–1941)
 232–234, 236
 Морган, миллиардер 51
 Морской 178
 Мочалов Инар Иванович
 (р. 1932), философ, историк
 науки, исследователь творче-
 ства В.И. Вернадского 10, 12
 Муромцев Сергей Андреевич
 (1850–1910), кадет, предс. пер-
 вой Гос. Думы 45

 Надежда Константиновна 178,
 179
 Назаров, горный инженер 102
 Нансен 168, 171, 172
 Ненадкевич Константин Автоно-
 мович (1880–1963), чл.-корр.
 (1946) АН СССР, ученик
 В.И. Вернадского 8, 10, 40, 43,
 58, 61–64, 69–71, 85–89, 94–96,
 100, 102, 117, 118, 154, 170, 176,
 178, 182, 184
 Никифор Прокофьевич, сторож
 в ВУАН 227, 228
 Николай II (1868–1918), послед-
 ний Росс. Император (1894–
 1917) 55, 258
 Александра Федоровна, его жена
 258
 Николь, проф. 132–134, 137
 Новгородцев Павел Иванович
 (1866–1924), обществ. деятель,
 философ, проф. Моск. ун-та
 (1896–1911) 41, 42, 80, 102, 103,
 115, 116
 Новгородцевы: Павел Иванович
 и Лидия Антоновна (ур. Буди-
 лович) (1879–1951) 42, 47, 52,
 116, 117
 Нордгейм Владимир Васильевич,
 управляющий типографией
 Императорской АН (с 1907)
 87, 90
 Носович 198

 Олдингтон (Aldington) Ричард
 (1892–1962), англ. писатель
 261
 Ольга Михайловна 173, 174
 Ольденбург Елена Григорьевна
 237, 238, 249, 250, 270
 Ольденбург (ур. Берг) Надежда
 Федоровна (1831–1909), мать
 С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбургов
 22
 Ольденбург Сергей Сергеевич
 (1888–1934), сын С.Ф. Ольден-
 бурга 18, 19, 22, 23, 43, 44, 112,
 113, 169, 171, 172
 Ольденбург Сергей Федорович
 (1863–1934), востоковед, акад.
 (1908) Императорской АН, не-
 пременный секретарь (1904–
 1929) АН 13, 18, 22, 23, 48, 50,
 52, 56, 63, 64, 81–85, 88, 93,
 98–100, 106–109, 119, 120, 169,
 178, 182–186, 213, 214, 218, 237,
 238
 Ольденбург Федор Федорович
 (1862–1914), педагог, земский

- деятель, брат С.Ф. Ольденбурга 48, 50, 138, 140
 Орловский А.Е. 178
 Отец Петр из Каменки 116
 Отоцкий 188
- Павло**, сторож в Шишаках 208
Павловский Иван Францевич (1851–1922), историк, археолог 169
Павлов А.Г. 21
Павлов Алексей Петрович (1854–1929), геолог, палеонтолог, чл.-корр. (1905), акад. (1916) Императорской АН, РАН и АН СССР 220
Павлова Мария Васильевна Павлова (1854–1938), палеонтолог, проф. Моск. ун-та, почет. чл. (1930) АН СССР, жена Павлова А.П. 19, 220
Палладин Владимир Иванович (1859–1922), ботаник и биохимик, чл.-корр. (1905), акад. (1914) Императорской АН и РАН 247
Паркман 151
Парсонс (Parsons Ch.L.), главный химик Bureau of Mines 9, 156
Пейкер Александра Ивановна 88, 89
Пергамент Михаил Яковлевич (1866–1932), правовед, проф. Петерб. ун-та 81
Перетц Владимир Николаевич (1870–1935), историк литературы, акад. (1914) Императорской АН и акад. (1919) ВУАН 223
Перовская Софья Львовна (1853–1881), народница, член “Земли и воли”, “Народной воли” 14
Пестель Павел Иванович (1793–1826), декабрист 14
Петров Федор Николаевич (1876–1973), медик по образованию, парт. деятель, возглавлял (1923–1927) Главнауку в Наркомпросе 223, 224
Петрункевич Александр Иванович (1875–1964), зоолог, с 1903 г. жил в США 141, 142, 157, 160
Петрункевич Анастасия Сергеевна, жена Ивана Ильича Петрункевича 84, 85, 95, 96, 115, 220, 221
Петрункевич Иван Ильич (1843–1928), общ. и полит. деятель, эмигрант с 1919 г. 12, 13, 22–24, 48, 50, 55, 91, 98, 114, 118, 119, 172, 174, 193, 201–204
Петрункевичи 48–52, 56, 65, 83–85, 93–100, 106–113, 165, 175, 178, 199, 201, 202
Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863–1942), историк-медиевист, проф. Моск. ун-та, чл.-корр. (1924) РАН, акад. (1929) АН СССР 186, 220, 221, 235, 240
Петц 11
Пилипенко Павел Прокофьевич (1877–1940), минералог, ученик В.И. Вернадского 47, 48, 240, 241
Пири (Peary) Роберт Эдвин (1856–1920), амер. полярный путешественник 39
Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), юрист, гос. деятель 14
Попов Александр Иванович, управляющий в имении Вернадовка Моршанского уезда Тамбовской губ. 32, 34, 35
Попов Сергей Платонович (1872–1964), минералог, ученик В.И. Вернадского 47, 178
Попова 98, 99, 117
Пороховщиков 95
Потемкин Владимир Петрович (1877–1946), с 1940 г. нарком народного просвещения

- РСФСР, акад. (1943) АН СССР 250
- Прайор (Preyer), (Прейер) Вильям (1841–1897), англ. физиолог 125
- Пресняков Евгений Александрович (1897–1962), геолог 121
- Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955), экономист, член Времен. прав-ва 198
- Прянишников Дмитрий Николаевич (1865–1948), чл.-корр. (1913) Императорской АН, акад. (1929) АН СССР 264
- Пыпин Александр Николаевич (1833–1904), историк литературы, славист, чл.-корр. (1891), акад. (1898) Императорской АН 117, 118, 174, 175
- Пятницкий Порфирий Петрович (1859–1940), геолог, минералог 249
- Радищев Александр Николаевич (1749–1802), писатель 14
- Рамзай (Ramsay) Уильям (1852–1916), англ. физик и химик, чл.-корр. (1901), ин. поч. чл. (1913) Императорской АН 129
- Ревуцкая Елизавета Дмитриевна (1866–1942), минералог, ученица В.И. Вернадского 5, 8, 10, 25, 26, 40, 72–81, 90, 93, 95, 101, 102, 105, 111, 112, 125, 126, 164–169, 172, 174, 178, 179, 185, 186, 188, 189, 205
- Рейнвальд 57
- Реклицкий 216, 217
- Ремезов Евгений Иванович (1862–?), врач, друг В.И. Вернадского 96, 97
- Рерберг Петр Федорович (?–1912) 95–97, 202
- Родичев 176
- Романов К.К., великий князь 171
- Рот В.К., проф. 115, 116
- Рыков Алексей Иванович (1881–1938), гос. и полит. деятель, предс. СТО (1926–1930), нарком связи СССР (1931–1936) 223, 224
- Рыков Виктор Иванович (1865–?), управ. отделом пром. училищ МНП (1915)
- Рымарев 115
- Рэнсом, амер. геолог 137
- Салазкин Сергей Сергеевич (1862–1932), медик, биохимик, гос. деятель, министр Времен. прав-ва, проф. Таврич. ун-та 13, 54
- Самойлов Александр Яковлевич 85
- Самойлов Яков Владимирович (1870–1925), геолог, минералог, биогеохимик, ученик В.И. Вернадского 8, 11, 13, 24, 40, 41, 47, 60–67, 85, 86, 114, 123–132, 135, 136, 141–145, 148, 150, 151, 154–156, 159–163, 221, 222
- Самойлова Анна Яковлевна (1899–1974), агрохимик 143, 144
- Самойлова Софья Яковлевна 61, 125, 128, 130, 136, 137, 143, 144
- Самоковасов Дмитрий Яковлевич (1844–?), юрист, проф. Моск. и Варшавского ун-тов 20
- Северцев 224
- Седергольм (Sederholm) Якоб Иоханнес (1863–1934), финский геолог, чл.-корр (1910) Императорской АН 148
- Семашко Николай Александрович (1874–1949), гос. и парт. деятель, нарком здравоохранения РСФСР (1918–1930), акад. (1944) АМН СССР 221–224
- Семенов Юлий Федорович (1873–1947), литератор, зять А.В. Гольштейн 24
- Семенченко Анна Андреевна, жена С.Г. Семенченко 187
- Семенченко Сергей Георгиевич (1872–?), адвокат, полтавский земский деятель 187

- Сергей Петрович, управляющий в Вернадовке 98
- Сергиев 182
- Сеславин 198
- Скакки 31
- Скочинская 258
- Снегирев 20, 170
- Соколов Владимир Дмитриевич (1855–1917), геолог, гидрогеолог 59
- Соколов Д.В. 10
- Сомов 20
- Соннины Аложенео 31
- Спекторский Евгений Васильевич (1875–1951), историк права, социолог, проф. Варшавского ун-та, ректор ун-та Св. Владимира в Киеве 102, 103
- Спенсер, англ. ученый 125
- Сперанский Михаил Нестерович (1863–1938), историк, чл.-корр. (1902) Императорской АН, акад. (1921) РАН 33
- Старицкая Мария Егоровна (1869–1943), сестра Н.Е. Вернадской 44, 177–180, 183, 208, 209, 219, 236, 238, 239, 246
- Старицкая (ур. Зарудная) Мария Ивановна (1829–1914), мать Н.Е. Вернадской 18, 35, 44, 45, 68, 72, 73, 76–81, 89, 107, 108, 114, 116, 122, 123, 164, 166, 176–190, 193–195
- Старицкий Александр Павлович (1841–1925), полтавский уездный предводитель дворянства (1904–1908), член первой Гос. Думы 206
- Старицкий Георгий Егорович (1867–1946), кадет, брат жены В.И. Вернадского 44, 68, 112, 113, 167, 169, 179, 183
- Старицкий Павел Егорович (1862–1942), брат Н.Е. Вернадской 22, 23, 28, 29, 47, 48, 55–57, 83, 94–96, 99, 100, 102, 120–122, 168, 169, 178–183, 191, 192, 202, 220, 221, 235–245, 248, 251–268, 279–278
- Старченков 149
- Старынкевич Дмитрий Сократович (1863–1920), выпускник Петерб. технолог. института (1890), друг В.И. Вернадского, муж Н.П. Милюковой 49, 50
- Старынкевич Константин Дмитриевич, сын Д.К. Старынкевича 49, 50, 171–174
- Старынкевич-Борнеман Ирина Дмитриевна (1890–1989), химик, минералог, ученица и сотрудница В.И. Вернадского, дочь Д.С. Старынкевича 255, 256
- Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), предс. Совета министров России (1906–1911) 20, 55, 84, 87, 88, 257
- Столярова Мария Николаевна 254, 257–262, 265–278
- Струве Петр Бернгардович (1870–1944), экономист, философ, полит. деятель 179
- Супрунова З.М. (замужем Дирина, 1919–1997), внучатая племянница В.И. Вернадского 267, 268, 272–274, 277, 278
- Сухомлинов Владимир Александрович, военный министр (1909–1915) 204
- Сушкина Надежда Николаевна (1889–1975), микробиолог, почвовед 272
- Сяецкий 134
- Талиев Валерий Иванович (1872–1932), ботаник, приват-доцент Харьковского ун-та, затем проф. Моск. с.-х. академии 100
- Тарасевич Лев Александрович (1868–1927), микробиолог, патолог, возглавлял уч. мед. совет Наркомздрава СССР (1918–1927) 219, 220, 224
- Тарасов 20

Твалчрелидзе Александр Антонович (1881–1957), минералог и пертограф, акад. (1941) АН Груз. ССР, ученик В.И. Вернадского 40

Тепфер 88

Термье 134

Тесленко Николай Васильевич, депутат Гос. Думы (1907) 50

Толмачев Иннокентий Павлович (1872–1950), геолог, палеонтолог 9, 82, 83, 88, 133, 134, 191, 192

Толль Николай Петрович (1894–1985), археолог, муж дочери В.И. Вернадского 234, 236

Толль Татьяна Николаевна (1929), внучка В.И. Вернадского 231, 244, 274, 275

Топоркова Юлия Григорьевна (в замужестве Губарева), выпускница (1888) Петерб. высших женских курсов 48

Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919), экономист, проф. ун-та Св. Владимира в Киеве, акад. (1918) ВУАН 214

Тюракуль, киргиз 69

Ульяна Ивановна, прислуга в доме Вернадских 47, 48

Умов Николай Алексеевич (1846–1915), физик, проф. Новороссийского (с 1875) и Моск. (с 1893) ун-тов, президент (с 1897) Моск. общ-ва испытателей природы 21

Успенская (ур. Ващенко) Надежда Эрастовна (1862–1942), жена Ф.И. Успенского 225, 230

Успенский Федор Иванович (1845–1928), историк-византист, чл.-корр. (1893), акад. (1900, история и древности русские), акад. (1916, история и политические науки) Императорской АН 39, 230

Ушинский Николай Григорьевич (1863–1934), доктор медицины, проф. Варшавского и Новороссийского ун-тов, проф. Таврического ун-та, друг В.И. Вернадского 97, 187, 189–194

Уэллс (Wells) Герберт Джордж (1846–1946), англ. писатель 261

Фабр (Fabre) Жан Анри (1823–1915), фр. энтомолог 100

Фаминцын Андрей Сергеевич (1835–1918), ботаник, физиолог растений, акад. (1891) Императорской АН 5, 56, 57, 172

Фаусёк 187

Федоров Николай Тихонович (1893–1959), физик, учен. секр. Моск. отделения КЕПС 168

Федорова Н.Т. 219, 220

Федоровский Николай Михайлович (1886–1956), минералог, чл.-корр. (1933) АН СССР 8, 79, 239

Ферсман Александр Евгеньевич (1883–1945), минералог, акад. (1919) Росс. АН, ученик и друг В.И. Вернадского 5, 8, 10, 11, 40, 45, 50–52, 59, 71, 72, 75, 78, 81, 88, 95–105, 109, 111, 164–169, 173, 174, 181, 183, 199, 217–219, 235, 236, 239–243, 250–252, 255–258, 273, 274

Ферсман (ур. Рожанская) Екатерина Матвеевна (1903–1980), вторая жена Ферсмана А.Е. 257, 258

Ферсман (ур. княжна Оболенская) Ольга Николаевна (1887–?), первая жена

Ферсмана А.Е. 171

Ферсманы 53, 54, 264, 267

Фесенков Василий Григорьевич (1889–1972), астроном, чл.-корр. (1927), акад. (1935) АН СССР 250

- Флаум Анатолий Яковлевич, в 1934 г. входил в состав "тройки" (В.П. Волгин, А.Я. Флаум, А.Ф. Кошелев), отвечающей за переезд учреждений Академии наук из Ленинграда в Москву 245
- Флоренский Кирилл Павлович (1915–1982), минералог, биогеохимик, планетолог, ученик В.И. Вернадского 253
- Фокин Анатолий Михайлович (1892–1979), историк, геолог, муж М.М. Любоцинской 232, 233, 236
- Фокин Сергей Михайлович 243–246
- Френкель Яков Ильич (1894–1952), физик-теоретик, чл.-корр. (1929) АН СССР 117
- Фридлиндер 64
- Фролов Дмитрий Матвеевич, архитектор, социалист-народник, член Полтавской городской управы, в 1919 г. член Харьковской городской управы 195
- Фромгольд Егор Егорович, врач 266–274
- Фрумкин Александр Наумович (1895–1976), акад. (1932) АН СССР 256
- Фурманн 38
- Харитон Юлий Борисович (1904–1996), физик, чл.-корр. (1946), акад. (1953) АН СССР 256
- Харичков Константин Васильевич (1865–1921), химик-органик 63
- Хесс (Hess F.V.) 9
- Хлопин Виталий Григорьевич (1890–1950), радиохимик, чл.-корр. (1933), акад. (1939) АН СССР, ученик В.И. Вернадского 199, 200, 223, 238, 241, 246, 251, 252, 256, 266, 271, 272
- Хмелевская Надежда 19
- Холлис (Hollis), врач больницы в Нью-Йорке 159
- Холодный Николай Григорьевич (1882–1953), ботаник и микробиолог, акад. (1929) ВУАН 226, 248
- Хрущов А.Г., кадет, товарищ министра финансов последнего состава Врем. прав-ва 45, 115
- Цейдлер 174
- Цейсс (Zeiss) Карл Фридрих, нем. оптик-механик 41
- Церетели А.Р. 261
- Цертелева-Кастариани 264
- Чаплыгин Сергей Алексеевич (1869–1942), чл.-корр. (1924) РАН, акад. (1929) АН СССР 115
- Челинцев Александр Николаевич (1874–1962), экономист-аграрник 114
- Черноярова (ур. Константинович) Екатерина Александровна (1863–1942), двоюродная сестра В.И. Вернадского 231, 242, 264
- Чернышев Борис Исидорович (1888–1950), палеонтолог, акад. (1919) ВУАН 98, 120, 127, 131, 141, 172, 248, 249
- Чернышев Феодосий Николаевич (1856–1914), геолог, палеонтолог, акад. (1909) Императорской АН 7, 9, 52, 56, 99, 171, 178, 192
- Чертков 181
- Чолокаев Николай Николаевич (1830–1920), обществ. деятель Моршанского уезда Тамбовской губернии, губернский предводитель дворянства (с 1891), чл. Гос. совета от земства (1906–1909) 115
- Шапошников Владимир Николаевич (1884–1968) 228
- Шаффе 56

Шахматов Мстислав Вячеславо-
вич (1888–1943), историк 54

Шаховская Анна Дмитриевна
(1889–1959), дочь Д.И. Шахов-
ского, личный секретарь
В.И. Вернадского с 1937 г., ос-
нователь и первый хранитель
(1953–1959) Мемориального
кабинета-музея В.И. Вернад-
ского в Москве в ГЕОХИ
РАН 242, 243, 247–256, 259,
261–267, 271–278

Шаховская Анна Николаевна 243

Шаховские 119, 243, 244

Шаховской Дмитрий Иванович
(1861–1939), князь, историк,
публицист, гос. и общ. дея-
тель, друг В.И. Вернадского
22, 23, 96, 97, 117–120, 164, 170,
171, 220–225, 232, 233, 239–
242, 270, 271

Шаховской Илья Дмитриевич 24

Шварц А.Н., министр народного
просвещения (1909–1910) 4,
20, 21, 56, 156

Шейбе 86

Шерер-Набгольц 41

Шик (ур. Шаховская) Наталья
Дмитриевна (1891–1942), дочь
Д.И. Шаховского 232, 233

Шик М.В. 233

Шилин Стефан Алексеевич 98,
107

Шрейдеры 33

Шубников Алексей Васильевич
(1887–1970), кристаллограф,
акад. (1953) АН СССР 265

Шувалов 145

Шуман Роберт (1810–1856), не-
мецкий композитор 172

Щедров Гаврила Павлович, слу-
житель Минер. каб. Моск. ун-
та 41, 59

Щербаков Дмитрий Иванович
(1893–1966), геолог, минера-
лог, чл.-корр. (1946), акад.
(1953) АН СССР, ученик
В.И. Вернадского 256

Эбергард 83, 86, 87

Эйхенвальд 92

Экскер, директор Радиевого ин-
та в Вене 53

Эпштейн Моисей Соломонович
(1890–1938), гос. деятель, уче-
ник Лебедева 129

Эрисманы 97

Юрбен (Urbain) Жорж (1872–
1938), фр. химик, чл.-корр.
(1925) АН СССР 43, 52, 86,
242

Яковенко Михаил Валентинович
215

Яковкин 242

Яковлев Федор Иванович 267–
269

Ярилов Арсений Арсеньевич
(1868–1948), почвовед 188, 224

Янсон 49

Ячевский Артур Артурович
(1863–1932), ботаник, мико-
лог, фитопатолог, чл.-корр.
(1923) РАН 56, 58

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3	Письмо № 827	60
Письмо № 788	18	Письмо № 828	61
Письмо № 789	18	Письмо № 829	61
Письмо № 790	19	Письмо № 830	63
Письмо № 791	21	Письмо № 831	64
Письмо № 792	23	Письмо № 832	66
Письмо № 793	24	Письмо № 833	67
Письмо № 794	25	Письмо № 834	68
Письмо № 795	26	Письмо № 835	68
Письмо № 796	27	Письмо № 836	71
Письмо № 797	27	Письмо № 837	72
Письмо № 798	27	Письмо № 838	74
Письмо № 799	29	Письмо № 839	74
Письмо № 800	29	Письмо № 840	75
Письмо № 801	31	Письмо № 841	76
Письмо № 802	32	Письмо № 842	77
Письмо № 803	34	Письмо № 843	78
Письмо № 804	35	Письмо № 844	78
Письмо № 805	36	Письмо № 845	79
Письмо № 806	39	Письмо № 846	81
Письмо № 807	40	Письмо № 847	82
Письмо № 808	40	Письмо № 848	83
Письмо № 809	41	Письмо № 849	84
Письмо № 810	42	Письмо № 850	86
Письмо № 811	43	Письмо № 851	87
Письмо № 812	44	Письмо № 852	88
Письмо № 813	45	Письмо № 853	89
Письмо № 814	46	Письмо № 854	91
Письмо № 815	47	Письмо № 855	91
Письмо № 816	48	Письмо № 856	92
Письмо № 817	50	Письмо № 857	93
Письмо № 818	51	Письмо № 858	94
Письмо № 819	52	Письмо № 859	95
Письмо № 820	53	Письмо № 860	96
Письмо № 821	54	Письмо № 861	97
Письмо № 822	55	Письмо № 862	99
Письмо № 823	56	Письмо № 863!.....	100
Письмо № 824	57	Письмо № 864	101
Письмо № 825	58	Письмо № 865	101
Письмо № 826	59	Письмо № 866	103

Письмо № 867	104	Письмо № 920	181
Письмо № 868	104	Письмо № 921	182
Письмо № 869	105	Письмо № 922	183
Письмо № 870	105	Письмо № 923	184
Письмо № 871	108	Письмо № 924	185
Письмо № 872	109	Письмо № 925	186
Письмо № 873	109	Письмо № 926	188
Письмо № 874	110	Письмо № 927	189
Письмо № 875	112	Письмо № 928	190
Письмо № 876	113	Письмо № 929	191
Письмо № 877	114	Письмо № 930	192
Письмо № 878	116	Письмо № 931	193
Письмо № 879	117	Письмо № 932	194
Письмо № 880	118	Письмо № 933	195
Письмо № 881	119	Письмо № 934	196
Письмо № 882	120	Письмо № 935	197
Письмо № 883	121	Письмо № 936	199
Письмо № 884	121	Письмо № 937	200
Письмо № 885	122	Письмо № 938	201
Письмо № 886	123	Письмо № 939	202
Письмо № 887	123	Письмо № 940	203
Письмо № 888	124	Письмо № 941	204
Письмо № 889	124	Письмо № 942	205
Письмо № 890	126	Письмо № 943	205
Письмо № 891	127	Письмо № 944	206
Письмо № 892	130	Письмо № 945	207
Письмо № 893	131	Письмо № 946	208
Письмо № 894	132	Письмо № 947	209
Письмо № 895	135	Письмо № 948	210
Письмо № 896	138	Письмо № 949	212
Письмо № 897	140	Письмо № 950	214
Письмо № 898	143	Письмо № 951	215
Письмо № 899	144	Письмо № 952	217
Письмо № 900	148	Письмо № 953	219
Письмо № 901	151	Письмо № 954	220
Письмо № 902	152	Письмо № 955	221
Письмо № 903	154	Письмо № 956	222
Письмо № 904	155	Письмо № 957	225
Письмо № 905	157	Письмо № 958	226
Письмо № 906	158	Письмо № 959	227
Письмо № 907	161	Письмо № 960	228
Письмо № 908	162	Письмо № 961	229
Письмо № 909	163	Письмо № 962	230
Письмо № 910	165	Письмо № 963	230
Письмо № 911	166	Письмо № 964	231
Письмо № 912	168	Письмо № 965	231
Письмо № 913	170	Письмо № 966	232
Письмо № 914	172	Письмо № 967	233
Письмо № 915	175	Письмо № 968	234
Письмо № 916	176	Письмо № 969	236
Письмо № 917	177	Письмо № 970	237
Письмо № 918	177	Письмо № 971	238
Письмо № 919	180	Письмо № 972	239

Письмо № 973	240	Письмо № 995	263
Письмо № 974	241	Письмо № 996	263
Письмо № 975	243	Письмо № 997	264
Письмо № 976	244	Письмо № 998	264
Письмо № 977	246	Письмо № 999	265
Письмо № 978	246	Письмо № 1000	266
Письмо № 979	248	Письмо № 1001	266
Письмо № 980	249	Письмо № 1002	267
Письмо № 981	249	Письмо № 1003	267
Письмо № 982	250	Письмо № 1004	268
Письмо № 983	251	Письмо № 1005	269
Письмо № 984	252	Письмо № 1006	270
Письмо № 985	254	Письмо № 1007	271
Письмо № 986	255	Письмо № 1008	272
Письмо № 987	256	Письмо № 1009	273
Письмо № 988	258	Письмо № 1010	273
Письмо № 989	258	Письмо № 1011	274
Письмо № 990	259	Письмо № 1012	275
Письмо № 991	260	Письмо № 1013	276
Письмо № 992	260	Письмо № 1014	277
Письмо № 993	261	Письмо № 1015	278
Письмо № 994	262	Указатель имен	279

Научное издание

ВЕРНАДСКИЙ Владимир Иванович
ПИСЬМА Н.Е. ВЕРНАДСКОЙ
1909–1940

Составители

Филиппова Надежда Владимировна,
Чесноков Вячеслав Степанович

Утверждено к печати
Ученым советом
Архива РАН

Зав. редакцией *Г.И. Чертова*
Редактор *В.С. Егорова*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректор *Е.Л. Сысоева*

Подписано к печати 26.10.2006
Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 19,0. Усл.кр.-отт. 19,3.
Уч.-изд.л. 19,7. Тип. зак. 4999

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП “Типография “Наука”
121099, Москва, Шубинский пер., 6

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА” РАН

Магазины “Книга-почтой”

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52 www.LitRAS.ru E-mail:
info@litras.ru

197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7«Б»; (код 812) 235-40-64

Магазины “Академкнига” с указанием букинистических отделов и “Книга-почтой”

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 (“Книга-почтой”);
(код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru

620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга-почтой”);
(код 3433) 50-10-03 kniga@sky.ru

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 (“Книга-почтой”);
(код 3952) 42-96-20 aknir@irlan.ru

660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45;
(код 3912) 27-03-90 akademkniga@krasmail.ru

220012 Минск, просп. Независимости, 72;
(код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52, 292-50-43
www.akademkniga.by

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00 akadkniga@nm.ru;
(Бук. отдел 125-30-38)

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; 932-74-79

127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96 (Бук. отдел)

117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; 334-72-98 akademkniga@naukaran.ru

101000 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4;
624-79-19 (Бук. отдел)

630091 Новосибирск, Красный проспект, 51;
(код 3832) 21-15-60 akademkniga@mail.ru

630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 (“Книга-почтой”);
(код 3833) 30-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru

142290 Пушкино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга-почтой”);
(код 277) 3-38-80

191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57;
(код 812) 272-36-65 ak@akbook.ru (Бук. отдел)

194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4; (код 812) 297-91-86

199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62

634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18;
(код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru

450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга-почтой”);
(код 3472) 24-47-62 akademkniga@ufacom.ru

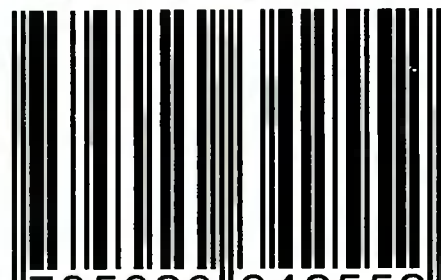
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: 241-03-09
www.LitRAS.ru
E-mail: info@litrass.ru
zakaz@litrass.ru
Склад, телефон 291-58-87
Факс 241-02-77

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: [initsiat @ naukaran.ru](mailto:initsiat@naukaran.ru)
www.naukaran.ru*

«Ни одно государство и общество не может относиться безразлично, как, каким путем, кем и когда будут использованы и изучены находящиеся в его владениях источники лучистой энергии... Для нас совсем не безразлично, кем они будут изучены. Они должны быть исследованы нами, русскими учеными... Теперь, когда человечество вступает в новый век лучистой-атомной энергии, — мы, а не другие должны выяснить, что хранит в себе в этом отношении почва нашей родной страны».

ISBN 5-02-034255-6

9 785020 342552 >